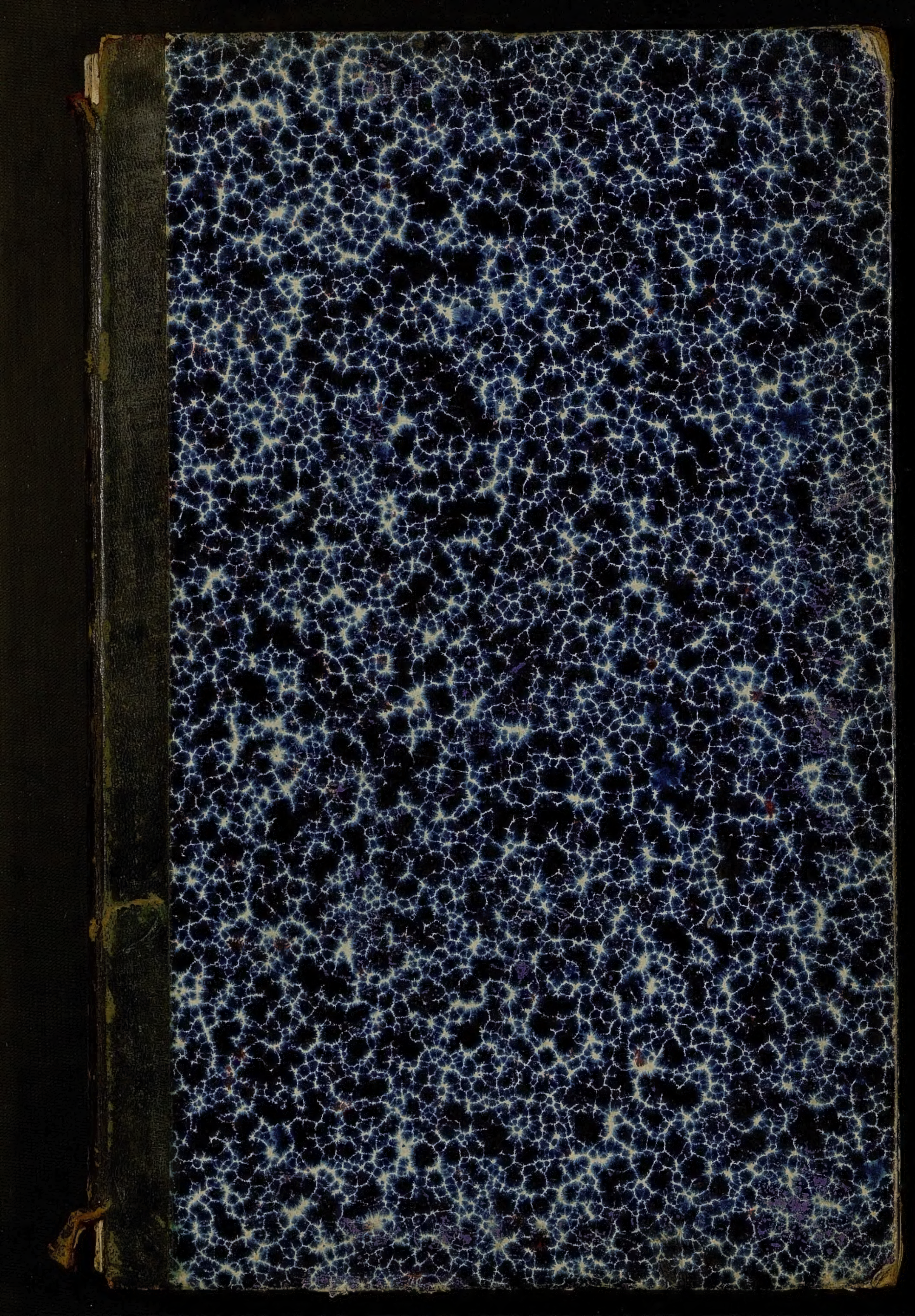


№ 2/XI 08.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIX-й. НОЯБРЬ. 1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе: портретъ Н. А. Римскаго-Корсакова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1908 года.

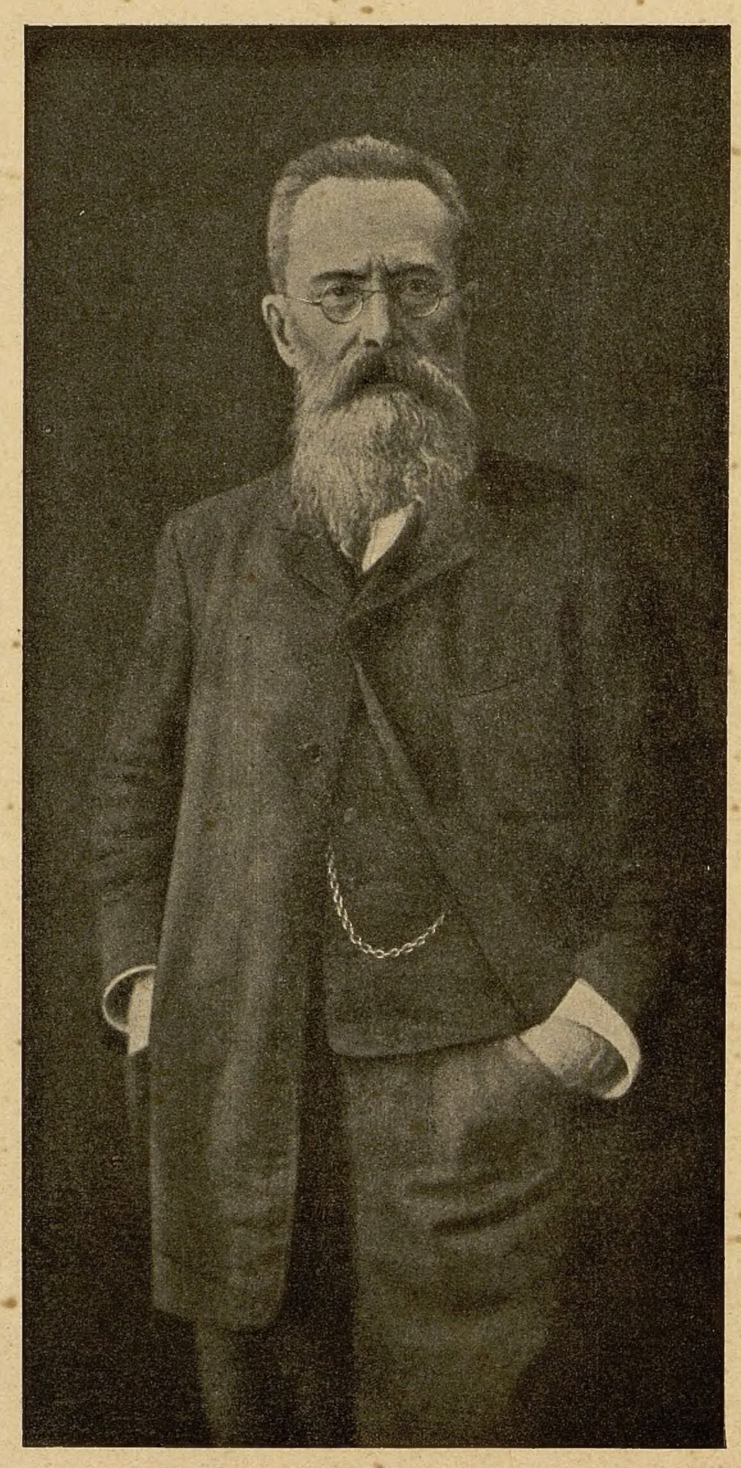
Библіографическій листокъ.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXIV. 1908 г.

Среди разсѣянныхъ тамъ и сямъ въ провинціи архивныхъ комиссій Саратовская комиссія, существующая уже двадцать лѣтъ, одна изъ самыхъ живыхъ и работящихъ. Дѣятельность этихъ скромныхъ учрежденій, положительно затерянныхъ въ океанѣ россійскаго обывательскаго равнодушія къ старинѣ, заслуживаетъ быть отмѣченной прежде всего хоть потому, что имъ приходится работать въ исключительно суровой и нерасполагающей обстановкѣ. Напримѣръ, Саратовская комиссія ухитряется существовать, еле перебиваясь—что называется „съ хлѣба на квасъ", что не помѣшало ей издать уже двадцать четыре выпуска своихъ трудовъ, спасти отъ уничтоженія десятки тысячъ архивныхъ дѣлъ и документовъ, сохранить много памятниковъ старины, собрать библіотеку въ восемь тысячъ томовъ, основать историко-археологическій музей. „Сочувствіе" же просвѣщеннаго общества выражается слѣдующимъ итогомъ, который печально подводитъ комиссія: „учрежденіе, у котораго нѣтъ средствъ даже на почтовыя марки и на уплату сторожамъ за мытье половъ, продолжать свое существованіе не можетъ, и вотъ передъ комиссіей встаетъ роковой вопросъ: быть или не быть?" На послѣдніе гроши отпечатанъ новый выпускъ „Трудовъ", изданіемъ котораго комиссія надѣется расшевелить соннаго обывателя. Въ культурномъ отношеніи нынѣшній Саратовъ, очевидно, не особенно далеко ушелъ отъ того глухого городишки Саратова, которымъ грозитъ своей дочери грибоѣдовскій герой. Нельзя читать безъ улыбки разсказъ объ одномъ пожертвованіи, доставшемся комиссіи послѣ долгихъ переговоровъ. Великодушнымъ жертвователемъ были уступлены двѣ рѣшительно ни на что не нужныя ему каменныя бабы, но за это онъ потребовалъ „золотую грамату", т. е. оффиціальную благодарность, отпечатанную „золотыми" буквами и въ позолоченной багетной рамкѣ. При такихъ условіяхъ работать очень трудно, но Саратовская комиссія трудится сколько можетъ. Въ ея послѣднемъ сборникѣ немало интереснаго матеріала по исторіи Поволжья. Особенно интересны статьи А. Минха о бытѣ саратовскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX-го, М. Соколова объ участіи духовенства астраханской епархіи въ пугачевскомъ бунтѣ, археологическія замѣтки г.г. Зайковскаго, Горизонтова и Чернова, записи народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Въ саратовскомъ краѣ до сихъ поръ поются историческія пѣсни о событіяхъ отъ временъ татарскаго ига до царствованія Александра II. Въ приложеніи данъ подробный указатель къ выпускамъ съ 1887 по 1903 г.г.

Новочеркассцы на двурогой сопкѣ. И. Побѣдоносцевъ. [С.-Петербургъ. 1908 г.

На основаніи оффиціальныхъ документовъ, японскихъ источниковъ, показаній нашихъ офицеровъ и разсказовъ нижнихъ чиновъ прекрасно, трогательно и очень скромно излагаетъ авторъ эпическій ночной бой Новочеркасскаго полка съ 23 баталіонами японцевъ, за которыми былъ расположенъ весь резервъ арміи генерала Нодзу. По тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ этихъ документовъ и показаній въ точности выяснено, что новочеркассцы, выдвинутые на двурогую сопку впереди фронта нашей арміи, оставленные безъ попеченія высшаго начальства и покинутые своими сосѣдями справа и слѣва съ полуночи 29 сентября 1904 г. до 6 часовъ утра доблестно выдерживали неравный бой съ японцами, атаковавшими этотъ полкъ съ фронта обоихъ фланговъ и даже съ тыла. Командующій арміей генералъ-адъютантъ Куропаткинъ утромъ 28 сентября не придавалъ особаго значенія занятію двурогой сопки и встрѣтивъ, направлявшихся туда 2 роты полка, сказалъ: *Тамъ двумъ ротамъ дѣлать нечего, туда довольно одной роты, другая пусть идетъ домой отдыхать*". Обратимся къ показаніямъ японцевъ.



Н. Римскій-Корсаковъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1909 годъ

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Въ послѣднихъ книжкахъ журнала за 1908 г. будутъ помѣщены:

А. Ф. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. Пирлингъ—„Восточная идея Поссевина“. А. Сергѣева—„Присяга Наполеону и моленіе за него въ Россіи въ 1812 году въ Могилевской епархіи.

~~~~~~~~

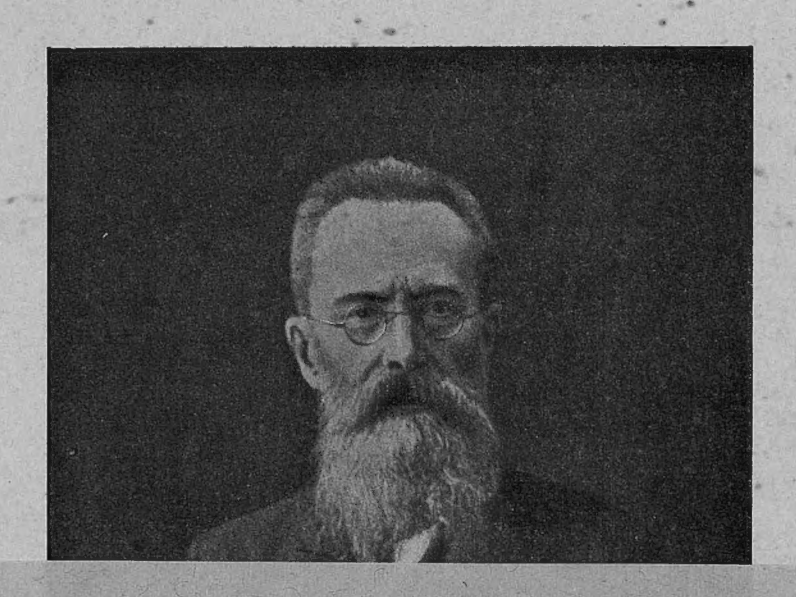
дневникомъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. К. Градовскаго**—«Изъ минувшаго». Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—«Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ». **М. В. Безобразовой**—«Дневникъ академика В. П. Безобразова». **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ». Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона**—«На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **П. Д. Зотова**—«Война за независимость славянъ 1877—1878 г.». **Бѣломора**—«Изъ Русско-Японской войны». **В. Ф. Руднева**—«На крейсерѣ Африка». **В. Д. Корсаковой** — «Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Драке**—«Въ Финляндіи». «Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ. Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ». Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Детлова**—«Въ походѣ и въ бою на Владимірѣ Мономахѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ». Воспоминанія **А. Ф. Петрушевскаго, Тургенева, Де-Сангленa, Веселовскаго, Никитина, Тихнева, Юдина, Семенова** и др.; воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.
~~~~~~~~





Н. Римскій-Корсаковъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, Г. П. Георгіевскаго, А. А. Голомбіевскаго, Г. К. Градовскаго, Н. М. Гутьяра, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцова, В. О. Ключевскаго, А. Ѳ. Кони, П. О. Лернера, П. М. Майкова, Н. Р. Овсянаго, П. Д. Паренсова, П. О. Пирлинга, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, С. К. Шамбинаго, А. И. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова, В. А. Францова и др.

Въ 1909 году будутъ напечатаны:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. М. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. К. Градовскаго**—«Изъ минувшаго». Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—«Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ». **М. В. Безобразовой**—«Дневникъ академика В. П. Безобразова». **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ». Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона**—«На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **П. Д. Зотова**—«Война за независимость славянъ 1877—1878 г.». **Бѣломора**—«Изъ Русско-Японской войны». **В. Ф. Руднева**—«На крейсерѣ Африка». **В. Д. Корсаковой** — «Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Драке**—«Въ Финляндіи». «Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ. Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ». Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Детлова**—«Въ походѣ и въ бою на Владимірѣ Мономахѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ». Воспоминанія **А. Ф. Петрушевскаго, Тургенева, Де-Санглена, Веселовскаго, Никитина, Тихнева, Юдина, Семенова** и др.; воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

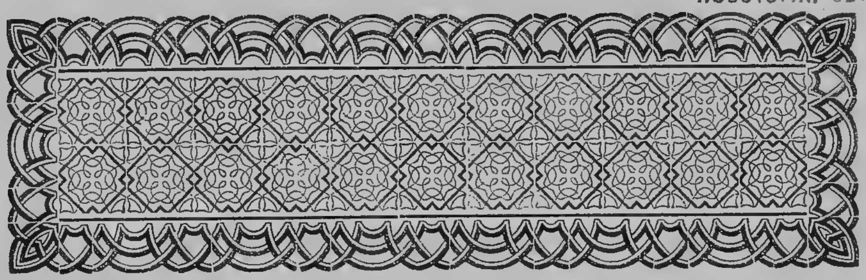
«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

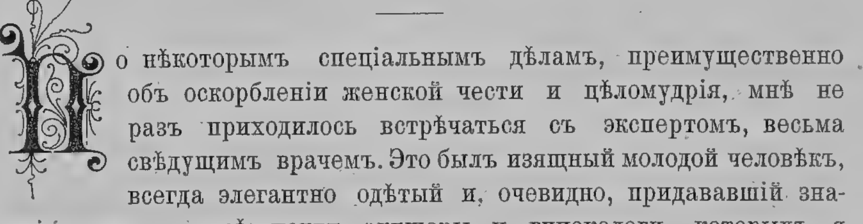
Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб.



Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля [1]).

V.

Изъ прокурорской службы.



По нѣкоторымъ спеціальнымъ дѣламъ, преимущественно объ оскорбленіи женской чести и цѣломудрія, мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ экспертомъ, весьма свѣдущимъ врачемъ. Это былъ изящный молодой человѣкъ, всегда элегантно одѣтый и, очевидно, придававшій значеніе, какъ и всѣ почти акушеры и гинекологи, которыхъ я зналъ, своей внѣшности. У него были холеныя руки, онъ всегда былъ красиво причесанъ и отъ него слегка пахло тонкими духами.

Однажды, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, курьеръ мнѣ доложилъ, въ моей камерѣ, что приходилъ этотъ экспертъ и настойчиво желалъ меня видѣть. „Они очень разстроены, прибавилъ курьеръ, и даже какъ будто не въ себѣ. Обѣщали придти опять“. И дѣйствительно, черезъ четверть часа онъ явился. Но Боже! въ какомъ видѣ: растрепанный, съ взъерошенною бородкою и торчащими вверхъ и внизъ усами, въ небрежно повязанномъ галстукѣ, въ косо сидящемъ сюртукѣ вслѣдствіе того, что онъ былъ застегнутъ на несоот-

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль, октябрь, декабрь 1907 г. и мартъ 1908 г.

вѣтствующія петлямъ пуговицы. Сюртукъ его былъ въ пуху, холеные ногти съ траурной каймой. Онъ былъ блѣденъ и дышалъ тяжело, глаза его блуждали и руки нервно дрожали. „Что съ вами?" воскликнулъ я невольно: „что случилось?" Онъ безсильно опустился въ кресло и сказалъ: „Ахъ, я такъ разстроенъ! со мною случилось ужасное несчастье: я сталъ жертвою негодяевъ и пришелъ къ вамъ искать помощи и защиты. Вотъ въ чемъ дѣло". И онъ, вздыхая и дѣлая длинныя паузы отъ волненія, продолжалъ: „я хотѣлъ купить билетъ внутренняго займа и для этого зашелъ третьяго дня въ мѣняльную лавку вблизи Гостинаго двора. Приказчикъ подалъ мнѣ нѣсколько билетовъ, и я, выбравъ наудачу одинъ, спросилъ, не вышелъ ли онъ, однако, въ тиражъ, на что приказчикъ отвѣчалъ отрицательно. Но я продолжалъ выражать сомнѣніе, и тогда хозяинъ лавки, находившійся на другомъ ея концѣ, сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: „мы не продаемъ вышедшихъ въ тиражъ билетовъ, а если вы, господинъ, сомнѣваетесь, то не лучше ли вамъ пойти въ другую лавку? А впрочемъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ приказчику,—подай имъ тиражныя таблицы: пусть сами удостовѣрятся". Я сталъ просматривать таблицы и, къ изумленію моему, увидѣлъ, что находившійся у меня въ рукахъ билетъ, плата за который уже лежала на прилавкѣ, но еще не была взята хозяиномъ, выигралъ 75.000. „Вотъ вы говорите, сказалъ я, что провѣряете таблицу, а между тѣмъ..."—„Ахъ, господинъ, перебилъ меня хозяинъ лавки, возьмите вы ваши деньги и пойдите въ другую лавку; право, вы только на сердце наводите".—„Да нѣтъ, сказалъ я, подавая ему билетъ и тиражную таблицу, посмотрите сами: мой билетъ вѣдь выигралъ 75.000".—Хозяинъ лавки вперилъ широкораскрытые глаза въ поданное ему, потомъ вдругъ поблѣднѣлъ, всплеснулъ руками и, закрывъ ими лицо, сталъ бормотать: „Господи, Господи! навожденіе, навожденіе". Когда онъ немного успокоился, я сказалъ ему, что не хочу пользоваться его несчастіемъ и не возьму этого билета, но надѣюсь, что онъ пойметъ, что я имѣю право на вознагражденіе и желаю объ этомъ нынѣ же условиться. „Какъ же-съ, какъ же-съ!" засуетился онъ,—„мы это вполнѣ понимаемъ, и вы отъ насъ въ обидѣ не останетесь. Только сейчасъ это никакъ не возможно: я очень разстроенъ, совсѣмъ даже сообразить ничего не могу; вы ужъ пожалуйте завтра утречкомъ: тогда обо всемъ и переговоримъ". И онъ заперъ билетъ въ конторку, а мнѣ выдали другой, на этотъ разъ уже тщательно провѣривъ таблицу. Это было вечеромъ, а вчера я два раза заходилъ въ лавку, но все не заставалъ въ ней хозяина и нашелъ его лишь въ третій разъ уже передъ обѣдомъ. Когда я сказалъ, что пришелъ по поводу би-

лета, онъ взглянулъ на меня вопросительно, а потомъ, какъ будто что-то припомнивъ, сказалъ: „ахъ, да-съ! какъ же-съ! у насъ приготовлено. Вотъ-съ", и подалъ мнѣ конвертъ. Въ немъ было *триста рублей*. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову отъ этой наглости. „Какъ! триста рублей? за семьдесятъ пять тысячъ? Да вѣдь мнѣ слѣдуетъ половина!" —„На какомъ основаніи?" дерзко спросилъ мѣняла:— „развѣ я эти деньги обронилъ, а вы ихъ нашли?"—Я бросилъ этотъ пакетъ ему чуть не въ лицо и громко крикнулъ ему, что это подлость. Но онъ спокойно подобралъ выпавшія изъ пакета бумажки и сказалъ мнѣ: „ругаться вы не имѣете права, да и требовать отъ меня ничего не можете, а не хотите брать эти деньги, такъ вамъ же хуже. И о какомъ билетѣ вы говорите, я не знаю, а въ книгахъ у насъ записана вамъ продажа билета, и вы его получили".—Я вышелъ отъ него взбѣшенный и имъ, и своею поспѣшностью: чортъ меня дернулъ отдавать ему выигравшій билетъ! Вѣдь они номеровъ не записываютъ, да и не знали бы, что билетъ выигралъ 75.000, такъ какъ уже проморгали его въ таблицѣ. Но я хотѣлъ поступить съ этими скотами, какъ благородный человѣкъ, и вотъ результатъ! Вѣдь это мошенничество! дневной грабежъ! вѣдь разъ я выбралъ этотъ билетъ и отдалъ за него деньги—онъ мой! не такъ ли? Вѣдь меня ограбили! Я такъ этимъ возмущенъ, что не спалъ всю ночь. Я зашелъ туда вечеромъ опять и сказалъ, что я обращусь къ прокурору, но это не подѣйствовало. Я думаю, что этихъ мошенниковъ приведетъ въ разсудокъ лишь ваше распоряженіе о производствѣ слѣдствія, и они увидятъ, что съ ними не шутятъ". И глаза его остановились на мнѣ чуть не съ мольбою. Изъ-за изящнаго врача и ученаго вдругъ выглянулъ, быть можетъ, неожиданно для него самого, человѣкъ, въ которомъ проснулись алчные инстинкты, какъ въ прирученномъ звѣрѣ, лизнувшемъ крови, т. е. въ данномъ случаѣ денегъ.

„Я не могу начать никакого слѣдствія,—сказалъ я—сдѣлка не была окончена, да и во всякомъ случаѣ не дѣйствительна, такъ какъ хозяинъ дѣйствовалъ въ заблужденіи, воспользоваться которымъ вы же сами, въ первомъ порывѣ, считали невозможнымъ. Конечно, онъ могъ бы вамъ предложить гораздо большее вознагражденіе и поступилъ съ вами, предлагая триста рублей, довольно некрасиво, но преступленія здѣсь нѣтъ, и, пожалуй, если бы вы утаили отъ него ваше открытіе и воспользовались билетомъ, онъ имѣлъ бы большее, чѣмъ вы, основаніе обращаться къ уголовному суду".—„Неужели все потеряно?—сокрушенно говорилъ мой посѣтитель,—неужели нельзя мнѣ помочь?"—Онъ былъ просто жалокъ, и становилось очевиднымъ, что онъ провелъ тяжкій день и еще

болѣе тяжкую безсонную ночь въ состояніи отчаянія отъ пролетѣвшихъ мимо его кармана семидесяти пяти или во всякомъ случаѣ многихъ тысячъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ молодой, полный энергіи и не только не нуждавшійся, но имѣвшій прекрасную практику.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня колеблющеюся походкой, растерянный и печальный, мнѣ доложили, что пришелъ владѣлецъ мѣняльной лавки и проситъ его принять. Типическій скопецъ, уже немолодой, объяснилъ мнѣ, что проситъ сообщить ему, справедлива ли угроза „господина доктора“ о возбужденіи имъ противъ него обвиненія въ мошенничествѣ и можно ли такое дѣло прекратить миромъ. Я сказалъ ему, что упомянутое имъ лицо дѣйствительно было у меня, но въ сообщенныхъ имъ данныхъ я не вижу признаковъ преступленія, а по вопросу о томъ, достаточно ли вознагражденъ онъ за свой поступокъ, не считаю нужнымъ высказаться. „Да вѣдь помилуйте, господинъ прокуроръ“, замѣтилъ скопецъ своимъ бабьимъ голосомъ, „вѣдь господинъ докторъ все о благородствѣ своемъ говорили, такъ вѣдь это самое благородство оцѣнивать на деньги никакъ не возможно. Впрочемъ, если *вы* изволите сказать, что предложено было мало, такъ я готовъ сотенки двѣ накинуть для ихъ... благородства за то, что они мой выигрышъ себѣ не присвоили. Прикажите накинуть?“ Я отвѣчалъ, что это до меня не касается, и больше не встрѣчалъ въ жизни ни того, ни другого.

Въ началѣ марта 1874 года въ одной изъ второстепенныхъ и давно уже не существующихъ петербургскихъ газетъ появилась передовая статья на тему о безнравственныхъ проявленіяхъ общественной жизни въ Петербургѣ. Въ ней говорилось, главнымъ образомъ, о развитіи въ Петербургѣ азартной игры, въ роскошные пріюты для которой заманивается свѣтская молодежь, разоряемая и обираемая самымъ безсовѣстнымъ образомъ. „Игорные дома процвѣтаютъ въ столицѣ,—говорилось въ статьѣ,—и безопасно раскинули свои сѣти чуть не на всѣхъ перекресткахъ главныхъ улицъ; мы могли бы указать не меньше, какъ на десятокъ такихъ полезныхъ заведеній, а между тѣмъ нашъ прокурорскій надзоръ не только бездѣйствуетъ, но и поощряетъ этимъ бездѣйствіемъ дальнѣйшее развитіе и распространеніе этихъ ядовитыхъ грибовъ современной и, къ сожалѣнію, повидимому совершенно безопасной предпріимчивости. Слѣдовало бы прокурорскому надзору не быть слѣпымъ и глухимъ по

отношенію къ такому явленію, которое всѣ видятъ и о которомъ всѣ слышатъ“ и т. д.

Обвинительный характеръ этой статьи и указаніе на существованіе ряда игорныхъ домовъ побудили меня поручить секретарю при прокурорѣ окружного суда К. И. Масленникову посѣтить редакцію газеты и спросить, обладаетъ ли она фактическимъ матеріаломъ въ подтвержденіе сообщенныхъ ею данныхъ и не пожелаетъ ли она подѣлиться послѣдними съ прокурорскимъ надзоромъ, который она такъ изобличаетъ въ бездѣйствіи. Отвѣтъ былъ данъ очень неопредѣленный, но дня черезъ два мнѣ подали въ моей камерѣ карточку отвѣтственнаго редактора газеты. Ни въ манерѣ этого господина выражаться, ни въ его внѣшнихъ пріемахъ не было ничего, что давало бы поводъ видѣть въ немъ журналиста по призванію или по долголѣтней профессіи. Съ первыхъ же его словъ я увидѣлъ, что это человѣкъ, чуждый литературѣ и ея истиннымъ интересамъ и „примазавшійся“ къ ней изъ личныхъ расчетовъ или, быть можетъ, нанятый въ качествѣ Strohredactor'а для отвѣта по искамъ о клеветѣ и диффамаціи въ печати. Впадая то въ таинственный, то въ фамильярный тонъ,—поглядывая на меня съ „безпокойной ласковостью взгляда“,—онъ повѣдалъ мнѣ, что свѣдѣнія объ игорныхъ домахъ составляютъ секретъ редакціи. „Такимъ образомъ,—сказалъ я ему,—вы обвиняете прокуратуру въ бездѣйствіи и призываете ее къ исполненію своего долга и въ то же время отказываете ей въ необходимыхъ свѣдѣніяхъ для борьбы съ указаннымъ вами зломъ. Это, конечно, дѣло ваше, но, въ виду статьи въ вашей газетѣ, я вынужденъ буду поручить начальнику сыскной полиціи произвести самое тщательное дознаніе объ игорныхъ домахъ въ Петербургѣ и, если ваши утвержденія не подтвердятся, я долженъ буду, защищая ввѣренную мнѣ прокуратуру отъ несправедливыхъ обвиненій въ явномъ бездѣйствіи власти, въ свою очередь возбудить вопросъ о распространеніи вами ложныхъ слуховъ“. Мой посѣтитель смѣшался и, промямливъ о затруднительности для редакціи провѣрять всѣ доходящіе до нея слухи, неожиданно объявилъ мнѣ, что въ сущности не располагаетъ никакими точными свѣдѣніями объ игорныхъ домахъ въ Петербургѣ, а допустилъ напечатаніе статьи лишь потому, что повѣрилъ сообщенію кого-то изъ своихъ знакомыхъ о дошедшемъ до послѣдняго слухѣ о томъ, что будто бы въ Петербургѣ существуетъ нѣсколько игорныхъ домовъ. На мое заявленіе, что я во всякомъ случаѣ поручу произвести дознаніе, онъ сталъ увѣрять меня, что дознаніе ничего не откроетъ, такъ какъ теперь онъ и самъ убѣдился, что допустилъ ввести читателей въ обманъ ложными сообщеніями о несуществую-

щемъ явленіи, „но зато,—прибавилъ онъ таинственно и понижая голосъ,—я могу сослужить прокуратурѣ службу уже совершенно достовѣрными сообщеніями о дѣлѣ, которое будетъ поважнѣе, чѣмъ игорные дома. Видите ли,—продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ,—я издавна вхожъ въ домъ однихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ ихъ семьѣ довольно много молодежи, посѣщаемой товарищами и однолѣтками. Мнѣ часто приходится присутствовать при ихъ разговорахъ, при чемъ они меня не стѣсняются и выкладываютъ все напрямикъ. Такъ я вамъ скажу, у нихъ такіе взгляды и убѣжденія, что они всякихъ соціалистовъ и нигилистовъ за поясъ заткнутъ. Теперь, какъ я слышалъ, производится большое дѣло о „распространеніи пропаганды“ (sic!) въ 30 губерніяхъ, такъ было бы очень полезно обратить вниманіе на эту молодежь и, въ случаѣ чего, поприжать ей хвостъ. Они вѣдь, повторяю, со мной откровенны и книжки мнѣ показываютъ, которыя читаютъ, такъ что я могу дать, конечно, *по секрету*, много полезныхъ указаній. У меня и фотографическія карточки почти всѣхъ ихъ есть, а нѣкоторыя даже съ надписями“. И, ласково заглядывая мнѣ въ глаза, онъ вытащилъ изъ бокового кармана сюртука пакетъ и сталъ вынимать изъ него фотографическія карточки. Но я остановилъ этого господина, объяснивъ ему кратко и вразумительно, что со своимъ предложеніемъ онъ ошибся адресомъ, и что онъ могъ бы обратиться въ какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ, быть можетъ, не побрезгаютъ его услугами по предательскому искорененію превратныхъ идей въ средѣ довѣрившагося ему семейства „старыхъ и близкихъ“ знакомыхъ. Онъ принялъ обиженный видъ, торопливо спряталъ карточки, пробормоталъ: „какъ вамъ угодно“... и мы разстались.

На другой день я пригласилъ къ себѣ начальника сыскной полиціи И. Д. Путилина и поручилъ ему произвести самое тщательное дознаніе объ игорныхъ домахъ. Онъ доставилъ мнѣ его черезъ недѣлю. Оказалось, что въ Петербургѣ дѣйствительно существуетъ домъ, гдѣ происходитъ азартная игра въ рулетку на большія суммы и при наличности всѣхъ необходимыхъ по закону аттрибутовъ игорнаго дома, т. е. куда возможенъ доступъ незнакомымъ съ хозяиномъ квартиры, гдѣ организованъ размѣнъ денегъ, облегчающій игру, и гдѣ есть особый крупье или, какъ его называетъ нашъ законъ, счетчикъ. Устроителемъ и содержателемъ этого дома оказался штабъ-ротмистръ Колеминъ, а счетчикомъ—отставной поручикъ Тебеньковъ. Представляя дознаніе, Путилинъ далъ мнѣ понять, что на содѣйствіе мѣстной общей полиціи для обнаруженія этого игорнаго дома разсчитывать трудно: одни могутъ быть заинте-

ресованы въ его существованіи матеріально, другіе же боятся отвѣтственности за несвоевременное донесеніе объ этомъ существованіи. Сознавая, что по самому характеру своего устройства типическій игорный домъ можетъ быть доказательно установленъ лишь во время игры въ немъ, я рѣшился воспользоваться закономъ 18 мая 1871 года, по которому прокурорскому надзору было предоставлено прибѣгать къ содѣйствію жандармской полиціи и по общимъ, а не только по политическимъ преступленіямъ. Я пригласилъ къ себѣ на квартиру въ 11 ч. вечера 14 марта товарища прокурора Маркова, о которомъ я уже упоминалъ въ воспоминаніяхъ о дѣлѣ Овсянникова, и мѣстнаго судебнаго слѣдователя, съ которымъ уже заранѣе условился, и, давъ послѣднему письменное предложеніе и планъ квартиры Колемина, доставленный мнѣ Путилинымъ, просилъ ихъ обоихъ немедленно отправиться съ командированными въ ихъ распоряженіе жандармскими чинами къ Колемину, захвативъ съ собою по дорогѣ мѣстнаго участковаго пристава. По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, игра у Колемина происходила по понедѣльникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ и начиналась около 10 часовъ, при чемъ главные посѣтители пріѣзжали обыкновенно послѣ театра, и всѣмъ присутствующимъ подавался роскошный ужинъ съ дорогими винами.

Поставивъ стражу у парадныхъ дверей квартиры и установивъ надзоръ за швейцаромъ, лица, уѣхавшія отъ меня, вошли съ чернаго хода и, принявъ мѣры, чтобы прислуга, которую застали при благодушномъ чаепитіи, не могла поднять тревоги, прошли черезъ рядъ комнатъ и вошли въ ярко освѣщенную залу въ тотъ моментъ, когда Колеминъ, обращаясь къ сидѣвшимъ за длиннымъ столомъ съ рулеткой гостямъ, воскликнулъ: „Messieurs, faites votre jeu!“ Всѣ были такъ увлечены, что даже не замѣтили вошедшихъ и только обращенныя къ Колемину слова Маркова: „позвольте васъ остановить“, вывели изъ безоглядной напряженности этихъ людей, „знобимыхъ—по выраженію Пушкина—стяжанія лихорадкой“. Всѣ вскочили съ мѣстъ, и большинство, побросавъ лежавшія передъ ними деньги, бросилось бѣжать въ переднюю, чтобъ тщетно попытаться уйти. А между тѣмъ среди нихъ было нѣсколько лицъ титулованныхъ и съ довольно виднымъ общественнымъ положеніемъ и даже одинъ дипломатическій представитель одной изъ второстепенныхъ державъ. Во время составленія полицейскаго протокола нѣкоторые изъ нихъ заявили, что состоятъ близкими знакомыми хозяина, но лишь двухъ изъ 14 человѣкъ Колеминъ могъ назвать по имени и отчеству, а большую часть фамилій перепуталъ. Двое изъ гостей, очевидно, не сознавая, какую

улику они даютъ противъ него, растерянно спросили Колемина, слѣдуетъ ли имъ платить за роскошный ужинъ à la fourchette, накрытый въ сосѣдней комнатѣ, а губернскій предводитель дворянства одной изъ внутреннихъ губерній сталъ увѣрять, что попалъ сюда по недоразумѣнію, ошибшись квартирой, и отказывался взять лежавшую передъ нимъ кучку несомнѣнно ему принадлежавшихъ полуимперіаловъ. По составленіи протокола „гости“ отправились по домамъ, и начался осмотръ квартиры, при чемъ, кромѣ бывшей въ дѣйствіи рулетки, было обнаружено еще восемь различной величины рулетокъ и найдены четыре приходо - расходныя счетныя книги, въ которыхъ рукою Колемина, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ бухгалтеріи, отмѣчались операціи его заведенія. Во время этого осмотра, почти до 3 часовъ ночи, у парадныхъ дверей много разъ раздавались звонки новыхъ посѣтителей, предупреждать которыхъ швейцару было воспрещено. Только войдя въ переднюю, они узнавали, въ чемъ дѣло, и спѣшили сконфуженно отретироваться.

Все это, въ четвертомъ часу ночи, лично сообщилъ мнѣ Марковъ, привезшій актъ осмотра и копію постановленія слѣдователя о приступѣ къ слѣдствію и о привлеченіи Колемина въ качествѣ обвиняемаго въ устройствѣ игорнаго дома. Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія... Но, просматривая протоколъ, я не нашелъ въ немъ фамиліи Тебенькова, и на мой вопросъ по этому поводу, Марковъ сказалъ мнѣ, что Тебеньковъ на этотъ разъ отсутствовалъ по болѣзни, а роль крупье исполнялъ самъ Колеминъ. Это обстоятельство заставило меня сильно встревожиться. Всѣ признаки игорнаго дома были на лицо, но дѣло въ томъ, что Колеминъ находился на дѣйствительной военной службѣ, а по закону дѣла о преступленіяхъ воинскихъ чиновъ подсудны суду гражданскаго вѣдомства—и слѣдовательно, могутъ быть возбуждены прокуроромъ окружного суда—лишь въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ военными, въ качествѣ пособниковъ или сообщниковъ, участвуютъ лица гражданскія. На удостовѣренное мнѣ Путилинымъ постоянное пребываніе у Колемина при игрѣ, въ качествѣ крупье (т. е. пособника), отставного офицера Тебенькова я и разсчитывалъ твердо, и, вдругъ его-то, какъ нарочно, и не оказалось! Такимъ образомъ выходило, что я возбудилъ дѣло, окружному суду не подсудное, и, слѣдовательно, превысилъ свою власть. Это было чревато разнаго рода жалобами и протестами со стороны не только обвиняемаго, но и военныхъ властей.

Я рѣшился пойти навстрѣчу опасности и утромъ послалъ въ собственныя руки военнаго министра, Дмитрія Алексѣевича Ми-

лютина, письмо съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ привлеченія Колемина. Результатъ былъ совершенно неожиданный. Случилось такъ, что Милютинъ въ это же утро ѣхалъ съ докладомъ къ Императору Александру II. Онъ доложилъ о существѣ упадавшаго на Колемина обвиненія и о крайней неблаговидности появленія на скамьѣ подсудимыхъ гвардейскаго офицера, устроившаго себѣ такой постыдный заработокъ. Государь приказалъ считать Колемина уволеннымъ отъ службы съ того дня, вечеромъ котораго у него былъ обнаруженъ игорный домъ. Такимъ образомъ сама собою возстановилась подсудность этого дѣла гражданскому суду, временно мною нарушенная.

По закону (ст. 990 улож. о наказ.) Колеминъ, въ случаѣ осужденія его за устройство игорнаго дома, подлежалъ штрафу до трехъ тысячъ рублей, но, въ виду того, что по книгамъ его значился выигрышъ въ размѣрѣ 49.500 руб. за одни лишь послѣдніе мѣсяцы до обнаруженія его игорнаго дома, такое наказаніе, очевидно, было лишено и карательной, и предупредительной силы. Онъ могъ, подобно одному изъ героевъ Островскаго, сказать: „при нашемъ капиталѣ это всегда возможно“, и, обставивъ свою дѣятельность бо́льшими предосторожностями, продолжать ее впредь до новаго штрафа. Эти 49 тысячъ были пріобрѣтены несомнѣнно преступнымъ образомъ въ заманчиво устроенномъ и роскошно обставленномъ притонѣ. Но вещи, пріобрѣтенныя преступленіемъ, согласно 512 ст. полицейскаго устава, возвращаются тѣмъ, у кого они взяты, а если хозяевъ не окажется, то вещи продаются, и вырученная сумма поступаетъ на улучшеніе мѣстъ заключенія. Я рѣшился примѣнить эту статью къ Колемину, „дабы и другимъ, на него глядючи, не повадно было такъ дѣлать“, и предложилъ наложить въ этомъ размѣрѣ арестъ на деньги Колемина, находившіяся на храненіи въ Волжско-Камскомъ банкѣ, съ тѣмъ, чтобы та сумма, которая не будетъ востребована проигравшимися у него лицами, была обращена въ пользу колоніи и пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ въ окрестностяхъ Петербурга. Судебный слѣдователь и Окружный судъ согласились съ такимъ моимъ взглядомъ, и арестъ былъ наложенъ.

Это произвело чрезвычайный переполохъ въ кругу петербургскихъ игроковъ и вызвало массу толковъ самаго фантастическаго содержанія. Стали разсказывать, что я заваленъ просьбами отъ когда-либо и что-либо проигравшихъ о возвращеніи имъ ихъ денегъ, и что я намѣренъ привлечь къ суду всѣхъ лицъ, извѣстныхъ крупными карточными выигрышами, и въ томъ числѣ нѣ-

сколькихъ видныхъ и вліятельныхъ членовъ англійскаго клуба, носившихъ имена, громкія не въ одной оффиціальной области. Все это были нелѣпыя и невѣжественныя съ юридической точки зрѣнія измышленія, но по дѣлу Колемина, дѣйствительно, поступило два или три заявленія о принадлежности подавшимъ ихъ оставшихся въ ночь на 15 марта на игорномъ столѣ денегъ. Нечего и говорить, что пріятели и единомышленники Колемина были приведены моими „мѣропріятіями“ въ крайнее негодованіе, раздѣляемое и многими завсегдатаями тѣхъ клубовъ, гдѣ велась крупная игра. Какъ это часто бываетъ у насъ, люди, весьма беззаботные по части своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, едва дѣло коснулось одного изъ близкихъ къ нимъ по духу рыцарей легкой наживы, стали вопить чуть не о нарушеніи мною священной неприкосновенности домашняго очага.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ въ камеру пришелъ въ сопровожденіи молодого человѣка видный сановникъ, причастный вмѣстѣ съ тѣмъ къ литературѣ. Высказавъ мнѣ свой взглядъ на содержаніе игорнаго дома, какъ на дѣло совершенно домашнее и никого не касающееся, кромѣ посѣтителей, которые „вѣдь не маленькіе и понимаютъ, что дѣлаютъ“, онъ просилъ меня заступиться за „бѣднаго“ Колемина, съ которымъ судъ, наложившій арестъ на деньги, поступилъ возмутительно и по-грабительски, какъ не поступаютъ съ порядочными людьми. При этомъ онъ прибавилъ, что не обращается къ министру юстиціи только въ увѣренности, что я его пойму и сдѣлаю такъ, чтобы судъ отдалъ деньги назадъ. „Вы ошибаетесь, сказалъ я,—я васъ не понимаю, такъ какъ не могу себѣ представить, чтобы человѣкъ, носящій ваше званіе и притомъ писатель, могъ не сознавать преступности содержанія игорнаго дома. А въ судѣ помочь не могу: вы, очевидно, не знаете, что „возмутительный“ арестъ на деньги наложенъ по моему предложенію. Считать это законное распоряженіе суда грабежомъ (не говоря уже о неумѣстности этого выраженія) такъ же основательно, какъ и называть Колемина порядочнымъ человѣкомъ, забывая, что слово „грабежъ“ скорѣе всего должно быть отнесено къ нему“. Приведенный сановникомъ молодой человѣкъ, котораго я считалъ за кого-либо изъ многочисленныхъ родственниковъ перваго изъ нихъ, въ видимомъ смущеніи быстро всталъ со стула и густо покраснѣлъ. „Ахъ, помилуйте, что вы, что вы?“ забормоталъ мой чиновный посѣтитель,—„это ему обидно. Позвольте вамъ представить его — это Колеминъ“.—„Вы слишкомъ поздно это дѣлаете, – замѣтилъ я,—и приведя ко мнѣ господина Колемина безъ предупрежденія меня о томъ и безъ моего разрѣшенія, вы повинны передъ нимъ въ томъ,

что ему пришлось выслушать рѣзкій о себѣ отзывъ. Бесѣда наша кончена, и я васъ, господа, не удерживаю".—„Вы разбили карьеру молодого человѣка", съ паѳосомъ сказалъ мнѣ, уходя, глубоко обиженный сановникъ. „Игорную?"—отвѣтилъ я ему вопросительно. Но онъ только махнулъ рукой, очевидно убѣдившись въ невозможности добиться правосудія.

Колеминъ былъ присужденъ окружнымъ судомъ къ двумъ тысячамъ рублей штрафа, а съ деньгами, арестованными у него, опредѣлено было поступить по 512 ст. полицейскаго устава.

„Qui a bu -boira!". Колеминъ переселился во Францію, а затѣмъ въ Испанію и тамъ по слухамъ продолжалъ нѣкоторое время свою дѣятельность въ С.-Себастьянѣ.

Перейдя въ Петербургъ изъ Казани, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, я нашелъ въ производствѣ у слѣдователя одно изъ тѣхъ мрачныхъ дѣлъ, про которыя можно сказать словами знаменитаго Tardieu: c'est ici que l'on désespère de l'humanité.

Въ Петербургѣ жило семейство чиновника N. N., состоявшее изъ родителей, двухъ дочерей, замѣчательныхъ красавицъ, и забулдыги—брата. Старшая дочь была замужемъ тоже за чиновникомъ, но не жила съ нимъ. Семейство познакомилось съ богатымъ банкиромъ, который среди петербургскихъ развратниковъ слылъ за особаго любителя и цѣнителя молодыхъ дѣвушекъ, сохранившихъ внѣшніе признаки дѣвства, за право разрушенія которыхъ старый и безобразный торговецъ деньгами платилъ большія суммы. Почтенная семья рѣшила представить ему старшую дочь въ качествѣ дѣвственницы и, повидимому, получила кое-что авансомъ. Но кѣмъ-то предупрежденный о готовившемся обманѣ, банкиръ потребовалъ точнаго исполненія условленнаго, грозя какими-то имѣвшимися у него компрометтирующими родителей подложной дѣвственницы документами. Тогда вся семья, за исключеніемъ младшей дочери Надежды, рѣшилась принести ее въ жертву современному Минотавру, при чемъ старшая сестра ея играла самую активную роль и была посредницей въ переговорахъ, выговоривъ себѣ за это часть изъ общаго вознагражденія. Но несчастная Надежда N. N., которой только-что минуло 19 лѣтъ, приходила въ ужасъ отъ той роли, на которую ее обрекала развращенная семья. Кромѣ того, она была влюблена, хотя безъ доказательствъ взаимности, въ красавца-офицера лейбъ-гвардіи Казачьяго полка. Понадобились просьбы, слезы, настоянія и всякаго рода психическое принужденіе и давленіе, чтобы побудить ее, наконецъ, согласиться отдаться въ опыт-

ныя и жадныя объятія старой обезьяны. Для этого назначенъ былъ и день, въ который сестра должна была пріѣхать съ нею къ банкиру и затѣмъ, послѣ роскошнаго ужина, оставить ихъ вдвоемъ.

Но произошло нѣчто неожиданное.

Наканунѣ своего жертвоприношенія Надежда N. N. написала письмо любимому человѣку въ казармы, въ которомъ просила пріѣхать отобѣдать съ нею въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Около 5 часовъ дня она явилась въ этотъ ресторанъ, взяла отдѣльный кабинетъ, заказала обѣдъ на двоихъ и приказала заморозить бутылку шампанскаго. Но ожидаемый сотрапезникъ не пріѣхалъ. Прождавъ его до 9 часовъ вечера, не дотрогиваясь до обѣда, но выпивъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, Надежда N. N. уѣхала. Около 11 часовъ вечера она явилась въ казачьи гвардейскія казармы, гдѣ пожелала видѣть своего знакомаго, но его не было дома, и она, весело поболтавъ съ тремя его товарищами, удалилась, сказавъ, что отправляется домой. На этомъ слѣдъ ея потерялся. Въ 6 ч. утра (дѣло было лѣтомъ) какая-то дама, растрепанная и шатавшаяся, наняла на Знаменской площади извозчика и, подъѣхавъ къ дому, гдѣ жило семейство N. N., дала извозчику полуимперіалъ, а на выраженное имъ недоумѣніе, махнула рукой и вошла въ подъѣздъ. Это была Надежда N. N. Она быстро прошла черезъ комнату спавшаго брата, потревоживъ его своимъ появленіемъ и тѣмъ, что чего-то искала въ комнатѣ, ничего не отвѣтивъ на его вопросъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ ея комнатѣ раздался выстрѣлъ. Пуля прошла снизу вверхъ, не задѣвъ сердца, но произведя жестокое поврежденіе спинного мозга, выразившееся въ быстромъ нарастаніи паралича верхнихъ конечностей и языка. Понесшая убытокъ благородная семья (—„а счастье было такъ близко, такъ возможно!"—) не дала, однако, знать полиціи, а пригласила находившагося въ близкихъ отношеніяхъ со старшею сестрою доктора медицины, преподававшаго студентамъ Медико-Хирургической академіи и извѣстнаго нѣкоторыми научными работами. Онъ подавалъ первую помощь несчастной дѣвушкѣ, покуда она еще владѣла рѣчью, но когда, черезъ нѣсколько часовъ, она уже не могла владѣть ни руками, ни языкомъ, было дано знать полицейскому врачу, который нашелъ Надежду N. N. въ ужасномъ положеніи. Она не могла говорить и двигать руками, лицо ея выражало жесточайшее страданіе, а когда врачъ, осматривая рану, обратилъ вниманіе на ея половые органы, то нашелъ, что они находятся въ такомъ состояніи воспаленія и даже омертвѣнія, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что она сдѣлалась жертвою, вѣ-

роятно, нѣсколькихъ человѣкъ, лишившихъ ее невинности и обладавшихъ ею послѣдовательно много разъ. Никакихъ знаковъ насилія, однако, на ея тѣлѣ найдено не было. Несчастная прострадала нѣсколько дней, на разспросы полиціи и слѣдователя отвѣчала лишь слезами и стонами и, наконецъ, умерла отъ своей раны и отъ явленій острой уреміи, какъ послѣдствія мѣстнаго поврежденія.

Къ слѣдствію была привлечена старшая сестра, взятая на поруки упомянутымъ выше профессоромъ, но, несмотря на всѣ усилія слѣдователя и сыскной полиціи, открыть виновниковъ совершеннаго надъ Надеждой N. N. злодѣянія и вообще разъяснить эту драму не удалось. Существовалъ рядъ предположеній, розыски направлялись то въ ту, то въ другую сторону, но это не приводило ни къ чему, и все обрывалось на роковомъ и вынужденномъ молчаніи покойной.

Въ началѣ октября того года, когда все это случилось, ко мнѣ въ камеру пришелъ поручитель за старшую сестру и съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства сказалъ, что желаетъ отказаться отъ поручительства за нее, такъ какъ разошелся и не хочетъ болѣе имѣть съ нею ничего общаго. Я сказалъ ему, что онъ можетъ подать объ отказѣ отъ поручительства заявленіе мнѣ или слѣдователю, но, воспользовавшись его пребываніемъ у меня, завелъ съ нимъ разговоръ о существѣ этого дѣла. Онъ согласился со мною, что оно ужасно, и когда я сказалъ ему, въ какихъ направленіяхъ шли розыски, онъ заявилъ мнѣ, что это все ложные пути, и, если бы покойная могла теперь говорить, она бы разсказала другое, „и весьма неожиданное", прибавилъ онъ, лукаво усмѣхаясь. „Но вѣдь вы были при ней, когда она еще говорила, конечно разспрашивали ее, и безъ сомнѣнія она вамъ сказала все, какъ другу семьи. Вы могли бы поэтому насъ вывести изъ лабиринта, дать намъ руководящую нить... вѣдь вы тоже возмущаетесь этимъ мрачнымъ дѣломъ и не можете не жалѣть несчастную дѣвушку.—Ну, само собою разумѣется,—отвѣтилъ онъ совершенно спокойно—она мнѣ все разсказала, и жаль мнѣ ее и возмущаюсь я, а все-таки помогать вамъ не хочу. Ея не воротишь, а мнѣ это невыгодно и неудобно. Впрочемъ, если вы дадите честное слово, — и онъ оглянулся на двери кабинета,—что не только не передадите никому того, что я вамъ скажу, но ни въ какомъ случаѣ и никакимъ способомъ этимъ не воспользуетесь, то я вамъ, какъ знакомому, для удовлетворенія вашего любопытства, по дружбѣ, пожалуй кое-что разскажу. — Милостивый Государь — я съ вами говорю, какъ прокуроръ, а не по дружбѣ, которой между нами существовать не можетъ,

тѣмъ болѣе, что я не имѣю чести быть съ вами знакомымъ, а вижу васъ въ первый разъ.—Ну вотъ, вы ужъ и сердитесь! Если такъ, то я вамъ, господинъ прокуроръ, заявляю, что я ничего по этому дѣлу не знаю.—Даже и того, что старшая сестра погибшей заявила, что поддѣлка ея невинности для господина банкира должна была совершиться при вашемъ техническомъ содѣйствіи?—Нѣтъ,—знаю!—Но развѣ это возможно?!—Почему же нѣтъ? Для этого есть разные способы, между прочимъ, нѣкоторыя вяжущія средства.—Я не въ этомъ смыслѣ говорю о невозможности. Но развѣ мыслимо, чтобы врачъ, профессоръ, руководитель молодежи служилъ своими знаніями такому презрѣнному предпріятію. Вѣдь это безнравственно!—Э-э-эхъ, господинъ прокуроръ, зачѣмъ вы такія страшныя слова употребляете: *нравственно*, *безнравственно*. Нравственность-то вѣдь понятіе гуттаперчивое, растяжимое. Есть болѣе реальныя вещи: возможность, цѣлесообразность,—о нихъ только и стоитъ говорить. Такъ то-съ!—И онъ, съ напускнымъ добродушіемъ, протянулъ мнѣ руку, а когда я ея не принялъ, то съ насмѣшливымъ удивленіемъ пожалъ плечами и неторопливой походкой пошелъ изъ кабинета.

Дѣло было прекращено Судебной Палатой.

А. Ѳ. Кони.

1906 г.



Памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.

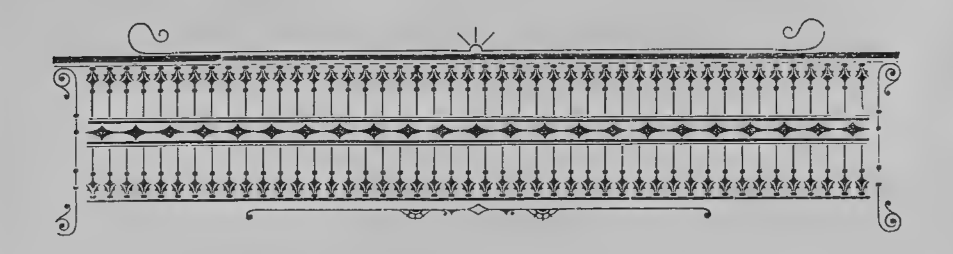
8 іюня этого года не стало Николая Андреевича Римскаго-Корсакова. Смерть сочинителя „Снѣгурочки“ глубоко опечалила всѣхъ, кому дорого родное искусство. Творчество славнаго композитора являло намъ столь чистые и чудесные образцы опернаго стиля, націонализмъ его открывалъ такіе неожиданные горизонты для дальнѣйшихъ слѣдованій въ области прекраснаго, что появленіе каждаго новаго корсаковскаго произведенія охватывало русскаго музыканта полнымъ и еще неизвѣданнымъ счастьемъ. Корсаковъ углубилъ, утончилъ пріемы, завѣщанные Глинкой, осуществилъ надежды и стремленія Балакирева, Мусоргскаго, Бородина. Что могъ еще дать чудный этотъ талантъ, показываютъ послѣднія оперы — „Кащей“, „Сказаніе о градѣ Китежѣ“, „Золотой пѣтушокъ“... Все росло значеніе его для русской культуры. Теперь жизнь прекратилась, но прекрасный образъ русскаго человѣка неустанно развивавшагося, находившаго новыя и новыя связи съ народнымъ творческимъ духомъ, будетъ сіять все усиливающимся свѣтомъ. Лишившись композитора, наше общество лишилось съ тѣмъ вмѣстѣ и исключительнаго педагога, оставившаго цѣлое созвѣздіе талантливыхъ учениковъ.

Смерть Корсакова — горестная, дѣйствительно незамѣнимая утрата.

В. В.



Описаніе жизни Н. А. Римскаго-Корсакова съ подробною оцѣнкою его творчества редакція «Русской Старины» предполагаетъ помѣстить въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ журнала.



Дневникъ академика В. П. Безобразова [1]).

1886.

1 января. Да благословитъ Господь новый годъ. Наканунѣ новаго года я былъ у В. К. Сергѣя Александровича и былъ счастливъ видѣть, какъ онъ меня любитъ. Не могу я не тратить силъ и времени на Вел. Князей.

Сегодня ѣздилъ поздравлять съ рожденіемъ В. К. Алексѣя Александровича. Какой холодный пріемъ!... Тутъ были ближайшіе и высокіе люди: морской министръ Посьетъ и проч.

4 января. Вчера, какъ завелось послѣдніе годы, В. Кн. Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Конст., Петръ Николаевичъ и Георгій Михаиловичъ (послѣдній недавно пріобщенный къ нашему кружку) завтракали у меня. Было очень gemüthlich, завтракъ былъ отъ Donon на славу. В. Кн. очень любятъ быть у меня; я изучилъ ихъ натуру; знаю, что для нихъ пріятно, знаю ихъ обиходъ. Между тѣмъ у меня все (даже menu) оригинально, не такъ какъ у нихъ. Поэтому они у меня такъ веселятся. За завтракомъ послѣ питья за мое здоровье, я предложилъ тостъ за Государя (я сказалъ, что пью за него просто, какъ за человѣка, которому обязанъ неизмѣримо больше, чѣмъ покойному Государю, хотя и не успѣлъ заслужить ему моей службой и, вѣроятно, не успѣю, и гораздо больше служилъ прошедшему царствованію; — и просилъ Сергѣя Александровича передать мои слова Государю; при

---

[1]) См. „Русскую Старину" октябрь 1908 г.

этомъ всѣ запѣли: „Боже, Царя Храни!"); потомъ за Александру Іосифовну, Елизавету Θеодоровну, Елизавету Маврикіевну и Марію Павловну. В. К. въ заключеніе предложили тостъ за моихъ дѣтей.

Вечеромъ пришелъ Н. Н. Левашевъ и сообщилъ мнѣ странную и неожиданную для меня вещь, что Манасеинъ (Упр. Мин. Юстиціи) очень ко мнѣ расположенъ и даже хочетъ представить меня въ этомъ году въ Дѣйств. Тайн. Сов. Вотъ не ожидалъ, вслѣдствіе моихъ отношеній къ Остзейскому краю, въ которомъ такъ враждебно и неосновательно враждебно дѣйствовалъ М. Но въ Россіи нѣтъ партій, а Богъ знаетъ что. Все личныя отношенія, перепутанныя какими-то quasi-политическими убѣжденіями.

13 января. 6 января крещенскій парадъ въ Зимнемъ дворцѣ. Послѣ него я долго оставался съ В. К. Павломъ Александровичемъ. У него замѣтилъ очень пренебрежительное обращеніе со мной высшихъ. Не знаю, чему приписать. Можетъ быть, это только мое впечатлѣніе. Если это вѣрно, то я предполагаю, что это происходитъ отъ необыкновенно любовнаго и короткаго обращенія со мной Имп. фамиліи, которое внушаетъ всѣмъ зависть (хотя это глупо, ибо я, ничего не желая, никому не мѣшаю). Такъ сегодня, на завтракѣ въ Мраморномъ дворцѣ (рожденіе В. К. Елизаветы Маврикіевны) все Августѣйшее семейство было занято только мной, начиная съ Константина Николаевича. Отсюда злой говоръ женщинъ, что я позволяю легко съ собой обращаться.

Многое, самое интересное, въ эти необычайно суматошные дни не было мной записано, напр., обѣдъ у В. К. Александры Іосифовны. Господи, когда прекратится эта безсмысленная суматоха моей жизни, и я обрѣту спокойствіе! Отъ этого я съ такимъ наслажденіемъ вспоминаю время, когда я сломалъ себѣ ногу, лежалъ больной и принадлежалъ себѣ и своей работѣ.

16 января. Ужасно трудно записывать при недостаткѣ времени, но никакъ не хочу бросить записокъ.

19 января. Сенаторы Д-та Герольдіи давали обѣдъ сен. Харитонову по случаю его перемѣщенія Первоприсутствующ. во 2 общее собраніе. Было очень gemüthlich—несмотря на разнообразіе людей, есть какой-то единый духъ между сенаторами, мнѣ симпатичный (нравственная независимость). Можетъ быть, это только въ нашемъ Д-тѣ, которымъ я очень доволенъ.

Господствуетъ духъ законности и неугодливости администраціи, а это не нравится, и это хотятъ уничтожить. Очень было сильно, хотя и не довольно сильно перемѣщеніе сенаторовъ съ новаго года (изъ одного Д-та въ другой). Эти перемѣщенія нарушаютъ само-

стоятельность (inamovilité) сенаторовъ. Два сенатора были переведены изъ I департамента за оппозицію (?), т. е. просто за то, что высказываютъ свободно свои мнѣнія, непріятныя министрамъ. При духѣ реакціи, дующей изъ нѣкоторыхъ сферъ (Катковъ), надо удивляться, что еще нѣтъ худшаго. Нынѣ хотѣли бы сокрушить все порядочное (все противное личному произволу) въ правительственной средѣ.

Вчера, 15 янв., завтракалъ у В. К. Сергѣя Александровича и потомъ къ Павлу Александровичу, который боленъ. Не могъ у него обѣдать, потому что былъ экон. обѣдъ, но былъ вечеромъ тотчасъ послѣ обѣда съ Сергѣемъ Александровичемъ и Елизаветой Өеодоровной. Они меня трогаютъ своей любовью, особенно Павелъ Александровичъ (да и С. А.). Мнѣ дѣлаютъ упреки, что я такъ много съ ними, но они мнѣ сдѣлались, какъ родные. Я къ нимъ страшно привязанъ: никто не знаетъ этой близости, и потому различно толкуютъ мои отношенія.

Экономическій обѣдъ вчера былъ очень многолюденъ; мы уничтожаемъ гостей. Они такъ надоѣли, и интимный характеръ обѣдовъ измѣняется.

Сегодня былъ у Павла Александровича, который меня трогаетъ своей благодарностью за то, что я его больного посѣщаю: ѣзжу къ нему каждый день. Съ нимъ можно вести серьезные политическіе разговоры.

18 января. Сегодня за завтракомъ у В. К. Павла Александровича (были кромѣ меня Здекауэръ и Степановъ) шелъ пространный разговоръ о конституціи. Степановъ ругалъ конституціонные порядки (по поводу Англіи), я защищалъ, Здекауэръ молчалъ, Павелъ Александровичъ умно слушалъ. Нужно многое объяснить и истолковать, когда эти придворные и по невѣжеству и по подлости путаютъ, смѣшивая, напр., конституціонализмъ съ парламентаризмомъ, деспотическое самодержавіе съ законной монархіей.

21 января. Опять было довольно суматошно и трудно записывать.

Опять гости экономическаго обѣда изрыгнули въ разныхъ газетахъ разныя сплетни насчетъ экономическихъ обѣдовъ. Мнѣ это все равно, но гадко поведеніе людей, именующихъ себя порядочными. Вся реакціонерная партія усиливается сдѣлать экономическіе обѣды невозможными. Они ей противны, отчасти своимъ свободомысліемъ, отчасти просто, потому что реакціонеры въ нихъ не участвуютъ.

19 января. Былъ у меня по случаю Бэра (родств. Грота), митавскаго предводителя дворянства, нѣчто въ родѣ Остзейскаго обѣда (Н. Латке, П. Л. Корфъ, Лиліенфельдъ). Говорили объ остзейскомъ краѣ. Я не сочувствую нелѣпой, фанатической, руссофильской, чиновничьей ломкѣ, которую тамъ производятъ; кромѣ раздраженія національностей никакого результата. А развѣ еще вотъ—создаютъ латышскую національность (около 4 мил. душъ), которая будетъ стремиться къ самостоятельности, — на мѣсто преданныхъ намъ бароновъ. Отъ нихъ нѣтъ никакой опасности для Россіи. А между тѣмъ что же выходитъ?—Нелѣпость: тѣ самые, которые видятъ гибель Россіи отъ учрежденій Александра II (земскихъ и другихъ), хотятъ вводить ихъ въ Остзейскомъ краѣ, а его учрежденія—сословныя, въ которыхъ видятъ его гибель, хотятъ вводить въ Россіи.

Въ воскресенье 19 янв. съѣхались по обыкновенію кое-кто. Говорили всего болѣе о министрѣ финансовъ Бунге, котораго увольняютъ, отчасти вслѣдствіе общаго голоса и его несостоятельности, отчасти вслѣдствіе нелѣпыхъ клеветъ въ реакціонерныхъ газетахъ („Гражданинъ", „Москов. Вѣд."), что въ министерствѣ финансовъ гнѣзда революціи. Все это чепуха, характеризующая время. Но мое раздумье: посреди общихъ невѣжественныхъ криковъ, требующихъ невозможнаго отъ министра финансовъ, я считаю просто невозможнымъ, чтобы былъ назначенъ, или удержался, или согласился принять этотъ постъ человѣкъ честный и знающій дѣло. Несчастные русскіе финансы!

Вчера обѣдалъ у Павла Александровича съ Сергѣемъ Александровичемъ и Елизаветой Ѳеодоровной. Обращеніе всѣхъ ихъ со мной глубоко меня трогаетъ.

Еще забылъ записать, что 18 января на обычномъ субботнемъ вечерѣ въ Мраморномъ дворцѣ появился въ первый разъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ Младшій.

Николай Николаевичъ Младшій совсѣмъ особое лицо въ Императорской фамиліи, хотя и типически выражающее собой нѣкоторыя черты, общія ей всей.

22 января. Не записывалъ опять эти дни, потому что было суматошно и много работалъ. Но хотя происходило не мало интереснаго, не все лично до меня касающееся. А что же я буду записывать здѣсь только мое личное?—Для этого моя личность слишкомъ ничтожна. Былъ на большомъ балѣ во дворцѣ. Великій Князь Павелъ Александровичъ такъ милъ со мной, что пригласилъ въ этотъ день къ себѣ обѣдать; чтобы у него одѣться, онъ отвелъ для меня

особый аппартаментъ и все такъ устроилъ,— сигары, папиросы и красное вино. Съ одной стороны, они любятъ заниматься этими мелочами, съ другой стороны — необыкновенная любезность ко мнѣ.

Близость моя къ Вел. Князьямъ возбуждаетъ зависть и недоброжелательство и даже злобу противъ меня. Я это почувствовалъ на балѣ, чѣмъ менѣе я лѣзу впередъ и все себя держу вдалекѣ отъ царской фамиліи и высокихъ, чѣмъ менѣе даю повода къ нареканіямъ на меня, что я лѣзу, тѣмъ болѣе противъ меня злобствуютъ. Моя независимость и смѣлая манера обращенія возбуждаютъ общее неудовольствіе, особенно среди придворныхъ. О, если бы люди знали, что я ни къ чему не стремлюсь! Всего пріятнѣе проводить мнѣ теперь время у Павла Александровича. Онъ всѣхъ лучше со мной.

Не мало разстройствъ доставляютъ мнѣ экономическіе обѣды. Они дѣлаются рѣшительно невозможными послѣ своего 27-лѣтняго существованія: враги хотятъ ихъ подкопать. Послѣ каждаго обѣда пасквиль въ газетахъ (главнѣйше въ „Гражданинѣ"). У насъ нѣтъ въ обществѣ постоянства, чтобы выдержать враждебные натиски. Я одинъ держу 27 лѣтъ эти обѣды. Наконецъ мнѣ надоѣло держать все на моихъ плечахъ. Не знаю, на что мнѣ рѣшаться. Меня компрометтируетъ, что безпрерывно пишутъ на меня карикатуры въ газетахъ. Здѣсь публикой и высшимъ міромъ это понимается не такъ, какъ въ Европѣ. А жаль бросить вещь, все-таки приносящую свою долю пользы. Экономическіе обѣды, единственный въ Петербургѣ foyer de discussions politiques, гдѣ свободно обсуждаются государственные вопросы дня въ кругу самыхъ видныхъ представителей всѣхъ сферъ отъ высшихъ правительственныхъ лицъ до самыхъ низшихъ спеціалистовъ. Къ тому же грустно бросать свое созданіе. А если я откажусь, то обѣды закроются.

Сегодня завтракалъ у В. К. Павла Александровича. Удивительную вещь я отъ него слышалъ: третьяго дня въ Александринскомъ театрѣ давали въ первый разъ пьесу кн. Мещерскаго. Въ антрактѣ Государь (при этомъ былъ П. А.) говоритъ: „позвать Мещерскаго!". Онъ его комплиментировалъ, посадилъ съ собой пить чай. Какой же это консерватизмъ осмѣивать высшихъ должностныхъ лицъ. Эти люди даже не смѣютъ возражать. И къ этому пріучается публика! Что это за положеніе печати, развращающее общество! Самая умѣренная общая мысль не можетъ свободно высказываться, а для личныхъ вопросовъ и скандаловъ полный просторъ, да и тутъ обругиваютъ

только тѣхъ, кто не хочетъ браться за мерзкое оружіе—зажимать ротъ печати и кто не милъ. Людей въ фаворѣ не смѣютъ трогать. Возражать нельзя. Я послалъ корреспонденцію въ „Рус. Вѣд.", въ которой защищалъ Бунге противъ „Москов. Вѣд.". Редакторъ долженъ былъ это выпустить изъ моей корреспонденціи, потому что запрещено писать по этому предмету (былъ секретный циркуляръ). Нельзя защищать министра. Нельзя понять, что графъ Толстой—какія бы ни были его политическія убѣжденія—но какъ человѣкъ умный, могъ держать печать въ такомъ положеніи. Это положеніе вредно съ какой бы то ни было политической точки зрѣнія. Это положеніе ведетъ общество къ отупѣнію и несравненно вреднѣе въ будущемъ даже въ политическомъ отношеніи, чѣмъ полная настоящая свобода печати (охраненная закономъ).

29 января. Завтракалъ сегодня у В. К. Сергѣя Александровича. Вообще эти дни въ настроеніи неудовлетворительномъ относительно сихъ сферъ. Иногда я себя чувствую въ крайне чуждомъ положеніи въ этихъ сферахъ. Дѣло въ томъ, что я все-таки не имѣю ничего общаго съ придворными. Отсюда всѣ противорѣчія моихъ отношеній къ этой средѣ.

Я очень огорченъ и пораженъ внезапной кончиной Аксакова. Это большая утрата: еще однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ и еще однимъ представителемъ нашего поколѣнія меньше въ Россіи. Мы рѣшительно сходимъ въ могилу.

29 января. Я, наконецъ, въ нормальной своей температурѣ—совсѣмъ меланхолической. Когда я веселъ, то мнѣ кажется, что это ненормально, потому что почти всю жизнь я провелъ въ горѣ. Мнѣ кажется, что все въ моихъ отношеніяхъ къ людямъ разваливается; о любви и дружбѣ не можетъ быть рѣчи. Я разувѣрился въ лучшихъ моихъ друзьяхъ и убѣдился... Но о любви говорить нечего. Я убѣдился, что въ обществѣ и во всѣхъ его сферахъ, кромѣ развѣ самыхъ низменныхъ—нѣсколькихъ крестьянъ и прислуги, которая у меня была въ домѣ, можетъ быть нѣкоторыхъ моихъ лицейскихъ учениковъ—нѣтъ ко мнѣ никакого нравственнаго уваженія. На меня смотрятъ почти, какъ на шута, съ которымъ можно отъ нечего дѣлать иногда провести забавно время. Именно, въ этихъ отношеніяхъ ко мнѣ людей, я обвиняю только самого себя. Не могутъ быть всѣ люди виноваты относительно одного; виноватъ только я одинъ и каюсь въ этомъ передъ Богомъ, сознавая всѣ мои недостатки. Какъ-то все около меня въ разладѣ относительно меня—и въ обществѣ, и въ семьѣ. И всегда такъ было за рѣдкими исключеніями. Я недоволенъ самъ собой, своимъ неумѣніемъ, своими

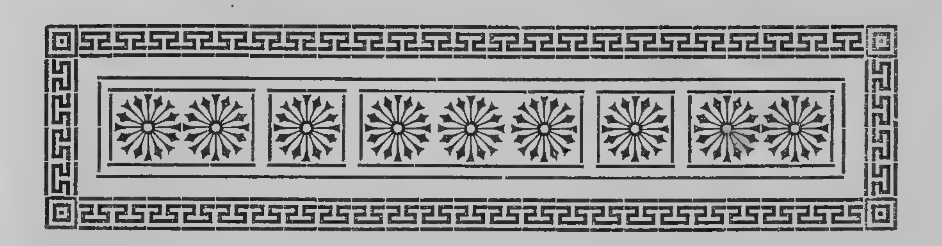
грѣхами, и въ этомъ самое большое терзаніе для человѣка. Легко, когда несчастливъ, винить только другихъ.—Я виню только самого себя, да проститъ меня Богъ и приметъ съ миромъ мой духъ.

3 февраля. Третьяго дня былъ обыкновенный ужинъ у К. В. Дмитрія Константиновича. Я отказывался, но по особеннымъ настояніямъ его поѣхалъ. Я удаляюсь это время отъ дворовъ—не совсѣмъ доволенъ обращеніемъ и, по моему обыкновенію, даю это имъ чувствовать. Въ субботу было то особенное, что ужиналъ В. К. Николай Николаевичъ Младшій, и онъ заказывалъ особенно дорогой ужинъ и необыкновенныя вина, 5 кушаній.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Дѣла давно минувшихъ лѣтъ.

(Записки сенатора Николая Яковлевича Трегубова) [1].

(*Окончаніе*).

Теперь начну свою исторію съ того времени, какъ я себя зачалъ помнить.

Въ бытность отца моего въ Нижнемъ, приставленъ былъ къ намъ дядька Григорій Макаровъ, человѣкъ умный, но суровый, который сѣкалъ меня съ Александромъ Яковлевичемъ почти всякую субботу, хотя бы во всю недѣлю мы и ничего такого не сдѣлали, чѣмъ заслуживали бы наказанія, но онъ дѣлалъ то иногда, чтобы впередъ не сшалили чего, думая тѣмъ содержать насъ болѣе въ страхѣ, и тѣмъ самымъ, пріуча къ наказанію, болѣе помогъ Александру Яковлевичу стать великимъ шалуномъ, ибо его чаще наказывалъ; боясь же, чтобы не узнали родители, всегда сѣкалъ сквозь мокрую салфетку, дабы не было знаковъ; однако же родители узнали и его бранили. Вотъ что изъ того слѣдуетъ, когда родители не пекутся о своихъ дѣтяхъ, а отдаютъ ихъ на попеченіе слугамъ своимъ, полагая воспитаніе въ томъ только, чтобы вскормить ребенка.

Скоро потомъ, какъ воцарилась великая Екатерина, отецъ мой взялъ отставку и переѣхалъ въ Москву, гдѣ вскорѣ и дядька нашъ умеръ. Въ 1767 году записали насъ въ полкъ Московскій пѣхотный [2], а въ 1768 г. перевели въ Рязанскій, къ полковнику Шестакову, меня, Александра Яковлевича и Ѳедора Яковлевича сер-

---

[1]) Изъ бумагъ скончавшагося въ 1905 г. тайнаго совѣтника Алексѣя Владиміровича Телесницкаго. См. „Русскую Старину“, октябрь 1908 г.

[2]) Полковникъ Каменскій, что послѣ былъ графъ и фельдмаршалъ.

жантами. Въ 1772 году поѣхалъ я весною на службу въ Петербургъ, и какъ еще чума въ Москвѣ не совсѣмъ окончилась, то и сидѣлъ въ Москвѣ недѣлю въ карантинѣ, въ томъ домѣ, гдѣ нынѣ Екатерининская больница. Товарищъ мой былъ полковникъ Петръ Ѳедоровичъ Талызинъ. На петербургской дорогѣ, за 30 верстъ до Твери, въ селѣ Городнѣ, я долженъ былъ еще недѣлю выдержать карантинъ. Тутъ я попалъ на очень дурную компанію: при карантинѣ былъ гвардіи капитанъ Николай Димитріевичъ Щетневъ, который былъ пьянъ всякій день, да содержавшійся въ карантинѣ гвардіи прапорщикъ Хрущовъ—также, и они вмѣстѣ были всякій день въ трактирѣ, гдѣ всѣхъ содержавшихся было сходбище. Въ одинъ вечеръ, когда они очень понаклюкались, то и меня принудили, стращая бить, если не буду, а дабы съ пьяными не сдѣлать исторіи, принужденъ былъ исполнить ихъ желаніе, и хотя былъ 16-ти лѣтъ, но былъ крѣпокъ и не опьянѣлъ. Сверхъ того они меня обыграли и едва оставили чѣмъ доѣхать, и я всю ночь съ досады не спалъ.

Сіе первое мое приключеніе ясно вамъ показываетъ, сколь надо стараться убѣгать компаніи неизвѣстныхъ своимъ поведеніемъ людей, ибо если бы я остался дома, то они бы меня не напоили и не обыграли; и еще счастіе, что таковая компанія попалась на дорогѣ, а если бы въ городѣ, то и навсегда пьяницею могъ бы остаться, ибо пьянство нечто иное—какъ привычка, сдѣланная въ компаніяхъ распутныхъ людей, которые нарочно, изъ одной злости, дабы хорошаго поведенія люди не гнушались ими, стараются всячески заводить таковыхъ подъ разными предлогами, снискивая даже дружбу ихъ и вводя понемногу въ привычку къ употребленію напитковъ, а когда имъ удастся въ ономъ успѣть, то послѣ они хвастаютъ и смѣются тому. Такъ было въ полку Изюмскомъ, въ коемъ я служилъ. Еще до меня прибылъ въ оный изъ гвардіи, выпущенный въ ротмистры, Языковъ, который былъ лучше воспитанъ, нежели обыкновенно служащіе въ полкахъ, никакого воспитанія не имѣющіе, и съ таковыми долженъ былъ быть всякій день вмѣстѣ пріѣхавшій на службу благовоспитанный молодой человѣкъ. Натурально таковой, какъ Языковъ имѣлъ къ нимъ презрѣніе, видя ихъ развратное поведеніе, а имъ было это натурально больно, почему и согласились ухищреніями своими не чувствительно пріучить его быть въ ихъ компаніяхъ, въ чемъ успѣвъ, сдѣлали изъ него прегорькаго пьяницу, такъ что съ небольшимъ въ 20-ть лѣтъ онъ умеръ, а они же потомъ съ насмѣшкою мнѣ разсказывали, что они были тому причиною. Таковые безъ воспитанія люди рѣдко имѣютъ стыдъ и совѣсть, чтобы воздержаться не только раз-

сказывать о своихъ порокахъ, но даже ими хвастать, какъ бы добродѣтельный человѣкъ и самыми своими добродѣтелями постыдился самъ себя выхвалять.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1772 года прибылъ я въ Петербургъ, въ домъ графа Андрея Ивановича Толстого, жившаго въ Семеновскомъ полку, гдѣ и братъ Алексѣй Яковлевичъ жилъ, который очень скоро по пріѣздѣ моемъ поѣхалъ на вышеупомянутый конгрессъ, а какъ онъ долженъ былъ сдѣлать себѣ штатское платье, то и мнѣ подарилъ шелковую матерію на таковое же, и я въ немъ щеголялъ въ придворный театръ и во всѣ собранія при дворѣ, а какъ платье было одно и другого сдѣлать не на что было, то около шпаги все обилось, но, по молодости, это мнѣ не препятствовало въ немъ ѣздить. Это я для того говорю, чтобы показать вамъ, сколько молодость надъ нами владычествуетъ, ибо вѣрно въономъ оборванномъ нарядѣ я былъ осмѣянъ, но того не примѣчалъ, тогда какъ лучше быть въ простомъ кафтанѣ, но крѣпкомъ, нежели въ шелковомъ, но оборванномъ.

Жилъ я съ братомъ во флигелѣ вмѣстѣ съ сыномъ графа Иваномъ Андреевичемъ, тогда бывшимъ прапорщикомъ Семеновскаго полка. Когда братъ мой уѣхалъ, тогда оный гр. Иванъ Андреевичъ выжилъ меня отъ себя подъ разными предлогами, дабы я не мѣшалъ ему имѣть свиданія съ горничной дѣвкой сестры его Александры Андреевны Перфильевой, а послѣ Гурьевой.

Вотъ что дѣлаетъ дурное воспитаніе;—ибо, позабывъ родство, связь домовъ нашихъ, дружбу отца его съ моимъ и благопристойность и послѣдуя слѣпо своимъ только страстямъ, онъ не постыдился сдѣлать оное, и то еще болѣе подтвердило худое его воспитаніе, что онъ и не зналъ, что противно благородно-воспитанному дѣлаетъ, ибо самъ мнѣ послѣ причину сказалъ, для чего онъ меня выжилъ отъ себя. Со всѣмъ тѣмъ онъ очень добродушный человѣкъ, что и доказываетъ, что доброта сердца безъ правилъ—недостаточна. Имѣя правила нравственности, онъ бы того не сдѣлалъ, если бы и не столько добродушенъ былъ отъ природы, поелику благопристойность и порочныхъ людей отъ многаго воздерживаетъ. Я принужденъ былъ перейти жить къ двоюродному его брату, Александру Николаевичу Карамышеву, жившему въ солдатскомъ домикѣ черезъ улицу. Въ сіе время, отъ молодости и безразсудства, случилось со мной несчастіе, которое счастьемъ скоро поправилось. Оный графъ Иванъ Андреевичъ Толстой, отъѣзжая на короткое время изъ Петербурга, оставилъ мнѣ на сбереженіе денегъ 200 рублей, а я ихъ вмѣсто того проигралъ; но благодарю Бога за то, что совѣсть меня столь мучила (хотя я имѣлъ только

16 лѣтъ), что даже тотъ, который выигралъ, сжалился и отыгралъ меня, такъ что къ пріѣзду Толстого деньги уже были на лицо. Хотя я и послѣ, во время службы унтеръ-офицеромъ, игралъ въ карты, но страстнымъ игрокомъ никогда не былъ и тѣмъ избавился такого положенія, въ какомъ братъ покойный Алексѣй Яковлевичъ бывалъ, ибо какъ скоро деньги у него появлялись, онъ ихъ проигрывалъ тогда, когда люди его и лошади стояли безъ корму, и самъ онъ имѣлъ только двѣ рубашки. Справедливо, что пьянство и картежная игра изъ всѣхъ страстей наизлѣйшія и коихъ нужно весьма остерегаться, дабы нечувствительно не пристраститься, ибо, отвѣдавъ рюмку, захочется другую и такъ далѣе, также и въ карты: проигравъ рубль, захочешь отъиграть и проиграешь тысячу, а тамъ и все, что имѣешь. Этому не мало примѣровъ въ свѣтѣ есть; но я, первое, убѣгалъ случаевъ, а при томъ умѣлъ и воздержаться, когда вошелъ въ лѣта.

Въ томъ же 1772 году стараніемъ графа Андрея Ивановича Толстого, у котораго я жилъ, переведенъ я былъ изъ армейскихъ сержантовъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ въ подпрапорщики, гвардіи подполковникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ватковскимъ, и зачалъ служить въ 7-й ротѣ у капитана Степана Андреевича Зиновьева. Въ 1774 году пожалованъ въ каптенармусы. Стояли въ лагерѣ на Васильевскомъ Острову, и какъ я тщился всегда быть въ компаніи съ лучшими офицерами и даже жилъ въ лагерѣ съ капитаномъ-поручикомъ Чадаевымъ, племянникомъ графа Толстого, то по сему и былъ принятъ въ складку между офицерами, по 25 р. на мѣсяцъ, для содержанія стола. Служба моя была очень пріятна тѣмъ, что я не чувствовалъ, что былъ въ такомъ чинѣ, ибо всѣ обходились ласково, кромѣ капитанъ-поручика моей роты Фрауэндорфа, который мало зналъ, какъ различать людей, то онъ трактовалъ меня такъ, какъ обыкновенно всякаго унтеръ-офицера трактуютъ, когда приходитъ съ приказомъ. Онъ былъ небогатый человѣкъ, и была у него вверху въ услугахъ одна старуха, то двери въ сѣняхъ были всегда заперты, и надо было стучать, а потомъ въ пустой передней дожидаться, пока къ нему пустятъ. По службѣ таковыхъ случаевъ будетъ и вамъ встрѣчаться милліоны и еще болѣе непріятныхъ, но ихъ надо съ холодностію сносить и относить это къ чину, въ коемъ разныя непріятности—вещь неизбѣжная, и чѣмъ меньше чинъ, тѣмъ ихъ встрѣчается болѣе. Если уже кто предпринялъ намѣреніе служить, то надо ему, собравъ всѣ силы, укрѣпиться на всѣ случаи и идти, зажмуривши глаза, по оной дорогѣ, дабы дойти до предмета, но только не оставляя пути честности, если же найдутся какія препятствія на семъ пути

и невозможно будетъ далѣе по немъ слѣдовать, то лучше оставить службу. Наконецъ въ 1774 г. графъ Андрей Ивановичъ Толстой былъ опредѣленъ въ Москву президентомъ магистрата, выпросилъ меня въ отпускъ, и я съ нимъ поѣхалъ, гдѣ и былъ до 1776 года. Императрица Екатерина была тогда (въ 1775 г.) въ Москвѣ для торжества мира съ турками.

Въ отсутствіе мое изъ Петербурга Дмитрій Ѳедоровичъ Щепинъ, пріятель отца моего и матери, при томъ любившій и меня, перевелъ меня, въ іюнѣ 1774 года, изъ Семеновскаго въ Преображенскій полкъ сержантомъ. Онъ мнѣ великую тѣмъ сдѣлалъ разность, ибо въ 1779 году генваря 1-го досталось мнѣ уже въ офицеры. Въ Москвѣ, бывъ еще сержантомъ, служилъ я въ ротѣ Розенберга, что нынѣ генералъ-аншефъ [1]).

Въ 1776 году поѣхалъ я съ зятемъ Александромъ Васильевичемъ Салтыковымъ въ Петербургъ и по его старанію опредѣленъ былъ курьеромъ въ иностранную коллегію. Хотя и хотѣли отправить меня въ Константинополь, но какъ тогда настояла опасность отъ турецкаго двора и я боялся быть засаженнымъ въ Едикуль, подобно брату Алексѣю, то, сказавшись больнымъ, не поѣхалъ.

Въ 1777 году, въ бытность мою въ Петербургѣ, было наводненіе таково, что по улицамъ ѣздили въ шлюпкахъ.

Въ 1778 году былъ въ Москвѣ и прибылъ къ полку къ октябрю, ибо маіоръ Преображенскаго полка Ѳеодоръ Матвѣевичъ Толстой сказалъ графу Андрею Ивановичу Толстому, что если я не пріѣду служить до офицерскаго чина, то не буду произведенъ офицеромъ, что и понудило меня скорѣе ѣхать.

По пріѣздѣ тотчасъ принялъ должность фельдфебеля, въ ротѣ Петра Ѳедоровича Бергмана, который нынѣ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ. Маіоръ видно хотѣлъ показать другимъ, что я служилъ до офицерскаго чина; но можно ли узнать службу въ три мѣсяца, а особливо бывши только фельдфебелемъ. Надобно, чтобы подробно оную узнать, быть въ строю на ученьяхъ и караулахъ.

Въ 1779 году генваря 1-го дня бывъ произведенъ прапорщикомъ, скоро отъ простуды колѣна въ каретѣ, въ коей дуло въ дверь, заболѣлъ такъ, что меня ворочали на простынѣ. Меня выле-

---

[1]) Былъ впослѣдствіи херсонскимъ военнымъ губернаторомъ и умеръ въ 1813 или 1814 году.

чилъ докторъ Альманъ изъ Дармштата, пріѣхавшій въ свитѣ Великой Княгини Натальи Алексѣевны, первой жены Императора Павла I.

Въ томъ же году приняла Варвара Ивановна Кошелева [1]), урожденная Плещеева, сестеръ моихъ Анну и Марью изъ Смольнаго монастыря, называемаго Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ, и я ихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отвезъ въ Москву, а самъ поѣхалъ въ Пензу къ сестрѣ Авдотьѣ Яковлевнѣ Салтыковой и въ томъ же году воротился въ Петербургъ и уже жилъ тамъ безвыѣздно по 1785 годъ, по причинѣ связи съ Турчаниновой.

Въ сіи четыре года, какъ и въ 1779 году, я жилъ уже съ братомъ Алексѣемъ въ Семеновскому полку, въ офицерской связи; имѣлъ столъ, пару лошадей съ каретой и трехъ человѣкъ; изъ дому имѣлъ не болѣе 300 рублей въ годъ; въ 7-мь лѣтъ пребыванія въ гвардіи износилъ только три мундира, кои тогда обкладывались золотымъ галуномъ; устраивалъ концерты изъ аматеровъ, когда жилъ у меня графъ Варѳоломей Васильевичъ Толстой, что теперь женатъ на фрейлинѣ Протасовой, его двоюродной племянницѣ. На сихъ концертахъ бывалъ и нынѣшній князь Зубовъ, бывшій тогда офицеромъ гвардіи.

Сіе доказываетъ, что съ распорядкомъ въ домѣ можно жить и малымъ хорошо. Братъ Алексѣй Яковлевичъ имѣлъ болѣе доходу, ибо имѣлъ болѣе жалованья, но ѣлъ у меня же за столомъ, когда не выѣзжалъ, и лошади его часто стояли безъ овса.

Въ 1786 году генваря 1-го я былъ выпущенъ подполковникомъ и по желанію моему написанъ былъ въ Драгунскій С.-Петербургскій полкъ, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Петръ Алексѣевичъ Исленьевъ. Полкъ стоялъ въ Воронежской губерніи, Валуйскаго уѣзда, въ селѣ Уразовѣ. Заѣхавъ въ Москву для исправленія нужнаго, поѣхалъ въ полкъ въ сентябрѣ. Съ Исленьевымъ я былъ такъ друженъ, что были мы неразлучны, но впослѣдствіи, въ Збурьевскѣ, на короткое время дружба наша поразстроилась, черезъ сплетни женщинъ.

Въ томъ же году ѣздилъ я съ Исленьевымъ въ Харьковъ къ главному командиру князю Юрію Владиміровичу Долгорукову, теперешнему тестю министра князя Горчакова, и въ январѣ 1787 года въ другой разъ. Тутъ впервые видѣлъ графа Бенигсона, тогдашняго барона и подполковника. Въ томъ же 1787 году весною пошли

[1]) Бывшая замужемъ за Родіономъ Александровичемъ, братомъ Маргариты Александровны Волковой, матери Рахманова жены.

въ походъ въ Крымъ и дошли до Кайданъ на Днѣпрѣ, какъ насъ воротили въ Полтаву, гдѣ собраны были всѣ легкоконные полки, подъ командою князя Юрія Владиміровича Долгорукова, для маневровъ, когда проѣзжала изъ Крыма Императрица Екатерина II, сія великая Государыня, желавшая все видѣть своими глазами. Ей хотѣлось скорѣе видѣть вновь пріобрѣтенный край, дабы знать, что изъ онаго впослѣдствіи быть можетъ, а въ проѣздѣ чрезъ многія губерніи узнать злоупотребленія и недостатки. Кто же въ новѣйшія времена ей въ семъ уподоблялся? Только Іосифъ II императоръ Германскій и король Прусскій Фридрихъ II. Съ тѣхъ поръ уже никто не ѣздитъ изъ Государей и знаютъ только по имени свои владѣнія, подобно какъ и подданные самихъ ихъ.

Проклятый Бонапартъ ввелъ во всю Европу одно военное правленіе, и всѣ ударились въ разводы и обученіе солдатъ. Будто бы, безъ донкишотства, гишпанцы не выгнали отъ себя французовъ. Лишь бы дрались всегда за отчизну, тогда и мужикъ съ палкой воинъ. Возьмемъ въ примѣръ Петра I. У него не было маневровъ 30-ти и 40-ка тысячныхъ и парадныхъ разводовъ, но билъ всѣхъ непріятелей и занимался ежеминутно государственными дѣлами и путешествіями по государству. Екатерина II не знала разводовъ, а била всѣхъ своихъ непріятелей. Врядъ ли кто съ учеными войсками и тысячами генераловъ достигнетъ до ея славы въ управленіи. Она имѣла правила въ правленіи, а другіе, нынѣ царствующіе, или идутъ ощупью, или блуждаютъ, или обезьянничаютъ.

По приходѣ полка въ Полтаву, отправилъ меня Исленьевъ въ Москву, для подряда офицерскихъ вещей. Я успѣлъ все ему отправить и самъ возвратился къ прибытію Екатерины изъ Крыма въ Полтаву.

Послѣ проѣзда Императрицы, полкъ пошелъ на квартиры въ Алексѣевскую крѣпость бывшей старой линіи, Екатеринославской губерніи; но скоро пошли опять въ походъ, по причинѣ объявленія войны турками. Дошедъ до Перекопа лѣвою стороною Днѣпра, получили повелѣніе поворотить въ Збурьевскъ, въ Кинбурнскій корпусъ князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго, тогда бывшаго просто генералъ-аншефомъ Суворовымъ.

Прибывъ въ Збурьевскъ, нашли тамъ пѣхотный Орловскій полкъ, подъ командою подполковника Ѳедора Ивановича Маркова, имѣвшаго за собою сестру адмирала Николая Семеновича Мордвинова, и вотъ отъ нея-то загорѣлась ссора моя и подполковника Василія Николаевича Яшкова съ Исленьевымъ, ибо она, дѣлая дамамъ визиты, не сдѣлала таковаго его любовницѣ Колокольцовой, которая

бросивъ мужа, изъ Пензы уѣхала съ нимъ и таскалась по походамъ, имѣвъ любовникомъ адъютанта Исленьева, пресквернаго лицомъ. Исленьевъ хотѣлъ, чтобы мы оставили домъ Маркова, гдѣ мы были всякій день, а мы того не сдѣлали, и онъ всячески насъ тѣснилъ по службѣ. Но чрезъ короткое время я потребованъ былъ въ дежурные къ Суворову, коему меня рекомендовалъ на свое мѣсто генералъ Шевичъ; самъ же генералъ-маіоръ Шевичъ потребованъ былъ княземъ Потемкинымъ въ главную квартиру. Исленьевъ хотя сначала отъ сего происшествія трухнулъ, но впослѣдствіи увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и мы опять были всегда пріятелями.

Прежде нежели я поступилъ еще въ дежурные, 1-го октября 1787 года, было первое сраженіе съ турками на Кинбурнской косѣ, и насъ Суворовъ потребовалъ изъ Александровскаго редута, гдѣ мы тогда съ полкомъ стояли; но уже пришли поздно и въ дѣлѣ не были, да кавалеріи тутъ и дѣлать было нечего.

Сіе сраженіе было вознесено княземъ Потемкинымъ для того только, что оно было первое и дѣлало вліяніе на непріятеля на всю, можетъ быть, кампанію; но само по себѣ оно было глупо, ибо можно было крѣпостными пушками не допустить непріятеля высадить войска съ судовъ и не потерять хорошаго генерала Река [1]), нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и слишкомъ 300 человѣкъ рядовыхъ убитыми. Непріятелю позволено было на косѣ сдѣлать 17 ложементовъ, которые надо было каждый штурмовать. Три раза наши войска были смяты и прогоняемы до крѣпостныхъ воротъ. Суворовъ еще болѣе надѣлалъ сумятицы, заставивъ на такомъ узенькомъ язычкѣ (ибо у самой крѣпости врядъ-ли ширина косы составляетъ 50 саженъ) сражаться три полка легкоконныхъ: Маріупольскій, Павлоградскій и Острогожскій, и казаковъ. Самъ онъ былъ раненъ легко въ руку, такъ что не оставлялъ поля сраженія, и былъ въ состояніи, по его странностямъ, самъ тутъ же замывать рубашку. Ни въ комъ такъ не была замѣтна слабость хвастаться ранами, какъ въ немъ. Онъ носилъ долго распоротый рукавъ и обвитую шею послѣ Очаковской раны.

Свита Суворова тогда состояла изъ генералъ-адъютанта Хастатова, флигель-адъютанта Борщова и правителя канцеляріи Куриса, капитанскаго чина.

Реляцію сочиняли Хастатовъ и Курисъ и писали тѣхъ, кого хо-

---

[1]) Ген.-маіоръ Рекъ былъ въ этомъ сраженіи раненъ, и послѣ этой раны не могъ болѣе служить.

тѣли. Между прочими вышеупомянутому Маркову дали крестъ 4-го Георгія, а онъ, во время дѣла, въ лагерѣ пилъ чай и полкъ свой оставилъ. Орлову Василію Петровичу, донскому полковнику, что при Императорѣ Павлѣ былъ войсковымъ атаманомъ, данъ былъ тоже крестъ 4-го Георгія, а онъ былъ только лично при Суворовѣ.

Хотя и глупо было высылать тутъ кавалерію, однако же начальникамъ полки свои оставлять было не должно. Ихъ нашли сидящихъ въ крѣпости, извиняющихся тѣмъ, что они не хотятъ быть жертвою глупаго распоряженія. Суворовъ же въ сумятицѣ, когда нашихъ гнали къ крѣпости, спросилъ, кто начальникъ кавалеріи. Является ротмистръ Шухановъ, дуракъ набитый, и онъ его представилъ, яко командующаго всѣми тремя полками.

Въ самомъ же дѣлѣ никто не командовалъ, ибо былъ такой ералашъ, что всякій уходилъ и приходилъ изъ крѣпости и лагеря, когда кому хотѣлось, ибо диспозиціи, по обыкновенію Суворова, никакой не было дано, и всякій дѣлалъ, что хотѣлъ.

Поелику высланы драться, то и дрались; а какъ? До того — дѣла никому не было. Генералъ-маіоръ Рекъ къ несчастію былъ раненъ при началѣ дѣла.

Послѣ сего сраженія сочтено было тѣлъ турецкихъ до 1000 [1]); прочіе, ночевавъ тутъ, на разсвѣтѣ переправились назадъ въ Очаковъ на лодкахъ, и Суворовъ не велѣлъ ихъ трогать. Другой, я думаю, причины не было тому, какъ то, что не хотѣлъ, чтобы другой кто былъ, а не онъ, хотя генералъ-маіоръ Исленьевъ убѣдительно просилъ у него на сіе позволенія.

Черезъ нѣсколько дней отпустили насъ опять въ Збурьевскъ, къ Суворову же пріѣхалъ въ дежурные Шевичъ. Въ оную-то зиму, какъ ссора наша съ Исленьевымъ произошла, потребованъ я былъ въ дежурные къ Суворову на мѣсто уже Шевича. Бытіе мое у него въ сей должности продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, ибо въ сентябрѣ 1788 года я принялъ Маріупольскій легкоконный полкъ.

Въ продолженіе сего времени много было дурачествъ: учили войска своимъ манеромъ, дѣлали примѣрные штурмы и, того глупѣе, ѣздили верхомъ по кордонамъ, сами не зная — зачѣмъ, и проч.

---

[1]) Въ реляціи написали 5,000.

Экспедиція на Лиманѣ принца Нассау подчинена была Суворову, однако же безъ всякаго отъ него вліянія. Потомъ поручено было ему взять островъ Березань, и присланъ былъ дежурный князя Потемкина бригадиръ Рибасъ для содѣйствія въ распоряженіи; но они промѣшкали—армія пришла подъ Очаковъ, а островъ былъ еще не занятъ.

Потемкинъ, призвавъ Суворова, вымылъ ему голову, отчего у послѣдняго сдѣлался поносъ, и мы возвратились въ Кинбурнъ, а островъ взяли запорожцы.

Въ іюлѣ призвали Суворова подъ Очаковъ командовать лѣвымъ флангомъ. Тутъ неудача: безъ всякаго повелѣнія фельдмаршала, на перестрѣлку, по совѣту Скаржинскаго, полковника Бугскихъ казаковъ, высланъ баталіонъ, потомъ другой и третій, и сдѣлалось жаркое сраженіе.

Наши не имѣли другого повелѣнія, кромѣ какъ идти, а куда и зачѣмъ—никто не зналъ. Шли да шли и зашли въ оврагъ, такъ что и назадъ уже выйти не могли. Самого Суворова ранили пулей въ шею, хотя мы и далеко были отъ мѣста сраженія: онъ завизжалъ и ускакалъ.

Князь Потемкинъ прислалъ Репнина, который придвинулъ пушки, выручилъ людей изъ оврага, и тѣмъ кончилась настигшая ночь, съ потерею тутъ, ни дай, ни вынеси, до 300 человѣкъ, а вся потеря окончилась тѣмъ, что намъ велѣли ѣхать въ Кинбурнъ.

По возвращеніи изъ-подъ Очакова въ Кинбурнъ въ сентябрѣ, какъ выше сказано, я получилъ Маріупольскій полкъ, коего командиръ былъ дежурный бригадиръ Рибасъ, который уговорилъ меня принять его съ тѣмъ, что я буду онымъ командовать, хотя бы онъ былъ пожалованъ и генералъ-маіоромъ. Суворовъ разсердился, а Рибасъ обманулъ, ибо продалъ полкъ полковнику графу Головину, что нынѣ оберъ-шенкъ.

3-го декабря, за три дня до взятія Очакова въ 1788 году, отпустили всю кавалерію въ Малороссію, и мы пошли по лѣвую сторону Днѣпра; шли вмѣстѣ съ Острогожскимъ полкомъ, который поморозилъ болѣе 70 человѣкъ отъ вьюги, а я къ счастію въ тотъ день дневалъ; пришелъ въ Сельцы, что нынѣ Новомосковскъ, и, видѣвъ, что Рибасъ имѣетъ полкъ только для грабежа, отпросился въ отпускъ и поѣхалъ въ Москву. 1789 года весной полкъ опять пошелъ въ Кинбурнъ, и я его нагналъ въ пути.

Въ Кинбурнѣ уже былъ командиромъ Ферзенъ, генералъ-лейте-

нантъ. Онъ былъ послѣ пожалованъ графомъ, человѣкъ прямой. Извѣстно, что князь Потемкинъ, хотя былъ и геній, но торговалъ съ Фалеевымъ хлѣбомъ, который былъ поставщикъ на войска провіанта.

Ферзенъ зналъ, что отъ Фалеева идутъ лодки съ гнилымъ провіантомъ. Онъ пишетъ Потемкину, что, какъ только окажется сіе справедливо, онъ затопитъ провіантъ, будто не зная, что князь Потемкинъ есть настоящій оному хозяинъ, и какъ скоро оный прибылъ, то и затопилъ. Князь Потемкинъ пишетъ ему въ отвѣтъ, чтобы отнюдь не затоплялъ провіанта, а исправилъ бы его. Онъ отвѣчалъ, что провіантъ гнилой, и онъ уже его потопилъ. Ферзенъ зналъ, что за сіе будетъ не въ милости, но на это не смотрѣлъ.

Въ томъ же 1789 году пріѣхалъ и Головинъ принимать отъ меня полкъ. Потомъ пошли въ походъ въ Дубосары, гдѣ была главная квартира фельдмаршала князя Потемкина. Вся кавалерія пришла сюда изъ Соколовъ [1]), подъ командою генералъ-лейтенанта принца Амедея Ангальтъ-Бьернебургскаго. Тогда-то у него былъ адъютантомъ и дежурнымъ Барклай-де-Толли, нынѣшній графъ и фельдмаршалъ, главнокомандующій Россійско-прусской арміи на Рейнѣ. Отъ Буга до Днѣстра вся кавалерія шла вмѣстѣ, и у меня всѣхъ прежде, на лагерномъ мѣстѣ, изготовлялся завтракъ изъ голландскихъ сельдей, языковъ и свѣжаго масла, и весь генералитетъ бѣжали въ мою палатку, въ томъ числѣ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, князя Потемкина шутъ, впослѣдствіи генералъ полный.

Онъ-то, въ семъ уже чинѣ, леталъ на шарѣ, на который случай были написаны стихи, что будто бы онъ отъ долговъ улетѣлъ на луну. Онъ былъ игрокъ, и сколько Александръ I-й и Павелъ ни давали ему денегъ, все проигрывалъ. Впрочемъ, ни къ чему способенъ не былъ, кромѣ шутокъ, и тѣ уже подъ конецъ состарились.

Изъ Дубосаръ пошла армія подъ Бендеры, а Яссы заняты были арміей графа Румянцева Задунайскаго. Подъ Каушаны, гдѣ было турецкаго войска тысячи полторы, князь Потемкинъ приказалъ идти всѣмъ легкоконнымъ полкамъ и казакамъ, кои составляли авангардъ и до прибытія кавалеріи разбили турокъ и пашу въ плѣнъ взяли, догнавъ за 25 верстъ.

---

[1]) Вознесенскъ.

Предъ симъ-то неважнымъ дѣломъ князь Потемкинъ пѣлъ молебенъ и заставилъ всѣхъ своихъ адъютантовъ молиться и просить о побѣдѣ.

Сіе и письма принца де-Линя доказываютъ, какъ князь Потемкинъ страшился турокъ въ Очаковскую и сію кампанію; но когда уже Суворовъ началъ бить сотни тысячъ малымъ числомъ войскъ, тогда и въ немъ прибавилось духу.

Сей страхъ въ главнокомандующемъ происходилъ: 1-е потому, что онъ первый разъ командовалъ арміей, и начальныя неудачи могли бы повести къ худымъ заключеніямъ о немъ публики, ибо оная смотритъ всегда на первыя происшествія и по нимъ дѣлаетъ заключеніе о командующемъ; 2-е, что знатокъ этого ремесла и критикъ графъ Румянцевъ находился близко и наблюдалъ всѣ шаги его. Лично же Потемкинъ совсѣмъ не былъ трусъ.

Потомъ Потемкинъ пошелъ подъ Бендеры, обложилъ ихъ, показавъ имъ свои силы; оставивъ корпусъ для блокированія, пошла армія въ Акерманъ, который тотчасъ сдался.

Въ семъ мѣстѣ я поступилъ въ дежурные къ Павлу Сергѣевичу Потемкину, послѣ бывшему графомъ, и оставался въ сей должности до окончанія кампаніи. Армія возвратилась къ Бендерамъ, которые и сдались. Главная квартира перешла въ Яссы; Румянцевъ былъ отозванъ и поселился въ деревнѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Яссъ, гдѣ жилъ года два.

Въ сію же кампанію князь Горчаковъ взятъ былъ въ генералъ-адъютанты къ Потемкину. Полкъ Маріупольскій пошелъ на квартиры въ Хотинскій рай; я же поѣхалъ въ Яссы и жилъ у Горчакова, гдѣ также жилъ маіоръ Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, нынѣ камергеръ и попечитель Казанскаго университета. Пробывъ нѣсколько дней, я уѣхалъ въ Москву, гдѣ въ скоромъ времени увидѣлъ у сестеръ покойную жену мою, урожденную Рыдванскую, влюбился и въ 1790 году въ мартѣ женился.

Мать ваша, Екатерина Алексѣевна, родилась въ 1759 году декабря 4-го [1]); въ 1764 году была отдана въ общество благородныхъ воспитанницъ въ Смольный монастырь, въ первый наборъ по учрежденіи сего заведенія Императрицей Екатериной. У Рыдванскихъ, родителей Екатерины Алексѣевны, кромѣ ея было еще

---

[1]) Скончалась 1803 года сент. 16.

три дочери и сынъ. Имѣя землю въ Духовщинскомъ уѣздѣ Смол. губ. незаселенную (ибо всѣ крестьяне ушли за границу), Рыдванскіе были столь бѣдны, что, при выпускѣ дочери изъ воспитательнаго общества въ 1772 году, не могли ее взять къ себѣ, а взяла ее княгиня Наталья Петровна Куракина, урожденная Нарышкина. Когда послѣдняя развелась съ мужемъ, то мать ваша нанимала уже домъ и жила одна, то есть ночевала, ибо по утру карета за ней пріѣзжала и ее отвозили къ Прасковьѣ Васильевнѣ Нарышкиной (сестрѣ Репнина и матери Куракиной, у которой по разводѣ сія послѣдняя жила), а послѣ ужина ее отвозили обратно. Когда мать ваша жила одна, ее хотѣли было убить свои люди, но лай собакъ спасъ ее. Она была добродѣтельна, но строга до крайности.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы съ нею поѣхали въ Молдавію, въ самой той каретѣ, въ которой и теперь ѣздимъ; нашли полкъ на тѣхъ же квартирахъ, въ Хотинскомъ раю, гдѣ и отвели намъ избу.

Въ дорогѣ были 20 дней. Въ скоромъ времени пошли съ полкомъ къ Бендерамъ. Съ полковникомъ своимъ графомъ Головинымъ [1]) я былъ всегда не въ ладахъ, а потому и остановился въ старыхъ Дубосарахъ и ѣздилъ изрѣдка въ полкъ верхомъ 25-ть верстъ; когда же полкъ пошелъ подъ Килію, то мать ваша осталась со всѣмъ домомъ въ Дубосарахъ въ избушкѣ, а я пошелъ съ полкомъ, подъ командою генерала артиллеріи барона Меллера-Закомельскаго, который подъ Киліею умеръ отъ раны. На его мѣсто присланъ генералъ-лейтенантъ Гудовичъ, который послѣ, при Императорѣ Павлѣ, сдѣланъ графомъ и фельдмаршаломъ. Когда же сдалась Килія, то я уѣхалъ къ женѣ и въ томъ же 1790 году, по прибытіи моемъ въ Дубосары, въ началѣ декабря родился у меня сынъ Николай, умершій въ 1804 году, во второмъ кадетскомъ корпусѣ, что при Императрицѣ Екатеринѣ назывался Инженерный.

Въ февралѣ 1791 года полкъ пошелъ на Днѣпръ, а я съ женою пріѣхалъ жить въ Новоселицы, что нынѣ Новомосковскъ, и поселился въ той же тѣсной квартирѣ, гдѣ и прежде жилъ холостымъ, ибо лучшей не было. Живя тутъ, познакомились съ славною, между

---

[1]) Гр. Головинъ, что нынѣ оберъ-шенкъ, братъ двоюродный по матери Степану Абрамовичу Лопухину, такъ какъ и мы. Ему-то принадлежалъ Воротынецъ, розыгранный въ лотерею.

femmes galantes, графинею Сиверсъ, что нынѣ сенаторша Алексѣева; умная и со свѣдѣніями женщина, съ которою проводили время отмѣнно пріятно. Она въ 7 верстахъ отъ мѣста нашего жилища управляла имѣніемъ Фалеева, называемымъ „Вольное", гдѣ мы у нея часто и ночевывали. Между тѣмъ получили извѣстіе о смерти князя Потемкина изъ Яссъ, о коемъ Сиверша горькія проливала слезы, ибо была и его, предъ начатіемъ войны, фавориткой и играла роль въ Кременчугѣ. Въ скоромъ времени получили извѣстіе отъ княгини Куракиной, что и батюшка мой скончался, и я въ прежестокой лихорадкѣ, отъ гнилого мѣстоположенія Новомосковска и гнилой осени, пустился въ Яссы, дабы у главнокомандовавшаго арміей М. В. Каховскаго испросить отпускъ, ибо уже миръ, до пріѣзда въ Яссы изъ Петербурга кн. Потемкина, княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ былъ заключенъ въ семъ 1791 году. Лихорадка отъ дороги тотчасъ отстала, хотя ничего, кромѣ молока, не ѣлъ; но по пріѣздѣ въ Балту случилась непріятность. Польша тогда была готова съ нами къ войнѣ, и ихъ Балта отъ нашей отдѣлялась мостомъ.

Тутъ остановился я ночевать, и жиды подговорили мальчика, со мною бывшаго, бѣжать, и хотя ему было только 17 лѣтъ, но онъ былъ настолько честенъ, что взялъ съ собою изъ кибитки только 3 рубля. Отсюда поѣхалъ я до Кишинева одинъ безъ слуги. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ далъ мнѣ солдата Карлъ Ѳедоровичъ Кнорингъ, полковникъ Таврическаго Гренадерскаго полка, а нынѣ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ. Пріѣхавъ въ Яссы, тотчасъ просилъ дежурнаго генерала Василія Ивановича Милашевича о представленіи меня главнокомандующему Михаилу Васильевичу Каховскому, и я былъ отпущенъ.

Возвращаясь въ Новомосковскъ, въ декабрѣ выѣхали въ Москву, въ самую распутицу. Въ Константиноградѣ оставили Николашину кормилицу, откуда она и была, ибо не захотѣла далѣе ѣхать. Въ Москву прибыли въ началѣ января 1792 года. Достопамятный годъ войны въ соединеніи съ прусаками противъ Польши и раздѣлъ части ея, при чемъ Россіи достались Минская, Волынская и Подольская губерніи. Пріѣхавъ въ Москву, остановились у моихъ сестеръ въ домѣ, который онѣ нанимали. Много было труда согласить братьевъ въ раздѣлѣ наслѣдства, но такъ какъ братъ Дмитрій Яковлевичъ былъ въ Петербургѣ и мнѣ оставилъ довѣренность, то кончили оный полюбовно. Сестрамъ дали четыремъ материнскую деревню Конохово, Шуйской округи, слишкомъ 200 душъ, которая впослѣдствіи ими продана; графинѣ Екатеринѣ

Яковлевнѣ дано было уже въ приданое 50 душъ въ Останинѣ, Юрьевскаго уѣзда.

За долгъ же батюшки — 6.000 руб. уступили мы, три брата, сестрамъ три части, а Ѳедоръ Яковлевичъ свою часть и 1.500 руб. долга оставилъ за собою, и отъ сего произошли великія тяжбы между имъ и Марьей Яковлевной, которая впослѣдствіи скупила части Надежды Як. и Варвары Як., а Анна Яков. при смерти ей все имѣніе свое отдала; Варвара же Яковлевна сестрѣ Надеждѣ Як. отдала свое. Сія послѣдняя и сестра Марья Яковлевна Кононово продали, а Каширскую деревню Надежда Яковлевна, по завѣщанію Варвары Яковлевны, отдала брата Алексѣя побочному сыну Ивану, ибо эта деревня, изъ 50 душъ состоящая, особо была дана ей отъ бабки нашей княгини Юсуповой.

При раздѣлѣ положили было мы жить всѣ вмѣстѣ въ подмосковной, гдѣ было я имъ и домъ выстроилъ, но вскорѣ послѣдовали несогласія между женскимъ поломъ, и мы поѣхали во Владиміръ, взявъ съ собою сестеръ Анну и Марью. Сестру Анну мы повезли уже въ чахоткѣ, полученной ею отъ крѣпкихъ лекарствъ, даваемыхъ ей лекаремъ отъ затвердѣлости груди, которую она ушибла; она и умерла въ томъ же 1792 году въ октябрѣ, въ селѣ Лаптевѣ. Потомъ, когда жена моя поссорилась чрезъ короткое время съ Марьей Яковлевной, мы уѣхали жить во Владиміръ. Тутъ Екатерина Алексѣевна подружилась съ двумя дѣвушками Потаповыми, коихъ отецъ былъ отрѣшенъ за взятки, въ коихъ кто признался, тѣ только и были сосланы въ Сибирь, а другіе, которые были поумнѣе и, не повѣривъ обѣщаніямъ фельдмаршала, тогдашняго генерала и намѣстника графа Салтыкова, ни въ чемъ не признались, тѣ остались. Это было до моего пріѣзда туда; въ мое же время былъ намѣстникомъ Заборовской.

Въ 1793 году я ѣздилъ въ Петербургъ просить, о производствѣ въ полковники князя Зубова, тогдашняго фаворита, и онъ, хотя уже въ отсутствіи моемъ, однако жъ въ томъ же еще году сдѣлалъ меня полковникомъ.

По полученіи о семъ извѣстія, я поѣхалъ въ другой разъ въ Петербургъ просить полкъ, и такъ какъ не было вакансій, то написался въ полкъ Бенигсена, который былъ тогда бригадиромъ.— Въ этомъ же году родилась у меня дочь Варвара [1]).

[1]) Впослѣдствіи замужемъ за штабсъ-ротмистромъ л.-гв. уланскаго полка Влад. Ник. Телесницкимъ. Послѣ смерти мужа была первой начальницей новоучрежденнаго Керченскаго Института. Скончалась въ 1851 году.

Въ 1794-мъ году въ мартѣ поѣхалъ я одинъ въ полкъ, который стоялъ въ Слуцкѣ, и со мною написались въ оный же два сына Потапова, выпущенные изъ гвардіи маіорами. Поѣхали они на своихъ лошадяхъ; но я, ихъ оставя, поскакалъ впередъ на почтовыхъ и, переговоривъ съ Бенигсеномъ, который соглашался сдать мнѣ полкъ, чрезъ два дня поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ князь Зубовъ сдѣлалъ мнѣ сіе въ одну недѣлю.

Я поскакалъ назадъ, и уже не въ Слуцкъ, а въ Минскъ; догналъ полкъ на походѣ. Отъ Минска уже опасно было ѣхать безъ конвоя, и губернаторъ Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, теперешній членъ Совѣта (1824 г.), далъ мнѣ 20 казаковъ.

Первое дѣло отряда Бенигсена въ сію съ поляками кампанію было подъ *Вишневомъ*, гдѣ я получилъ 4-го класса Владиміра съ бантомъ; второе дѣло подъ *Солами*, гдѣ былъ въ дѣлѣ одинъ мой эскадронъ съ подполковникомъ Воиновымъ (что нынѣ генералъ-отъ-кавалеріи), за что онъ получилъ крестъ Георгія 4-го класса; *третіе* сраженіе корпусное Кноринга подъ *Вильною*, гдѣ я получилъ 3-го Владиміра, а по окончаніи кампаніи золотую шпагу.

Въ семъ же 1794 году октября 24-го пріѣхала изъ Владиміра въ Гродно жена съ тремя дѣтьми и оттуда уже со мною въ мѣсто расположенія полка, мѣстечко Зельво, гдѣ у насъ родился сынъ Алексѣй.

По смерти Имп. Екатерины въ 1796 году начались мои и всѣхъ вообще несчастія, ибо вступилъ въ правленіе сынъ ея Павелъ, котораго она отрѣшить хотѣла отъ управленія, но нѣкоторые вельможи, въ Совѣтѣ бывшіе, отсовѣтовали для избѣжанія дурныхъ послѣдствій для государства, но графъ Паленъ, послѣ 52-хъ мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней его правленія, удовлетворилъ ея и всѣхъ желанія, и сынъ его старшій Александръ вступилъ въ правленіе 1801 года марта 12-го.

Несчастія мои начались тѣмъ, что ко мнѣ опредѣленъ былъ въ полкъ первымъ шефомъ *Зоричъ*, бывшій фаворитъ Екатерины, которому впослѣдствіи ею же запрещено было въѣзжать въ столицу, ибо онъ замѣшанъ былъ въ дѣланіи ассигнацій однимъ иностранцемъ, у него въ Шкловѣ жившимъ. Онъ, Зоричъ, тогда такъ уже былъ долженъ, что сколько бы его произведеній привозимо ни было, всегда въ Рижскомъ портѣ его кредиторами арестовывались; пріѣхавъ же въ полкъ, онъ былъ въ такой крайности, что привезъ отставного маіора обыгрывать на подборъ офицеровъ, а

также хотѣлъ ночью вынуть изъ полкового ящика деньги, но часовой не допустилъ.

Зоричъ, чрезъ соучастника своего, подполковника Дембровскаго, просилъ у меня 80/т. р., чтобы дать квитанцію въ принятіи полка; но я не только 80-ти тысячъ, но даже 10/т., которые Дембровскій послѣ уже просилъ, дать не согласился. Зоричъ зналъ, что, донеся Государю о неисправности полка, надобно представить доказательства, то онъ, по отправленіи меня въ Петербургъ, отдѣлилъ большую часть полковыхъ лошадей въ табунъ: и нарочно пасли ихъ въ такихъ мѣстахъ, чтобы ихъ сморить. Инспекторъ генералъ Нумсенъ впослѣдствіи все сіе обнаружилъ.

Зорича выключили и все взыскали, и онъ умеръ, и Дембровскій тоже. Со всѣмъ тѣмъ я просидѣлъ во дворцѣ подъ арестомъ, пока судъ кончили, съ мая 1797 г. по февраль 1798 года, и былъ обойденъ.

Со мной вмѣстѣ содержались: князь Горчаковъ, что послѣ былъ военный министръ при Александрѣ,—дуракъ, и Платовъ, впослѣдствіи войсковой атаманъ и графъ,—плутъ—все за полки.

Въ сіе мое пребываніе въ Петербургѣ родилась въ Биржѣ дочь Екатерина, 1797 года, ноября 1-го [1]).

По окончаніи дѣла, я просилъ Императора Павла у развода остаться на короткое время посмотрѣть разводныя ученья, и онъ позволилъ, но на другой же день отъ развода выслалъ въ полкъ и прислалъ выпроводить меня за заставу флигель-адъютанта Жилинскаго, который былъ со мною въ С.-Петербургскомъ полку.

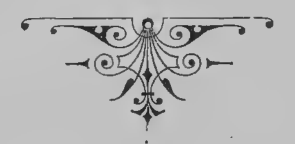
---

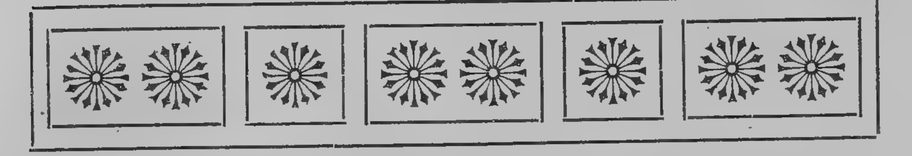
[1]) Впослѣдствіи замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Всев. Никандр. Жадовскимъ, скончалась въ 1887 году.

Дальнѣйшая служба Н. Я. Трегубова послѣ ареста по доносу Зорича и оправданія.

1798 г. августа 10-го произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ сентябрѣ дано старшинство съ 1797 года ноября 15-го. — Того же 1798 г. ноября 2-го отставленъ съ половиннымъ жалованьемъ. — Въ 1805 г. опредѣленъ членомъ Таганрогскаго комитета — 1810 г. февраля 4-го назначенъ главнымъ попечителемъ купеческаго судоходства по Азовскому морю.—1811 г. апрѣля 30-го предсѣдателемъ Одесскаго Коммерческаго суда.—1818 г. мая 3-го получилъ орденъ Св. Анны 1 ст., въ чинѣ д. ст. сов. по должности предсѣд. Одесск. Ком. суда, а 26 авг. аренду.—1820 г. мая 25 пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ одесскимъ градоначальникомъ. — 1821 г. ноября 26 уволенъ отъ должности къ герольдіи.—1822 г. іюля 4-го возобновленъ пансіонъ 900 р. въ годъ.—1826 г. августа 3-го данъ пансіонъ 2.160 р.—1829 г. ноября 21-го въ сенаторы въ 8-й департаментъ; съ 1832 г. марта 15 во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента.

Скончался въ началѣ 1845 года.





Петръ Великій и Людовикъ XIV [1]).

Къ исторіи франко-русскихъ отношеній въ царствованіе Петра I до заключенія перваго франко-русскаго договора.

1682—1717.

Петръ Великій, съ самаго вступленія своего въ управленіе государствомъ, ясно сознавалъ огромное значеніе, которое могъ имѣть для него союзъ съ Франціей, съ которой у Россіи существовали до тѣхъ поръ лишь случайныя сношенія.

Главнымъ препятствіемъ, преграждавшимъ Россіи путь къ центральной Европѣ и къ морю—къ которому Петръ стремился неудержимо, было существованіе вдоль русской границы цѣлаго ряда воинственныхъ государствъ, которыя всѣ были болѣе или менѣе близки къ Франціи, или на которыхъ она смотрѣла какъ на полезныхъ пособниковъ своей политики, и которыя вслѣдствіе этого могли, въ случаѣ опасности, разсчитывать на ея поддержку.

Швеція, Польша, Турція—исконныя союзницы французскихъ королей, плотнымъ кольцомъ окружали владѣнія царя и стояли ему на пути въ его стремленіи расширить свои владѣнія.

Естественно, что Петръ задался цѣлью отдалить отъ Франціи, и тѣмъ по возможности ослабить, непріятныхъ ему сосѣдей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключить союзъ съ Версальскимъ дворомъ, но Франція, переживавшая въ то время золотой вѣкъ своей силы, своего величія и славы, не чувствовала ни малѣйшаго желанія сближаться съ страной мало культурной, мало извѣстной въ Европѣ, жившей совершенно обособленно. Первыя попытки къ сближенію со стороны Петра были встрѣчены французскимъ правительствомъ

---

[1]) Vicomte de Guichen. Pierre le Grand et le premier traité Franco-russe 1682–1717. Paris. 1908.

съ холоднымъ пренебреженіемъ и были имъ отвергнуты. Посольства, коими обмѣнялись обѣ страны вскорѣ по вступленіи на престолъ Петра, не привели ни къ чему.

Еще ранѣе, въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, французскій король, недовольный Швеціей, которая склонялась на сторону его враговъ, считалъ весьма желательнымъ заключеніе союза между великимъ княземъ московскимъ, Даніей и Бранденбургомъ. Видя въ этомъ средство разстроить планы Карла XII, онъ готовъ былъ содѣйствовать заключенію этого союза и съ этой цѣлью поручилъ Ляпикетьеру отправиться въ Москву, гдѣ онъ долженъ былъ вести съ бранденбургскимъ и датскимъ посланниками переговоры, истинная цѣль которыхъ была замаскирована подъ видомъ торговыхъ сдѣлокъ.

Въ секретныхъ инструкціяхъ, данныхъ Ляпикетьеру, ему было поручено собрать для короля обстоятельныя свѣдѣнія о русскомъ дворѣ, о которомъ во Франціи въ то время почти ничего не знали. Но смерть Θеодора Алексѣевича и перемѣны, происшедшія въ русской политикѣ во время малолѣтства его братьевъ, были причиною, что этотъ планъ остался неосуществленнымъ. Ляпикетьеръ даже не уѣзжалъ изъ Франціи.

Въ 1684 г. во Францію прибыло изъ Москвы посольство съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ царей Петра и Ивана Алексѣевичей. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ французскій король увѣрялъ новыхъ царей въ своихъ дружескихъ чувствахъ и выразилъ желаніе поддержать съ Москвою „доброе согласіе“.

Любопытны подробности, касающіяся посольства, отправленнаго во Францію правительницей Софіей въ 1689 г. съ цѣлью склонить Людовика XIV примкнуть къ священной лигѣ противъ турокъ, въ которую вступили Австрія, Россія, Польша и Венеція. Самый выборъ пословъ, князя Якова Долгорукова и князя Якова Мышецкаго, былъ чрезвычайно неудаченъ. Они оба не говорили ни на одномъ иностранномъ языкѣ; Франція была для нихъ страной совершенно неизвѣстной. Въ Дюнкирхенѣ ихъ встрѣтилъ уполномоченный короля Торфъ. Сойдя на берегъ, они изложили письменно цѣль своего путешествія, и ихъ письмо было препровождено въ Версаль, откуда они получили разрѣшеніе пріѣхать въ Парижъ. Начиная съ этого момента съ ними произошелъ рядъ самыхъ необычайныхъ и подъ-часъ комическихъ приключеній. Такъ какъ ихъ багажъ, опечатанный въ таможнѣ, могъ быть вскрытъ только на мѣстѣ, то имъ объяснили, что они не должны снимать печатей до Парижа. Послы обѣщали подчиниться этому правилу; но, доѣхавъ до Сенъ-Дени, гдѣ была въ то время ярмарка, они безъ церемоніи

сорвали печати со своихъ сундуковъ, чтобы продать на ярмаркѣ привезенныя ими вещи. Въ оправданіе ихъ надобно сказать, что по причинѣ крайне разстроеннаго состоянія русскихъ финансовъ, чрезвычайное посольство получало вмѣсто жалованія подарки мѣхами, которые послы вынуждены были продавать, чтобы жить на вырученныя деньги.

9 августа посольство торжественно въѣхало въ Парижъ. Пять дней спустя король назначилъ ему аудіенцію въ Версалѣ. Но тутъ неожиданно возникло новое затрудненіе: послы наотрѣзъ отказались допустить таможенный осмотръ своихъ вещей, и когда полицейскій чинъ собирался вскрыть ихъ сундуки, они побили его и одинъ изъ московитовъ даже бросился на него съ ножемъ въ рукахъ.

При Версальскомъ дворѣ всѣмъ этимъ были глубоко возмущены, и король повелѣлъ, чтобы русскіе немедленно оставили Парижъ; однако послалъ имъ подарки для царя. Но послы заявили рѣшительно, что они не уѣдутъ, не получивъ обѣщанной аудіенціи. Тогда Людовикъ XIV возвратилъ всѣ привезенные ими подарки и приказалъ подтвердить имъ повелѣніе выѣхать изъ Франціи. Долгоруковъ и Мышецкій, взбѣшенные до послѣдней крайности, отвѣчали снова отказомъ. Послѣ этого у нихъ были отобраны всѣ ящики, привезенные ими съ вещами; имъ грозила смерть отъ голода. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, они стали умолять Торфа замолвить слово въ ихъ пользу и откровенно сознались ему, что если король не дастъ имъ аудіенціи, то имъ придется „отвѣтить“ за это по пріѣздѣ въ Москву. Послѣ безконечныхъ переговоровъ, они согласились наконецъ на осмотръ своего багажа.

Нѣсколько дней спустя состоялся пріемъ въ Версалѣ; вотъ какъ описываетъ его въ своихъ мемуарахъ церемоніймейстеръ французскаго двора Сенто (Saintot).

„Послы, въ сопровожденіи маршала Дестрэ и нѣсколькихъ придворныхъ, были доставлены, въ парадныхъ каретахъ, въ Версаль, гдѣ во дворахъ, прилегавшихъ ко дворцу, были выстроены швейцарцы и королевскіе тѣлохранители. На главной лѣстницѣ, у которой ихъ приняли оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ де Бленвиль и церемоніймейстеръ Сенто, стоялъ отрядъ швейцарцевъ; въ залѣ были разставлены шпалерами тѣлохранители короля.

Когда послы вошли въ аудіенцъ-зало, гдѣ сидѣлъ Людовикъ, они сдѣлали ему почтительный поклонъ; послѣ чего посолъ произнесъ по-русски привѣтствіе. За нимъ говорили два другихъ посла.

Окончивъ привѣтствіе, которое было переведено на француз-

скій языкъ, они подали королю свои вѣрительныя граматы, послѣ чего ихъ многочисленная свита внесла подарки, присланные царями: цѣнныя матеріи и мѣха. По окончаніи аудіенціи посламъ было предложено роскошное угощеніе, затѣмъ они были доставлены обратно въ Парижъ.

4 сентября состоялась съ обычнымъ церемоніаломъ прощальная аудіенція; король принялъ пословъ сидя, обнажилъ голову, когда они вошли, а вручая имъ письмо, которое онъ посылалъ царямъ, онъ всталъ, обнажилъ голову и тотчасъ сѣлъ.

Откланиваясь Людовику, послы просили позволенія поцѣловать е. в. руку, что и было имъ дозволено. Они всѣ трое получили отъ короля подарки".

Жизнь въ Парижѣ такъ понравилась кн. Долгорукову и Мышецкому, что они отказались уѣхать въ назначенный день, и лишь послѣ долгихъ проволочекъ согласились выѣхать 19 сентября. Въ Гаврѣ, гдѣ они сѣли на суда, Торфъ передалъ имъ письмо, въ которомъ имъ ставилось на видъ, что русское правительство обязано впредь принимать на свой счетъ всѣ расходы по содержанію посольства, если таковое будетъ послано во Францію.

По пріѣздѣ въ Москву, Долгорукій и Мышецкій, разсказывая о пріемѣ, который былъ оказанъ имъ при дворѣ Людовика XIV, до того исказили истину, что вызвали, своими разсказами, враждебное чувство къ Франціи; это отразилось на отношеніяхъ обоихъ дворовъ, которыя сдѣлались временно болѣе натянутыми. Московскіе послы, въ свою очередь, произвели на французскій дворъ неблагопріятное впечатлѣніе той настойчивостью, съ какою они требовали, чтобы въ отвѣтномъ письмѣ короля былъ упомянутъ императорскій титулъ, — предметъ самыхъ страстныхъ желаній Петра.

Непріязненное чувство, возбужденное въ Россіи разсказами московскихъ пословъ, отразилось и на пріемѣ, который былъ оказанъ двумъ іезуитамъ, пріѣхавшимъ въ скоромъ времени въ Россію съ письмомъ отъ Людовика XIV и съ просьбою дозволить имъ проѣхать черезъ Сибирь въ Китай. Эти миссіонеры, несмотря на все стараніе кн. Голицына, не получили желаемаго разрѣшенія и были вынуждены уѣхать обратно за границу.

Таковъ былъ печальный результатъ неудачнаго посольства, отправленнаго во Францію правительницей Софьей. Неблагопріятное впечатлѣніе, оставленное имъ при дворѣ Людовика XVI, изгладилось лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ впечатлѣніемъ широкой преобразовательной дѣятельности даровитаго и энергичнаго Петра I.

Въ 1697 г. царь совершилъ свое первое заграничное путешествіе и посѣтилъ Голландію и Англію. Несмотря на его живѣйшее желаніе быть во Франціи, обстоятельства этому въ то время не благопріятствовали. Неудача кандидатуры на польскій престолъ принца Конти, которую во Франціи приписывали отчасти русскому вліянію, настроила Людовика XIV непріязненно къ царю; онъ не могъ простить Петру его враждебныхъ плановъ по отношенію къ туркамъ и продолжалъ смотрѣть на него какъ на монарха, не имѣвшаго авторитета и значенія въ Европѣ, но отказъ Людовика XIV принять его, сдѣланный въ вѣжливой формѣ, не вызвалъ со стороны царя озлобленія; его подкупала слава Людовика, и онъ все не оставлялъ мысли рано или поздно сблизиться съ нимъ.

Начиная съ 1703 г. Петръ имѣлъ въ Парижѣ особаго агента, который не носилъ оффиціальнаго званія, но на обязанности коего лежало разглашать слухи о его побѣдахъ, о его преобразованіяхъ, о его любви къ европейской цивилизаціи, а года два передъ тѣмъ, принимая въ аудіенціи Дюгерона, чрезвычайнаго французскаго посла при дворѣ Августа II, Петръ высказалъ ему свое восхищеніе королемъ французскимъ и свое желаніе быть съ нимъ въ тѣсной дружбѣ. Указавъ на выгоды, которыя могло принести Франціи заключеніе торговаго договора съ Россіей, гдѣ вся торговля находилась въ рукахъ англичанъ и голландцевъ, царь настаивалъ на томъ, что Людовику XIV слѣдовало помочь Россіи въ пріобрѣтеніи порта на Балтійскомъ морѣ и въ войнѣ со Швеціей.

Во время дальнѣйшихъ бесѣдъ, царь далъ понять Дюгерону, что и онъ со своей стороны могъ бы быть полезенъ французскому королю въ Польшѣ и что если бы король пожелалъ воспользоваться этимъ, чтобы посадить на польскій престолъ французскаго принца, то онъ былъ бы готовъ всячески содѣйствовать ему въ этомъ.

Въ то же время къ Дюгерону обратился заклятый врагъ Швеціи, Паткуль, имѣвшій мысль вооружить противъ нея Польшу, Россію, Данію и, если удастся, Францію.

Чрезвычайная важность предложеній, сдѣланныхъ Дюгерену, и почтительность, съ какой царь отзывался о французскомъ королѣ, возбудили въ умѣ Людовика XIV надежду на то, что Петръ присоединится къ его политикѣ и откажется отъ дальнѣйшей войны со Швеціей.

Для переговоровъ объ этомъ предметѣ былъ посланъ въ Москву нѣкто Балюзій, полякъ, состоявшій на французской службѣ. Ему было поручено оффиціально благодарить русскаго царя отъ имени Людовика XIV за выраженное имъ желаніе поддерживать съ коро-

лемъ постоянную переписку и убѣдить его въ томъ, что Англія, Голландія и курфюрстъ Бранденбургскій, которые добивались съ нимъ союза, преслѣдовали исключительно свои личныя цѣли. Балюзію велѣно было намекнуть царю, что только одна Франція могла бы быть полезной союзницей Россіи и что въ то время представлялся удобный случай объявить войну императору.

Изъ инструкцій, полученныхъ Балюзіемъ, видно, что французскій дворъ сильно заблуждался на счетъ истинныхъ намѣреній царя, ибо онъ питалъ надежду, что Петръ согласится дать Франціи денежную субсидію для войны съ императоромъ; впрочемъ посланному было приказано затронуть этотъ щекотливый вопросъ какъ можно осторожнѣе.

10 апрѣля 1703 г., Балюзій писалъ Людовику XIV:

„Осмѣливаюсь молить в. в. прислать мнѣ какъ можно скорѣе указанія вашего величества, такъ какъ я нахожусь здѣсь въ полномъ бездѣйствіи, что можетъ быть непріятно здѣшнему двору и мнѣ самому. Если бы вашему величеству были извѣстны здѣшніе нравы, то, я увѣренъ, вы повелѣли бы прислать мнѣ нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей для поднесенія ихъ царю, который принимаетъ подарки съ удовольствіемъ; къ этому средству прибѣгаютъ иностранные министры, когда они хотятъ достигнуть успѣха въ переговорахъ...

Здѣсь есть еще нѣсколько лицъ, заручиться дружбою коихъ было бы полезно вашему величеству, если вы желаете снискать дружбу царя и вступить съ нимъ въ соглашеніе...

Могущество царя на сушѣ очень велико; что касается до его могущества на морѣ, оно возрастаетъ съ каждымъ днемъ“.

Миссія, возложенная на Балюзія, вызвала переполохъ среди враждебныхъ Франціи державъ, однако Плейеръ, австрійскій посланникъ въ Россіи, извѣщая своего монарха о переговорахъ, которые велъ Балюзій, писалъ:

„Мнѣ кажется, намъ особенно безпокоиться нечего, тѣмъ болѣе, что французскому резиденту оказано здѣсь не болѣе почета и уваженія, чѣмъ прежде. Все французское не пользуется тутъ особымъ почетомъ; только польскій посланникъ покровительствуетъ французскимъ офицерамъ и заботится объ ихъ интересахъ“.

Пребываніе въ Москвѣ Балюзія не увѣнчалось никакими осязательными результатами; отъ него ожидали опредѣленныхъ предложеній, которыя ему строго запрещено было дѣлать. Поэтому Людовикъ XIV письмомъ отъ 10 іюля 1703 г. извѣстилъ его о томъ, что онъ можетъ возвратиться во Францію.

„Я вижу, писалъ король, изъ вашего донесенія, что царскіе

министры хотятъ заставить васъ перваго сдѣлать отъ моего имени предложеніе о заключеніи союзнаго договора. Такъ какъ, посылая васъ (въ Россію), я хотѣлъ этимъ отозваться на выраженное этимъ монархомъ желаніе сблизиться со мною, и такъ какъ я не вижу, чтобы его намѣренія остались неизмѣнны, то дальнѣйшее пребываніе ваше въ Москвѣ является излишнимъ".

Между тѣмъ на сѣверѣ Европы событія развертывались съ изумительной быстротою. Россія оправилась отъ понесенныхъ ею пораженій и въ свою очередь стала наносить пораженія Швеціи, которая при этихъ обстоятельствахъ уже не могла быть для Франціи сколько-нибудь полезной соперницей, а союзъ, заключенный Петромъ съ врагомъ Франціи, создалъ натянутыя и даже непріятныя отношенія къ Франціи. Это непріятное чувство росло съ каждымъ днемъ и поддерживалось слухами, которые волновали общественное мнѣніе Франціи. Разсказывали, напр., будто царь, въ бытность свою въ Голландіи, разбилъ въ дребезги кубокъ, въ который было налито французское вино; говорили, что его деспотизмъ проявлялся въ Россіи въ самыхъ ужасающихъ актахъ.

Бояринъ Матвѣевъ, посланный въ 1705 году къ французскому двору для переговоровъ по поводу задержанія двухъ русскихъ судовъ корсарами, вышедшими изъ Дюнкирхена, испыталъ на себѣ недоброжелательство, съ какимъ относились въ то время къ Россіи; его переговоры съ министрами Людовика XIV не привели ни къ чему; тѣмъ не менѣе его миссія не осталась совершенно безплодной, такъ какъ ему удалось до извѣстной степени разсѣять предубѣжденіе, существовавшее при дворѣ противъ царя.

Дибервиль, которому было поручено вести съ нимъ переговоры, говоритъ, что Матвѣевъ усердно убѣждалъ его въ томъ, что „царь не только не питалъ ненависти къ королю и къ французской націи, но что онъ, напротивъ того, преклонялся передъ добродѣтелью, набожностью и геніемъ Людовика XIV и считалъ его правленіе самымъ совершеннымъ и образцовымъ правленіемъ, которому всѣмъ монархамъ надлежало подражать.

Распространенное во Франціи мнѣніе о ненависти царя къ Франціи основано на ложныхъ донесеніяхъ враговъ царя и короля, говорилъ Матвѣевъ; если бы при французскомъ и при московскомъ дворахъ были оффиціальные послы, то они опровергли бы эти ошибочныя сужденія, которыя такъ вредно отзывались на интересахъ обѣихъ державъ.

Указывая на то, что отмѣна пошлины на французскія вина повела къ увеличенію ихъ потребленія въ Россіи, Матвѣевъ на-

стаивалъ на выгодахъ, какія могло принести доброе согласіе между державами.

Стараясь расположить общественное мнѣніе Франціи въ пользу Россіи, Матвѣевъ дѣйствовалъ, въ то же время, какъ это видно изъ его донесеній, совершенно иначе по отношенію къ Франціи.

Онъ писалъ изъ Парижа: „здѣсь воображаютъ, что я пріѣхалъ просить короля о посредничествѣ для заключенія мира со Швеціей. Французы озлоблены на то, что ихъ посолъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ со спеціальной миссіей, ничего не достигъ, и я очень боюсь, что здѣшній дворъ, дѣйствующій всегда съ хитростью, не отплатилъ бы намъ тѣмъ же“. „Этотъ гордый дворъ мало интересуется нашими дѣлами. На меня смотрятъ не какъ на посла, а какъ на какое-то диво; вотъ почему я настоятельно прошу отвѣта, чтобы не вести далѣе праздную жизнь при этомъ роскошномъ и пустомъ дворѣ“.

„Шведы“, писалъ онъ далѣе, „въ большомъ почетѣ при здѣшнемъ дворѣ и распространяютъ на нашъ счетъ злую клевету. Дружба, которую намъ яко-бы выказываютъ здѣсь, лицемѣрна и ни къ чему не поведетъ“. Изъ этого онъ выводилъ заключеніе, что „мѣнять дружбу англичанъ и голландцевъ на дружбу Франціи было бы отнюдь не выгодно“.

Но логика событій говорила иное. Пораженіе, нанесенное шведамъ подъ Полтавою, въ корнѣ измѣнило соотношеніе силъ. Франція, въ конецъ истощенная продолжительными войнами, не имѣла надобности щадить долѣе свою прежнюю союзницу, которая едва-ли могла оправиться отъ нанесеннаго ей пораженія, и французское правительство поняло, какъ неосмотрительно было съ его стороны уклоняться отъ сближенія съ Россіей, морскіе успѣхи которой затрогивали весьма близко торговые интересы Франціи; и оно сочло нужнымъ расположить царя въ свою пользу, предложивъ ему свою поддержку для того, чтобы добиться отъ Турціи пропуска русскихъ судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное (это было вскорѣ послѣ взятія Азова).

Русскому резиденту въ Парижѣ, Скрофу, поручено было извѣстить Петра о намѣреніи Людовика XIV послать въ Россію для переговоровъ объ этомъ новое посольство, во главѣ котораго снова сталъ Балюзій. Ему было повелѣно употребить всѣ старанія къ тому, чтобы Петръ пришелъ на помощь венграмъ въ ихъ борьбѣ съ Австріей, и чтобы онъ далъ обѣщаніе защищать славянскіе народы, терпѣвшіе притѣсненіе отъ Австріи, могущество которой было постоянной угрозой для самой Россіи.

Балюзій прибылъ въ Москву въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1711 г., когда

Петръ готовился къ походу противъ Турціи, только-что объявившей ему войну, не безъ участія въ этомъ дѣлѣ Франціи, какъ полагалъ царь. Крайне смущенный намеками, которые были ему сдѣланы въ этомъ смыслѣ. Балюзій попытался разсѣять это неблагопріятное для Франціи впечатлѣніе, но ко всѣмъ его заявленіямъ отнеслись „иронически“. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ совѣщаній съ канцлеромъ Головкинымъ, княземъ Долгорукимъ и барономъ Шафировымъ, агентъ Людовика XIV постарался увидѣть самого царя, отъ котораго его систематически отстраняли. Ему удалось, послѣ долгихъ стараній, встрѣтиться съ нимъ въ дворцовомъ саду. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ царемъ, было достаточно для того, чтобы Балюзій понялъ, что Петръ, побѣдивъ Швецію, разсчитывалъ впредь господствовать на сѣверѣ Европы. Онъ далъ понять посланному французскаго короля, что онъ желалъ вмѣшательства Людовика единственно для заключенія мира съ Портой.

Балюзій не могъ дать на этотъ счетъ никакихъ обѣщаній и рѣшилъ обождать въ Москвѣ возвращенія Григорія Волкова, посланнаго царемъ во Францію для переговоровъ.

Въ то время, какъ Волковъ находился въ Парижѣ, Петръ понесъ пораженіе на берегахъ Прута и заключилъ, 23 іюля 1711 г., миръ съ турками, уступивъ имъ только-что завоеванный русскими войсками Азовъ. Моментъ для французскаго посредничества былъ выбранъ неудачно.

Но въ то время какъ всѣ попытки царя достигнуть сближенія съ французскимъ правительствомъ на дипломатическомъ поприщѣ кончились полной неудачей, на почвѣ торговыхъ сношеній съ Франціей устанавливалась мало-по-малу прочная связь, такъ что возникла даже мысль о необходимости основать торговую компанію для конкуренціи съ англичанами и голландцами. Чтобы выхлопотать для нея особыя привилегіи, комиссаръ королевскаго флота въ Гамбургѣ, La Vie, получилъ приказаніе отправиться въ Россію и собрать обстоятельныя свѣдѣнія объ ея естественныхъ богатствахъ и средствахъ.

Изъ Петербурга, куда La Vie пріѣхалъ въ январѣ 1715 г., онъ написалъ рядъ любопытныхъ писемъ, въ которыхъ выяснилъ значеніе торговли съ Москвой, выгоды, какія она сулила Франціи, и необходимость создать французскую торговую компанію для конкуренціи съ англичанами и голландцами. Попутно онъ сообщалъ подробности изъ русской жизни и описывалъ интриги двухъ партій, соперничавшихъ при русскомъ дворѣ, изъ коихъ во главѣ одной стоялъ Головкинъ, всецѣло преданный Австріи, а во главѣ другой Меншиковъ, Куракинъ и Шафировъ — любимцы Петра. Любопыт-

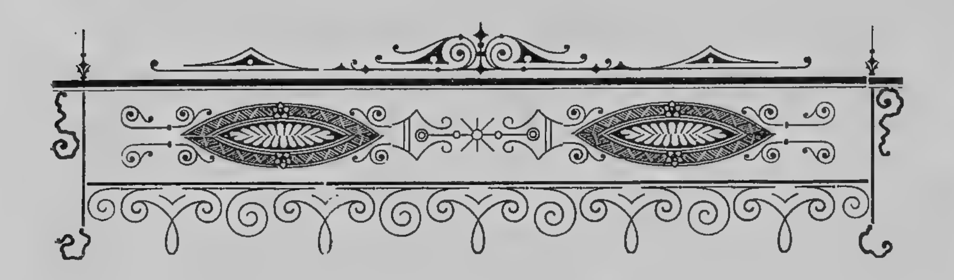
ныя сообщенія французскаго агента изображали совершенно въ новомъ свѣтѣ событія, разыгравшіяся въ Россіи. Къ сожалѣнію, онъ велъ безпорядочную жизнь, дѣлалъ огромные долги, дружилъ съ завзятыми врагами Франціи, такъ что французское правительство было вынуждено отозвать его.

Незадолго до кончины Людовика XIV, Петръ сдѣлалъ еще одну попытку посѣтить Францію, но старикъ-король и этотъ разъ отклонилъ предложеніе Петра, давъ понять, что, въ виду плохого состоянія французскихъ финансовъ, его собственныхъ недуговъ и преклонныхъ лѣтъ, онъ былъ лишенъ возможности сдѣлать царю такой торжественный пріемъ, который соотвѣтствовалъ бы его желанію. Такимъ образомъ французское правительство еще разъ отклонило предложеніе царя посѣтить Францію, и сближеніе котораго онъ такъ желалъ и выгоды котораго для обѣихъ странъ были столь очевидны, не осуществилось при жизни Людовика XIV. Франція не могла отрѣшиться отъ своей традиціонной политики и не откликнулась на предложеніе царя.

Но послѣ его кончины положеніе измѣнилось. Аббатъ Дюбуа, довѣренное лицо регента, мечталъ о заключеніи новыхъ союзовъ, которые помогли бы Франціи исправить ошибки, сдѣланныя въ предыдущее царствованіе. Петръ воспользовался этимъ и счелъ моментъ благопріятнымъ для осуществленія своего давнишняго плана. Онъ совершилъ въ 1717 г. поѣздку въ Парижъ, сдѣлалъ французскому кабинету формальное предложеніе заключить съ нимъ союзъ и пустилъ въ ходъ все обаяніе своей личности и все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить французскихъ министровъ въ томъ, что роль, которую играла до тѣхъ поръ среди сѣверныхъ державъ Швеція, могла быть, съ большой выгодой для французской политики, взята на себя возрождающейся Россіей.

Домогательства царя увѣнчались этотъ разъ успѣхомъ и привели къ заключенію 15 августа 1717 г. союзнаго договора, къ которому присоединилась Пруссія и которымъ было положено начало новой политической системѣ европейскихъ державъ.

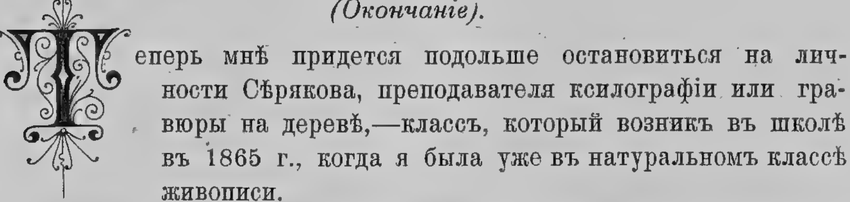




Изъ автобіографіи маленькаго человѣка [1].

V.

(Окончаніе).



Теперь мнѣ придется подольше остановиться на личности Сѣрякова, преподавателя ксилографіи или гравюры на деревѣ,—классъ, который возникъ въ школѣ въ 1865 г., когда я была уже въ натуральномъ классѣ живописи.

Сѣряковъ былъ вполнѣ самородокъ, вышедшій изъ народа и трудомъ и неослабѣваемой энергіей пробившій себѣ дорогу. Интересенъ былъ его разсказъ о томъ, когда онъ, еще юношей, поддерживая мать и теряясь безъ работы, почти умирая съ голоду, разъ увидя, какъ работалъ одинъ знакомый ему граверъ, еще не умѣя гравировать, взялъ заказъ на 15 рисунковъ и, не имѣя инструментовъ, вырѣзалъ ихъ перочиннымъ ножемъ! Кое-какъ перебиваясь заказами, онъ рискнулъ поѣхать въ Парижъ, къ знаменитому учителю Панемакеру, гдѣ страшно бѣдствовалъ, питаясь иногда одной селедкой,—не зная вначалѣ и языка;—вмѣстѣ съ матерью, поѣхавшей за нимъ и тамъ, пристроился на какой-то мизерной должности при портьершѣ того дома, гдѣ они помѣщались. Сила характера и неустанный трудъ взяли свое, и Сѣряковъ вернулся изъ Парижа мастеромъ своего дѣла, засыпанный работами, тѣмъ болѣе, что гравюра на деревѣ тогда царила, не задушенная еще цинкографіей и фототипіей. Конечно, сквозь небольшую парижскую шлифовку сильно пробивалась шероховатость прежней

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1908 г.

жизни, что временами прорывалось наружу, шокируя нѣкоторыхъ ученицъ до того, что, сначала набросившись на новинку, онѣ ретировались,—при томъ же спасовавъ передъ трудностью работы. Но я, избравъ эту спеціальность, шла по ней неуклонно; послѣ своей первой, малой серебряной медали, вызвала у Сѣрякова такое замѣчаніе, съ нѣкоторымъ намекомъ на терпѣливо переносимыя мною его рѣзкія выходки: „Вотъ на васъ оправдывается поговорка: терпи казакъ—будешь атаманомъ!"

Школа Сѣрякова была очень строгая. Онъ главное напиралъ на „тона́" и долго держалъ насъ на нихъ, пріучая и къ тому, чтобы „умѣть рисовать инструментомъ". Тутъ мнѣ много помогла моя прежняя рисовка перомъ, придавшая вѣрность рукѣ, а также моя близорукость, позволявшая мнѣ, гравируя, видѣть собственными глазами тѣ мелкіе штрихи, которые самъ Сѣряковъ не могъ видѣть безъ лупы, съ которой постоянно работалъ.

Черезъ годъ, уже весной, мы на столько успѣли, что Сѣряковъ намъ, первымъ ученицамъ, задалъ на лѣто композицію на стихи котораго-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, изъ деревенской жизни, что нужно было срисовать съ натуры, а затѣмъ, приведя въ извѣстную величину, самой нарисовать на доскѣ и награвировать. Я выбрала стихи Никитина „Соха", — которая, какъ будетъ видно дальше,—была первымъ толчкомъ къ моей литературной дѣятельности. Тогда, на экзаменѣ, гравюра заслужила похвалу и предложеніе гравировать на малую серебряную медаль; но прежде чѣмъ подумать о томъ, я уже получила первую заказную работу, часть которой уступила мнѣ моя товарка,—именно къ книгѣ проф. Вагнера „Изъ природы", издаваемой г-жами Трубниковой и Стасовой, и это, кромѣ работы, дало мнѣ возможность познакомиться съ чудной личностью Н. В. Стасовой, съ которой мы сошлись еще болѣе на тѣхъ лекціяхъ женскихъ курсовъ, что, возникнувъ осенью 1871 г., были первообразомъ „Высшихъ женскихъ" или „Бестужевскихъ" курсовъ.

Вскорѣ послѣ этой работы я получила большой заказъ на ботаническіе рисунки отъ профессора ботаники А. Н. Бекетова, бывшаго тогда ректоромъ университета. Работа эта продолжалась всю зиму, такъ какъ нужно было самой же ихъ нарисовать на деревѣ, сдѣлать болѣе 40 рисунковъ къ издававшейся тогда Бекетовымъ „Ботаникѣ", включавшей самые мелкіе рисунки всевозможныхъ пальмъ; и это дало мнѣ случай часто видѣться и сойтись съ достойнѣйшимъ Андреемъ Николаевичемъ и его милой семьей. Бывало, принеся ему одни рисунки и потолковавъ о слѣдующихъ примемся мы съ нимъ толковать о разныхъ, наводящихъ на раз-

мышленія, предметахъ, касавшихся часто „злобы дня"; говоримъ, причемъ онъ все шагаетъ взадъ и впередъ по кабинету; отзывчивый на все свѣтлое, горячій, чуткій!.. Благородная была личность и въ высшей степени симпатичная!

Иногда, если я не тороплюсь куда, пойдемъ съ нимъ къ семьѣ, завтракать. Она умница была большая; а дѣтки тогда были невелики: старшая—подростокъ, а меньшая—крошка.

Эти самые рисунки и доставили мнѣ на экзаменѣ малую серебряную медаль и громкія похвалы со всѣхъ сторонъ, начиная съ самаго заказчика и кончая Сѣряковымъ, пришедшимъ отъ нихъ въ такой восторгъ, что говорилъ, что радуется моимъ успѣхамъ, какъ своимъ собственнымъ! Теперь я имѣла уже много заказовъ, часто приходя съ моей работой въ школу, за какимъ-нибудь совѣтомъ Сѣрякова; да и жаль было совсѣмъ оставить школу, ставшую мнѣ родной! Я даже, къ моимъ прежнимъ въ ней работамъ, присоединила занятія лѣпкой, когда въ 1873 г. тамъ открылся этотъ классъ, подъ вѣдѣніемъ проф. Крейтана, отличнаго преподавателя и препочтенной въ высшей степени деликатной личности! Попробовала я даже потомъ и отливать мои глиняныя вещи изъ гипса, что вызвало страшню возню, на которую съ интересомъ сбѣжалась чуть не вся школа, особенно когда, послѣ отливки, мнѣ пришлось рубить форму!

Между тѣмъ, какъ Дьяконовъ, такъ и Сѣряковъ не переставали допекать меня тѣмъ, что я не выставляю ничего на большую серебряную медаль, и когда я согласилась, наконецъ, то, по ихъ выбору принялась за большую гравюру съ Виландова „Оберона". Рисунокъ былъ очень мелкій, очень планистый, трудный и для рисовки, не только для гравировки. Но справилась я съ нимъ настолько хорошо, что получила большую медаль и свидѣтельство окончившей курсъ, съ предложеніемъ гравировать на золотую медаль, что давала уже не школа, а академія. Но это представляло столько трудностей и столько отняло бы у меня времени, занятаго тогда моими заказами, и кромѣ того самыми ревностными посѣщеніями итальянской оперы, сильно меня увлекавшей и бывшей въ самомъ апогеѣ своего блеска,—что я совершенно отказалась отъ этого предложенія, удовлетворившись своими двумя медалями. Гравюра „Оберона" была у меня куплена художественнымъ журналомъ „Пчела".

Теперь я дошла до объясненія, какъ мое гравированіе сыграло роль „оранжево-красныхъ" тетрадочекъ гранильной фабрики. Этому непосредственно послужила та гравюра „Сохи", что была мной представлена, какъ композиція на заданную тему.

Предполагавшееся было, въ мечтахъ Сѣрякова, изданіе стиховъ русскихъ поэтомъ, съ нашими иллюстраціями, не осуществилось, и наши работы остались у насъ на рукахъ. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лежанія подъ спудомъ, — именно въ апрѣлѣ 1873 года, попавшаяся мнѣ на глаза доска съ гравюрой „Сохи“ порождаетъ въ моей головѣ мысль написать къ этому рисунку дѣтскій разсказъ и отнести его въ дѣтскій журналъ, при чемъ выборъ мой остановился на журналѣ „Дѣтское чтеніе“, редакторомъ котораго былъ тогда Алексѣй Ник. Острогорскій, воспитатель Пажескаго корпуса, въ зданіи котораго помѣщалась тогда и редакція журнала. Разсказъ мой понравился; тотчасъ же былъ принятъ и напечатанъ, съ просьбой стать постоянной сотрудницей журнала, что я и продолжала все время, какъ упоминала раньше, пока онъ существовалъ въ Петербургѣ, работая для него и перомъ и рѣзцомъ.

Теперь, объяснивъ, какимъ образомъ школа, въ образѣ гравированія, повліяла на появленіе моихъ произведеній въ печати, я хочу указать еще на одно, въ ея стѣнахъ пріобрѣтенное мною пріятное знакомство, именно съ Дмитріемъ Васильевичемъ Григоровичемъ, секретаремъ „Общества поощренія художествъ“. Школа наша до него имѣла чисто-художественный характеръ; онъ первый внесъ въ нее—художественно-ремесленный. Ревностно начавъ посѣщать школу, Д. В. сначала пришелъ въ восторгъ отъ работъ учепицъ; восхищался ихъ дѣльными замѣчаніями, въ первый разъ пройдясь съ нами по постоянной выставкѣ, помѣщавшейся въ домѣ, въ одномъ этажѣ со школой и даже съ ней соединенной. Выражалъ онъ и желаніе прочесть намъ рядъ лекцій по искусству и обходить съ нами всѣ открывавшіяся выставки. Какъ теперь вижу его подвижную фигуру съ живой, несмолкаемой рѣчью, быстро переходящаго изъ класса въ классъ, заглядывая то тутъ, то тамъ, разсыпая замѣчанія, приправленныя любезностью, сглаживавшею рѣзкость замѣчанія, иногда разсыпаясь блестящей французской фразой. Но, расточая любезности передъ произведеніями ученицъ, Д. В. однако не оставлялъ своей первоначальной идеи и понемногу приводилъ ее въ исполненіе.

— Это все конфетки, изумрудныя брошки!—вскорѣ заговорилъ онъ про наши композиціи и акварельные пейзажи, изощряясь въ оригинальности выраженій, — имъ гораздо полезнѣе сочинять барельефы и рамки, рисовать все то, что можетъ представить художественно-ремесленный интересъ, болѣе производительный и практичный!

Нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей возмутились такимъ

взглядомъ, считая его посягательствомъ на святыню искусства; отстаивая за школой характеръ исключительно художественный; имъ вторили и ученицы. Но, открывавшіеся вслѣдъ затѣмъ, одинъ за другимъ, классы: гравированія, лѣпки, живописи на фарфорѣ, серамики, рѣзьбы изъ дерева, тисненія по кожѣ, классы „Nature morte“ и декоративный,—скоро примирили всѣхъ съ этими нововведеніями, показавъ, что отъ ихъ практичности не страдала часть художественная, не исключала возможности желающимъ предаться „чистому“ искусству. Часто посѣщая школу, Д. В. всегда былъ готовъ любезно предложить ученицамъ всякую помощь, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась: былъ ли то личный совѣтъ или нужное руководство. Предполагавшіяся, однако, имъ лекціи не состоялись, но онъ не разъ вмѣстѣ съ нами ходилъ въ академію на выставки, до ихъ открытій для публики, а разъ мы съ нимъ сдѣлали обзоръ скульптурнаго отдѣла Эрмитажа.

Здѣсь Д. В. проявилъ себя не только знатокомъ, прилежно и фундаментально изучившимъ то, о чемъ говорилъ, но и блестящимъ разсказчикомъ, пересыпавшимъ серьезное анекдотами изъ жизни мастеровъ, о которыхъ говорилъ. Въ этихъ разсказахъ передъ нами вставали великія тѣни геніевъ искусства, творившихъ не для славы мірской, а для искусства! Намъ казалось, что мы видимъ, какъ дрожитъ мраморъ при приближеніи къ нему гиганта Микель-Анджело, съ его титаническимъ молотомъ, нѣсколько ударовъ котораго, по безобразно разбитой глыбѣ мрамора, создали то чудо анатоміи, въ склоненной фигурѣ человѣка, передъ которой тогда мы стояли.

Но разсказчикъ предлагалъ намъ отдохнуть. Мы разсаживались по диванамъ и кресламъ верхней галлереи Эрмитажа и Д. В. одинъ, неутомимый, продолжалъ свои разсказы, выхваченные изъ другой сферы, болѣе легкой, коснувшись какого-нибудь эпизода изъ его многочисленныхъ путешествій. И вотъ, передъ вами рисовалось яркое небо Испаніи съ горячей нѣгой, напоеннаго ароматомъ цвѣтовъ, — воздуха, съ причудливой архитектурой домовъ и храмовъ, и какъ мимолетный, веселый аккордъ гдѣ-нибудь на высокомъ балконѣ онъ ставилъ красавицу испанку съ алой розой, въ черныхъ, какъ ночь, волосахъ, а гдѣ-то томно звучала гитара и звукъ ея таялъ въ золотистой мглѣ горячаго воздуха... Къ сожалѣнію, слѣдующія, предполагавшіяся наши прогулки съ Д. В. по Эрмитажу не состоялись!..

Но и среди своихъ новыхъ заботъ по устройству новаго помѣщенія школы и открывавшагося тамъ музея, Д. В. по-прежнему готовъ былъ оказать вниманіе ко всѣмъ приходившимъ къ нему

за совѣтомъ ученикамъ и ученицамъ, даже уже оставившимъ, какъ я,—школу. Поэтому мои сношенія съ Д. В. не прекращались, и я всегда находила въ немъ все того же, въ высшей степени любезнаго и предупредительнаго совѣтника, интересовавшагося моими занятіями, какъ литературными, такъ и художественными. Когда я писала для старшаго возраста журнала „Игрушечка"—„Исторію искусства"[1]), я зашла къ Д. В. посовѣтоваться насчетъ руководствъ. Онъ встрѣтилъ меня, какъ всегда, очень любезно, очень заинтересовался моей работой и предложилъ мнѣ приходить заниматься въ богато-снабженную всѣми руководствами библіотеку при музеѣ.

— Мы вамъ тутъ устроимъ чудесное мѣстечко,—говорилъ онъ съ привѣтливой улыбкой, — все будетъ къ вашимъ услугамъ и я самъ тоже. Только ужъ вы насъ не оставляйте!

Онъ очень дорожилъ ученицами, не забывавшими школу, а смотрѣвшими на нее, какъ на что-то близкое!

VI.

Между тѣмъ, сотрудничество мое въ „Дѣтскомъ чтеніи" продолжалось и при слѣдующемъ редакторѣ журнала, двоюродномъ братѣ прежняго — Викторѣ Петровичѣ Острогорскомъ, о которомъ я уже упомянула вначалѣ. Извѣстный педагогъ и писатель, умница онъ былъ поэтомъ въ душѣ, съ тѣмъ полетомъ въ высь, что такъ характеризовалъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, иногда, можетъ быть, и не чувствовавшихъ почву подъ ногами, но за то и не пачкавшихся той грязью, въ которой такъ любятъ копаться современные реалисты! В. П. былъ изъ послѣднихъ могиканъ Тургеневской эпохи, обожавшій Пушкина и умилявшійся передъ идеалами Тургенева. Любила я съ нимъ поговорить и помимо редакціонныхъ вопросовъ, и залетали мы за облака, отрезвляясь отъ сѣрой сутолоки повседневной жизни!

Радовало меня и то, что онъ былъ доволенъ моими вещами; такъ что, скажу не хвастаясь, что за весь длинный періодъ нашей совмѣстной работы, не было статьи, которую онъ бы не одобрилъ.

— Я вѣдь всегда—говорилъ онъ,—эти рукописи читаю, собравъ вокругъ себя ребятишекъ. Какъ эти судьи заинтересуются,—такъ и рѣшено: посылай въ типографію!

---

[1]) Теперь это вышло отдѣльной книгой, подъ именемъ «Въ мірѣ искусствъ».

Успѣхъ въ одномъ журналѣ далъ мнѣ смѣлость обратиться и къ другому, а именно: къ журналу „Семейные вечера“,—издававшемуся Кашперевой, сразу принявшей меня съ распростертыми объятіями. Кашперова была интересной женщиной; очень образованной, съ которой всегда было пріятно поговорить. Немного саркастическая, очень энергичная, она ловко устраивала свои дѣла; много работая для журнала и сама; отлично владѣла языками и помѣщала свои переводы. Она всегда была ко мнѣ мила и исправна и я сохранила съ ней хорошія отношенія, долго работая въ ея журналѣ и оставивъ его только тогда, когда онъ нѣсколько измѣнилъ направленіе, ставшее менѣе симпатичнымъ.

Отдавшись по преимуществу дѣтской литературѣ, захотѣлось мнѣ попробовать свои силы и въ литературѣ для взрослыхъ, и первымъ моихъ произведеніемъ былъ драматическій разсказъ „На скамьѣ подсудимыхъ“,—написанный подъ впечатлѣніемъ одного, надѣлавшаго тогда большого шума, процесса, главные герои котораго были мнѣ извѣстны; а къ исторіи героини я присоединила еще черты жизни другой, знакомой мнѣ особы. Эту вещь я рѣшила снести въ газету „Новое время“, передавъ ее самому редактору А. С. Суворину. Придя къ нему въ назначенный имъ день за отвѣтомъ, я узнала, что вещь принята, при чемъ А. С. любезно добавилъ:

— Это такъ живо написано, будто вы сами все это переживали!

Статья была напечатана въ двухъ фельетонахъ; а пока я отдала другой, уже написанный мною, разсказъ „Роковое“—въ газету „С.-Петербургскія Вѣдомости“, гдѣ онъ былъ тотчасъ же напечатанъ, а вслѣдъ за нимъ и другой: „Не расцвѣла“. Много въ то время работая для дѣтскихъ журналовъ, при томъ и гравируя и рисуя акварелью съ натуры разныхъ насѣкомыхъ, для энтомологическаго общества,—при чемъ иногда приходилось работать и съ микроскопомъ,—я, только урывками могла писать для взрослыхъ, хотя это было мнѣ тоже заманчиво. Кромѣ того, я чувствовала, что послѣ такой литературы, требовался интервалъ, чтобы снова встать на ту степень простоты,—безъ педантизма,—съ которой надо говорить дѣтямъ.

Не помню теперь, по чьему совѣту, отнесла я одинъ разсказъ въ толстый журналъ „Русская рѣчь“, издававшійся Навроцкимъ. Разсказъ ему понравился; но вслѣдствіе выше-изложенныхъ причинъ,—я могла только изрѣдка давать ему другіе, вызвавъ даже у него замѣчаніе, что „я даю ему чрезъ часъ по ложкѣ“.

Просьбу же его написать ему романъ не могла совсѣмъ исполнить, находя этотъ трудъ,—требовавшій полной выдержки характеровъ и ясности отношеній, выведенныхъ личностей, другъ къ другу, съ выполненіемъ полной картины, а не фигуръ калейдоскопа—не подъсилу! Я съ удовольствіемъ работала въ этомъ миломъ журналѣ, встрѣтивъ и въ самомъ Навроцкомъ очень образованнаго человѣка, и мнѣ было жаль, когда онъ,—по домашнимъ обстоятельствамъ—прекратилъ его. Но судьба, затѣмъ, натолкнула меня на другого симпатичнаго издателя-редактора,—И. В. Скворцова, издававшаго „Еженедѣльную газету", съ приложеніемъ журнала „День". Ивану Васильевичу такъ нравились мои маленькіе разсказы, онъ такъ цѣнилъ мой трудъ и довѣрялъ мнѣ, что когда я, сначала, приходила къ нему за отвѣтомъ, онъ спокойно говорилъ мнѣ:

— Да вѣдь я ваши вещи прочитываю въ корректурѣ!

Пріятно было работать и съ Л. Оболенскимъ, тогда редакторомъ журнала „Русское богатство". Оболенскій былъ чисто-русскій человѣкъ, именно: „душа-человѣкъ", который и руку-то пожималъ душевно, крѣпко, какъ пожимаютъ безхитростные люди! Помѣщала я кое-что въ „Русской Старинѣ",—„Историческомъ вѣстникѣ" и долго работала для „Наблюдателя"—пока онъ не измѣнилъ своего направленія [1]). Много пищи для моей литературы давало мое многолѣтнее служеніе на помощь „малымъ симъ" изъ нищей братіи; бывъ членомъ-попечительницей, а позднѣе и членомъ Совѣта, въ одномъ—именно при Соборѣ Спаса Преображенія,—приходскомъ Обществѣ вспоможенія бѣднымъ.

Много мрачныхъ картинъ безъисходной бѣдноты пришлось видѣть мнѣ, обходя эти ужасные подвалы и взлѣзая на столь же ужасные чердаки, гдѣ гнѣздилась въ смрадныхъ углахъ петербургская голь; гдѣ росли эти несчастныя дѣти, гдѣ догорали, искалѣченные нуждой, старухи и старики, среди удушающаго подобія воздуха; среди сырости, не только зеленой мозаикой плѣсени покрывавшей стѣны, по выступавшей грязной водой, сквозь щели половъ, при болѣе сильномъ нажатіи ихъ ногой. Здѣсь, въ этомъ разгулѣ нужды и разврата, я воочію убѣдилась въ томъ, насколько были не преувеличены до того только читаемые много разсказы, вродѣ „Петербургскихъ трущобъ" и прочаго!

Очень пріятнымъ событіемъ было мое знакомство съ Е. А. Сы-

---

[1]) Въ журналѣ „Русская мысль" была помѣщена статья „Мои воспоминанія объ артистѣ Эрнесто Росси", съ которымъ мы были въ очень дружескихъ отношеніяхъ.

соевой, первой издательницей и редакторомъ журнала „Воспитаніе и обученіе“,— нынѣшній „Родникъ“,—которая сама, письмомъ, просила моего сотрудничества въ ея журналѣ, на что я тотчасъ же охотно отозвалась. Большая умница, многосторонне образованная и серьезно развитая, вполнѣ передовая и при томъ чисто-русская (даже своей симпатичной, свѣжей, открытой физіономіей), чрезвычайно живая, чуткая,—она сразу располагала къ себѣ, и бесѣды съ ней вносили неослабѣвающій интересъ! И почти въ одно время состоялось мое знакомство съ Т. П. Пассекъ.

Объявленіе объ открытіи ея журнала „Игрушечка“ какъ разъ совпало съ только-что прочтенными мною въ журналѣ „Русская Старина“,—ея записками „Изъ дальнихъ лѣтъ“ и, подъ обаяніемъ этого чтенія, я тотчасъ же помчалась къ ней, съ предложеніемъ моего сотрудничества въ ея журналѣ, что̀ было встрѣчено самымъ сердечнымъ сочувствіемъ, и тотчасъ же установило нашу, не слабѣвшую, но все увеличивавшуюся съ нею, дружбу. Не буду повторяться, отдавъ печати,— какъ я уже писала,—мои воспоминанія о дорогой старушкѣ, но не могу здѣсь не коснуться нѣкоторыхъ сторонъ, касавшихся, какъ ея личной характеристики, такъ и совершенно характеризовавшей ее, ея обстановки, въ старинномъ домѣ на Малой Подъяческой.

— Она и домъ-то умѣла подыскать какой-то особенный, московскій!—говорила одна наша общая знакомая.

И точно: домъ стоялъ за рѣшеткой, во дворѣ, съ отдѣльнымъ въ ея квартиру подъѣздомъ и невысокой деревянной лѣстницей. Мебель въ ея спальнѣ была самая старинная; а у кровати, на которой она часто занималась полу-лежа,—стоялъ простой некрашенный столъ. Ходила Т. П. всегда въ широкой ситцевой блузѣ, на кокеткѣ, обшитой по шеѣ бѣлой фрезкой; съ широкими рукавами, застегнутыми у кистей рукъ узкими обшивочками. Чепцовъ она не любила, а дома надѣвала на голову бѣлый полотняный платокъ, туго подвязанный узломъ подъ подбородкомъ.

— Люблю такіе старенькіе, мягкіе; хоть вотъ и дырявенькій ужъ, а мякенькой, пріятный!—скажетъ, затягивая потуже узелокъ, чтобы платокъ не сползалъ.

„Несмотря на тотъ кружекъ высоко образованныхъ „западниковъ“,—писала я о ней въ своей статьѣ,—среди которыхъ вращалась при жизни мужа, и на долгое пребываніе, въ различные періоды, за границей, послѣ его смерти,—Т. П. была вполнѣ русская натура, со всѣми симпатіями и привычками русскаго человѣка 30 и 40-хъ годовъ и, при этомъ, она была одною изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которыхъ мы обобщаемъ именемъ „идеалистовъ

сороковыхъ годовъ". Въ ней все было коренное русское: складъ рѣчи, манера говорить; русскій юморъ, русская безшабашная довѣрчивость, широкое гостепріимство, съ девизомъ: „все, что есть въ печи, то на столъ мечи", широкое сердце и беззавѣтная любовь къ родинѣ. Она, своимъ глубокимъ, выдающимся умомъ, вполнѣ цѣнившая европейскую цивилизацію, сочувственно воспринимавшая все свѣтлое, чѣмъ дарилъ насъ западъ, въ то же время чутко слѣдила за всякимъ успѣхомъ въ русскомъ обществѣ, готовая чѣмъ можетъ поддержать молодой русскій талантъ, восхищаясь по-дѣтски всякому, иногда даже сомнительному проявленію такого таланта. Воздавая должное хорошему западному, она обожала все русское, начиная съ лежанки, щей съ головизной и гусиныхъ полотковъ, до русской пѣсни, что звучитъ заунывной струной подъ необозримыми полями родной стороны. Она хранила въ кладенцѣ своей необыкновенной живой памяти всѣ обычаи, преданія, всѣ мелочи, относящіяся до обстановки жизни баръ своего времени, и въ то же время это была одна изъ гуманнѣйшихъ женщинъ, на которую барство не наложило печати, и она къ самому простому человѣку относилась съ тѣмъ же привѣтомъ, какъ ко всѣмъ. Впрочемъ, она, казалось, вся состояла изъ любви, всепрощенія и безграничнаго снисхожденія къ людямъ. Философіи тоже было у нея много, совсѣмъ не женской, также какъ энергіи и замѣчательной силы воли, которыя и поддерживали это маленькое, старческое тѣло".

Гостепріимна она была также совсѣмъ по-русски. Только-что, бывало, явишься къ ней утромъ, и первымъ вопросомъ, послѣ „здравствуй", было: ты со мной пообѣдаешь?

Если отвѣтъ былъ отрицательный, то я награждалась эпитетомъ:—ну, и выходитъ, что ты тетеря!

При прощаньи тоже непремѣнно прибавлялось: — Пріѣзжай, голубчикъ, ко мнѣ на цѣлый день, пообѣдать. Хочешь, щи кислыя закажу съ кашей? А то и пирогъ загнемъ; бабушка и это можетъ!

Она такъ и слыла общей бабушкой. Къ ней ѣхали и за совѣтомъ, и со своими слезами и горестями, и для всѣхъ у „бабушки" было теплое слово! Пріѣзжали даже совсѣмъ незнакомые ей люди. Иногда устанетъ она, послѣ просмотра статей, да посѣщеній разныхъ; взберется на постель съ ногами, спустивъ теплые бархатные сапожки, какъ снова звонокъ: новый визитъ.

— Да вы бы, Т. П., отказали!

— Ахъ, нѣтъ, другъ сердечный, какъ можно! Можетъ, издалека пріѣхали, видѣть меня хотятъ, а я откажу!

Самое лучшее время для нашихъ совмѣстныхъ занятій было уже послѣ обѣда, когда мы оставались съ ней вдвоемъ. Станемъ перебирать статьи, которыхъ накоплялось много; я ей читала.

— Мило! Это мы возьмемъ,—говорила она повременамъ, слушая мое чтеніе; или: нѣтъ, это прочь, не надо!

Поработаемъ, а тамъ примемся бесѣдовать. О чемъ только, бывало, не переговоримъ, отъ гусиныхъ полотковъ до философскихъ вопросовъ включительно! Много она тоже разсказывала изъ своего прошлаго; о разныхъ эпохахъ изъ своей и чужой жизни. Разсказывала она прелестно; рѣчь лилась свободно, просто и красиво, и люди выходили совсѣмъ живыми. Много было тоже юмора въ ея разсказахъ, такъ что мы обѣ, нерѣдко, принимались хохотать.

Горничная Даша принесетъ чайный сервизъ и ставитъ его попросту, безъ скатерти, на некрашенный столъ у кровати, на которой лежитъ старушка. Съ боку приставляется некрашенный же табуретъ, на которомъ появляется пузатый желтый самоваръ. Тихо кругомъ; только замирая, вытягиваетъ самоваръ однообразныя ноты, подъ которыя, не замолкая, кипитъ наша бесѣда, да изъ столовой, повременамъ, покрикиваетъ часовая кукушка...

VII.

Въ „Татьянинъ" день,—12 января,—день именинъ старушки, у нея было, что называется: нетолченная труба! Что народу у нея въ этотъ день перебываетъ—такъ и не перечтешь! Тутъ бывали и старики, — писатели, что бабушку не забывали: и Салтыковъ (Щедринъ) и Лѣсковъ; Семевскій, Терпигоревъ (Атава), и только-что нарождавшіеся юнцы. Тутъ я встрѣчала и Мердеръ, и Самойловичъ, не говоря уже о всѣхъ сотрудницахъ и сотрудникахъ „Игрушечки". Шло угощеніе,—надо признаться,—самое безалаберное, вѣнцомъ которому было одно: когда неумѣлая горничная, приступивъ къ варкѣ шоколаду, на одну его плитку влила пять бутылокъ молока. Общими силами, съ прибавкой всего отыскавшагося въ домѣ, у дѣтей [1]) шоколада, а также и принесеннаго въ подарокъ, удалось устроить приличный напитокъ, а въ приносимыхъ сладкихъ пирогахъ и пирожкахъ—недостатка не было. А кругомъ шла шумная бесѣда и веселый говоръ.

Живя лѣтомъ на дачѣ, Т. П. вела ту же трудовую жизнь, что

---

[1]) Т. П. жила вмѣстѣ со своей невѣсткой, вдовой ея сына Владиміра, и ея двумя дѣтьми.

и въ городѣ; рѣдко выходя прогуляться даже въ свой садъ. Но, разъ выйдя, она восхищалась всякой травкой-муравкой. Все наводило ее на размышленіе.

— Какая во всемъ гармонія, стройность,—говорила она, и глаза ея блестѣли восторгомъ,—и въ то же время величіе и простота! Возьми ты съ самаго малаго цвѣтка; а вотъ тебѣ дерево вышло изъ маленькаго сѣмени, и все выше, стройнѣе... Такъ вотъ и во всемъ созданіи, всѣ животныя, все это развивается, крѣпнетъ; вотъ тоже какъ дерево раскидывается вѣтвями, ростетъ, такъ и духъ человѣка все расширяется, расширяется и, наконецъ, охватываетъ весь горизонтъ. Блескъ какой-то, какъ лучи отъ центра расходятся и все шире и шире становится!

Въ гнѣздѣ подъ крышей прощебечетъ ласточка, изъ лѣсу заунывное „ку-ку“ раздается, и старушка моя умиляется, и младенческая улыбка заиграетъ на ея губахъ...

Съ весны 1887 г. Т. П. стала чаще прихварывать и слабѣть, такъ что, не окончивъ года, сдала „Игрушечку“ А. Н. Тюфяевой [1]). Но она не почила на лаврахъ, а приступила къ разбору своихъ бумагъ, думая кое-что отдѣлать и напечатать, особенно остановившись на давно задуманной ею статьѣ „О судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“,—нѣкоторыя страницы которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Надъ ней мы и начали съ нею работать, такъ какъ она непремѣнно хотѣла ее проредактировать вмѣстѣ со мной. Душа ея еще была такъ молода и свѣжа, что, несмотря на слабость физическихъ силъ, она постоянно жила иллюзіями, заглядывая далеко впередъ; мечтая и о продолженіи своихъ записокъ,—которыя довела до конца, а затѣмъ и объ изданіи того энциклопедическаго журнала для юношества, который когда-то задумалъ ея покойный мужъ, Вадимъ Васильевичъ. Она все еще чувствовала въ себѣ довольно силы, чтобы держать свою „свѣчечку“.

— Всякій долженъ держать свою свѣчечку, какая по рукѣ придется,—говорила она,—да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись, горятъ, и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ. Такъ-то, другъ сердечный! Вотъ и наша „Игрушечка“—маленькая свѣчечка, которая тоже свѣтъ, какой ни есть, а разливаетъ. Отъ нея дурному никто не

---

[1]) Нынѣ Пѣшкова-Толивѣрова.

научится! Вотъ и ты держишь въ ней свою свѣчечку и держи крѣпко!

Иногда на нее находили минуты тоски.

— Устала я—говорила она, отъ всей жизни устала; хочется и на покой! Знаю, что ты поплачешь обо мнѣ и не забудешь, придешь на бабушкину могилку.—Тебѣ я вѣрю, что ты меня любишь... Ты мой истинный другъ!

Взгляды ея стали теперь еще болѣе глубокими и философскими.

— Лежу я вотъ такъ одна,—говорила она мнѣ,—и все думаю, все думаю... и такъ я до многаго теперь додумалась, такъ мнѣ многое стало понятно, чего я прежде не понимала! Точно будто горизонтъ передо мною расширяется, расширяется... Помню, когда я еще молода была, также я послѣ болѣзни лежала и вижу я, какъ бы не во снѣ, что около меня свѣтъ какой-то появился, и стали отъ него отдѣляться лучи, все шире, шире, все стремясь вверхъ, къ какому-то центру, и мнѣ самой такъ легко стало, будто и я отъ земли отдѣляюсь и тоже стремлюсь туда, вверхъ... Вотъ я и теперь тоже ощущаю... И знаешь,—добавила она, таинственно,—говорятъ, что къ старости глупѣютъ, а я, напротивъ, поумнѣла!..

О своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ она говорила совершенно спокойно, не переставая работать, за двѣ недѣли до смерти продиктовавъ послѣдія страницы своихъ записокъ.

Давно хотѣлось всѣмъ намъ имѣть портретъ нашей дорогой бабушки, но она рѣшительно отказывалась снять съ себя фотографію; и послѣ долгихъ упрашиваній согласилась только на то, чтобы Елизавета Меркурьевна *Бемъ* сдѣлала съ нея силуэтъ. Я уже до знакомства съ Т. П. находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашей прелестной художницей и такимъ же прелестнымъ человѣкомъ, а также съ ея сестрой Любовью Меркурьевной *Эндауровой*, чудные цвѣты которой, появляясь на выставкахъ, кажется, разливаютъ на нихъ свой ароматъ. Большую симпатію почувствовала къ нимъ и Т. П. при знакомствѣ съ ними, особенно питая нѣжность къ Елизаветѣ Меркурьевнѣ, всегда восхищаясь и ея исключительнымъ, проникнутымъ чувствомъ, поэзіей и фантазіей—талантомъ и къ ней самой и всегда съ радостью ее принимая у себя.

Но сеансъ тогда все же не состоялся. Теперь, видя, что старушка все слабѣетъ, мы съ Елизаветой Меркурьевной энергичнѣе принялись за дѣло, и въ началѣ марта 1889 г., за три недѣли до кончины Т. П., мы сговорились въ одно утро съѣхаться у нея, не встрѣтивъ съ ея стороны никакого препятствія. Уложили ее поуютнѣе, и Е. М. принялась рисовать, не силуэтомъ, а просто аква-

релью, сепіей; а я сѣла поближе къ Т. П., чтобы занимать ее разговорами. Вспоминая, какъ ее прежде какъ-то мучали, когда она позировала два раза для портретовъ, одинъ изъ которыхъ остался въ эскизѣ, а другой вышелъ очень неудачнымъ, она говорила про Елизавету Меркурьевну:

— Лиза меня не мучаетъ; а вотъ тѣ ужъ мучали; все нужно было передъ ними позировать; бывало, какъ устанешь!

Портретъ Е. М. вышелъ поразительнымъ, по сходству и выраженію, какъ и все выходящее изъ-подъ кисти нашей дорогой художницы! Т. П. пожелала его видѣть и очень осталась имъ довольной.

Вскорѣ это дорогое, такъ ласково всегда улыбавшееся намъ лицо предстало намъ въ своемъ спокойствіи вѣчнаго безмолвія, будто говорившаго: „Ахъ, какъ хорошо такъ отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и земного горя!“

VIII.

Черезъ годъ послѣ моего знакомства съ Татьяной Петровной, память о которой сохранилась неизмѣнно въ моемъ сердцѣ,—я познакомилась съ Иваномъ Сергѣевичемъ *Тургеневымъ* [1]). Встрѣтить когда-нибудь лицомъ къ лицу моего любимаго художника-поэта было моей мечтой съ самой юности, когда я зачитывалась его художественными произведеніями! Оно осуществилось въ послѣдній пріѣздъ Ивана Сергѣевича въ Петербургъ весною 1881 г. и вотъ при какихъ обстоятельствахъ, кромѣ описанной мною въ вышеупомянутой мною статейкѣ моей первой съ нимъ встрѣчи, когда я пришла къ нему, въ его бесѣдѣ отдохнуть отъ гнетущаго впечатлѣнія, навѣяннаго трагическимъ событіемъ 1-го марта,—послѣдовали и мои дальнѣйшія посѣщенія моего любимаго поэта.

Незадолго до его пріѣзда въ Петербургъ я, посѣщая тогда школу ради класса лѣпки, работая и глиной и воскомъ, начала изъ воску лѣпить барельефомъ съ фотографіи силуэтъ Ивана Сергѣевича, окруженный орнаментами моей композиціи. Когда онъ пріѣхалъ, вещица была почти готова и я, придя въ школу, показала ее Д. В. Григоровичу, какъ я уже говорила раньше, всегда интересовавшемуся моими работами, разсказавъ ему при томъ о моемъ съ нимъ знакомствѣ. Д. В. со всегдашней своей любезностью,

---

[1]) Маленькая статейка объ этомъ знакомствѣ была помѣщена въ „Историческомъ вѣстникѣ“.

разсыпался въ похвалахъ; сдѣлалъ кое-какія замѣчанія, а потомъ говоритъ:

— Хорошо бы вамъ его лицо закончить съ натуры! Теперь-то онъ боленъ; такъ вы пока хорошенько вырисуйте остальное, а потомъ я доставлю вамъ случай полѣпить его съ натуры.

Нечего и говорить о томъ, что засѣло у меня въ головѣ и придало собственной рѣшимости. Узнавъ на тѣхъ же дняхъ отъ Е. М. Бемъ, что она была у него и показала ему свои силуэты къ „Запискамъ охотника" (отъ которыхъ онъ былъ въ восторгѣ), я въ тотъ же день написала ему, съ посыльнымъ, письмо, излагая причину, почему хотѣла бы его навѣстить и спрашивая, когда онъ могъ бы принять меня? Съ тѣмъ же посыльнымъ я получила отвѣтъ: „Если вамъ угодно пожаловать ко мнѣ въ воскресенье между 12-ю ч. и 1 ч., то я съ великимъ удовольствіемъ приму васъ".

Работа моя очень заинтересовала Ивана Сергѣевича. Онъ долго, со всѣми подробностями разсматривалъ ее.

— На сколько я понимаю, это очень хорошо; и на сколько знаю свое лицо, это похоже,—даже очень похоже! подтвердилъ онъ рѣшительнымъ тономъ. Вы мнѣ скажите, какъ мнѣ сѣсть, чтобъ вамъ было удобнѣй.

Но я позаботилась о томъ, чтобы ему было удобнѣй. Сидѣлъ онъ прекрасно, что не мѣшало намъ съ нимъ бесѣдовать о различныхъ предметахъ, начиная съ его твореній и кончая политикой и славянофильствомъ... Иногда моя работа прерывалась приходомъ нѣкоторыхъ посѣтителей. Такъ, разъ, явилось нѣсколько студентовъ просить его написать что-нибудь въ разрѣшенный тогда имъ журналъ; на что онъ отвѣчалъ, что у него ничего нѣтъ, да и вообще нѣтъ никакой охоты писать.

— Для васъ-то бы я ужъ, конечно, написалъ. Вотъ, можетъ быть, потомъ что-нибудь изъ моихъ воспоминаній въ Московскомъ университетѣ. Я вѣдь туда поступилъ рано,—шестнадцати лѣтъ.

Они стали просить, чтобы онъ написалъ о Герценѣ и Бакунинѣ.

— Но вѣдь если бы я и написалъ про нихъ,—отвѣтилъ онъ, спокойно,—то вамъ этого вѣроятно не позволили бы напечатать.

Они заговорили о недавней лекціи Соловьева и упомянули о нигилизмѣ.

— Это не совсѣмъ вѣрно,—замѣтилъ онъ: теперь уже нельзя говорить о нигилизмѣ въ томъ смыслѣ, какъ говорили прежде. То, что видимъ мы нынче, это не нигилизмъ, а терроризмъ.

Во время нашихъ съ нимъ разговоровъ, коснувшись крайнихъ славянофиловъ и ихъ направленія, онъ замѣтилъ:

— Вѣдь они совсѣмъ не знаютъ народа! Я помню, какъ Кон-

стантинъ Аксаковъ терялся, заговаривая съ крестьянами. Но онъ былъ все же... честнѣе; а эти всѣ поступаютъ въ высшей степени возмутительно! И затѣмъ эти нелѣпые нападки на все западное! Я помню, какъ покойный Достоевскій разъ набросился на слово „конституція".—Да что вы кипятитесь изъ-за названія-то?—говорю я ему, и что это-за поворотъ назадъ, ко всему прежнему, до-Петровскому? Хоть бы они подумали о томъ, что тогда нужно будетъ возвратить къ прежнему и нашъ прекрасный богатый языкъ, который до временъ Петра былъ такъ тяжелъ и который съ Пушкина развился такъ богато, сложился такъ поэтично!

Очень онъ былъ доволенъ, когда я передала ему въ разсказѣ о нашемъ путешествіи по Швеціи и Норвегіи, о томъ на сколько тамъ интересуются его произведеніями, которыя всѣ переведены на норвежскій языкъ, при чемъ особенно любятъ его „Рудина". На мой вопросъ о томъ, которыя изъ его твореній онъ болѣе любитъ, онъ отвѣчалъ:

— Знаете, отвѣтить на такой вопросъ для меня затруднительно. Хотя повидимому мнѣ дороги всѣ мои произведенія, какъ мои дѣти; но, когда случается мнѣ ихъ просматривать всѣ, при новомъ изданіи, то прежде всего является недовольство. Все кажется, что многое недостаточно выработано; шито бѣлыми нитками; многое недосказано. Интереснѣе слышать мнѣніе другихъ.

Когда я при этомъ заговорила о моемъ предполагаемомъ рисункѣ, съ его портретомъ посреди, окруженнымъ сценками изъ его сочиненій и назвала тѣ, что выбрала, онъ, выслушавъ внимательно, замѣтилъ:

— Я нахожу, что вашъ выборъ очень хорошъ [1])!

Въ мое послѣднее къ нему посѣщеніе, за нѣсколько дней до его отъѣзда въ деревню, я поднесла ему мое коротенькое стихотвореніе съ его акростихомъ. Онъ былъ очень тронутъ; такая свѣтлая улыбка озарила его лицо, когда онъ прочиталъ стихи.

— Я не стою этого!—проговорилъ онъ, съ чувствомъ. Очень, очень вамъ благодаренъ!

Но мое стихотворное вдохновеніе, возбужденное твореніями художника-поэта, не ограничилось однимъ акростихомъ, вылившись въ большомъ стихотвореніи, въ которомъ я воспѣвала главныя изъ его твореній и ихъ героевъ.

---

[1]) Избранныя мною сценки были: двѣ изъ „Записокъ охотника"—Пѣвцы и Бѣжинъ лугъ. Четыре изъ повѣстей: „Фаустъ", „Ася", „Первая любовь" и „Затишье", 4 изъ романовъ: „Рудинъ", „Дворянское гнѣздо", „Наканунѣ", „Отцы и дѣти".

Перекидываясь изрѣдка письмами съ Иваномъ Сергѣевичемъ, я ко дню его рожденья послала ему за границу какъ это стихотвореніе такъ и эскизъ перомъ предполагавшагося мною рисунка съ его портретомъ, на что онъ мнѣ отвѣтилъ такимъ письмомъ: „Примите мою искреннюю благодарность за вашъ прекрасный, изящный подарокъ. Память ваша обо мнѣ меня сердечно тронула. Я счастливъ тѣмъ, что мои вымыслы могли внушить вамъ такіе гармоническіе и красивые стихи. Вотъ настоящая награда писателю! Сдѣланный вами выборъ сценокъ, долженствующихъ окружить мой портретъ, кажется мнѣ весьма удачнымъ—и въ аллегорической рамкѣ цвѣтовъ и растеній я признаю руку художника и поэтическое чувство женщины. Еще разъ благодарю васъ и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и нелицемѣрной преданности".

Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ его записочки, въ отвѣтъ на мои спросы объ его здоровьи, становились все безотраднѣй. Послѣдняя, полученная мною отъ него записочка въ февралѣ 1833 г. была написана уже карандашемъ. „Искренне благодарю васъ за сочувствіе,—писалъ онъ; имѣю сказать вамъ, что операцію я перенесъ благополучно, но старый мой недугъ вернулся съ такой силой, что я принужденъ лежать и пишу даже съ трудомъ. Быть можетъ, дѣло поправится, но надежду на возвращеніе въ Россію, кажется, надо оставить [1]). Желаю вамъ всего лучшаго и прошу принять увѣреніе въ моемъ сердечномъ уваженіи".

Между тѣмъ окончивъ свой рисунокъ и снявъ съ него фотографію, я одну изъ нихъ послала, въ маѣ мѣсяцѣ, передъ моимъ отъѣздомъ въ Крымъ, ему въ Bougival. Не имѣя отвѣта и желая узнать, получилъ ли онъ ее, я, среди лѣта, опять написала туда. Но на это письмо мнѣ отвѣчала М-е Віардо, уже послѣ его кончины, послѣдовавшей 22 августа.

„Я очень ясно помню, что видѣла посланную вами фотографію,—писала она,—въ рукахъ нашего дорогого усопшаго, но онъ былъ уже такъ слабъ въ это время, что могъ только улыбнуться, проговоривъ: „Какъ это любезно"; но уже не могъ написать вамъ благодарность за ваше милое вниманіе. Позвольте мнѣ сдѣлать это вмѣсто него, прося васъ принять увѣреніе въ моихъ самыхъ искреннихъ чувствахъ".

Въ концѣ письма она добавляла: „На-дняхъ его драгоцѣнные

---

[1]) Въ одно изъ моихъ съ нимъ свиданій въ Петербургѣ, И. С. говорилъ, что теперь намѣревается каждый годъ, хотя не надолго, пріѣзжать въ Россію.

останки будутъ перевезены къ вамъ, въ Петербургъ. Я вамъ искренне завидую".

Мнѣ пришлось проводить эти дорогіе останки отъ станціи Варшавской дороги до Волковскаго кладбища, идя депутаткой съ вѣнкомъ отъ „Игрушечки". Неизмѣнно-внимательный Д. В. Григоровичъ и тутъ остался вѣренъ себѣ и, увидя, при входѣ на кладбище, меня съ вѣнкомъ, въ депутаціи, поставилъ насъ у самой могилы, среди цвѣтовъ которой и нашелъ покой нашъ любимый художникъ-поэтъ, давшій столько высокаго наслажденія своей теплой, вдохновенной музой!

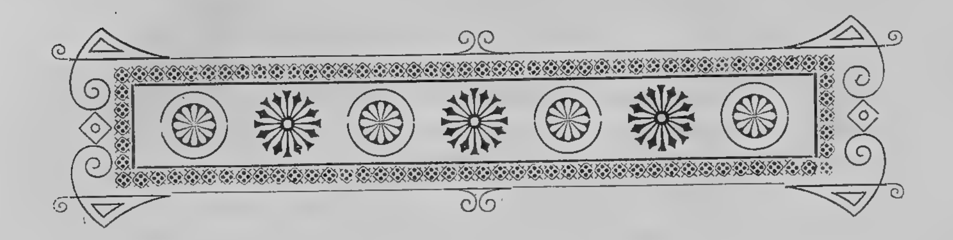
Стоя такъ близко у могилы, я хорошо могла слышать всѣ, говорившіяся надъ нею рѣчи, самой прочувствованной изъ которыхъ была рѣчь Д. В. Григоровича, сказавшаго, между прочимъ, что они „никогда не расходились, хотя и разставались".

Теперь оба легли подъ сѣренькимъ небомъ любившаго ихъ сѣвера; обоихъ покрылъ бѣлый, снѣжный саванъ... Лежатъ они такъ близко другъ отъ друга, что, поднявшись, могутъ протянуть другъ другу руки и, смѣло поднявъ, осѣненныя сѣдинами головы, сказать:

„Братъ! Мы честно служили родной странѣ и заслужили ея сердечное спасибо!"

С. Лаврентьева.





Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ и военно-учебныя заведенія[1].

(Изъ воспоминаній)

VI.

(*Окончаніе.*)

Время на лекціяхъ и бесѣдахъ полковника Михаила Ивановича Драгомирова проходило для всѣхъ совершенно незамѣтно и, безъ сомнѣнія, только благодаря особому его искусству заинтересовать молодежь, намъ,—контрабандистамъ, легко было совершенно забывать, что мы на такой лекціи присутствуемъ нелегально; жаль было покидать аудиторію въ ту минуту, когда пушка на адмиралтействѣ возвѣщала о томъ, что во всемъ Петербургѣ бьетъ полдень.

Одинъ случай чуть не лишилъ насъ особаго удовольствія нелегально посѣщать лекціи, которыми мы дорожили и къ которымъ относились со всѣми чувствами увлеченія молодости. Аудиторія собралась въ ожиданіи прибытія полковника Драгомирова. Мы, контрабандисты, по обыкновенію, усѣлись на верхнюю заднюю скамью, (аудиторія Мих. Арт. Училища тогда была расположена амфитеатромъ). Совершенно неожиданно полковникъ пришелъ въ аудиторію съ начальникомъ училища генераломъ Платовымъ. Генералъ поздоровался съ юнкерами, оглядѣлъ всѣхъ; лично со мной, помню, прямо встрѣтился глазами. Но вѣроятно, благодаря тому обстоятельству, что онъ на все умѣлъ смотрѣть только свысока, его взглядъ просто скользнулъ, и генералъ не замѣтилъ среди юн-

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1908 г.

керовъ младшаго класса нѣсколькихъ человѣкъ пришельцевъ изъ старшаго. Въ лицо онъ насъ всѣхъ зналъ прекрасно и, хотя все это происходило на первыхъ порахъ нашего пребыванія въ училищѣ,—онъ не могъ не узнать каждаго изъ насъ и не признать въ насъ добровольцевъ лекцій профессора Драгомирова. Но вниманіе его въ эту пору было гдѣ-то очень далеко или крайне высоко!

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того мы узнали отъ Боголюбова, что предстоитъ особенно интересная лекція; между тѣмъ намъ пришлось быть въ раздумьи,—идти на нее или нѣтъ? Дѣло въ томъ, что обычныя занятія въ лабораторіи мы приноровились пропускать, а затѣмъ нагонять, но въ день и часъ той особо возвѣщенной лекціи Драгомирова, преподаватель химіи шт.-к. Ник. Павл. Ѳедоровъ долженъ былъ показать намъ въ подробностяхъ примѣрный способъ или общіе пріемы производства анализовъ; было избрано какое-то сложное химическое соединеніе и разложеніемъ его преподаватель собирался научить насъ производству этой сложной манипуляціи. Опытъ представлялъ большой интересъ, необходимо было при немъ присутствовать, дабы разъ на всегда усвоить себѣ методъ; впредь уже не могло представиться такого случая, такъ какъ, вслѣдствіе большой стоимости препаратовъ, показывать этотъ опытъ больше одного раза не представлялось возможнымъ.

День выходилъ сложный: и особую лекцію Драгомирова жаль было пропустить, и отъ анализа уйти рѣшительно не приходилось; какъ быть?

Скоро однако мы напали на возможное согласованіе событій: лекція начиналась въ 10½ часовъ, анализъ въ 11½ ч.; мы и рѣшили, прослушавъ часть лекціи, уйти съ нея въ лабораторію за четверть часа до окончанія ея, дабы попасть на анализъ во-время или, въ крайнемъ случаѣ, съ незначительнымъ опозданіемъ.

Забрались мы втроемъ, заслушались; пора уходить; вотъ-вотъ дослушаемъ немного, еще немного и еще, — наконецъ, встаемъ и уходимъ.—Не постигаю до сей поры, какъ случилось, что, когда мы, спустившись сбоку по ступенькамъ, стали выходить и двое изъ насъ проскользнули въ выходную дверь, я,—третій, какъ-то отсталъ, а въ тотъ самый моментъ около меня сбоку очутился полк. Драгомировъ, и я долженъ былъ неминуемо преградить ему путь къ выходу.

Вся аудиторія оставалась въ ожиданіи ухода профессора, а я одинъ оказался впереди его; выходило такъ, какъ будто въ ту минуту, когда онъ окончилъ лекцію и началъ вставать, я поспѣшилъ выйти раньше его.

Нѣчто подобное вѣроятно и произошло безъ умысла съ моей стороны: разсчитывая дослушать еще и еще немного, мы не замѣтили какъ дотянули до того момента, когда профессоръ кончилъ и всталъ...

— Что это вы, молодой человѣкъ, поспѣшили, не дождались ухода лектора?—спросилъ онъ меня серьезно, но безъ всякой тѣни суровости, продолжая свой выходной изъ аудиторіи путь мимо меня.

— Не поспѣшилъ,—сказалъ я, смущаясь и запинаясь,—а я... я опоздалъ.

— Что? опоздали? какъ опоздали? куда опоздали?—сыпалъ полковникъ вопросами на ходу.—Что же, моя сегодняшняя лекція, несмотря на ея содержаніе, прошла для васъ безслѣдно (извѣстнѣйшая и интереснѣйшая лекція о субординаціи) или вы ее недостаточно прослушали? И почему я васъ не всякій разъ вижу у себя на лекціяхъ? почему вы иногда отсутствуете, — вдругъ оживился онъ и вонзилъ въ меня тотъ взглядъ, который такъ поразилъ насъ при первой нашей встрѣчѣ съ нимъ въ классномъ корридорѣ училища.

— Въ сущности, г-нъ полковникъ,—сказалъ я довольно робко,—я состою въ старшемъ классѣ; мы... я... такъ... прихожу иногда сюда въ аудиторію, когда можно, послушать ваши лекціи...

— Ааа! вотъ что! охотники, любопытные добровольцы! поздравляю, милости просимъ! Какъ же вы устраиваетесь со своими лекціями?

— Такъ, случается, что иногда пропускаемъ.

— Какія же лекціи вамъ можно такъ легко пропускать?

— Легко пропускать никакихъ нельзя; но мы даемъ свободу, пропускаемъ лекцію фортификаціи полковника Квиста.—Тутъ я кое-какъ собрался съ силами, разсказалъ ему по порядку все случившееся съ нами и добавилъ, что на анализъ Өедорова необходимо было поспѣть $11^1/_2$ часомъ.

— Отчего же вы Квиста такъ легко пропускаете?

— Оттого, что онъ намъ преподаетъ совершенно то же самое, что уже мы проходили въ старшемъ классѣ военнаго училища.

— Повторяете зады? — сказалъ съ усмѣшкой полковникъ.

— Да; а вотъ по химіи совершенно новыя свѣдѣнія и сложные опыты; безъ нихъ нельзя; ихъ пропустить не всегда можно, они и интересны и къ экзамену важны.

— А субординація?—вдругъ уставился въ меня полковникъ поверхъ очковъ;—да помимо субординаціи, вы можете себѣ такимъ манкированіемъ очень повредить; службу надо нести точно; на-

чальство за такія продѣлки по головкѣ не погладитъ. Э, э,—вдругъ какъ бы спохватился онъ, взглянувъ на часы;—вы еще, пожалуй, и совсѣмъ опоздаете; торопитесь, бѣгите; потомъ еще увидимся;— онъ подалъ мнѣ руку, пропустилъ меня мимо себя впередъ; — бѣгите что есть силъ, а то еще вашъ анализъ отъ васъ уйдетъ,—смѣялся онъ мнѣ вслѣдъ.

VII.

Какъ меня ноги донесли — не знаю; признаюсь, впечатлѣніе всей этой неловкости, непріятности осталось во мнѣ на всю жизнь.

Нескоро послѣ того мы рѣшились забраться контрабандно на его лекцію, а все-таки забрались; въ то время, когда намъ казалось, что наше присутствіе осталось незамѣченнымъ, полковникъ Драгомировъ, кинувъ взоръ въ нашу сторону, сдѣлалъ намъ легкій кивокъ и очень ласково улыбнулся. Это насъ ободрило, и такимъ образомъ намъ еще нѣсколько разъ довелось его послушать; но затѣмъ я сильно простудился и слегъ въ училищный лазаретъ, а выздоровѣвъ къ Рождеству, увидѣлъ, что манкированье занятіями по фортификаціи не прошло даромъ: Квистъ мои чертежныя умѣнья сначала оцѣнилъ пятеркой, потомъ тройкой; а за отвѣты на репетиціяхъ, въ то время, когда я ожидалъ получить оцѣнку въ 6—7 балловъ, онъ, безъ всякой церемоніи, поставилъ мнѣ на второй репетиціи единицу, на третьей ноль. На первой репетиціи, у замѣщавшаго Квиста шт.-капитана Кюи, я получилъ 10; эта, разжиженная единицей съ нолемъ, десятка обратилась въ 3; до экзаменовъ оставалась одна репетиція, если бы на ней получить хоть 12, то все-таки съ отмѣтками за чертежи удовлетворительнаго балла для выпуска по первому разряду не вышло бы.

Похоже было на то, что до Квиста дошло мое пренебреженіе къ его лекціямъ.

Съ большой грустью сталъ я подумывать о томъ, какъ выйти изъ этого положенія; надо было, или просить сейчасъ о производствѣ въ офицеры съ правами, которыя дало Александровское военное училище, или же терпѣливо ждать исхода экзаменовъ съ выпускомъ въ прапорщики артиллеріи; въ томъ и другомъ случаѣ долженъ былъ пропасть цѣлый годъ.

Полковникъ Драгомировъ, при встрѣчѣ со мной, отъ времени до времени перебрасывался мимоходомъ короткимъ разговоромъ.— Однажды я сидѣлъ въ училищной библіотекѣ, прочитывая одну изъ шумѣвшихъ тогда передовыхъ статей Каткова въ „Москов. Вѣдо-

мостяхъ“; услышавъ тихіе шаги, я оглянулся и увидѣлъ полковника Драгомирова; онъ подошелъ, поздоровался и участливо разспросилъ о дѣлахъ. Когда я, отвѣчая на короткіе распросы, освѣдомилъ его о результатахъ контрабанднаго посѣщенія его „бесѣдъ“, онъ высказалъ большое сожалѣніе; затѣмъ, немного подумавъ, сказалъ: отчего высобственно предпочли поступить на строевое отдѣленіе, а не на математическое? вѣдь это зависѣло отъ вашего выбора; развѣ вы въ военномъ училищѣ были уже такъ слабы по математикѣ?

— Нѣтъ, слабъ не былъ; а такъ показалось легче и проще ограничиться высшей алгеброй, дифференціальное же и интегральное исчисленіе замѣнить фортификаціей и артиллеріей.

— А теперь не можете вы наладить свои дѣла такъ, взяться чтобы пройти дифференціалы и интегралы? тогда Квистъ со своей фортификаціей пойдетъ не въ счетъ.

— Гдѣ ужъ теперь, г-нъ полковникъ, догнать; уже болѣе половины курса на математическихъ отдѣленіяхъ пройдено, а лекцій я вовсе не слушалъ.

— Кто-нибудь изъ товарищей пособитъ; не боги горшки лѣпятъ; попробуйте, возьмитесь головой.

— Къ тому же врядъ ли разрѣшатъ и вообще очень трудно, продолжалъ я, поразившись неожиданностью этого изобрѣтенія.

— Если бъ легко было, такъ и говорить не о чемъ было бы; а вотъ сдѣлайте трудное...

Въ это время вошелъ генералъ Платовъ и, глядя по обыкновенію вверхъ, сказалъ полковнику: вотъ у насъ, къ сожалѣнію, уже начали обозначаться нѣкоторые юнкера, не выдерживающіе на подпоручика... продолжая разговоръ и, какъ бы втягивая Драгомирова въ него, Платовъ пошелъ дальше въ инспекторскую; полковникъ, обратившись ко мнѣ на ходу, сказалъ:

— Подумайте-ка, наладьте это дѣло, молодой человѣкъ, не бросайте этой мысли; да потороритесь...

Черезъ день—въ крещенскій сочельникъ, я явился къ инспектору классовъ и изложилъ ему свое желаніе держать репетиціи дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ вычеркнуть свои неуспѣхи по фортификаціи.

Полковникъ Гадолинъ слылъ за человѣка крайне ученаго, былъ вообще очень сосредоточеннымъ, серьезнымъ и, какъ говорили,—въ такихъ наукахъ, каковы физика, математика, балистика, механика,—являлся въ высшей степени сообразительнымъ; но въ общежитіи онъ представлялъ типъ человѣка, который всякое, требующее размышленія понятіе, сразу бывало не усвоитъ, а затѣмъ лишь черезъ нѣ-

сколько часовъ сообразитъ; вообще во все жизненное онъ вникалъ очень туго и все житейское соображалъ плохо.

Когда я сказалъ ему о цѣли своего къ нему прибытія, онъ потеръ лобъ, подумалъ, глядя мнѣ въ глаза, а затѣмъ, силясь припомнить, пробормоталъ: гдѣ я объ этомъ слышалъ? кто мнѣ говорилъ?

Я понялъ, что говорить могъ только Драгомировъ.

Минуты полторы мы оба молчали.

— Да, но какже, репетиціи строевого отдѣленія по фортификаціи, замѣнить репетиціями математики! вѣдь это невозможно; я самъ проходилъ диференціальное и интегральное исчисленіе, держалъ экзаменъ и теперь, при своихъ изслѣдованій [1]), держусь руководства ими, но опять сдавать экзаменъ въ два три мѣсяца я бы не рѣшилъ... Это невозможно.

— Но, г-нъ полковникъ, сказалъ я, мнѣ осталось избрать что-либо; фортификація уже для меня закрыта, остается мнѣ замѣнить ее математикой; если и тутъ будетъ неудача, хуже для меня уже не можетъ быть.

Назначивъ мнѣ придти для выслушанія рѣшенія этого вопроса 7-го числа, Гадолинъ повторилъ: это невозможно.

Въ концѣ концовъ, однако, разрѣшеніе было дано; пришлось держать 12 репетицій дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія у профессора математики П. А. Рощина. Къ концу марта всѣ онѣ были выдержаны, въ среднемъ на 11 балловъ, а какъ дѣло это было продѣлано совершенно добросовѣстно при помощи товарищей-математиковъ,—объ этомъ долго было бы разсказывать въ подробностяхъ.

VIII.

Отъ лекцій полковника Драгомирова я поневолѣ отдалился; но окончилась страдная дифференціально-интегральная пора, и насъ потянуло на экзаменъ младшаго класса по Драгомировскимъ преподаваніямъ.

Между прочимъ нельзя не вспомнить, что этотъ, посѣщенный нами экзаменъ одного изъ отдѣленій младшаго класса происходилъ вскорѣ послѣ 4-го апрѣля—дня дерзкаго покушенія Каракозова на жизнь Государя Александра Николаевича.

---

[1]) А. В. Гадолинъ былъ родомъ шведъ; ведя русскую рѣчь, онъ не всегда справлялся съ согласованіями въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Большой интересъ возбуждалъ въ насъ этотъ экзаменъ заранѣе, а, попавъ на него, мы увидѣли, что не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ.

Вмѣсто шаблонныхъ отвѣтовъ „по билетамъ“, намъ довелось, въ одномъ изъ отдѣленій младшаго класса, въ теченіе четырехъ часовъ слушать бесѣды Михаила Ивановича Драгомирова по предметамъ его лекцій.

Знаніями, соображеніями и понятіями нѣкоторыхъ изъ юнкеровъ онъ вполнѣ удовлетворился; ихъ отвѣты и возраженія доставили ему удовольствіе. Собесѣдованіе съ Боголюбовымъ привело его въ восторгъ.

Формальный, обычный ходъ экзаменовъ все же былъ вполнѣ соблюденъ: каждый, выходившій къ отвѣту, вынималъ билетъ и начиналъ по немъ отвѣчать; но полковникъ Драгомировъ тотчасъ незамѣтно переходилъ на другіе предметы и экзаменъ обращался въ бесѣду.

Нѣкоторые изъ юнкеровъ начинали очень бойко отвѣчать по билету заученное, но при всякихъ постороннихъ вопросахъ, предположеніяхъ и вообще при уклоненіяхъ отъ изображеннаго въ программѣ, — терялись, сбивались, становились въ затрудненіе. Такимъ юнкерамъ полковникъ Драгомировъ давалъ спокойно продолжать отвѣтъ по билету, при чемъ ободрялъ ихъ.

Въ концѣ экзамена Михаилъ Ивановичъ объявилъ, что онъ и не можетъ требовать одинаковаго успѣха отъ каждаго; это значило бы требовать чего-либо выходящаго изъ ряда; въ одинъ курсъ нельзя было уйти впередъ въ дѣлѣ удовлетворенія всѣмъ его требованіямъ, съ теченіемъ времени это наладится у всѣхъ, какъ у нѣкоторыхъ уже сильно налаживается. Во всемъ проявлялось снисходительное отношеніе профессора къ слушателямъ.

Полковникъ Драгомировъ, какъ сказано выше, остался въ полномъ восторгѣ отъ тѣхъ отвѣтовъ, которые давалъ на экзаменѣ Боголюбовъ, а также отъ способовъ веденія имъ возраженій и вообще разсужденій.

Во все время преподаванія своего въ училищѣ, Михаилъ Ивановичъ отличалъ Боголюбова своимъ особымъ вниманіемъ, а по окончаніи этимъ молодымъ человѣкомъ курса наукъ въ старшемъ классѣ (1868 г.), профессоръ, совершенно неожиданно, завелъ съ нимъ разговоръ на тему о дальнѣйшихъ его планахъ по службѣ.

На объясненіе Боголюбова относительно того, что выходитъ онъ въ офицеры въ кавказскую гренадерскую артиллерійскую бригаду, при чемъ рѣшилъ, въ свое время, идти въ академію, Михаилъ Ивановичъ сказалъ:

— Прекрасное дѣло; но только у васъ, артиллеристовъ, есть своя притягательная сила,—артиллерійская академія; я никого не соблазняю ничѣмъ и съ намѣченнаго пути не имѣю привычки увлекать, но есть случаи, когда всѣ данныя требуютъ со стороны молодого человѣка отданія полной справедливости собственнымъ способностямъ и оцѣнки своихъ силъ; а это все обязываетъ его поступить въ генеральный штабъ черезъ академію генеральнаго штаба; вотъ что я вамъ рекомендовалъ бы; что вы на это скажете?

— Я, признаться, не знаю, имѣю ли право считать, что я долженъ отдавать справедливость своимъ способностямъ, отвѣтилъ Боголюбовъ, мнѣ это и въ голову не приходило, но я намѣтилъ идти именно въ академію генеральнаго штаба.

— Ну, вотъ и чудесно, сказалъ Драгомировъ, ваша положительность мнѣ ручается за то, что вы не измѣните своего желанія, исполните намѣченное въ точности; дай же, Боже, въ добрый часъ.

Служба на Кавказѣ привела Боголюбова скоро въ экспедицію противъ возставшихъ горцевъ; въ этомъ военномъ походѣ молодой человѣкъ показалъ себя дѣльнымъ, распорядительнымъ и храбрымъ офицеромъ.

Въ 1872 году онъ перешелъ въ гвардейскую конную артиллерію, а въ 1873 поступилъ въ академію генеральнаго штаба. Блестяще окончивъ курсъ, онъ былъ вскорѣ переведенъ въ генеральный штабъ, а ко дню мобилизаціи,—въ ноябрѣ 1876 г., уже состоя въ чинѣ подполковника, получилъ отъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Драгомирова приглашеніе вступить въ командованіе батальономъ Подольскаго полка въ славной Драгомировской 14-ой пѣхотной дивизіи.

Вслѣдъ за раненіемъ генерала Драгомирова на Шипкѣ—14-го августа 1877 года молодой штабъ-офицеръ этотъ былъ очень тяжко раненъ въ правый бокъ, пуля вылетѣла черезъ лѣвый, задѣвъ спинной хребетъ со внутренней стороны и искалѣчивъ молодого человѣка на всю жизнь.

IX.

Лѣто 1866 года, по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ артиллерійскомъ училищѣ, мы провели въ лагеряхъ подъ Краснымъ Селомъ, куда перешли 1-го мая — тотчасъ по окончаніи экзаменовъ. Составивъ собою въ строю пѣшую батарею, мы должны были до середины іюня пройти курсъ практической стрѣльбы изъ вводившихся тогда въ вооруженіе всей артиллеріи четырехфунтовыхъ мѣдныхъ, заряжавшихся съ дула орудій, упражняться въ

строевыхъ занятіяхъ при орудіяхъ и, въ конномъ строю пѣшей батареи, участвовать, съ войсками Красносельскаго лагернаго сбора, во всѣхъ парадахъ, въ различныхъ ученьяхъ разныхъ родовъ оружія, а также въ отрядныхъ, дивизіонныхъ и общихъ маневрахъ.

Кромѣ этихъ занятій лѣтомъ же, подъ руководствомъ батарейнаго командира полковника Фриде, происходили особыя занятія съ юнкерами, выходившими въ конную артиллерію,—изъ нихъ было составлено одно орудіе, и они каждый день упражнялись въ исполненіи строевой, лихой конно-артиллерійской службы, занимая мѣста нижнихъ чиновъ.

Всѣ эти занятія, какъ совершенно новыя, смѣнившія десятилѣтнее занятіе пѣхотнымъ строемъ, насъ очень занимали и даже увлекали; хотя, нужно сказать правду, ожидали мы производства въ офицеры съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ началѣ іюня полковникъ Фриде, возвратясь однажды изъ города, объявилъ намъ, что полковникъ Драгомировъ находилъ бы полезнымъ и необходимымъ въ теченіе лагеря привлечь выпускной, старшій классъ къ тактическимъ занятіямъ въ полѣ; съ этимъ вполнѣ согласился тов. генер. фельдцеймейстера генералъ-адъютантъ А. А. Баранцевъ, и вотъ, намъ было объявлено, что послѣ сообщенія отъ штаба Красносельскаго лагернаго сбора полнаго росписанія ученій и маневровъ, будетъ выдѣлено для старшаго класса дней десять для этихъ занятій и что руководить ими взялся самъ Драгомировъ [1]).

Очень обрадовались многіе изъ насъ случаю еще нѣкоторое время послушать бесѣды и наставленія этого обаятельнаго профессора и, главное, послушать законно, легально, неконтрабандно,—что значитъ совершенно спокойно.

Самое наше нетерпѣніе ожиданія производства въ офицеры какъ бы облегчалось предстоявшими уроками и поученіями такого учителя.

Вскорѣ, однако, начали ходить слухи о томъ, что выполненіе этой программы встрѣчаетъ препятствіе въ необходимости веденія практическихъ занятій и работъ, коими и безъ того обременены юнкера въ лагерное время.

---

[1]) Предполагалось ввести практику въ чтеніи картъ, рекогносцировку, бивуакъ, оборону позиціи, по атакузиціи—во всѣхъ этихъ занятіяхъ предстояло больше всего обращать вниманіе на роль, движеніе и дѣйствія артиллеріи; кромѣ того предполагались наблюденія за ученіями пѣхоты и кавалеріи для ознакомленія съ этими родами оружія.

Ко всему этому, въ началѣ іюля, совершенно неожиданно, какъ шквалъ, разразилась австро-прусская война; намъ стало извѣстно, что для присутствованія на театрѣ войны при прусскомъ главномъ штабѣ арміи, отправляется, по волѣ Государя, въ главную прусскую квартиру полковникъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ; такимъ образомъ улыбавшееся намъ веденіе тактическихъ задачъ въ полѣ не состоялось, и уже больше мы полковника Драгомирова тогда не видѣли.

Я лично очень пожалѣлъ объ этомъ, быть можетъ, больше, чѣмъ другіе, такъ какъ хотѣлъ непремѣнно воспользоваться случаемъ—принести ему благодарность за показанное мнѣ участіе: намѣтивъ путь, которымъ посредствомъ дифференціаловъ и интеграловъ я вышелъ изъ крайне затруднительнаго положенія, онъ избавилъ меня отъ грозившаго мнѣ выхода изъ училища по второму разряду. Вся судьба моя этимъ измѣнилась и перевернулась. Раньше я не благодарилъ Михаила Ивановича не потому, что не догадался это сдѣлать, а лишь не рѣшился, такъ какъ считалъ этотъ шагъ за нѣкотораго рода фамильярность. На моей совѣсти тогда это такъ и осталось, хотя я понималъ, что въ моей благодарности онъ не нуждался, объ ней не думалъ, а если бы подумалъ, то ни на минуту въ ней не усумнился бы.

Велись ли эти занятія въ артиллерійскомъ училищѣ съ юнкерами послѣдовавшихъ за нами выпусковъ,—сказать не могу.

X.

Краткое описаніе нѣкоторыхъ событій и обстоятельствъ, приведшихъ къ преобразованію военно-учебныхъ заведеній, грѣшило бы крайнею неполнотой, если бы не привести здѣсь то, что довелось гораздо позже услышать обо всемъ этомъ отъ самого Михаила Ивановича.

Однажды въ Наугеймѣ, выйдя на совмѣстную утреннюю прогулку, Михаилъ Ивановичъ, находился въ какомъ-то особенно хорошемъ, оживленномъ расположеніи духа.

— А вотъ что, сказалъ онъ, не подняться ли намъ сегодня на Іоганнисбергъ [1])?

— Отчего же? Я съ большимъ удовольствіемъ поднимусь, но я слышалъ, что всѣмъ тѣмъ, кто беретъ ванны и вообще лѣчится

---

[1]) Крутая гора, примыкающая къ городу Наугейму.

здѣсь, доктора рекомендуютъ не предпринимать этого подъема; онъ можетъ повредить ходу лѣченья.

— Мнѣ докторъ Янковскій [1]) сказалъ, что я могу совершать это восшествіе, но только съ осторожностью: не идти слишкомъ скоро, останавливаться почаще для отдыха, а если силы хоть немного начнутъ измѣнять, то вернуться, не доводить во что бы то ни стало путешествія до самаго верха, отвѣтилъ Мих. Ив.

Хотя доктора нашли тогда необходимымъ укрѣпить его здоровье въ этомъ курортѣ, славящемся укрѣпляющими сердце ваннами,— Михаилъ Ив. не имѣлъ вида больного человѣка,—былъ бодръ, крѣпокъ, веселъ и энергиченъ. Подъемъ на Іоганнисбергъ однако и совершенно здоровому человѣку не легко было одолѣть. Приходилось взбираться версты двѣ съ лишнимъ по подъему почти въ 60°.

Мы пошли со всѣми указанными врачемъ предосторожностями; Мих. Ив. не столько утомлялся, сколько волновался; при каждой возможности мы присаживались—благо скамеекъ тамъ разставлено достаточно. Въ одномъ мѣстѣ Мих. Ив. повернулся спиной къ сторонѣ подъема и пошелъ, отступая. Подъ горой уже вырисовался видъ старинной части города Наугейма.

— Что это вы, Михаилъ Ивановичъ, повернулись? видами любуетесь?

— А это, видите ли, я вспомнилъ, что одинъ старый, очень старый кавказецъ, по-просту сказать, покойный Ѳед. Ѳед. Радецкій, училъ меня сноровкѣ: если, говоритъ, почувствуете усталость или нѣкоторое стѣсненіе въ груди, повернитесь и продѣлывайте шествіе въ гору „назадъ, равняйсь“,—повѣрьте, что въ сто разъ легче будетъ вамъ брать высоту; въ это время дыханіе не встрѣчаетъ воздуха и легкія, не имѣя нужды преодолѣвать его, не испытываютъ усталости; вся суть въ томъ, чтобы приноровиться, взять привычку, идти пятясь, какъ ракъ; такимъ порядкомъ легко пройти большой подъемъ въ гору. Я попробовалъ, сказалъ Драгомировъ, и дѣйствительно оказалось, что брать подъемъ пятясь просто нипочемъ; съ тою же скоростью идешь совершенно легко, это прямо отдыхъ.

Мы добрались до верху, присаживаясь и прибѣгая по временамъ къ этой сноровкѣ; Мих. Ив. почти не испытывалъ одышки,

---

[1]) Изъ числа находившихся тамъ въ тѣ годы докторовъ только д-ръ Янковскій говорилъ по-русски; онъ, родомъ полякъ изъ нашего Привислянскаго края; по зимамъ жилъ въ Торнѣ, а на лѣто ежегодно пріѣзжалъ въ Наугеймъ, гдѣ и пользовался большой практикой среди пріѣзжавшихъ изъ Россіи паціентовъ.

а я, несмотря на полное здоровье, съ непривычки, порядкомъ таки усталъ.

Всю дорогу во время отдыховъ и передышекъ, а также, сидя на верху горы въ „Кафе“ за стаканомъ маріенбадсковй воды,—Михаилъ Ивановичъ разсказывалъ объ Мольтке, о началѣ восхожденія его звѣзды во время Датской войны за Шлезвигъ-Гольштейнъ въ 1864-мъ г.; о продолженіи этого восхожденія и развитія его геніальныхъ способностей въ 1866-мъ году во время Австро-Прусской кампаніи; тутъ Мих. Ив. остановился на нѣкоторыхъ эпизодахъ этой войны.

Я, полушутя, разсказалъ, какъ и почему мы въ артил. училищѣ огорчились тѣмъ, что онъ былъ посланъ въ прусскую главную квартиру; Мих. Ив. смѣялся. Разговоръ понемногу перешелъ на воспоминанія объ артил. училищѣ; я выискалъ удобную минуту и спросилъ: правда ли, что вы были авторомъ проекта преобразованія военно-учебныхъ заведеній?

— Откуда вы это взяли? усмѣхнулся Мих. Ив.

— Намъ въ Алекс. училищѣ объ этомъ Юшеновъ разсказывалъ; а потомъ, когда въ артил. училищѣ мы услышали подтвержденіе этого и увидѣли васъ, то воспылали къ вамъ чувствами громадной благодарности за такое улучшеніе нашей судьбы.

Мих. Ив. посмѣялся и сказалъ:

— Съ П. Н. Юшеновымъ я познакомился въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ въ бытность свою начальникомъ штаба Кіевскаго военнаго округа; онъ тогда былъ директоромъ Кіевскаго кадетскаго корпуса; вотъ былъ умница первосортный; не на такомъ мелкомъ трудѣ слѣдовало ему сидѣть—это человѣкъ, который былъ способенъ объять и развивать самыя сложныя понятія. О ходѣ преобразованія кад. корпусовъ онъ долженъ былъ знать; но то обстоятельство, будто бы я былъ авторомъ проекта, не вѣрно. Однако, нѣтъ дыма безъ огня, и я сейчасъ разскажу, что могло вызвать подобные толки. Относительно же выраженія мнѣ благодарности—юнкеровъ,—бывшихъ кадетъ—за улучшеніе ихъ судьбы и быта, я этой благодарности не могу считать себя достойнымъ; понимая чувства этихъ юнкеровъ, отношу ихъ всецѣло къ сантиментальности, — не въ дурную, конечно, сторону. Молодыя сердца всегда, за всякую малѣйшую имъ услугу, ищутъ кого бы благодарить; въ этомъ громадная потребность и громадная необходимость удовлетворенія ея. Добрыя, значитъ, были у васъ сердца, а благодарность-то надо было всецѣло обратить на Дм. Алекс. Милютина.

Дѣло произошло такъ, продолжалъ Мих. Ив. свой разсказъ:

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Дм. Алекс. Милютинъ успѣлъ достаточно окрѣпнуть и окрылиться въ должности военнаго

министра, я, еще будучи очень молодымъ офицеромъ генер. штаба, получилъ приглашеніе явиться къ нему въ канцелярію. Вскорѣ стало извѣстно, что подъ предсѣдательствомъ Дм. Ал. назначено засѣданіе по вопросу о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній.

Собрались. Стариковъ было туда приглашено видимо невидимо, такъ, что въ числѣ всѣхъ Тотлебенъ, Баранцовъ, братья Кауфманы, Тидебель были сравнительно молодые генералы; Ванновскій былъ еще моложе, чуть ли онъ не былъ тогда еще полковникомъ; вѣдь собрались такіе Маѳусаилы, какъ Розенъ, Клюпфель, Сутгофъ, Рѣзвый, Драке,—все люди, родившіеся въ царствованіе матушки Екатерины; появился и молодой генералъ Исаковъ—тогда попечитель Московскаго учебнаго округа; мы, офицеры генеральнаго штаба, были совсѣмъ ребята, а я чуть ли не самый молодой изъ всѣхъ. Находились тамъ еще генералы и штабъ-офицеры въ формѣ кадетскихъ корпусовъ,—видимо, директоры, инспекторы, а можетъ быть и батальонные командиры.

Милютинъ, въ короткой ясной рѣчи, разсказалъ, зачѣмъ онъ насъ собралъ; затѣмъ какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно повернулся и, назвавъ меня по чину и фамиліи, сказалъ: не приходилось ли вамъ когда-нибудь, какъ бывшему кадету, поразмыслить о томъ, что въ главныхъ чертахъ требовало бы настоятельнаго измѣненія?

Давно, я, по совершенной случайности, раздумывалъ о томъ, на сколько являлось необходимымъ отдѣлить старшіе,—спеціальные классы отъ младшихъ—общихъ. Только-что я прицѣлился объ этомъ ему сказать, какъ онъ, съ свойственной ему всегдашней опредѣленностью, поторопился добавить въ поясненіе: вы сами очень хорошо понимаете, что я не ожидаю отъ васъ какого-либо проекта, еще менѣе жду чего-нибудь обработаннаго; скажите лишь въ краткихъ словахъ, не доводилось ли вамъ когда-нибудь остановиться на какой бы то ни было мысли относительно теперешней постановки нашихъ военно-учебныхъ заведеній и желательной?

Я, разумѣется, очень смутился, но тотчасъ же изложилъ ему кратко свою мысль. Выслушавъ меня внимательно и не остановившись на моихъ словахъ, Дм. Ал. сталъ разспрашивать другихъ; сначала были спрошены мои коллеги, потомъ батальонные командиры, а затѣмъ по порядку отъ малыхъ до большихъ всѣ. Многіе высказывались очень пространно; иные были солидарны со мной, а нѣкоторые односложно объявляли, что все идетъ прекрасно и гораздо полезнѣе оставить все по-старому, никакихъ-де преобразованій не требуется.

Не обошлось и безъ курьезовъ. Одинъ изъ батальонныхъ ко-

*

мандировъ „имѣлъ честь“ доложить, что отъ строгости стали отступать и все дѣло въ этомъ; надо къ строгости вернуться, больше подтягивать, тогда все будетъ въ порядкѣ и не будетъ распущенности.

Это еще ничего,—Дмитрій Алексѣевичъ показаніе старца выслушалъ также внимательно и терпѣливо, но этотъ „докладчикъ“ раза три принимался повторять свое мнѣніе, когда его не спрашивали; наконецъ, Милютинъ, опять совершенно спокойно, сказалъ ему: вы не трудитесь больше высказываться; ваше мнѣніе мы знаемъ, дайте намъ другихъ выслушать, къ вамъ мы еще обратимся.

Разспросивъ и выслушавъ всѣхъ, Милютинъ обратился снова ко мнѣ: почему вы полагаете, что будетъ цѣлесообразно отдѣлить спеціальные классы?

Я сказалъ, что требованія, которыя во всѣхъ отношеніяхъ необходимо предъявлять къ воспитанникамъ, находящимся почти наканунѣ производства въ офицеры, совершенно различны отъ требованій, кои устанавливаются по отношенію къ питомцамъ младшихъ возрастовъ; старшимъ можно разрѣшать многое такое, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя дозволить малолѣтнимъ и вообще младшимъ; устанавливается различіе обязанностей и правъ по возрастамъ; а между тѣмъ представляется крайне неудобнымъ дѣлать такое различіе, и такое раздѣленіе по правамъ и обязанностямъ въ одномъ и томъ же заведеніи; при этомъ неминуемо роняется достоинство старшихъ — взрослыхъ, — а это достоинство необходимо вообще поднимать; если старшихъ отдѣлить, то и явится возможность установить для нихъ, безъ какого-либо стѣсненія, совершенно особый порядокъ, младшихъ же, въ ихъ заведеніяхъ, можно поставить безъ всякаго неудобства въ условія, соотвѣтствующія ихъ возрасту. Ко всему этому я нашелъ нужнымъ добавить, что если младшимъ возрастамъ до извѣстной степени нужны воспитатели, то для старшихъ является безусловная потребность въ хорошихъ, образованныхъ строевыхъ офицерахъ.

Не долго длилось это памятное засѣданіе. Дмитрій Алесѣевичъ поблагодарилъ всѣхъ и заявилъ, что къ нашему труду онъ еще прибѣгнетъ, т. к. насъ пригласятъ въ особую комиссію, которая будетъ по этому поводу составлена.

Вскорѣ было объявлено, что согласно представленію начальника военно-учебныхъ заведеній великаго князя Михаила Николаевича, составляется комиссія подъ предсѣдательствомъ одного изъ старичковъ,—кажется, Роговского; незнаю, что она дѣлала и дѣлала ли что-нибудь, но затѣмъ, года черезъ полтора,—въ началѣ 1863 года,—

я лично былъ въ числѣ другихъ назначенъ въ комиссію генерала Исакова; намъ разослали проектъ преобразованія кадетскихъ корпусовъ на началахъ отдѣленія старшихъ классовъ, а въ самыхъ засѣданіяхъ, которыхъ состоялось всего два или три, читали готовое положеніе о военныхъ училищахъ; въ нихъ рѣшено было выдѣлить спеціальные классы.

Дѣло это, видимо, было изложено, какъ давно назрѣвшее и, конечно, я, высказываясь за эту подробность, не открылъ Америку; необходимость ея бросалась въ глаза всѣмъ, а нами она чувствовалась еще въ стѣнахъ корпуса, изъ котораго я въ свое время вышелъ въ офицеры, мы, еще находясь на школьной скамьѣ и разбирая свою—„полковую" [1]) жизнь, и вглядываясь по сосѣдству въ кадетскую жизнь, поняли и сознали необходимость этого выдѣленія;—совмѣстное пребываніе съ малышами до крайности стѣсняло великовозрастныхъ и стѣсняло,—не потому, что они хотѣли чего-нибудь для себя, а потому, что не хотѣли пользоваться самымъ необходимымъ на глазахъ тѣхъ, коимъ это самое не могло быть ни необходимо, ни дозволено; тутъ на каждомъ шагу говорило въ нихъ чувство деликатности.

Само собою разумѣется, что и комиссія старичка, и совѣщаніе Исакова, а тѣмъ болѣе я,—въ этомъ были ни при чемъ: самъ Дмитрій Алексѣевичъ это все давно обмозговалъ, намѣтилъ, начерталъ, сотворилъ и доложилъ; такова была его голова и его способность создавать.

Все это было бы хорошо, закончилъ свое сообщеніе Михаилъ Ивановичъ, если бы Дмитрій Алексѣевичъ до конца выдержалъ, до конца отнесся къ этому дѣлу съ тѣмъ же вниманіемъ, если бы его напряженное вниманіе не было отвлечено чѣмъ-либо другимъ, оказавшимся, по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе важнымъ и болѣе насущнымъ. Въ дѣлѣ образованія новыхъ учебныхъ заведеній изъ общихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ обнаружилось полное оскудѣніе въ Милютинѣ вниманія; этими учебными заведеніями Дмитрій Алексѣевичъ нанесъ большой ущербъ нашей арміи, учрежденіе ихъ много напортило дѣлу формированія состава офицеровъ.—И что это въ самомъ дѣлѣ за заведеніе—военная гимназія, кадетская гимназія!!! что-то совершенно гермафродитское.

Закончивъ этотъ свой разсказъ, Михаилъ Ивановичъ предложилъ „налаживаться" въ обратный путь.

---

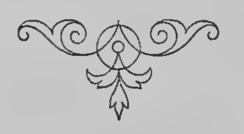
[1]) Извѣстно, что Мих. Ив. Драгомировъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1849 году изъ Дворянскаго полка.

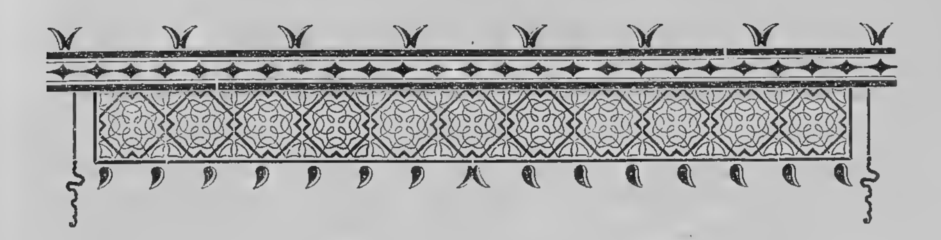
Мы направились на спускъ въ Наугеймъ; спускъ этотъ мы продѣлали другой, некрутой, прохладной дорогой, по прекраснымъ лѣсамъ, рощамъ и тѣнистымъ аллеямъ.

Заканчивая этотъ первый очеркъ воспоминаній о Михаилѣ Ивановичѣ, я нарочно нарушилъ его хронологическій порядокъ. Всѣ здѣсь изложенные эпизоды касаются юныхъ взглядовъ на профессора и соприкосновеній съ нимъ за время моей бытности въ училищныхъ стѣнахъ. Разсказъ объ участіи его въ дѣлѣ преобразованія нашего быта, имѣя прямое касательство къ дѣлу корпусныхъ бунтовъ и неурядицъ, правильнѣе всего было выдѣлить и „пришить“ къ описанію тѣхъ неурядицъ.

Послѣ памятнаго наставленія и совѣта о томъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ фортификаціи, послѣ поучительнаго экзамена въ младшемъ классѣ и послѣ отъѣзда Михаила Ивановича въ прусскую главную квартиру арміи, дѣйствовавшей противъ злосчастной пестрой австрійской державы, я не встрѣчался съ Михаиломъ Ивановичемъ 11 лѣтъ. Видѣлъ въ самомъ началѣ 1876 года въ зданіи штаба войскъ гвардіи на одномъ изъ военныхъ сообщеній, которыя онъ дѣлалъ тамъ по приглашенію высшаго начальства войскъ гвардіи и округа; но собственно новая встрѣча съ нимъ послѣдовала въ Кишиневѣ во время кратковременнаго пребыванія моего тамъ въ концѣ марта 1877 года при главной квартирѣ главнокомандующаго,—незабвеннаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго;—Михаилъ Ивановичъ командовалъ тамъ своей славной 14-ой пѣхотной дивизіей, а я былъ взятъ въ скромную должность ординарца Его Высочества.

А. Е. К.





Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка

По изслѣдованіямъ П. О. Пирлинга.

XII [1]).

После Полтавы.—Депеша кардинала Паулуччи.—Неудачи Шембека и Спинолы. — Петръ I и Лейбницъ. — Программа преобразованій, выработанная Лейбницемъ.—Петръ I въ Парижѣ. — Новыя надежды папскаго престола.—Инструкціи, полученныя Бентивогліо.—Его аудіенція у царя.—Посѣщеніе Петромъ Сорбонны. — Записка докторовъ Сорбонны.. — Отвѣтъ на нее, составленный Ѳ. Прокоповичемъ и Яворскимъ.—Бесѣда Долгорукова съ докторами.

Подробная реляція о кровопролитномъ сраженіи, доставившемъ Петру побѣду надъ шведами, была сообщена въ Римѣ Головкинымъ. Послѣдствія этой побѣды не трудно было предугадать: Россіи предстояло, съ этого момента, играть преобладающую роль среди сѣверныхъ державъ. Естественно поэтому, что въ Ватиканѣ возникъ снова вопросъ о необходимости обезпечить, возможно скорѣе, положеніе католиковъ въ Россіи и добиться того, чтобы неопредѣленныя обѣщанія, данныя царемъ, были закрѣплены на бумагѣ.

Кардиналъ Паулуччи, не теряя времени, отправилъ польскому нунцію депешу, въ которой, ссылаясь на свои переговоры съ кн. Куракинымъ, онъ обсуждалъ пространно вопросъ объ учрежденіи въ Россіи нунціатуры. Одновременно были разосланы папскія грамоты польскимъ епископамъ и сановникамъ и даже самому королю Августу, занимавшему вновь престолъ Пястовъ, съ просьбою содѣйствовать успѣху этого дѣла.

Особенно ревностно взялся за него примасъ гнезенскій Станиславъ Шембекъ, сторонникъ Августа. Онъ послалъ къ царю одного

[1]) См. „Русскую Старину" 1908 г. октябрь.

изъ своихъ племянниковъ съ порученіемъ привѣтствовать его съ побѣдой и добиться отъ Петра указа о свободѣ вѣроисповѣданія для католиковъ. Несмотря на то, что посланному удалось бесѣдовать неоднократно съ кн. Куракинымъ и однажды даже съ самимъ царемъ, его миссія не увѣнчалась успѣхомъ.

Такъ же безуспѣшна была попытка добиться какихъ-либо гарантій для католиковъ, сдѣланная въ слѣдующемъ, 1710 г., варшавскимъ нунціемъ Спинолою при свиданіи съ представителемъ Петра въ Польшѣ, княземъ Долгорукимъ. Князь былъ въ высшей степени любезенъ съ нунціемъ, восторгался видѣннымъ у него портретомъ Климента XIV, который тотчасъ былъ подаренъ ему для передачи царю; но когда нунцій захотѣлъ возобновить переговоры, не доведенные Куракинымъ до конца въ Римѣ, то Долгорукій сдѣлалъ видъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, и просилъ нунція изложить сущность дѣла письменно, обѣщая передать его записку царю. Спинола, находившій, что русскіе слишкомъ практичны и слишкомъ большіе оппортунисты, счелъ за лучшее воздержаться отъ подачи этой записки. Впрочемъ, годъ спустя, онъ измѣнилъ свой взглядъ и разрѣшилъ о. Тромбетти, настоятелю семинаріи въ Леополѣ, подать царю, при его проѣздѣ въ Галиціи, записку съ напоминаніемъ о грамотѣ, обѣщанной Меньшиковымъ. На это напоминаніе не послѣдовало никакого отвѣта, изъ чего нунцій заключилъ, что „царю нельзя было вѣрить, что всѣ его обѣщанія были обманчивы, и что на него нельзя было разсчитывать“.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, къ которой стремился Петръ, была уже достигнута: Швеція была побѣждена, Августъ II снова возсѣдалъ на престолѣ, и Петръ, несмотря на пораженіе, понесенное его войсками на берегахъ Прута, надѣялся вскорѣ заключить выгодный миръ со Швеціей. Содѣйствіе папы было, слѣдовательно, ему болѣе не нужно. Чего же ради было ему дѣлать уступки Ватикану?

Въ Римѣ скоро поняли, какія практическія послѣдствія имѣла для Петра побѣда, одержанная подъ Полтавой. „Ослѣпленный успѣхами своего оружія, царь не заботится болѣе о насъ“, говорилось въ инструкціи, данной Ватиканомъ вновь назначенному въ Польшу нунцію Одескальки. Пропаганда, взвѣсивъ все достигнутое въ теченіе 1703 и 1705 гг., убѣдилась, что всѣ старанія обезпечить и упрочить существованіе католической церкви въ Россіи окончились полной неудачей, а проживавшій въ Москвѣ іезуитъ, о. Миланъ, писалъ 17 декабря 1714 г. своему начальству, что „только какое-нибудь особое чудо могло бы произвести въ царѣ перемѣну и заставить его войти въ соглашеніе съ Ватиканомъ, такъ какъ къ этому были слишкомъ большія преграды: въ

случаѣ уніи царю пришлось бы подчиниться авторитету папы и нравственныхъ законовъ, отказаться отъ своихъ прихотей и отъ злоупотребленія властью“. Такъ оцѣнивалъ о. Миланъ настроеніе царя, отъ котораго, главнымъ образомъ, зависѣлъ успѣхъ соглашенія съ Римомъ.

Слухи о сочувствіи Петра къ лютеранамъ и католикамъ и о его стремленіи къ уніи заинтересовали извѣстнаго германскаго философа Лейбница, любимою мечтою котораго съ юныхъ лѣтъ было единеніе церквей. Увлекавшійся широкимъ планомъ соединенія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и въ частности вопросомъ объ уніи лютеранской и реформатской церквей, Лейбницъ полагалъ необходимымъ для осуществленія этого плана созвать представителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, для совмѣстнаго обсужденія церковныхъ вопросовъ; но, зная, что папы никогда не возьмутъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, онъ обратилъ свои взоры къ Россіи, полагая, что созывъ церковнаго собора былъ дѣломъ вполнѣ достойнымъ православнаго царя. Этотъ вопросъ неоднократно обсуждался имъ съ барономъ Урбихомъ, съ 1707 г. представителемъ Россіи въ Вѣнѣ; 15 октября 1710 г. Урбихъ, ѣздившій въ Москву, писалъ: „Въ бытность мою въ Москвѣ я сдѣлалъ все возможное для Лейбница и для его проекта, который одобренъ царемъ. Я говорилъ также о созывѣ духовнаго собора, по инціативѣ царя, и предложилъ привлечь къ этому дѣлу Лейбница, который могъ бы выработать для него программу; хотя эта мысль понравилась, однако было высказано, что предварительно слѣдуетъ заключить миръ“.

Изъ этого мы видимъ, что Петръ велъ съ Лейбницемъ ту же игру, которая удалась ему съ папой. Подавая ему надежду на созывъ собора, онъ откладывалъ его до заключенія мира со Швеціей, о чемъ онъ заботился гораздо болѣе, нежели о созывѣ духовнаго собора.

Въ 1711 г. Лейбницъ встрѣтился съ Петромъ I въ Торгау, куда онъ сопровождалъ герцога Антона Ульриха Брауншвейгскаго на бракосочетаніе его внучки Софіи-Шарлотты съ царевичемъ Алексѣемъ. Во время свиданія въ Торгау и при послѣдующихъ встрѣчахъ съ германскимъ философомъ, въ 1712 и 1716 гг., Петръ много бесѣдовалъ съ нимъ о распространеніи науки и просвѣщенія въ Россіи и поручилъ Лейбницу выработать для него программу преобразованій, которая обнимала бы всѣ стороны народной жизни. Ему же обязана своимъ основаніемъ академія наукъ въ Петербургѣ; но она рисовалась въ его воображеніи не собраніемъ нѣсколькихъ ученыхъ, занятыхъ своими научными трудами, а высшимъ раз-

садникомъ знанія, изъ котораго свѣтъ науки и просвѣщенія исходилъ бы на всю страну. По его же иниціативѣ была снаряжена извѣстная экспедиція Беринга для изслѣдованія береговъ Азіи и Америки.

Вѣрный своимъ идеаламъ, Лейбницъ чистосердечно писалъ царю, что онъ „не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые отдаютъ себя всецѣло своей родинѣ или какому-нибудь опредѣленному народу; что его заботитъ счастье всего человѣчества, такъ какъ онъ смотритъ на небо, какъ на наше общее отечество, гражданами коего суть всѣ благомыслящіе люди. Мнѣ пріятнѣе сдѣлать много добра для русскихъ“, писалъ онъ, „нежели немного для нѣмцевъ, хотя бы я и получилъ за это на родинѣ почести, богатство, славу. Я только ищу случая быть полезнымъ“.

Лейбницъ думалъ, что онъ нашелъ въ Петрѣ „великаго человѣка, который поможетъ ему осуществить его несбыточныя мечты относительно Германіи“, но онъ ошибся; отъ великаго проекта, который онъ обсуждалъ съ Петромъ, не осталось слѣда.

Во время своей первой заграничной поѣздки, Петру I, несмотря на все его желаніе, не удалось быть во Франціи; препятствіемъ къ этому послужила политика Людовика XIV, не согласовавшаяся съ видами царя; когда Людовикъ скончался, Петръ поспѣшилъ извѣстить герцога Орлеанскаго о своемъ намѣреніи быть въ Парижѣ.

Въ это второе заграничное путешествіе царя сопровождали вице канцлеръ Шафировъ, князь Куракинъ, Петръ Толстой и Василій Долгоруковъ, съ которыми, во время ихъ пребыванія въ Парижѣ, вели дипломатическіе переговоры маршалъ Юксель, министръ иностранныхъ дѣлъ и маршалъ Тессэ. Въ результатѣ былъ заключенъ 4 (15) августа 1717 г. тройственный союзъ между Франціей, Прусіей и Россіей, и подписанъ скрѣпившій его Амстердамскій договоръ.

Путешествіе царя, надѣлавшее въ Европѣ много шума, привлекло вниманіе папскаго престола и возбудило въ Ватиканѣ сильнѣйшее желаніе упрочить отношенія къ Россіи, тогда уже могущественной державѣ.

11 мая 1717 г. парижскій нунцій Бентивогліо получилъ отъ кардинала Паулуччи депешу и инструкціи, коими на него возлагалась важная миссія — добиться отъ царя столь желанной грамоты для католиковъ, взамѣнъ чего папа изъявлялъ согласіе дать Петру императорскій титулъ. Одновременно, нунцію предписывалось содѣйствовать Карлу VI въ образованіи лиги противъ турокъ.

Ознакомившись съ содержаніемъ депеши, Бентивогліо обратился къ князю Куракину съ просьбою устроить ему аудіенцію у царя. Въ Ватиканѣ были увѣрены, что Куракинъ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Римѣ, имѣлъ въ рукахъ царскую грамоту, но не вручилъ ее папѣ только потому, что имъ не было достигнуто соглашенія относительно императорскаго титула. Поэтому нунцію была послана на всякій случай папская грамота съ полнымъ императорскимъ титуломъ и было разрѣшено заявить, что къ окончательному соглашенію съ Россіей со стороны папы не встрѣчается препятствія. Но все было напрасно: Куракинъ съ умысломъ не заводилъ объ этомъ рѣчи, а когда нунцій упомянулъ о царской грамотѣ, то онъ замѣтилъ, что въ ней нѣтъ ни малѣйшей надобности, коль скоро католики фактически пользуются въ Россіи полной свободой вѣроисповѣданія. Когда же нунцій сталъ настаивать, то онъ обѣщалъ доложить царю и дать отвѣтъ дня черезъ два.

Только 13 іюня, передъ самымъ отъѣздомъ Петра изъ Парижа, нунцій получилъ желаемую аудіенцію. Она была назначена въ Версалѣ, въ часъ дня. Когда нунцій вошелъ, Петръ, окруженный свитой, стоялъ склонившись надъ столомъ, разсматривая какую-то старинную книгу. Онъ прервалъ свое занятіе, чтобы выслушать нунція, произнесшаго обычное привѣтствіе съ просьбой оказать покровительство католикамъ въ Россіи. Шафировъ съ трудомъ перевелъ на италіанскій языкъ отвѣтъ царя, сводившійся къ общимъ мѣстамъ; о религіи не было упомянуто ни слова. Петръ освѣдомился о здоровьѣ папы, о пребываніи Бентивогліо въ Парижѣ, и аудіенція была окончена.

Это было совсѣмъ не то, чего ожидали въ Римѣ. Какая разница между этимъ оффиціальнымъ свиданіемъ и дружеской бесѣдой, которую царь велъ нѣкогда въ Вѣнѣ съ кардиналомъ Коллоницемъ и съ патеромъ Вольфомъ.

Впрочемъ, вопросы вѣры по-прежнему занимали царя. Онъ признался маршалу Тессэ, что онъ готовъ признать высшій авторитетъ папы, что онъ хотѣлъ бы видѣть въ немъ высшаго сановника церкви, но что онъ не можетъ подчинить православный народъ папской власти. „Царь хотѣлъ присоединиться къ латинской церкви, не признавая папской власти“, говорилъ австрійскій посланникъ, графъ Кенигсегъ. Парижскій нунцій не заблуждался на счетъ намѣреній Петра. Онъ вполнѣ оцѣнилъ его ненасытную жажду знаній, но находилъ его „неустойчивымъ, слишкомъ преданнымъ удовольствіямъ“ и не разсчитывалъ на его иниціативу въ дѣлѣ единенія церквей.

Если судить по сказанному нунцію княземъ Куракинымъ, царь не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возобновлять сношеній съ Римомъ. Что касалось лиги противъ турокъ, то объ этомъ не могло быть и рѣчи; у царя были на этотъ предметъ иные планы; онъ видимо не спѣшилъ связывать себя союзами; когда же рѣчь зашла о царской грамотѣ, то Шафировъ предложилъ для обсужденія этого вопроса послать въ Петербургъ представителя папы.

Парижскому нунцію такъ и не удалось ничего добиться отъ царя; вслѣдствіе этого кельнскому нунцію Архинти было поручено завести съ Петромъ рѣчь о грамотѣ въ Голландіи, куда царь отправился изъ Парижа.

Канцлеръ Головкинъ и нунцій Архинти обмѣнялись любезными письмами, но „во время пребыванія царя за границей, дѣло не подвинулось ни на іоту, и въ концѣ концовъ папа былъ вынужденъ согласиться на посылку въ Петербургъ довѣреннаго лица для переговоровъ; впрочемъ, и это осуществилось не скоро".

На другой день послѣ аудіенціи, данной нунцію Бентивогліо, 3 (14) іюня, Петръ посѣтилъ знаменитую Сорбонну. Это посѣщеніе описано въ извѣстномъ журналѣ Петра Великаго, писанномъ подъ диктовку самого царя слѣдующимъ образомъ:

„Іюня въ 3 день по утру его величество былъ въ академіи, гдѣ предлагали его величеству учители Сорбонскіе о соединеніи вѣры, разсуждая, что легко сіе учинить. На что его величество изволилъ имъ отвѣтствовать: что сіе дѣло не малое, и учинить скоро того не возможно; къ тому жь его величество больше обращается въ дѣлахъ воинскихъ. А ежели они того подлинно желаютъ, чтобъ о томъ писали къ россійскимъ архіереямъ; ибо сіе дѣло важное и требуетъ на то духовнаго собранія: и при томъ изволилъ обѣщать имъ по своей отъ Бога дарованной власти повелѣть россійскимъ архіереямъ, ежели тѣ учители будутъ писать къ нимъ, на то отвѣтствовать и по тому его величества обѣщанію оные учители по щастливомъ возвращеніи его величества въ Сенктпетербургъ, писали о томъ къ Россійскимъ архіереямъ, и его величество повелѣлъ имъ отвѣтствовать".

Это краткое описаніе можетъ быть дополнено подробностями, по разсказамъ докторовъ Сорбонны. По своему обыкновенію, Петръ прибылъ въ Сорбонну, не предувѣдомивъ никого оффиціально о своемъ пріѣздѣ. Царя встрѣтилъ одинъ только докторъ Бурсье,— самый молодой изъ богослововъ Сорбонны. Онъ провелъ царя и сопровождавшаго его князя Василія Долгорукова въ церковь, гдѣ Петръ съ любопытствомъ осматривалъ гробницу кардинала Ришелье. Когда они вышли въ библіотеку, туда уже собрались всѣ

прочіе богословы. Они видимо желали завязать съ царемъ богословскій споръ, но „Петръ расхаживалъ по библіотекѣ взадъ и впередъ, ни на минуту не останавливаясь, и бѣгло осматривалъ рукописи“; только показавъ ему толстую книгу, отпечатанную славянскимъ шрифтомъ, удалось остановить ненадолго его вниманіе.

Бурсье воспользовался моментомъ и поспѣшилъ замѣтить, что унія западной и восточной церкви могла бы довершить его славу, пріобщивъ къ побѣдамъ, одержаннымъ царемъ на поляхъ битвы, эту мирную побѣду; унія, присовокупилъ Бурсье, представляется дѣломъ далеко не сплошь труднымъ, какъ думаютъ. Петръ улыбнулся и возразилъ черезъ переводчика, что онъ не болѣе какъ воинъ.

„Не только воинъ“, ловко подхватилъ Бурсье, „но герой и какъ монархъ естественный покровитель церкви“. Лесть подѣйствовала; царь сдѣлался разговорчивѣе и замѣтилъ, что уніи церквей мѣшаютъ три пункта, относительно которыхъ обѣ стороны не могутъ сойтись, а именно вопросъ о главенствѣ папы, о происхожденіи святого Духа и...., видя, что царь старался припомнить третій пунктъ, Бурсье подсказалъ: „причащеніе“.

„На счетъ этого нетрудно было бы сговориться“, отвѣтилъ Петръ. Доктора согласились съ нимъ, замѣтивъ, что и относительно другихъ спорныхъ вопросовъ легко будетъ сговориться, такъ какъ разногласіе относительно происхожденія Св. Духа есть не болѣе какъ споръ о словахъ; вопросъ же о главенствѣ папы можно вполнѣ согласовать съ уставомъ православной церкви. Тогда Петръ, желая отдѣлаться отъ докучливости докторовъ Сорбонны или быть можетъ желая сдѣлать еще разъ попытку къ сближенію, сказалъ, обращаясь къ Бурсье: „Такъ составьте объ этомъ записку; только поспѣшите, такъ какъ я скоро уѣзжаю. Обѣщаю вамъ передать ее нашимъ архіереямъ и заставить ихъ отвѣтить вамъ“.

Петръ оставилъ Сорбонну вполнѣ довольный своимъ посѣщеніемъ.

Богословы тотчасъ принялись за составленіе записки, которая была написана ими въ двое сутокъ, подписана 4 (15) іюня восемнадцатью докторами Сорбонны, переведена на латинскій языкъ и скрѣплена парижскимъ архіепископомъ. Богословы доказывали, что единство вѣры можетъ существовать при различіи въ обрядахъ, лишь бы не существовало разногласія въ догматахъ. Что касается послѣднихъ, то различіе въ нихъ не такъ велико, чтобы его можно было считать непримиримымъ.

Петръ сдержалъ слово. Несмотря на множество дѣлъ и заботъ, онъ не забылъ, по возвращеніи въ Петербургъ, о запискѣ Сорбонн-

скихъ докторовъ и передалъ ее на разсмотрѣніе высшаго духовенства. Отвѣтъ на эту записку былъ составленъ въ двухъ редакціяхъ: Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Стефаномъ Яворскимъ; и тотъ и другой сводились къ тому, что такъ какъ православная церковь составляетъ лишь часть восточной церкви, то она не можетъ приступить къ обсужденію столь важнаго вопроса безъ вѣдома восточныхъ патріарховъ. Прокоповичъ, въ своемъ холодномъ и ироническомъ отвѣтѣ не входилъ въ обсужденіе причинъ раскола, возникшаго между западной и восточной церковью, а указывалъ лишь на трудность церковной уніи, говоря, что для обсужденія этого вопроса прежде всего долженъ быть созванъ духовный соборъ и получено согласіе восточныхъ патріарховъ. Онъ видимо уклонялся отъ серьезнаго обсужденія вопроса и искалъ только приличную отговорку. Иначе былъ формулированъ отвѣтъ Яворскаго, не раздѣлявшаго предубѣжденій Прокоповича и его ненависти къ латинянамъ; онъ вдался въ обсужденіе вопроса, кто именно виноватъ въ раздѣленіи церквей и заявилъ, что соглашеніе между католиками и православными было бы возможно, если бы не существовало одного непреодолимаго препятствія къ переговорамъ. Согласно канону, архіереи не могутъ ничего предпринимать безъ согласія ихъ іерархическаго главы, а въ Россіи не было въ то время патріарха. Отвѣтъ на записку Сорбонны былъ посланъ въ Парижъ въ редакціи Прокоповича.

Убѣдившись въ неудачѣ своего плана, доктора пригласили еще разъ на свиданіе князя Василія Долгорукова, котораго царь оставилъ въ Парижѣ. Бесѣда ихъ продолжалась три часа, Долгоруковъ сказалъ, между прочимъ, что лучше всего было бы устроить въ Петербургѣ собесѣдованіе католическихъ и православныхъ богослововъ, и на прощаніе обѣщалъ пріѣхать въ Сорбонну еще разъ чтобы обсудить этотъ вопросъ; онъ обѣщалъ также прислать Новый Завѣтъ и карту побережья Каспійскаго моря, отпечатанные по повелѣнію царя.

Ни одно изъ этихъ обѣщаній не было имъ исполнено.

VIII.

Бесѣда Петра съ королемъ Нидерландскимъ.—Какъ отразилась церковная реформа на католикахъ.—Труды миссіонеровъ.—Притѣсненія іезуитовъ.—Ихъ вторичное изгнаніе изъ Россіи.—Отъѣздъ.—Послѣднія сношенія Петра съ Римомъ.—Статуя Венеры, пріобрѣтенная Кологривовымъ.—Климентъ XI даритъ ее Петру.—Переговоры прерываются со смертью Климента XI.—Отношеніе Петра къ миссіонерамъ въ послѣдній годъ его жизни.

Сенъ Симонъ передаетъ любопытный разговоръ между Петромъ и королемъ Нидерландскимъ, Вильгельмомъ, по поводу уніи. Вильгельмъ не одобрялъ плановъ Петра и совѣтовалъ ему взять примѣръ съ Англіи и сдѣлаться главою церкви, ибо иначе „его власть никогда не будетъ полной“.

Происходилъ ли подобный разговоръ въ дѣйствительности и, король ли нидерландскій первый подалъ Петру мысль о необходимости церковной реформы и о подчиненіи церкви царской власти, какъ бы то ни было, Петръ съумѣлъ создать такой органъ, при посредствѣ котораго церковь была всецѣло подчинена государству.

Со смерти Адріана въ Россіи не было патріарха; теперь на его мѣсто явился Синодъ, въ рукахъ котораго была сосредоточена вся полнота духовной власти, но рѣшенія Синода подлежали санкціи царя; посредникомъ же между царемъ и духовенствомъ явился оберъ-прокуроръ синода. Вся реформа вылилась окончательно въ знаменитомъ духовномъ регламентѣ, коимъ церковь была подчинена свѣтской власти.

Посягательство, совершенное царемъ на прерогативы православной церкви, конечно должно было отразиться на его отношенія къ Риму, или, лучше сказать, должно было повліять на его планы относительно уніи, которая при этихъ условіяхъ была невозможна, такъ какъ представители папскаго престола конечно не допустили бы и мысли о смѣшеніи духовной и свѣтской власти и о подчиненіи духовенства государству. Петръ отлично понималъ это, поэтому, весьма вѣроятно, онъ не придавалъ никакого значенія перепискѣ съ Сорбонной, и письмо, составленное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, было послано въ Парижъ только для того, чтобы исполнить данное царемъ слово.

Духовный регламентъ не только разрушилъ всѣ планы на унію, которые, со стороны Петра, впрочемъ, никогда и не были серьезны, но онъ долженъ былъ неминуемо отразиться и на положеніи католиковъ въ Россіи, для которыхъ верховнымъ главою оставался

по-прежнему папа—не подчиненный никакой свѣтской власти; это сказалось, впрочемъ, гораздо позднѣе, съ присоединеніемъ къ Россіи областей съ католическимъ населеніемъ. Въ царствованіе же Петра, хотя число католиковъ въ Россіи и было довольно велико, но это были по преимуществу иностранцы, либо поступившіе на русскую службу, либо пріѣхавшіе въ Россію для какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей. Хотя они не жаловались на притѣсненія въ дѣлѣ религіи, и іезуиты, изгнанные оффиціально изъ Россіи въ 1680 году, жили въ Москвѣ совершенно спокойно, но Ватиканъ не покидалъ мысли добиться отъ царя грамматы, которая упрочила бы положеніе католиковъ. Вновь прибывшіе въ Россію іезуиты, о. Миланъ и Берула, жили инкогнито, подъ видомъ имперскихъ пословъ, получали жалованье отъ австрійскаго правительства, зависѣли отъ австрійскаго посланника, носили одежду католическихъ священниковъ, а назывались missionarii caesarei.

„Мы не могли бы сдѣлать и тысячной доли того, что мы дѣлаемъ, писали они, если бы здѣсь знали, что мы іезуиты". Ихъ излюбленнымъ правиломъ было: работать возможно больше и говорить возможно меньше; дѣлать дѣло и молчать.

Но инкогнито ставило ихъ подъ часъ въ щекотливое положеніе. Такъ, напр., однажды, когда одинъ изъ миссіонеровъ посѣтилъ монастырь Новый Іерусалимъ, его приняли тамъ любезно, показали ему церковь, кельи, но какъ только онъ, ничего не подозрѣвая, упомянулъ о іезуитахъ, монахи не могли скрыть чувства ненависти и презрѣнія къ нимъ.

Тайна іезуитовъ не могла долго сохраниться. Въ нее было посвящено столько лицъ, что она по неволѣ должна была обнаружиться. Лефортъ первый заподозрѣлъ ихъ тайну, хотя никому не высказалъ своихъ подозрѣній; царь лучше другихъ зналъ, въ чемъ дѣло, и когда въ Россію прибылъ еще одинъ іезуитъ, то первымъ его вопросомъ было: „Вы іезуитъ, точно, такъ же, какъ и оба остальные?" и когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, царь посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе. Хотя іезуиты слѣдовали этому совѣту и не подавали ни малѣйшаго повода принять противъ нихъ какія-либо репрессивныя мѣры, но все же они не были покойны и сравнивали свое положеніе въ Россіи съ утлой ладьею, несомой въ открытомъ морѣ на предательскихъ волнахъ, подъ небомъ, омраченнымъ грозовыми тучами.

Между тѣмъ число католиковъ возростало въ Россіи изъ года въ годъ и хотя, въ общей сложности, ихъ никогда не было болѣе двухъ тысячъ, но такъ какъ они были разсѣяны на большомъ пространствѣ, то іезуитамъ приходилось тратить не мало времени и

труда для обслуживанія своей паствы. До 1715 г. постояннымъ мѣстожительствомъ миссіонеровъ была Москва, но они часто ѣздили въ Петербургъ, Нарву, Архангельскъ, Воронежъ, Казань, Астрахань, Азовъ, гдѣ жили католики плѣнные, ремесленники и военные.

Пока Петру нужна была поддержка императора и папы въ его борьбѣ съ Карломъ XII, католикамъ дѣлались всевозможныя послабленія. Такъ напр., когда ихъ скромная деревянная часовенька была истреблена въ 1705 г. пожаромъ, они получили оффиціально разрѣшеніе выстроить на томъ же мѣстѣ каменную церковь, которая и была освящена въ 1707 г. Около церкви было даже отведено мѣсто для кладбища, на которомъ былъ похороненъ о. Бойэ; и никто не протестовалъ противъ этого. На слѣдующій годъ въ церкви былъ установленъ органъ.

Царю все это было извѣстно; онъ даже воспользовался постройками іеизуитовъ для своихъ собственныхъ цѣлей: домъ для священниковъ, построенный подлѣ церкви, служилъ одно время, по его приказанію, мѣстомъ заточенія львовскаго архіепископа Константина Зѣлинскаго. Родственникъ Станислава Лещинскаго, Зѣлинскій короновалъ его въ Варшавѣ, а когда Зѣлинскій былъ взятъ въ плѣнъ русскими и отправленъ подъ конвоемъ въ Москву, то Петръ приказалъ помѣстить его въ домѣ католической церкви, съ воспрещеніемъ отлучаться оттуда. Тщетно настаивалъ папа на томъ, чтобы Зѣлинскаго освободили. Куракинъ, бывшій въ ту пору въ Римѣ, ограничился одними обѣщаніями. Зѣлинскій такъ и скончался въ заточеніи 6 (17) февраля 1709 г. „Какое тиранство, какіе нравы!“ писалъ возмущенный этимъ о. Берула. Его письмо, адресованное одному изъ приближенныхъ царя, было перехвачено и хранится по сейчасъ въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Къ счастью для о. Берулы письмо было написано по-латыни, и такъ какъ въ Россіи не нашлось довольно ученаго дьяка чтобы перевести его, то іезуитъ не поплатился за свое сочувствіе къ заключенному.

Въ 1715 г. исполнилось наконецъ желаніе петербургскихъ католиковъ имѣть своего особаго священника, который находился бы постоянно въ столицѣ, гдѣ уже была сооружена въ то время скромная католическая церковь. Въ Петербургъ былъ посланъ изъ Литвы іезуитъ Даніилъ Зѣровскій. Первыя впечатлѣнія его были, какъ всегда, благопріятны. „Царь и царица, писалъ онъ 9 апрѣля 1715 г., относятся къ намъ благосклонно. Царь пожертвовалъ для церкви изящные серебряные сосуды. Школа посѣщается сыновьями бояръ и князей; число учениковъ растетъ. Нѣкоторые православные епископы горячо желаютъ сліянія съ римской церковью“. Изъ этого

о. Даніилъ выводилъ заключеніе, что въ Россію можно было прислать неограниченное число іезуитовъ, лишь бы они были знакомы съ науками и искусствами. Въ исходѣ 1716 г. ему былъ присланъ въ помощники о. Михаилъ Энгель.

Но радужныя мечты іезуитовъ скоро разсѣялись. Уже въ 1717 г. начались притѣсненія: іезуитамъ было запрещено предпринимать далекія поѣздки; имъ пришлось жить почти безвыѣздно въ столицахъ. Въ слѣдующемъ году отъ нихъ потребовали, чтобы они присягнули сыну Екатерины I, взамѣнъ лишеннаго престола царевича Алексѣя. Къ нимъ на каждомъ шагу стали придираться, хотя многіе изъ русскихъ расточали имъ похвалы.

Такъ напр. Измайловъ, назначенный въ 1719 г. посланникомъ въ Китай, заискивалъ ихъ дружбы и не могъ нахвалиться ихъ дѣятельностью въ Пекинѣ.

Притѣсненія, которымъ подвергались миссіонеры, ничѣмъ не были вызваны съ ихъ стороны; они были послѣдствіемъ натянутыхъ отношеній Россіи къ священной римской имперіи. Побѣда, одержанная Петромъ надъ Карломъ XII, еще болѣе запутала политическое положеніе. Другой причиной недоразумѣній между Россіей и Австріей было дѣло Алексѣя Петровича, который искалъ убѣжища у Карла VI. Въ Вѣнѣ остались его письма, которыя царь настойчиво требовалъ обратно.

Представителемъ австрійскаго императора при дворѣ Петра былъ въ то время Отто Плейеръ. Онъ не съумѣлъ поставить себя при русскомъ дворѣ какъ подобало, но іезуиты и прочіе католики не находили въ немъ поддержки. Царь также не возлюбилъ его и требовалъ его отозванія подъ предлогомъ, будто онъ былъ въ сношеніи съ какими-то подозрительными личностями. Добившись этого, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, царь не далъ Плейеру прощальной аудіенціи и обычныхъ подарковъ. Вѣнскій дворъ, крайне возмущенный, поспѣшилъ отплатить за это. Представителю Россіи въ Вѣнѣ Веселовскому и русскому агенту въ Бреславлѣ было предложено немедленно уѣхать обратно въ Россію. Внѣ себя отъ гнѣва, Петръ не захотѣлъ остаться въ долгу. Чтобы отомстить за нанесенное ему оскорбленіе, у него были подъ рукою имперскіе миссіонеры. Они сдѣлались козлищами отпущенія.

17 апрѣля 1719 г. ст. ст. былъ подписанъ указъ о вторичномъ изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи. По закону, говорилось въ указѣ, іезуиты не имѣли права жить въ Россіи; ихъ терпѣли только изъ уваженія къ императору. Но коль скоро это соображеніе отпадало, законъ слѣдовало примѣнить во всей строгости.

25 апрѣля о. Энгель былъ вызванъ къ канцлеру Головкину и

вице-канцлеру Шафирову, гдѣ ему былъ предъявленъ указъ о высылкѣ іезуитовъ изъ Петербурга въ 24 часа. Ихъ бумаги приказано было конфисковать. Особенное подозрѣніе вызвали письма о. Милана и о. Энгеля; они были переведы на русскій языкъ, и по поводу ихъ іезуиты были строго допрошены.

Изъ Москвы іезуиты были изгнаны самымъ грубымъ образомъ; администрація безъ всякой надобности прибѣгла даже къ содѣйствію войска.

28 апрѣля, въ 11 часовъ вечера, домъ, въ которомъ жили іезуиты, былъ окруженъ отрядомъ въ шестьдесятъ человѣкъ солдатъ. Прибывшій туда комендантъ потребовалъ прежде всего дневникъ, который вели іезуиты. Когда таковаго не оказалось, были конфискованы ихъ бумаги. Къ полуночи обыскъ былъ оконченъ, но въ четыре часа ночи лица, производившія обыскъ, возвратились обратно и показали іезуитамъ найденный въ ихъ домѣ клочекъ бумаги, который возбудилъ ихъ подозрѣніе. Это оказалась просто ученическая задача о торговлѣ г. Петербурга. Хотя это было объяснено, однако полицейскіе усердно искали въ домѣ подозрительныхъ товаровъ, которыхъ они конечно не нашли.

30 апрѣля была отслужена по утру обѣдня, за которой прихожане пріобщались св. тайнъ и простились со своими духовными отцами. Вечеромъ на домъ іезуитовъ напала чернь; онъ былъ разграбленъ до тла на глазахъ полицейскихъ, которые этому не препятствовали, ссылаясь на то, что ими не получено на этотъ счетъ никакихъ приказаній. Когда все имущество іезуитовъ было разграблено, у нихъ потребовали ключи отъ дома.

„Земля и домъ принадлежатъ царю, ему должны быть отданы ключи", отвѣчали іезуиты и положили ихъ у подножія статуи Божіей Матери. Подъ вечеръ они выѣхали изъ города, окруженные солдатами. Ихъ везли кружнымъ путемъ; на остановкахъ запирали въ тюрьмы и обращались съ ними самымъ ужаснымъ образомъ и отпустили ихъ на свободу только на границѣ.

Между тѣмъ Петръ, не желая озлоблять католиковъ, позаботился замѣнить имперскихъ миссіонеровъ капуцинами, не имѣвшими связей съ Австріей. Это не вызвало со стороны Рима никакого протеста, хотя мысль о возвращеніи іезуитовъ въ Россію не была оставлена.

Между тѣмъ прерванныя съ отъѣздомъ іезуитовъ сношенія Рима съ Петербургскимъ дворомъ возобновились по слѣдующему поводу:

Въ Италію былъ посланъ царемъ Кологривовъ съ порученіемъ пріобрѣсти нѣсколько картинъ и статуй великихъ мастеровъ. Ему посчастливилось пріобрѣсти великолѣпную античную мраморную

статую Венеры, которую онъ рѣшилъ реставрировать и собирался тайно увезти изъ Италіи. Но римскій губернаторъ строго слѣдившій за художественными сокровищами и за соблюденіемъ закона, коимъ воспрещался ихъ вывозъ за границу, узнавъ о намѣреніи Кологривова, запретилъ увозить статую.

Петръ плавалъ въ это время въ водахъ Балтійскаго моря, близъ Аландскихъ островов, гдѣ велись со Швеціей переговоры о мирѣ. Получивъ отъ Кологривова письмо, въ которомъ тотъ спрашивалъ, какъ ему поступить относительно статуи, Царь тотчасъ повелѣлъ Рагузинскому, находившемуся съ дипломатическимъ порученіемъ въ Венеціи, добиться разрѣшенія на вывозъ статуи—и между канцлеромъ Головкинымъ, вице-канцлеромъ Шафировымъ и царемъ съ одной стороны и кардиналами Оттобони и Альбани съ другой, завязалась переписка, въ которой обсуждался вопросъ о такихъ разнорѣчивыхъ предметахъ, какъ статуя Венеры, мощи св. Бригитты и грамота о привилегіяхъ для католиковъ.

Хотя по закону статую не имѣли права вывезти изъ Италіи, но Климентъ XI, изъ уваженія къ Петру, не только разрѣшилъ это сдѣлать, но даже подарилъ царю „это недавно найденное, выдающееся произведеніе искусства“. Кардиналъ Оттобони приказалъ перевезти статую къ себѣ во дворецъ, реставрировать ее и самъ передалъ ее въ руки агента, который повезъ ее въ Россію. Эта статуя находится нынѣ въ Эрмитажѣ.

Кардиналъ Оттобони, со своей стороны, страстно желалъ имѣть мощи св. Бригитты, находившіяся въ Стокгольмѣ, и русскіе, воевавшіе съ королемъ Шведскимъ, обѣщали ему въ случаѣ успѣха подарить эти мощи, но папу интересовало нѣчто болѣе важное, нежели мощи и статуя Венеры; посылая ее царю, онъ поднялъ снова вопросъ о граматѣ и о привилегіяхъ для католиковъ. Благодаря этой случайности, между Ватиканомъ и Россіей возобновились прерывавшіеся столько разъ переговоры.

Они шли довольно успѣшно, и Савва Владиславовичъ Рагузинскій—временный представитель царя въ Вѣнѣ, на котораго были возложены эти переговоры, собирался уже въ Римъ для передачи папѣ граматы, взамѣнъ которой св. отецъ долженъ былъ вручить ему грамату съ полнымъ императорскимъ титуломъ. Цѣль, къ которой Климентъ XI стремился съ такой непоколебимой настойчивостью, казалась почти достигнутой; оставалось лишь соблюсти послѣднія формальности, какъ вдругъ, 8-го марта 1721 г. папа скончался.

Извѣщая объ этомъ царя, Рагузинскій, какъ ловкій дипломатъ, совѣтовалъ повременить посылкой граматы и подождать, пока пре-

емникъ Климента XI не возобновитъ его домогательствъ. Совѣтъ былъ принятъ, о граматѣ болѣе никто не заикался, какъ будто она была погребена въ могилѣ Климента XI. При его преемникѣ, Иннокентіѣ XIII, въ Римъ продолжали доходить оптимистическіе слухи о намѣреніяхъ Петра. Капуцинъ о. Апполинарій, прожившій два года въ Петербургѣ, перечислялъ въ своихъ письмахъ побѣды, одержанныя имъ и его коллегами. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ былъ увѣренъ въ расположеніи Петра къ католикамъ, и унія церквей представлялась ему дѣломъ возможнымъ. Ею интересовались, по его словамъ, многія высокопоставленныя лица. Но эти мнимыя побѣды одерживались только на бумагѣ. Не только между православными и католиками не происходило ни малѣйшаго сближенія, но и среди католиковъ, проживавшихъ въ Россіи, все болѣе и болѣе обозначалась рознь.

Въ 1721 г. царь сталъ относиться подозрительно къ реформатамъ; ихъ переписка съ Римомъ была перехвачена и передана на разсмотрѣніе Синода, гдѣ засѣдалъ ярый врагъ папскаго престола Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ отчетѣ, представленномъ царю, реформаты назывались папскими шпіонами, и папѣ, приписывались самыя злостныя намѣренія. Петръ имѣлъ слабость повѣрить этому и повелѣлъ произвести строжайшее слѣдствіе для того, чтобы „охранить неприкосновенность вѣры и безопасность государства". Не только реформаты, но и всѣ католики были переписаны и точно зарегистрованы. За вновь прибывавшими миссіонерами былъ учрежденъ строгій надзоръ; имъ было воспрещено жить въ частныхъ домахъ. Что касается реформатовъ, то слѣдствіе ничего не обнаружило, и царь вернулъ имъ свое благоволеніе. Имъ была передана въ собственность старинная іезуитская церковь и повелѣно было называться впредь „кураторами душъ", а не миссіонерами. Этимъ какъ бы указывалось на ихъ прямыя обязанности и исключалась всякая возможность иновѣрной проповѣди. Строго говоря, и францисканцы и капуцины, постоянно враждовавшіе между собою, порядкомъ надоѣли царю, и въ исходѣ 1725 г. онъ потребовалъ, чтобы они выѣхали изъ Россіи, и хотѣлъ, чтобы на ихъ мѣсто были присланы доминиканцы, но смерть помѣшала ему принять болѣе рѣшительныя мѣры.

25 января (8 февраля) 1725 г. Петра не стало.

Сообщ. В. Т.

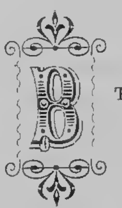
(Окончаніе слѣдуетъ).





Запечатанная церковь.

Изъ жизни нашего духовенства.



Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Н—ю каѳедру занималъ епископъ I—я, владыка строгой, почти аскетической жизни, большой законникъ, требовавшій отъ духовенства неукоснительнаго исполненія обязанностей.

Онъ любилъ часто совершать богослуженіе у себя въ домовой церкви и въ приходскихъ церквахъ, а въ праздничные и воскресные дни обязательно служилъ въ каѳедральномъ соборѣ. Владыка ѣздилъ изъ своего архіерейскаго дома въ соборъ черезъ Благовѣщенскую площадь, на которой расположены двѣ приходскія церкви; второй изъ этихъ храмовъ, Благовѣщенскій, состоялъ изъ двухъ этажей: въ верхнемъ была устроена церковь, а въ нижнемъ—нѣсколько лавокъ, торгующихъ церковными принадлежностями, бакалеей, мануфактурой и пр.—Епископъ всегда съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на это и нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ настоятеля церкви, поставляя ему на видъ все неудобство, происходящее отъ помѣщенія въ нижнемъ этажѣ храма лавокъ. Настоятель, ссылаясь на бѣдность церкви и причта, говорилъ, что единственной поддержкой благолѣпія церкви, а также благосостоянія причта— служитъ сдача лавокъ въ аренду, какъ одна изъ доходныхъ статей. Магазины, говорилъ онъ, сданы по контракту на нѣсколько лѣтъ, и нѣтъ никакой возможности нарушить арендные договоры.

Вечеромъ, въ страстной четвергъ, преосвященный ѣхалъ черезъ Благовѣщенскую площадь въ каѳедральный соборъ для чтенія Страстей Христовыхъ. Какъ разъ въ это время около Благовѣщенской церкви толпился народъ; народъ наполнялъ и лавки, расположен-

ныя въ нижнемъ этажѣ храма. Въ толпѣ слышался шумъ и крики. Возмущенный владыка, возвратясь послѣ всенощной домой, несмотря на позднее время, призвалъ къ себѣ настоятеля Благовѣщенской церкви и категорически объявилъ ему, что если черезъ сутки лавки подъ церковью не будутъ закрыты, то онъ въ субботу прикажетъ запечатать церковь.

— Такое безобразіе, прибавилъ владыка, которое я видѣлъ сегодня вечеромъ, не можетъ быть болѣе терпимо. Это мое послѣднее слово.

Опечаленный священникъ только развелъ руками. Его переговоры съ торговымъ людомъ не привели ни къ чему; купцы рѣшительно отказались закрыть лавки, ссылаясь на арендные договоры и на то, что въ такое горячее для торговли время, какъ послѣдніе дни предъ великимъ праздникомъ, нечего и думать о прекращеніи торговли. Думалъ было о. настоятель обратиться за содѣйствіемъ въ полицію, но ему отсовѣтовали, увѣряя, что едва-ли и полиція рѣшится оказать ему помощь, зная о договорѣ.—Въ пятницу все было по-старому: лавки были открыты, а въ церкви совершалось богослуженіе и въ обычное время была вынесена плащаница.

Въ субботу утромъ преосвященный послалъ келейника узнать, производится ли по-прежнему торговля въ лавкахъ подъ церковью и, получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ секретарю консисторіи въ присутствіи настоятеля Благовѣщенской церкви запереть и запечатать двери храма.

Наступила Пасха. На первый день праздника одинъ изъ прихожанъ Благовѣщенской церкви, почтенный и вліятельный помѣщикъ, бывавшій у преосвященнаго по временамъ за-просто, пріѣхалъ къ владыкѣ въ послѣобѣденное время. Владыка принялъ его и подивился, увидавъ своего стараго знакомаго одѣтаго за-просто, въ сюртукѣ, такъ какъ привыкъ его видѣть въ торжественные праздничные дни въ дворянской формѣ и регаліяхъ. Во время бесѣды преосвященный, между прочимъ, сдѣлалъ тонкій намекъ на то обстоятельство, что-де въ такой большой праздникъ не худо было бы почтить своего архипастыря утреннимъ визитомъ, да и одѣться немного поторжественнѣе. При этомъ онъ глубоко вздохнулъ и укоризненно покачалъ головой.

— Простите, ваше преосвященство, сказалъ гость,—но, вѣдь, у насъ въ приходѣ праздника нѣтъ.

— Какъ нѣтъ праздника?

И владыка даже приподнялся съ кресла.

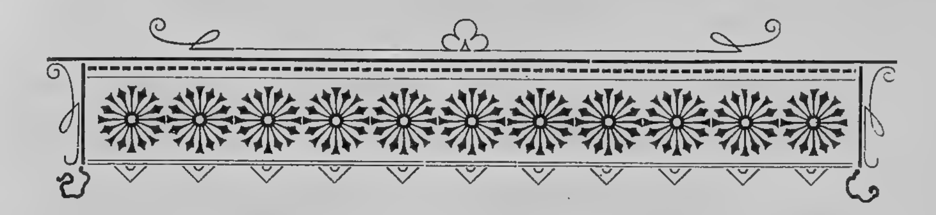
— Да такъ, владыка, въ приходѣ у насъ никакого праздника нѣтъ. Наша церковь заперта и запечатана по вашему приказанію, а плащаница, вынесенная за вечерней въ страстную пятницу, и теперь находится по срединѣ храма.

Владыка понурилъ голову и ничего не отвѣтилъ гостю; на его глазахъ показались слезы.

Послѣ отъѣзда гостя преосвященный долго ходилъ въ раздумьи по своему кабинету, волнуясь и вздыхая. На другой же день Благовѣщенская церковь была распечатана.

А. Н. Сергѣевъ.





Изъ афоризмовъ масона графа М. Ю. Віельгорскаго о масонствѣ.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (1787—1856) былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ масоновъ. Руководимый извѣстнѣйшимъ масономъ екатерининскаго времени І. А. Поздѣевымъ самъ Віельгорскій пользовался большимъ вліяніемъ въ нѣкоторыхъ масонскихъ кругахъ. Состоя въ Александровское время великимъ мастеромъ великой провинціальной ложи, онъ часто собиралъ братьевъ союзныхъ ложъ для масонскихъ поученій.

Печатаемые ниже афоризмы о масонствѣ заимствованы мною изъ хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ тетради, озаглавленной „Бесѣды гр. Віельгорскаго". Тетрадь была ведена въ видѣ дневника, и изреченія помѣщены въ ней вразбивку; изъ этихъ афоризмовъ приводятся мною въ системѣ тѣ, которыя касаются выясненія сущности и цѣли масонства.

Тира Соколовская.

Можно имѣть нѣкоторыя знанія о масонствѣ, но самаго масонства не знать.

Масонство есть воспитаніе вѣчнаго человѣка.

Весьма многіе заблуждаются, думая, что только можно пользоваться благотворнымъ свѣтомъ масонства въ совершенныхъ лѣ-

тахъ. Напротивъ, гораздо легче согнуть молодое дерево, нежели старое.

Каменщикъ, начавшій работать, узнаетъ всю цѣну масонства, хотя часто въ своихъ трудахъ бываетъ сбиваемъ и приводимъ въ уныніе малымъ успѣхомъ своихъ усилій. Священный союзъ таковъ, что, сплетясь гармонически руками и сердцами, всѣ идутъ впередъ. Всѣ сильны и крѣпки одинъ другимъ. Каждый долженъ предохранять своего ближняго, а въ случаѣ его нетвердости не допускать его паденія, а ежели оное даже и учинится, то и тогда спѣшить ему подать помощь и, снова возстановя на истинный путь, дозволять ему содѣйствовать въ напряженіи къ единому концу и къ единой цѣли.

Всѣ состоянія гражданскія и духовныя ненавидятъ и гонятъ масонство. Каменщикъ, посвятившій себя, долженъ быть готовъ на все. Одно уже гоненіе есть печать истины. Да и въ орденѣ мы научаемся смотрѣть на смерть не только равнодушно, но даже съ удовольствіемъ.

Орденъ нашъ есть гробъ эгоизму, который напротивъ есть душа всѣхъ мірскихъ обществъ.

Орденъ существенно непоколебимъ и неизмѣняемъ, а потому и есть та цѣль, къ которой мы должны стремиться; исполнители же онаго суть только средства, чрезъ которыя мы къ ней приводимся, а для сего и не надлежитъ намъ засматриваться и взирать на нихъ, какъ на самую цѣль, ибо они суть временны и подвержены перемѣнѣ. Орденъ же есть вѣченъ.

Каждый изъ насъ, кто немного уже придерживается сей цѣпи [1]),

---

[1]) Цѣпью символически назывался весь масонскій орденъ, котораго отдѣльные члены являются отдѣльными звеньями. Цѣпью именовалась еще братская любовь, которая связывала всѣхъ членовъ братства. Чѣмъ больше звеньевъ цѣпи, т. е. братьевъ, тѣмъ больше пространство охватитъ цѣпь и тѣмъ сильнѣе будетъ эта цѣпь по совокупности братской любви.

насъ связующей, весьма много дѣйствуетъ собою на исправленіе профановъ; дѣйствіе же сіе производятъ не слова, краснорѣчіе, доказательства или споры наши,—но примѣръ; всѣ сіи вышеозначенные дѣйствуютъ только на разумъ, сей же—на сердце, не надлежитъ намъ далече искать случаевъ къ исполненію у себя въ кругу, съ родными, домашними и служителями, должны мы быть истинными каменщиками. Каждый изъ насъ, принявъ себя за центръ, если будетъ съ помощію Божіей дѣйствовать въ своемъ кругу, то сколько сихъ центровъ? обнимая мыслью весь родъ человѣческій, мы составляемъ большой кругъ.

Масонъ долженъ быть самый любезнѣйшій для общества человѣкъ, онъ никогда никого не огорчаетъ, никого не судитъ, всегда ласковъ, услужливъ и терпѣливъ, но въ самомъ масонствѣ иногда бываютъ мнѣнія противуположныя и такъ сказать самое масонство порождаетъ разныхъ чадъ, а потому-то орденъ и масонство суть весьма различны, что и пребываетъ великой тайной.

Часто возражаютъ въ профанскомъ свѣтѣ [1]) на счетъ масонства, что ежели бы дѣйствительно оно имѣло какую полезную цѣль, то для чего оное бы не сдѣлать общимъ и извѣстнымъ; храмъ добродѣтели и премудрости отворенъ каждому желающему внидти въ оный, чтобъ тамъ учиться и что для прочихъ отъ онаго отдаляющихся и пребывающихъ въ безпечности и предающихся страстямъ необходимо нужно скрыть его, ибо сіи божественныя достоинства поражаютъ своимъ блескомъ пребывающихъ во мракѣ и возбуждаютъ въ несовершенствѣ ненависть и пагубное желаніе

---

[1]) Т. е. въ большой публикѣ, непосвященной въ масонскія тайны. Любопытно объясненіе масона И. В. Лопухина о причинѣ тайны, которою окружаютъ масоны свои дѣла. „Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорять о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи“? Значитъ, для разговоровъ о всемъ этомъ нужны тайныя собранія. Окружали масоны свои работы тайною еще для большаго успѣха масонства, такъ какъ по мнѣнію ихъ работа въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ плодотворнѣе, нежели на виду у несочувствующей толпы.

ниспровергнуть все то, что выше его и къ чему оно не причастно и столь далеко.

Нашъ орденъ раскрываетъ намъ глаза и заставляетъ насъ смотрѣть на тотъ столбъ, гдѣ мы будемъ получать плату [1]). Сія высокая цѣль, возвышаясь болѣе и болѣе по мѣрѣ нашихъ трудовъ, уменьшаетъ въ глазахъ всѣ тѣ ничтожныя приманки, кои до сихъ поръ привлекали наши взоры, и слѣдовательно всѣ суетныя желанія симъ истребляются. Между тѣмъ какъ профаны, не зная къ чему держаться, кидаются отъ одной мѣты къ другой, одно желаніе прогоняемо другимъ, то хватаютъ одну мысль, чтобъ ее въ то же мгновеніе оставить, но ничто не насыщаетъ душъ ихъ жаждущихъ и стремящихся начать правильно работать и достигать постоянной и непреходящей цѣли.

Каменщикъ долженъ помышлять о цѣли своего назначенія въ семъ свѣтѣ, что весьма мало занимаетъ профановъ. Они не стараются узнавать, откуда они, гдѣ они, куда они. Можно имъ примѣнить нѣмецкую извѣстную поговорку, что корова стоитъ у своихъ воротъ и не входитъ въ нихъ потому, что ихъ выкрасили. И отъ сего то происходитъ, что часто смерть застаетъ ихъ, когда они еще и не начинали о ней думать и не приготовили себя такъ, чтобъ оной не бояться.

Молчаніе [2]) имѣетъ великую силу; всѣ добродѣтели преподаются

---

[1]) Это намекъ на символическіе столбы въ масонской ложѣ, заимствованные изъ преданія о построеніи Соломонова храма. Рабочіе, строившіе храмъ, получали заработанную плату у столбовъ. Масоны, какъ строители духовнаго храма истинѣ, почитали для себя смерть тѣмъ столбомъ, за которымъ они получатъ воздаяніе въ иной жизни за свои земныя дѣла.

[2]) Уставъ вольныхъ каменщиковъ XVIII и XIX вв., въ 9-мъ отдѣлѣ, касается обязательствъ каждаго масона по отношенію къ ордену. О молчаніи тамъ читаемъ: «паче всего есть одинъ законъ, коего наблюденіе ты обѣщалъ предъ лицомъ небесъ, т. е. законъ ненарушимой тайны въ разсужденіе нашихъ обрядовъ, законовъ и проч.». Молчаніе признавалось масонами лучшимъ средствомъ воспитанія воли и способствовало, по ихъ мнѣнію, къ самоуглубленію и къ сдерживанію себя. Для достиженія экстаза также предписывалось молчаніе на опредѣленное количество дней. Символически масоны изображали молчаніе въ видѣ красивой женщины, въ свѣтлыхъ одеждахъ, съ повязкою на устахъ; лѣвая рука ея приподнята,

и въ другихъ училищахъ, но часто ли упоминаютъ тамъ о молчанiи? но такъ какъ орденъ имѣетъ въ себѣ отличительныя въ ученiи своемъ черты, то и (проповѣдуетъ) молчанiе; должность сiя стоитъ тамъ въ заглавiи и какъ бы была мать для порожденiя другихъ дѣтей своихъ — добродѣтелей, сама же по себѣ она не есть еще какая-либо добродѣтель.

Отличительныя же еще черты въ орденѣ есть послѣ молчанiя руководство [1]), безъ котораго мы никогда не можемъ еще стоять въ той цѣпи съ братьями, ибо подобно какъ электрическая машина дѣйствiе свое распространяетъ на тѣхъ только, кто касается и держится сей цѣпи и какъ бы далече онъ ни находился, но она и послѣднему сообщаетъ дѣйствiе свое, стоящiе же и близко подлѣ нея, но не въ цѣпи, ничего не получаютъ.

Самый высокiй братъ, если бы онъ былъ нашимъ руководителемъ, не возмогъ бы ничего сдѣлать къ успѣху нашему въ добрѣ, доколѣ мы будемъ только взирать на тотъ путь, которой онъ указываетъ, но не передвигая нисколько своихъ шаговъ. Всѣ поученiя, бесѣды и чтенiе также не доставятъ намъ пользы, если мы будемъ довольствоваться однимъ токмо слушанiемъ ихъ, но не стараясь на самомъ дѣлѣ то исполнять, что въ нихъ предписано, а потому-то воля наша и есть величайшая драгоцѣнность, дарованная намъ отъ Бога, чрезъ которую мы можемъ все.

Время теперь управляетъ нами, по мѣрѣ же достиженiя нашего къ цѣли ордена, мы будемъ его имѣть въ своей власти [2]).

съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ, какъ бы повелѣвая къ молчанiю; фигура вырисовывается на темномъ фонѣ грозоваго неба; кругомъ нея сверкаютъ молнiи; у ея ногъ извиваются змѣи и разбросаны масонскiе символическiе знаки.

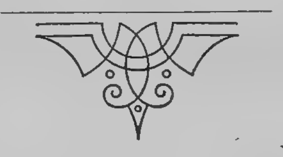
[1]) Руководство или водительство составляло обязанность посвященныхъ въ глубинѣ орденскаго ученiя. Они должны были прививать профанамъ масонскiе идеалы и воззрѣнiя, считаясь съ понятiями не только всего общества, но даже отдѣльныхъ личностей. Эта пропаганда (вмѣстѣ съ благотворительностью) составляла лицевую сторону масонской дѣятельности; другая же сторона, скрытая, разрабатывала все относящееся до тайны бытiя.

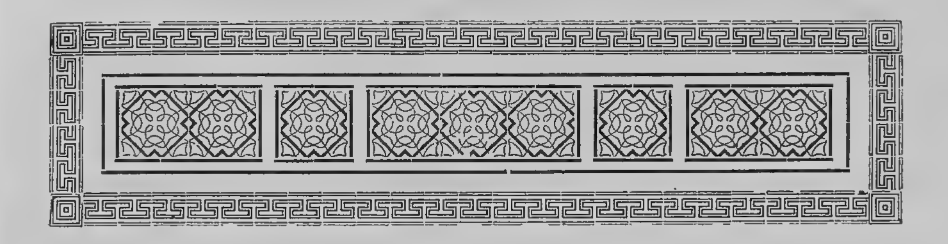
[2]) Это—намекъ на занятiе масоновъ оккультными науками.

Исполняя всѣ должности, предписанныя намъ орденомъ, если бы мы захотѣли вопросить себя, сходственно ли мы всему оному поступаемъ, гдѣ мы найдемъ повѣрку самихъ себя, то на сіе безошибочно будемъ отвѣтствовать каждому: повѣрка сія есть—любовь.

Вопросимъ самихъ себя: что насъ привлекаетъ къ ордену? Собранія наши не веселыя, братья также, говоримъ мы о вещахъ, которыя намъ никакъ не льстятъ, напротивъ же, открываютъ намъ болѣе и болѣе всю нашу гнусность. Конечно, въ семъ есть особливая и неисповѣдимая благость Божеская, которая по мѣрѣ собственнаго нашего желанія и воли открываетъ намъ таковую нашу гнусность и въ то же время посылаетъ необходимыя для исправленія нашего средства, предписывая наисладчайшія для души нашей добродѣтели, какъ-то любовь къ ближнему и пр.,—искушенія же наши никакъ не превышаютъ силы.

Сообщ. Тира Соколовская.





Забытая писательница и ея заслуги [1].

(Окончаніе).

VI.

Безпринципная критика о Симоновой. Художество—часть цѣлаго, жизнь—цѣлое.—Признаніе ея литературныхъ заслугъ въ письмахъ М. Малахова, Гл. Успенскаго, С. Надсона, П. Полеваго и А. Шеллера.

Симонову никто не разносилъ въ критикѣ, но и друзья, сочувствовавшіе ея реализму и идейности, и безпринципные критики, не сочувствовавшіе этому направленію, умудрились „замолчать“ ее.

Въ то время, редакціонные „кружки“ не имѣли рекламнаго характера: въ еженедѣльныхъ изданіяхъ А. И. Поповицкаго, Н. М. Ядринцева, И. В. Скворцова и А. К. Шеллера никто не догадывался посодѣйствовать популярности г-жи Симоновой въ болѣе значительныхъ органахъ печати.

А когда оцѣнка литературныхъ произведеній попала въ руки критиковъ, лишенныхъ соціальнаго идеала и признававшихъ литературу источникомъ эстетическихъ наслажденій, а не орудіемъ борьбы, то Симонову просто не хотѣли замѣчать, какъ не замѣчали и болѣе крупныхъ писателей того періода, напр., А. К. Шеллера...

Даже сочиненія Л. Н. Толстого, исполненныя великихъ религіозныхъ и нравственныхъ задачъ, принижались, какъ паденіе его художественнаго и эстетическаго дарованія.

Пахарь хочетъ пахать огромное поле, а ему, по словамъ Л. Н.

---

[1]) См. «Русск. Стар.», октябрь 1908 г.

Толстого, кричать: „Что ты собираешься дѣлать, вѣдь ты своей работой испортишь полевые цвѣты. Они такъ прекрасны!“

Эти „прекрасные цвѣты“ не должны останавливать пахаря: сѣйте хлѣбъ, а васильки сами родятся...

„Цвѣты“ въ литературѣ, по опредѣленію Толстого, „сказки“, которыя нянька вчера разсказывала ребенку и которыя онъ сегодня проситъ вновь разсказать ему. Толстой даже предсказываетъ (въ одномъ изъ писемъ къ Н. С. Лѣскову), что „художественная форма со временемъ распадется“ и что для писателя останется одно воспроизведеніе жизни и ея правды, ея существенныхъ интересовъ, безъ авторскихъ вымысловъ и прикрасъ. Дѣйствительная жизнь такъ красна, что не требуетъ кисти для сгущенія красокъ, если художникъ съумѣетъ усмотрѣть въ ней не случайныя, а типичныя и обобщенныя требованія красоты и истины.

Жизнь даетъ такія „обобщенія“, не менѣе яркія, чѣмъ и „художественная правда“ въ вымыслахъ писателей о жизни. Это не фотографія случайныхъ фактовъ, не портретная литература, но именно та „правда“, черезъ которую, по словамъ Бѣлинскаго, писатель доходитъ до поэзіи. Онъ только напрасно полагалъ, что это не одно и то же въ таковомъ представленіи объ искусствѣ.

Левъ Николаевичъ Толстой находитъ художественные „образы“ даже въ живыхъ рѣчахъ крестьянскихъ дѣтей. Читая имъ въ рукописи свои разсказы и выслушивая ихъ пересказы, онъ называетъ дѣтей своими „учителями“. Если въ творчествѣ писателя такъ значительны рѣчи дѣтей, то какъ же велика должна быть въ томъ же творчествѣ самая жизнь страны? Въ ней—не только живыя рѣчи дѣтей и самаго народа, но и глубокое пониманіе интересовъ страны страдавшей за нихъ интеллигенціи.

Жизнь—„всенародна“ и ея образы гораздо художественнѣе, чѣмъ созданные индивидуальными усиліями автора въ тиши кабинета. Крупный писатель беретъ изъ жизни матеріалъ, а отдѣлываетъ и полируетъ его своимъ талантомъ. Такъ мастеръ изъ лучшаго матеріала кроитъ и приготовляетъ вещь, а подмастерье доканчиваетъ ее. Это не умаленіе искусства, а его служебная роль въ нашей жизни.

„Художественная правда“ всегда только часть „правды жизни“, особенно если писатель знаетъ однѣ частныя черты жизни и не доросъ до ея типичныхъ сторонъ. Никакое мастерство писателя, со всей его фантазіей, не можетъ конкурировать съ міровымъ творчествомъ, съ жизнью массъ въ ея типичныхъ и обобщенныхъ требованіяхъ... Шекспиръ, создавшій геніальныхъ злодѣевъ и гамлетизированныхъ героевъ, все-таки слабѣе христіанскаго идеала въ жизни людей.

Л. Н. Толстой, создавая „Войну и миръ“, неоднократно чувствовалъ, какъ эпоха Отечественной войны грандіознѣе типовъ, созданныхъ подъ его могучимъ перомъ; а величественность исторіи „Декабристовъ“ свела автора къ тому, что у него опустились руки, и онъ бросилъ писать повѣсть о нихъ. То же случилось съ Гоголемъ и второй частью его „Мертвыхъ душъ“; то же неоднократно чувствовалъ и Щедринъ. Это непремѣнно происходитъ съ каждымъ крупнымъ писателемъ, когда, увлекаясь изученіемъ реальной жизни, онъ чувствуетъ мощь ея живыхъ типовъ, нужныхъ ему для воспроизведенія, и сознаетъ, что художество всегда будетъ частью цѣлаго и никогда не обниметъ всѣ стороны послѣдняго.

Болѣе мелкіе писатели не проникаются величіемъ живыхъ типовъ и восполняютъ недостаточное съ ними ознакомленіе вымыслами и сказками о нихъ.

Не возвышаясь до крупныхъ именъ русской литературы, Л. Х. Симонова все-таки слѣдовала, въ размѣрѣ своихъ силъ, ея лучшимъ традиціямъ въ области творчества. Она избѣгала „сказочныхъ красокъ“ и всегда старалась въ художественную форму своихъ произведеній вложить гражданское и правдивое содержаніе жизни.

Это, во мнѣніи критиковъ à la В. В. Чуйко, портило „полевые цвѣты“, т. е. самое исскуство.

Но мы увѣрены, что изданіе избранныхъ сочиненій покойной писательницы найдетъ для себя мѣсто во всякой хорошо составленной библіотекѣ. Въ Симоновой оцѣнятъ и ея художественное дарованіе, съ наклонностью къ тяжелой психологической драмѣ, и ея основательное знаніе русскаго быта, со строгимъ судомъ надъ нимъ.

Тотъ же антропологъ М. В. Малаховъ писалъ ей:

Ялта. 7 января 1884 г. Съ Новымъ годомъ—съ новымъ счастіемъ, многоуважаемая и дорогая Людмила Христофоровна!

Спасибо Вамъ большое за письмо и высылку оттиска „Убила“. Послѣдній послужилъ намъ матеріаломъ для литературнаго вечера, которые время отъ времени бываютъ въ нашей колоніи. „Убила“ прочли мы наканунѣ Новаго года, и этотъ романъ произвелъ на всѣхъ довольно сильное, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое впечатлѣніе. Типъ, обрисованный въ лицѣ Марѳы (мужеубійцы)—прекрасенъ, выдержанъ вполнѣ, благодаря чему интересъ ни на минуту не замираетъ, и предъ читателемъ въ концѣ концовъ выростаетъ этотъ мощный, жизненный типъ русской крестьянки, во всей, такъ сказать, правдивой наготѣ. Прибавлю къ этому еще, что типъ, избранный Вами, сравнительно съ другими типами, имѣетъ всѣ преимущества на своей сторонѣ, благодаря его своеобразной цѣльности, которая невольно привлекаетъ къ себѣ всѣ симпатіи читателя.

Ялта. 27 февраля 1884 г. Многоуважаемая и дорогая Людмила Христофоровна. Нельзя не поздравить Васъ со счастливою мыслью передѣлать Вашъ романъ на пьесу. Марѳа воспроизведена полно и потому на сценѣ это будетъ живая симпатичная личность. Радуюсь за Васъ, что Вы пришли еще къ новому источнику приложенія Вашихъ творческихъ силъ.

Вашъ М. Малаховъ.

Еще большимъ авторитетомъ должно служить письмо Гл. И. Успенскаго, изъ котораго видно, что онъ весьма цѣнилъ способности г-жи Симоновой и предлагалъ ей постоянное сотрудничество въ одномъ изъ ежемѣсячниковъ.

Онъ писалъ ей:

Милостивая Государыня, Людмила Христофоровна. Простите пожалуйста, что такъ поздно отвѣчаю на Ваше письмо—я былъ въ Москвѣ. Что касается адреса Лудмера,—то я знаю только одно, что онъ живетъ въ Архангельскѣ, я писалъ ему однажды туда, просто адресуя г. Лудмеру, и письмо дошло.

Повѣсть Вашу я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кой что ей вредитъ,—напр., пьяница мѣщанинъ,—содержатель постоялаго двора,—очень длинно; кое-что—мало,—напр., старикъ, ухаживающій за Марьей, разгульной дѣвицей, на которой онъ женится. Все это любопытныя фигуры. Но Марѳа и Степанъ отличные, безупречные, говорю это по сущей справедливости.

Что если бы Вамъ взяться за одно большое дѣло, о которомъ я давно думаю: описать въ беллетристической формѣ воспитательный домъ въ Петербургѣ? Я думаю, что тамъ масса такого матеріала, отъ котораго у читающей публики морозъ бы пошелъ по кожѣ, а вѣдь надо же, чтобы кожа эта когда-нибудь и что-нибудь чувствовала. Отъ приноса невѣдомо чьего ребенка—до деревни, и до дальнѣйшей карьеры его,—вѣдь это неисчерпаемая тема и, если бы Вы попробовали посидѣть въ пріемной только, посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—то я увѣренъ, что Вы заинтересовались бы этимъ дѣломъ. А дѣло это огромное. Если бы пошло удачно, то можно бы было похлопотать, чтобы редакція одного знакомаго мнѣ журнала поставила бы Васъ въ возможность не спѣшить и писать потихоньку. Конечно, если Вы сами можете не принуждать себя къ спѣшной работѣ,—то и говорить не о чемъ.

Покорнѣйшій слуга Вашъ

Г. Успенскій.

Чудово.
28 февраля.
1885 г.

Два слѣдующія письма С. Я. Надсона рисуютъ симпатичную и деликатную личность поэта и въ то же время то уваженіе, съ которымъ онъ относился къ литературному имени г-жи Симоновой.

Онъ писалъ ей:

Милостивая Государыня.

Тороплюсь отвѣтить на Ваше теплое письмо изъявленіемъ моей полной готовности служить по мѣрѣ силъ и возможности новой редакціи. Продолженіе ея я считаю за высокую честь для себя и надѣюсь, что у меня напишется что-нибудь къ первому номеру. Крайне сожалѣю, что обстоятельства мѣшали мнѣ до сихъ поръ воспользоваться Вашимъ приглашеніемъ. Я имѣлъ въ виду встрѣтиться съ Вами лѣтомъ, въ Павловскѣ, который я предполагалъ посѣщать довольно часто,—но заболѣлъ и все время пролежалъ въ постели. Въ Петербургѣ я бываю теперь довольно часто и, конечно, не премину доставить себѣ удовольствіе быть у Васъ. Позвольте передать Вамъ привѣтъ и благодарность моей сестры (если Вы ее не забыли), которая съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія П. К. (Пушкинскаго кружка, а не Пиквикскаго клуба, какъ можно бы подумать), гдѣ она благодаря Вамъ, такъ весело провела время.

С. Надсонъ.

14 октября
1883 г.

2 апрѣля 1886 г.

Вчера только получилъ Ваше письмо, дорогая Людмила Христофоровна, а сегодня спѣшу уже отвѣтить на него. Разумѣется, я отъ всей души радъ служить новому журналу по мѣрѣ силъ и умѣнья, и Ваше приглашеніе участвовать въ немъ мнѣ доставило большое удовольствіе, доказавъ мнѣ, что меня не забываютъ, ни какъ человѣка, ни какъ писателя. Участіе Ваше ручается мнѣ за то, что журналъ будетъ вполнѣ чистоплотнымъ и порядочнымъ. Не знаю только, насколько удастся мнѣ привести въ исполненіе мои искреннія желанія быть полезнымъ. Пишу я вообще очень не много,—а для дѣтей и совсѣмъ никогда не писалъ, если не считать одного маленькаго стихотворенія въ „Дѣтскомъ чтеніи“, написаннаго случайно. Во всякомъ случаѣ, буду имѣть въ виду приглашеніе г-жи Несвицкой и, если что-нибудь надумается подходящее, не премину выслать.

Если бы изъ Вашего письма я не догадывался бы, что увольненіе Танина въ отставку повлекло къ новымъ осложненіямъ въ его положеніи (вѣроятно, только матеріальномъ?),—я бы склоненъ былъ считать этотъ фактъ скорѣе счастливымъ обстоятельствомъ,

чѣмъ наоборотъ, такъ какъ положеніе его на службѣ послѣ всего происшедшаго не могло не быть натянутымъ и невыгоднымъ. Впрочемъ и съ матеріальной точки зрѣнія, заработокъ, который онъ получалъ, былъ такъ не великъ, что молодой человѣкъ, здоровый и съ царемъ въ головѣ, наверстаетъ его на всякомъ поприщѣ. Что же касается Вашего намѣренія ѣхать туда, куда воронъ и костей не заносилъ,—я не очень его одобряю, если позволите. Положимъ, писать можно всюду,—но въ Петербургѣ Вы у центра, и если съ одной стороны въ немъ не трудно измаяться, то и идиллическая глушь имѣетъ свои прелести: скучищу непролазную, отсутствіе общества, отсутствіе импульса, толкающаго къ работѣ, и пр. и пр., что Вамъ, вѣроятно, извѣстно не хуже меня. Я теперь именно въ такомъ положеніи и какъ ни хороша благословенная Украйна, я отъ нея сбѣгу при первомъ же удобномъ случаѣ. Моему здоровью, этому молоху моей жизни, и такъ принесено слишкомъ много жертвъ. Если все только лечиться,—то некогда и существовать, а я хочу еще кое-что сдѣлать, если успѣю.

Спасибо вамъ за теплое отношеніе къ моей книгѣ. Дѣйствительно, успѣхъ ея превзошелъ самыя наглыя мои ожиданія: 2-ое изданіе разошлось въ два мѣсяца, и есть шансы, что выходящее теперь третье тоже не залежится. Вы очень мило поступили, выславъ мнѣ „Спутницу“: я „Живописн. Обозр.“ не получаю съ тѣхъ поръ, какъ тамъ водворился г-нъ Добродѣевъ и внесъ съ собой скаредно-купеческое отношеніе къ сотрудникамъ, и поэтому „Спутницы“ прочесть не могъ. Впрочемъ, она еще не получена мною: письмо ваше пришло раньше въ сопровожденіи журнала,—который, такимъ образомъ, можетъ скорѣй назваться „Спутникомъ“, чѣмъ „Спутницей“—(простите плохой каламбуръ,—это я отъ деревенской скуки). У насъ тутъ весна въ полномъ разгарѣ. Мой столъ загроможденъ букетами съ фіалками и ароматъ ихъ кружитъ голову. Небо ясно, солнце сіяетъ, ласточки щебечутъ,—а мнѣ все приходитъ въ голову, что это послѣдняя весна, которую я встрѣчаю. Впрочемъ, не хочу вдаваться въ элегическій тонъ. Поклонитесь отъ меня вашимъ дѣтямъ, когда будете писать имъ и передайте Е. А. Несвицкой мое искреннее желаніе быть ей полезнымъ.

Крѣпко жму Вашу руку.

С. Надсонъ.

Ея переписка съ П. Н. Полевымъ, который былъ одно время издателемъ „Живописнаго Обозрѣнія“, и съ А. К. Шеллеромъ, который и при Шульгинѣ, и при Полевомъ, и при Добродѣевѣ, и при фирмѣ Пализенъ и К° былъ редакторомъ „Живописнаго Обо-

зрѣнія", рисуетъ любопытными штрихами литературное поприще г-жи Симоновой съ многочисленными огорченіями въ однихъ случаяхъ и признаніемъ ея литературныхъ заслугъ въ другихъ случаяхъ.

СПБ. 11 февраля 1885.

Многоуважаемая
Людмила Христофоровна.

А. С. Труппъ (секретарь „Живоп. Обозрѣнія") передалъ мнѣ выраженное Вами неудовольствіе, и я спѣшу, съ обычнымъ моимъ желаніемъ поддерживать добрыя отношенія къ уважаемымъ мною сотрудникамъ — сообщить Вамъ, что вовсе не А. К. Шеллеръ, а я самъ, лично и собственноручно, урѣзалъ конецъ Вашей хроники, опасаясь, съ одной стороны упрека въ излишнемъ пристрастіи къ почтенному юбиляру, а съ другой—очищаю мѣсто для Вашего же некролога Малахова, который, пожалуй, завалялся бы...

Не складывайте же моей вины на другого; за свою вину я всегда самъ готовъ отвѣтить.

Кстати скажу два слова и о замедленіи Вамъ выплаты остальной части Вашего гонорара. Откровенно говоря, замедленія тутъ никакого не произошло, потому что и замедлять было нечего.

Мы понесли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (декаб. и январь) убыль доходовъ ровно въ 18.000 руб. по сравненію даже съ прошлымъ годомъ. Можете себѣ представить, какъ это должно отразиться на нашихъ платежахъ?

Очень хорошо понимаю и предвижу, что Вы можете на это мнѣ отвѣтить; а въ этихъ именно видахъ, обращаю Ваше вниманіе на то, что я теперь забочусь только объ устройствѣ дѣлъ журнала именно такимъ образомъ, чтобы никакихъ замедленій не происходило въ уплатѣ гонорара, особенно такимъ сотрудникамъ, какъ Вы, которую я считаю одною изъ существенныхъ опоръ моего изданія.

Если Вы и послѣ этихъ объясненій пожелаете еще мстить мнѣ или моему журналу (какъ Вы отвѣтили А. С. Т—у), то я полагаю, это будетъ несовсѣмъ справедливо... Жму Вашу руку

уважающій Васъ
П. Полевой.

Дорогая Людмила Христофоровна, въ воскресенье дома. „Бѣглые" еще въ субботу сбѣжали въ типографію, я работаю только по буднямъ въ качествѣ обыкновеннаго фабричнаго и въ праздники напиваюсь пьянъ [1]), значитъ... Ахъ, да чего я пишу, если увидимся и будемъ говорить.

Вашъ А. Шеллеръ.

---

[1]) А. К. Шеллеръ ничего не пилъ.

P. S. Если бы Вы знали, какъ я радъ, что еще недѣля или двѣ и я буду дѣлать то, что я хочу, а не то, что нужно для журнала. Вѣдь это та жизнь возвращается, которою я жилъ до двадцати семи лѣтъ. Я точно любовникъ жду свиданія съ нею и считаю минуты. И какъ мнѣ смѣшно теперь глядѣть на Суп..., который боится опоздать прочесть корректуру и подписать листъ. Тоже человѣчество спасаетъ, прочитавъ ихъ во-время. И не вѣрится, что я тоже былъ такой колпачной фигурой.

Что это Вы, сестрица, вздумали хворать? Мнѣ-то ужъ и Богъ приказалъ репетиціи дѣлать: теперь-то на каждую весну такъ-то придется репетировать, пока не подохну. Вчера къ вечеру я такъ расхрабрился, что думалъ сегодня у Васъ быть, но сегодня опять хуже и приходится сидѣть. Боюсь сегодня нашествія иноплеменныхъ, такъ какъ иноплеменные-то и добили меня окончательно. Если на этой недѣлѣ поправлюсь, забѣгу къ Вамъ. Поправитесь Вы—забѣгайте ко мнѣ: Васъ примутъ, хоть бы даже я спалъ. Ну, поправляйтесь и дай Вамъ Богъ бодрости и здоровья на многая лѣта. Сродственникамъ поклонъ. Обнимаю Васъ.

Братъ—Шеллеръ.

Дорогая Людмила Христофоровна.

Повѣсть, хотя это и не Вашъ жанръ (а какой Вашъ жанръ,—это опредѣлила Ваша поклонница, читающая Васъ въ слухъ знакомымъ, Александра Константиновна Гордовская,—она говоритъ, что Ваша сила въ описаніи природы, обстановки и т. д. и въ изображеніи всего, что несчастно и забито, т. е. въ теплотѣ чувства)—очень мила и ужъ никакъ не можетъ быть пятнышкомъ въ № „Ежен. Об.“. Разговоръ ведется легко, положенія ясны. Жаль, что проскользнуло нѣсколько ошибокъ, изъ которыхъ „вздымались“ вмѣсто „поднимались“ просто досадно. Первый № „Еж. Об.“ произвелъ на меня странное впечатлѣніе: въ немъ много предисловій; чувствуется недостатокъ серьезной статьи; странно поражаетъ, что отчетъ о театрахъ начинается не русскимъ театромъ, т. е. не главнымъ, что можетъ интересовать провинцію; не нужно было начинать полемику съ „Сыномъ“, „Недѣлей“, „Гатцугомъ“, такъ какъ онѣ могутъ отвѣтить вполнѣ основательно, что ихъ уже притянули чуть не къ суду за публикаціи объ „Иллюстрированномъ мірѣ“, о чемъ въ „Недѣлѣ“ уже и писалось. Дай Богъ, чтобы И. В. Скворцову удалось вполнѣ справиться со своей задачей: честный дешевый органъ нуженъ. Вы пишете о моемъ мрачномъ настроеніи. Я все еще не здоровъ, хотя и выхожу понемногу, но

не здоровъ не только физически, а и душевно; причинъ много, и съ каждымъ днемъ предо мною открывается все большая и большая пропасть, въ которую и радъ бы не заглядывать да приходится. О, если бы мнѣ удалось устроить хоть свои личныя дѣла и уѣхать—на мѣсяцъ, на два, на три куда бы то ни было, впрочемъ лучше бы всего уѣхать совсѣмъ, безвозвратно. Очень ужъ гадко въ литературномъ мiркѣ, а идти въ другой мiрокъ—поздно мнѣ учиться ходить на четверенькахъ, когда свои ноги давно окрѣпли... Ваше обозрѣнiе хорошо, но цензура? Что помараетъ она—не знаю. Крестницѣ скажите, что ея разсказъ я перечиталъ; отмѣтки еще сдѣлаю; помѣстить не откажусь у себя, если останусь въ „Жив. Об.“, что выяснится не позже 15 января. Не останусь—тогда, конечно, все будетъ зависѣть отъ Полевого.

Жму крѣпко Вашу руку и руку крестницы. Завтра свидимся? Чужихъ, вѣрно, не будетъ и тѣмъ лучше. До свиданья.

Вашъ весь А. Шеллеръ.

Благодарю Васъ, дорогая сестричка, за присланное: это тѣмъ болѣе кстати, что я переживаю скверныя-скверныя времена тоски и скуки, приготовляясь понемногу къ полному разоренiю своего гнѣзда. Не завернете ли въ четвергъ: четверговъ нѣтъ, но я остаюсь дома, такъ какъ друзья знать ничего не хотятъ и прутъ. И то сказать, скоро все это кончится. Поклонъ племянницѣ. Жму Вашу руку.

Вашъ А. Ш.

Большое и большое спасибо, сестрица, за портретъ. Но зачѣмъ состарили Васъ? Для важности, что ли? Вы бы фотографа за это къ мировому, „не старь, молъ, я вдова“!.. Но все же такъ или не такъ, Вы снялись, и это дѣлаетъ Вамъ честь, такъ какъ забираться на фотографическiе чердаки и сидѣть передъ фотографической пушкой, не боясь, что она выстрѣлитъ,—это подвигъ, на который не особенно смѣлые люди не сразу рѣшаются. Вотъ, напримѣръ, я—все собираюсь и все боюсь: вдругъ заберусь къ фотографу, а онъ меня и сдѣлаетъ объ двухъ головахъ—со мной это уже разъ было... Теперь перейду къ другой матерiи: къ Б—у (не думайте, что хочу каламбурить и считаю его какимъ-нибудь ситцемъ, а не писателемъ). О немъ и вообще о подающихъ надежды писателяхъ Вы выразились вѣрно: ужъ чего считать ихъ подающими надежды, когда у иныхъ изъ нихъ дѣти блудить начинаютъ. Пора дѣйствительно опредѣлить ихъ значенiе, но... есть ли у нихъ значенiе? не тѣни ли это, идущiя слѣдомъ за другими дѣятельными талантами? Не лучше ли, вмѣсто всякаго опредѣленiя ихъ значенiя, сказать просто: это солдаты изъ того полка, гдѣ командирами

являются графъ Толстой, Достоевскій, Тургеневъ и Островскій? Распространяться много объ этихъ отдѣльныхъ солдатахъ, право, нечего: напишутъ они что-нибудь—нужно одобрить, вотъ и все; такъ одобряютъ и обыкновенныхъ солдатъ за ихъ личные „подвиги". Когда-нибудь потолкуемъ лично объ этомъ предметѣ... Третья матерія—мое не пребываніе къ Вамъ. Дѣло въ томъ, что я съ четверга расхворался: распухли бока, т. е. всякія печенки, селезенки, такъ что пришлось заклеить все это согрѣвающими тканями. Во имя этого же буду сидѣть и завтра вечеромъ дома (чай, примѣчай, куда чайки летятъ!) и былъ бы я очень радъ видѣть у себя за чаемъ оригиналъ присланнаго портрета. Племянницѣ скажите, что ее я бы радъ видѣть въ среду утромъ; если это не удобно, то не угодно ли, чтобы я самъ завернулъ въ четвергъ между 7 и 9 часами? Отвѣтъ дадите завтра, если завернете вечеромъ. Жму руку и низенько кланяюсь всей компаніи вмѣстѣ и порознь.

Вашъ Александръ Косой [1]).

Уважаемая
Людмила Христофоровна.

Не приготовите ли завтра хроники для № 1, какъ мы говорили? Нужно не болѣе 300 строкъ для обѣихъ хроникъ, которыя должны представлять только бѣглый обзоръ того, что въ прошедшій годъ не сдѣлано нигдѣ ничего, что вездѣ только поютъ арію: „Мы пойдемъ! мы пойдемъ!" а сами ни съ мѣста...

Вашъ весь
А. Шеллеръ.

Дорогая Людмила Христофоровна.

Къ величайшему моему сожалѣнію, не могу опредѣлить срока, когда напишу статейку для „Еженедѣльнаго Обозрѣнія". Написать кое-какъ, наскоро—это значитъ оказать плохую услугу и издателю, и себѣ, т. е. вызвать на новый органъ незаслуженную брань, написать же болѣе или менѣе пригодную вещь—покуда еще не справился. Какъ только удастся одолѣть хотя что-нибудь изъ намѣченнаго мною, такъ тотчасъ же передамъ г. Скворцову.

Кстати захватите осторожно мой очеркъ отъ Поповицкаго. Его нечего и думать протащить сквозь Тихоновъ, Исидоровъ, Фотіевъ и всѣхъ святыхъ. Я попробую его провести сквозь статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ цензоровъ. Завтра увидимся? Поклонъ юной ученицѣ—въ будущемъ; говорю: „въ будущемъ", такъ

[1]) А. К. Шеллеръ немного косилъ глазами.

какъ теперь только изъявляю желаніе учить; уроки же начнутся неизвѣстно когда. О юность легкомысленная, какъ ты тратишь попусту золотое время и къ труду оказываешься лѣнива. Это изъ святого отца Нѣтова, уроженца страны небывалой, жившаго за 70.000 лѣтъ до Р. Х.

Вашъ весь
А. Шеллеръ.

Я поставилъ сегодня на своемъ романѣ послѣднюю точку. Памятенъ будетъ для меня сей день. 16 ноября 1883 года.

Дорогая Людмила Христофоровна, убавить романъ приходится на листъ, ибо вышло такое число, что мы не имѣемъ права выпустить такого левіоѳана-книгу. Что убавить, какъ убавить? не знаю. Въ инквизиціи еще не служилъ. Ужь лучше Вы, мать, отрѣжьте у своей дочери то, безъ чего она можетъ обойтись. Это нужно совершить до завтрашняго дня. Грустно, но... Отъ сожалѣнія ни тепло, ни холодно. Жму Вашу руку. Жду завтра Валентину Константиновну между 1—3 ч.

Весь Вашъ
А. Шеллеръ.

2 октября 1886 года.

Милая Людмила Христофоровна, пишу Вамъ тотчасъ же по возвращеніи съ вокзала, чтобы письмо успѣло обогнать Васъ и чтобы въ далекомъ Оренбургѣ Вы вспомнили о Питерѣ, о тѣхъ, кто остался тамъ смотрѣть на ту же бѣлую стѣну, называемую „будничной" жизнью. Вы на время оторвали глаза отъ этой скучной бѣлой стѣны и взглянули на нѣчто иное—дурное или хорошее, все равно, лишь бы это было „иное". У малороссовъ есть вѣрная поговорка: „горче да иначе". Дай Богъ, чтобы у Васъ было и иначе, и слаще. Посылаю свою карточку для передачи отъ меня ее Зинаидѣ Александровнѣ Малиновской, которой посылаю сердечный привѣтъ. Она, бѣдняжка, тоже не безъ страха ѣхала на оренбургскую сцену, хотя ей и предназначались первыя роли. Антрепренеръ оренбургскаго театра тоже изъ Питера и вѣрно помнитъ меня, такъ какъ встрѣчался со мной у Надежды Дмитріевны Заіончковской (Всев. Крестовской—псевдонимъ). Если увидите его—кланяйтесь. У Зинаиды Александровны побывайте непремѣнно: она добрый человѣкъ... Нечего и говорить, что новостей нѣтъ, такъ какъ я доѣхалъ домой, не разбивъ головы, и домъ нашелъ несгорѣвшимъ: въ эти же полчаса только это и могло случиться новаго. Обнимаю Васъ и—Богъ помощь Вамъ. Набирайтесь силъ, работайте, наблюдайте и пробивайте себѣ широкій путь.

Вашъ А. Шеллеръ.

Дата послѣдняго письма Шеллера показываетъ точно время, когда онъ проводилъ на вокзалъ отъѣзжающую изъ Петербурга Симонову на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ г. Ташкентъ. На пути она намѣревалась остановиться въ городѣ Оренбургѣ и прожить въ немъ нѣкоторое время. Въ „Живописномъ Обозрѣніи“ были напечатаны частью ея путевыя впечатлѣнія „Отъ Петербурга до Ташкента“.

VII.

Въ Ташкентѣ.—Послѣдніе дни изъ жизни Л. Х. Симоновой.—Заключительное о ней слово.

Въ Ташкентѣ она приняла званіе учительницы нѣмецкаго языка въ мѣстной гимназіи и въ 1899 г. была назначена начальницей въ г. Самаркандѣ четырехкласснаго женскаго училища, въ каковомъ званіи осталась въ теченіе десяти лѣтъ, снискавъ себѣ всеобщую любовь и среди учительскаго персонала, и среди ученицъ.

Мѣстныя газеты писали о ней:

„Въ 1890 г. Л. Х. была назначена начальницей вновь открытаго тогда въ г. Самаркандѣ 4-хъ-класснаго Маріинскаго женскаго училища. Въ десять лѣтъ усидчивой работы, стоя во главѣ учебнаго заведенія, Л. Х. поставила его на образцовомъ положеніи, такъ что, когда училище было преобразовано въ гимназію, ученицы оказались настолько подготовленными, что могли съ успѣхомъ, безъ экзамена, продолжать курсъ ученія по программѣ гимназій. Во все время своей педагогической дѣятельности Л. Х. отдавала всю душу и всѣ помышленія на это дѣло. Она глядѣла на ученицъ, какъ на своихъ дѣтей, вникала въ ихъ положеніе, многимъ, чѣмъ могла, помогала, любила ихъ и берегла. Особенно много она содѣйствовала преобразованію училища въ гимназію. Многіе родители, вмѣсто того, чтобы отправлять своихъ дѣтей въ чужой городъ, могутъ имѣть ихъ при себѣ и воспитывать на глазахъ“.

Педагогическихъ занятій у нея было такъ много, что на литературу не хватало времени.

При отъѣздѣ на службу петербургскіе друзья утѣшали ее тѣмъ, что она на новыхъ мѣстахъ найдетъ новыхъ „Вогуличей, хотя и не финскаго племени“, и создастъ рядъ бытовыхъ произведеній изъ мѣстной жизни.

Но „вогуличей не финскаго племени“ ей уже не пришлось написать, хотя едва-ли она терпѣла недостатокъ въ матеріалѣ. Скорѣе предсказаніе С. Я. Надсона, объ опасности для литературнаго творчества такъ называемой провинціальной „идиллической глуши“, оправдалось.

Въ Ферганскихъ и Ташкентскихъ палестинахъ Симонова была

въ состоянін написать всего нѣсколько незначительныхъ работъ: „Леденда о Сауранѣ“, „Сартянки“, „Разсказы о взятіи Самарканда“, „Андрей Евграфовичъ Маловъ“ — герой туркестанскихъ войнъ“, „Гаданіе и леченіе ташкентскихъ и самаркандскихъ сартянокъ“.

Получивъ за выслугу лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія пенсію въ 300 рублей, она вышла въ отставку и вновь вернулась къ литературѣ. Но писать много она уже не могла, здоровье ея расшаталось, и она могла только диктовать, вспоминая разнообразно прожитую жизнь. Скончалась она отъ паралича сердца на 68 году жизни, въ г. Ташкентѣ 12 марта 1906 г.

О послѣднихъ минутахъ ея жизни весьма трогательно свидѣтельствуетъ письмо изъ г. Ташкента ея замужней дочери, Валентины Константиновны Губаревичъ-Радобыльской, присланное на мое имя отъ 28 марта 1906 года.

Она пишетъ:

28 марта.
1906 г.

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Умирая, мать моя, Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова просила немедленно дать вамъ знать, что я и сдѣлала, давъ телеграмму.

Въ сущности умерла она за работой. Здѣсь съ января издается Туркестанская Военная Газета. Редакторъ ея Карцевъ просилъ ее сотрудничать. Такъ какъ мама очень любила солдатиковъ, то охотно согласилась сотрудничать и вотъ написала сначала легенду „Былины о разрушеніи города Саурана“. Въ № 54 „Русскаго Инвалида“ замѣтили этотъ фельетонъ и написали: „Достоинъ вниманія фельетонъ „Туркестанской Военной Газеты“ въ № 2: Былины о разрушеніи города Саурана“ и т. д.“. Затѣмъ она написала очеркъ „Монголы“. Не одинъ разъ, входя въ комнату, я замѣчала, что она устала. Устала писать и она жаловалась, что выходитъ длинно, что надо сократить, а сокращеніе—времени отнимаетъ много. Я ей совѣтовала дать это право редактору. Часть она сократила сама, начало, а часть оставила и послала. Между тѣмъ слабость ея усиливалась уже съ осени, и одышка ея увеличивалась, и съ Рождества особенно по утрамъ она тяжко страдала.

Утромъ проснется, ее одѣнетъ горничная, она кое-какъ перекочуетъ къ столу (тутъ же около кровати) и затѣмъ съ часъ она „отдышивается“ и потомъ только можетъ уже поднять голову и глядѣть, и говорить, и сейчасъ же за перо. Цѣлый день до сумерокъ все пишетъ и все торопилась докончить въ „Родникъ“ но-

вый разсказъ. Наконецъ, когда „Монголы“ были готовы для мѣстной газеты, и она ихъ отослала въ редакцію, она слегла, начался отекъ легкихъ; она слабѣла и задыхалась, не спала совсѣмъ, какъ то забывала и время и обстоятельства, и снова приходила въ себя, но не все время лежала, а сидѣла, опустивъ голову на руки.

Слушала чтеніе „Историческаго Вѣстника“ и между прочимъ „современное настроеніе крестьянъ“ [1]). Въ четвергъ вышелъ первый фельетонъ „Монголъ“. Я прочитала ей и ей не понравился, говоритъ: „вода“. Докторъ давалъ ей камфору. Пятницу 10 марта ночью и подъ утро мучительный приступъ одышки, въ субботу будто лучше. Я дежурила до 9-ти часовъ утра слѣдующаго дня. Она по-прежнему не спала. Въ 6 часовъ ушла я спать, а въ 9 „сестрица“ разбудила меня. Я пришла. Мама сидѣла и задыхалась, какъ будто ее кто душилъ. Глаза изумленные, все лицо покрывалъ потъ. Она сказала: „я, кажется, умираю“.

Тутъ принесли кислородъ, и она начала дышать. Собирая все мужество и желая скрыть отъ нея истину, я взяла (это было воскресенье 12 марта) номеръ только-что принесенной „Туркестанской военной газеты“, гдѣ было продолженіе „Монголъ“, и стала ей читать. Она пробовала слушать и заплетающимся языкомъ сказала: „Это немного погуще. Не правда ли, сестрица“? Это за два часа до смерти и за часъ до потери сознанія... Чтеніе прерывалось, она дышала кислородомъ и снова возобновлялось. Наконецъ, она сказала: „погоди читать, я теперь буду дышать кислородомъ, а потомъ дочитаемъ“. Тутъ пришла докторша, начала слушать. Я отошла къ окну, чтобы овладѣть собой и выпить „вальерьяну“, а она съ усиліемъ сказала: „куда ты уходишь, ты слушай, что говоритъ врачъ“. Докторша прописала опять камфору, мама просила добавить стрихнинъ и спросила, когда придетъ еще разъ врачъ. Та сказала черезъ два часа. Тутъ она легла, а сестра держала подушку съ кислородомъ. Она закрыла глаза и стала какъ бы крѣпко засыпать. Я сѣла около на скамеечку и поддерживала ея голову. Она засыпала все крѣпче, и, наконецъ, этотъ сонъ перешелъ въ смерть. Теперь я займусь разборкой ея писемъ и все, что будетъ интересно, письма Шеллера, Надсона, Малахова и др., я перешлю Вамъ, если это нужно? А также если есть какія-нибудь воспоминанія или замѣтки.

Рукописи ея въ образцовомъ порядкѣ, такъ какъ завѣтной мечтой ея было напечатать „собраніе сочиненій“—увы, не исполнив-

[1]) Помѣщено въ моей книгѣ «Мужики и Начальство». См. также „Пробужденный народъ“, „Голоса Земли“. А. Ф—въ.

шейся. Миръ праху твоему, моя бѣдная мама. Продолжать ли Вамъ еще писать о ней, о жизни въ Ташкентѣ за это время?

Уважающая В. Губаревичъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ признать, что Симонова прошла жизнь весьма разнообразно. Она испытала ее въ самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Она писала свои произведенія не изъ четырехъ стѣнъ своего кабинета, обезпеченная заработкомъ мужа, но горбомъ пробивала себѣ дорогу въ литературу. Она выдѣляется среди литературныхъ труженицъ и образомъ жизни и бытовымъ разнообразіемъ своихъ произведеній, съ большимъ критическимъ отношеніемъ къ насущнымъ вопросамъ современности. Я уже не говорю о томъ, какъ она гораздо значительнѣе одновременно начавшихъ съ ней писать женщинъ: Н. И. Мердеръ, К. В. Назарьевой, Ек. О. Дубровиной, А. А. Виницкой и т. д.; но и женщины психологи, болѣе даровитыя, чѣмъ Симонова (Ол. Шапиръ, Л. Веселитская), уступаютъ ей въ разнообразіи литературнаго сюжета.

Женскіе типы Ол. Шапиръ и „Мимочка" г-жи Веселитской, конечно, не только ярко художественны, но и большаго жизненнаго содержанія. Тѣмъ не менѣе, обѣ писательницы, въ особенности авторша „Мимочки", совсѣмъ не выходятъ изъ области женскаго романа. Уступая имъ въ художественной силѣ и отдѣлкѣ своихъ типовъ, г-жа Симонова пыталась слѣдить за русской жизнью во всѣхъ ея областяхъ. Этого нельзя не цѣнить въ женщинѣ-писательницѣ, въ большинствѣ случаевъ одностороннихъ и очень субъективныхъ.

Трудолюбіе и энергія г-жи Симоновой всегда были ровными и постоянными. Она могла вести одну линію, не колеблясь отъ разныхъ настроеній и вѣяній. Она видѣла свой путь, какъ машинистъ рельсы, и не бросалась въ стороны. Извѣстный періодъ ея личной жизни совпадаетъ съ извѣстнымъ періодомъ писанія, гдѣ опять какая-нибудь извѣстная идея въ цѣломъ рядѣ сочиненій проводится до конца. Она никогда не бросалась отъ корреспонденцій къ лирикѣ, отъ одного произведенія къ другому на темы, какія случайно подвернутся подъ руку, одна съ другой не связанныя общимъ планомъ работы, общей задачей и преслѣдуемой цѣлью. Ея вещи можно ясно раздѣлить начетыре періода: сибирскій, петербургскій, туркестанскій и забайкальскій.

Такова Л. Х. Симонова въ жизни и ея литературномъ поприщѣ.

Съ мужемъ-чиновникомъ она ѣздитъ по командировкамъ въ За-

уральѣ; позднѣе служитъ на телеграфѣ въ фабричныхъ раіонахъ Петербурга и по министерству народнаго просвѣщенія на далекой окраинѣ... Большой жизненный опытъ и наблюденіе надъ дѣйствительностью внесены ею въ литературу.

Въ то время, какъ многихъ женщинъ-писательницъ хватаетъ на воспроизведеніе исключительно своей личной жизни; въ то время, какъ послѣ перваго, часто талантливаго произведенія, у нихъ обнаруживается вскорѣ полное оскудѣніе жизненнаго опыта и знаній, Симонова была подавлена обиліемъ матеріала, почерпнутаго ею въ широкихъ слояхъ русской жизни.

— Не переработать всего въ образы, что знаешь и что видѣла,—говорила она.—Времени не хватаетъ. Торопишься воспроизвести главное, а подробности не успѣваешь отдѣлывать...

Но торопясь работать, она уважала своихъ читателей и, прежде чѣмъ появиться въ печати, она вкладывала въ свой трудъ всѣ свои силы. Трудовая честность заключается, между прочимъ, и въ томъ, чтобы довести свой трудъ до того совершенства, до котораго хватаетъ у человѣка затрата всѣхъ его наличныхъ силъ. Между тѣмъ, это часто упускается изъ виду тѣми работниками пера, которые торопливостью всегда склонны оправдывать недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, т. е. когда къ нему не были приложены всѣ силы автора.

Симонову въ этомъ нельзя упрекать. Если чего не хватало въ ея работахъ, то происходило это не отъ недостатка прилежанія и труда. Недобросовѣстное отношеніе къ работѣ она не могла простить ни въ комъ и часто скорбно жаловалась:

— Удивляюсь я молодымъ литераторамъ... Если мнѣ удавалось получить постоянную работу въ журналѣ, то я изъ кожи лѣзла, чтобы сдѣлать ее возможно лучше. Дорожишь и заработкомъ, и литературной честью! А теперь видишь людей еще бѣднѣе меня, а халатности гораздо больше. Ведутъ они всякіе отдѣлы въ періодическихъ изданіяхъ и пихаютъ туда разныя вырѣзки изъ разныхъ газетъ. Да развѣ это значитъ составить номеръ? Развѣ читатель самъ не могъ ранѣе прочесть всѣ газеты? Кажется, необходимо всякую вырѣзку о томъ или другомъ фактѣ самому одухотворить, понять его связь съ общимъ вопросомъ и т. д. Но для этого нужны знанія и воображеніе, а не ножницы! Безъ этого, работѣ ихъ грошъ цѣна, да по правдѣ сказать грошъ имъ и платятъ! Они теперь стали какими-то циниками... За какую угодно плату идутъ завѣдовать отдѣлами и пишутъ „для денегъ“... Такъ откровенно и говорятъ: найдите болѣе выгодную профессію—и мы пера въ руки не возьмемъ...

— Да, соглашался я съ ней: многіе изъ пишущей братіи склонны разсуждать, что литература ничѣмъ не отличается отъ прочихъ профессій и что быть литераторомъ не составляетъ гордость человѣка...

— Это и обидно! перебивала она. Сами они по чужой книгѣ составляютъ статьи, по статьѣ—газетную замѣтку, по перепечаткамъ—ведутся отдѣлы и думаютъ, что всѣ литераторы таковы; что ни у кого нѣтъ ни собственнаго освѣщенія событій, ни литературнаго воображенія и призванія...

— Существуетъ, сказалъ я, въ поясненіе ея мысли, анекдотъ про одного издателя. Дѣти его, играя между собой, хотѣли изорвать газету, какъ вдругъ дѣвочка закричала на брата: „не рви! не рви газету! Папа прочтетъ и новую шляпку купитъ мнѣ“... Очевидно, дѣти подглядѣли, какъ отецъ, читая газеты, рѣзалъ ихъ, потомъ склеивалъ статьи... Такъ многіе теперь пишутъ: читаютъ чужія книги, крадутъ оттуда все содержаніе и покупаютъ дѣтямъ новыя шляпки...

Однако вращаться среди пересудовъ и жалобъ на литературу Людмила Христофоровна не любила подолгу. Литературныя „перестрѣлки“ не мѣшали быть ей ровной и счастливой за собственной работой.

Вообще надо сказать, что, будучи человѣкомъ труда и упорной воли, она въ личной жизни была крайне доброй и жизнерадостно настроенной женщиной.

Одно изъ ея стихотвореній, посвященное въ шутливой формѣ одному изъ нашихъ поэтовъ, какъ приглашеніе къ себѣ на журфиксъ—прекрасно передаетъ ея душевный строй, въ которомъ она всегда пребывала и куда заманивала своихъ друзей.

Часъ чтенья...
Сегодня вы приходите—
Плоды вдохновенья
Съ собой захватите.
Бесѣда польется рѣкою,
Мечты, идеалы творца чередою
Пройдутъ мимо насъ
И Гёте творенья
Я безъ сомнѣнья
Услышу отъ васъ.

Около нея всегда былъ и собственный кружокъ пріятелей и пріятельницъ, изъ того же литературнаго міра: сибиряки Ядринцевы, издатели И. Скворцовъ и Шеллеръ, поэты Хрущовъ-Сокольниковъ, Сапіенца, Щедровъ, Кругловъ, Родіоновъ, романистки Назарьева, Дубровина и т. д.

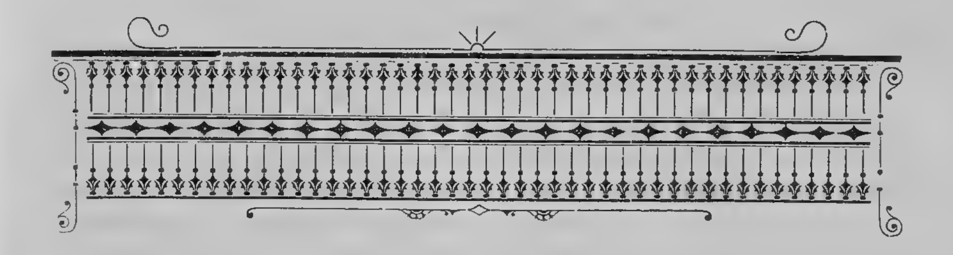
„Это было самое счастливое время моей жизни,—писала мнѣ Симонова незадолго до своей смерти.—Мнѣ казалось тогда, что я не живу, а горю. Около меня въ свою очередь собирались молодые литераторы, художники, учащаяся молодежь, и я съ живымъ интересомъ относилась къ каждому новичку, его планамъ, его мечтамъ и начинаніямъ. Ихъ честные порывы придавали и мнѣ самой и жизнь, и бодрость. Мнѣ никогда не было скучно выслушивать ихъ рукописныя сочиненія, и я по возможности старалась быть полезна имъ своимъ уже пріобрѣтеннымъ опытомъ.

Вполнѣ заслуженной характеристикой для покойной писательницы служитъ стихотвореніе одного изъ нашихъ поэтовъ, посвященное Людмилѣ Христофоровнѣ при ея жизни:

Каждому правому дѣлу готово
Въ васъ и горячее честное слово,
Умное слово безъ фразъ,
И энергическій, сонныхъ будящій
Божіею искрой во взорѣ горящій,
  Истинно женскій экстазъ.
Долгіе годы труда и печали
Силы энергіи въ васъ не сломали,
  Лишь закалили въ бою;
Эту-то свѣжесть и чувствъ, и сознанія,
Юморъ безъ признаковъ нотки брюзжанія,
  Я въ васъ душевно люблю.

А. И. Фаресовъ.





Отъ Сингапура до Владивостока.

(Изъ воспоминаній моряка о плаваніи на крейсерѣ «Африка») [1].

ГЛАВА II.

3-го августа крейсеръ „Африка“ подошелъ къ Сингапуру. Приближаясь къ нему, надо проходить сравнительно узкимъ каналомъ между множества островов различной величины, покрытыхъ роскошной тропической растительностью. Это замѣчательно живописный видъ. Крейсеръ подвигается узкимъ фарватеромъ, обставленнымъ баканами, фонарями и другими знаками, а кругомъ встаетъ точно волшебная панорама — появляются все новые и новые прелестные островки, заросшіе чудными саговыми пальмами, кокосами и какими-то до сихъ поръ невиданными кустарниками. Справа на скалѣ высится стройный маякъ, а впереди по направленію къ Сингапуру виднѣется довольно высокій холмъ, только на самомъ верху покрытый группой роскошныхъ пальмъ.

По принятіи лоцмана прошли на рейдъ болѣе широкимъ проходомъ. Существуетъ еще другой, болѣе узкій и при томъ болѣе живописный между берегомъ и островами, покрытыми араукаріями и другими породами тропическихъ растеній, въ густой зелени которыхъ скрываются европейскія бенгалоу—дома тропическаго типа. Около берега раскинуты малайскія деревни на сваяхъ, одна изъ нихъ носитъ названіе Танджонгъ-поо, дающая имя докамъ, вырытымъ недалеко отъ пристани Нью-Харбургъ.

---

[1]) См. «Русск. Стар.», май 1908 г.

На другой день крейсеръ перешелъ къ вышеупомянутой пристани для погрузки угля: эта пристань, построенная на сваяхъ, тянется на большое разстояніе, давая возможность грузиться нѣсколькимъ судамъ одновременно.

Уголь заказали съ вечера, а потому тотчасъ по установкѣ крейсера у пристани явились китайцы, быстро устроили приспособленіе для бѣганья на судно съ корзинками угля, и работа закипѣла. У каждой сходни усѣлся китаецъ, отмѣчавшій палочками въ книжкѣ корзину угля, вносимую на судно, и выдававшій по два цента за нее носильщикамъ—кули. Китайцы замѣчательно быстро ходятъ съ корзинами и возвращаются обратно за новыми, дѣлая все безъ суетни, но зато отравляютъ воздухъ смѣсью кокосоваго масла съ касторовымъ и чеснокомъ.

Въ виду ожидавшагося скораго окончанія погрузки угля насъ отпустили только не надолго погулять около складовъ угля. Не смотря на это, мы успѣли пробраться къ горамъ, полюбовались вблизи тропической растительностью—все было намъ интересно какъ зелень, такъ и хижины малайцевъ, китайцевъ и другихъ національностей. Накупили ананасовъ, кокосовъ, съ которыми не могли справиться, и массу другихъ незнакомыхъ фруктовъ. Впослѣдствіи мы пробовали кокосы, но многимъ они не понравились, зато мангустаны замѣчательно вкусный фруктъ; своей формой съ дѣленіями похожъ на мандаринъ; его особенность та, что пористая оболочка дѣлаетъ этотъ фруктъ прохладнымъ—качество особо цѣнное въ жаркомъ климатѣ.

Къ вечеру попали все-таки въ городъ. Сначала проѣхали мимо хижинъ у пристани, затѣмъ въѣхали на шоссе, идущее къ болотистому лѣсу. На всемъ протяженіи шоссе стоятъ фонари, зажигающіеся вечеромъ, и прокопаны канавы для осушенія почвы.

Черезъ нѣсколько времени въѣхали на главную улицу, проходящую черезъ весь Сингапуръ и мѣняющую по участкамъ свое названіе: до моста она называется Соутъ-бридъ, затѣмъ Каѳедральной, Викторіей и др.

До моста зданія преимущественно торговыя, большею частію двухъ-этажныя съ галлерями въ каждомъ этажѣ. Внизу лавки или конторы, на верху жилыя помѣщенія. У китайскихъ лавокъ красуются оригинальныя вывѣски, состоящія изъ шестовъ съ длинной вертикально повѣшенной доской.

Мостъ перекинутъ черезъ каналъ наполненный джонками, въ которыхъ китайцы живутъ со своими семьями, не имѣя другого жилища.

День нашего съѣзда на берегъ совпалъ съ китайскимъ праздникомъ „злого духа“, котораго они въ этотъ день стараются умилостивить. По пути всей компаніей заѣхали въ гостиницу „Европа“ освѣжиться прохладнымъ питьемъ, тутъ мы и узнали объ этомъ праздникѣ.

— Господа, ѣдемъ духа умиротворять, предложилъ одинъ изъ обстоятельныхъ мичмановъ.

— Да мы-то чѣмъ провинились передъ нимъ?

— Ахъ, господа, надо быть дальновиднѣе! какъ вы не хотите понять, что духъ можетъ забраться въ наше начальство, и тогда „клади шапку подъ орудіе“ [1]).

— Вотъ нашелъ объ чемъ заботиться!

— А что?

— Да, вѣдь ваканція занята.

— Ну, тогда надо ѣхать, чтобы навести справки, нельзя ли уже сидящаго духа пригласить сюда въ гости, да и оставить тутъ.

Перебравъ нѣсколько комбинацій, мы рѣшили ѣхать поучиться у китайцевъ искусству умиротворять злого духа для примѣненія на суднѣ.

Весь кварталъ горѣлъ массой разнообразныхъ огней, начиная со свѣчей, лампъ и кончая кучами сухого тростника. Около храма стояли столы съ красиво убранными цвѣтами яствами, приносимыми китайцами въ даръ. Эти яства раздаются около полуночи бѣднымъ жителямъ. Въ веселіи повсюду не было недостатка— вездѣ музыка на флейтахъ, мѣстами заглушаемая шумомъ гонговъ и барабановъ. Надо замѣтить, что весь вечеръ китайскіе дома были открыты и на столахъ виднѣлись угощенія для гостей, а можетъ быть и на случай посѣщенія злого духа. Проходя мимо китайскихъ домовъ, нельзя было не обратить вниманія на внутреннее устройство жилища и наружныя двери, которыя у богатыхъ китайцевъ дѣлаются изъ хорошаго дерева, ажурныя, украшенныя рѣзьбой. Противъ входа у стѣны одного изъ домовъ мы увидѣли алтарь—узкій, длинный столикъ, покрытый кругомъ рѣзьбой, лакомъ и позолотой. Надъ столикомъ виситъ изображеніе бога, задрапированное матеріей въ видѣ балдахина, все вышито драконами и украшено талисманами, сдѣланными изъ бумаги въ формѣ сердецъ. На столѣ стоитъ курильница, пара подсвѣчниковъ, вазочки съ цвѣтами и фарфоровая чашка съ рисомъ для бога. Посреди комнаты обѣденный

---

[1]) Матросское выраженіе—одинъ матросъ, придя въ отчаяніе въ какомъ-то случаѣ, сказалъ, что ему ничего не остается дѣлать, какъ только «положить шапку подъ орудіе».

столъ, кругомъ по стѣнамъ стулья съ прямыми спинками, а надъ ними заклинанія, написанныя на длинныхъ бумажныхъ лентахъ. Позднее время заставило вернуться на крейсеръ, и продолжать осмотръ Сингапура пришлось, съѣхавъ на берегъ съ рейда послѣ погрузки углемъ.

Должно быть, мы плохо учились у китайцевъ, какъ заклинать духа, такъ какъ пріѣхавъ на судно попали въ такую передѣлку, какія рѣдко бываютъ, а все за то, что уѣхали въ городъ съ погрузки угля.

— Какой толкъ было ѣздить на китайскій праздникъ!

— А вы вѣдь не научились у китайцевъ, и небось никого не спросили?

— Когда же было, у насъ мало времени было въ распоряженіи.

— Ну, такъ нечего и пенять.

Главная цѣль нашей поѣздки была прогулка въ Ботаническій садъ. Дорога идетъ между загородными садами, окружающими европейскія дачи, китайскія фанзы и малайскія хижины. Вправо въ зелени виднѣется дворецъ губернатора, по англійскому обыкновенію, прекрасной постройки съ балконами, террасами и многочисленными службами. Сады и рощи со стороны дороги отгорожены изгородью изъ перистой мимозы, за которой въ изобиліи высятся разнообразныя пальмы, изъ нихъ особенно красивы вѣерныя. Часто встрѣчаются плодовыя деревья—мандарины, мангустаны, мангу, папельмусы, но больше всего кокосовъ.

Наконецъ живописная дорога развернулась въ площадь, и мы подъѣхали къ воротамъ желѣзной ограды сада. Онъ довольно обширный, наполненъ почти всѣми сортами растительности Азіи, остъ-индскаго и японскаго архипелаговъ, даже кедры, ель и лиственница нашли себѣ здѣсь мѣсто.

Внутри сада проведены дорожки, устроены клумбы и газоны. Одинъ уголокъ сада отведенъ подъ зоологію, правда, тутъ немного звѣрей и птицъ, но есть очень красивые экземпляры.

Пріятная прогулка въ Ботаническій садъ содѣйствовала усиленію аппетита, почему мы отнеслись довольно неразборчиво къ меню обѣда, состоявшаго изъ мяса зебу, риса съ соусомъ кэрри и ѣдкими приправами и другихъ т. п. кушаньевъ, зато и были наказаны: когда подали знаменитое кэрри, совершенно намъ не знакомое, нѣкоторые взяли ѣдкой приправы больше, чѣмъ слѣдуетъ; но только взяли въ ротъ, какъ ужасъ изобразился на ихъ лицахъ— приправа сожгла ротъ, проглотить страшно, а уйти не ловко. Это критическое положеніе вызвало общій смѣхъ, а у насъ досаду.

12 августа ушли изъ Сингапура, конвоируя пароходъ „Барце-

лона“ съ военнымъ грузомъ. Въ описываемое нами время пароходы, зафрахтованные правительствомъ для доставки военнаго груза во Владивостокъ, обязательно сопровождались военными судами въ цѣляхъ безопасности плаванія и сохранности груза. На каждомъ пароходѣ находился флотскій офицеръ (суперъ каргъ), сопровождавшій грузъ, а на нѣкоторыхъ кромѣ того совершали переходы офицеры съ семьями, назначенные для службы въ войскахъ Восточной Сибири.

Оба судна вышли изъ Сингапура при хорошей погодѣ и порядочно высокой температурѣ наружнаго воздуха. Было такъ тихо и спокойно, всѣ мы надѣялись, что погода установилась на долго; однако ужъ 15 августа при закатѣ солнца небо окрасилось въ темно багровый цвѣтъ, несомнѣнно указывающій на перемѣну погоды, а потому было отдано приказаніе приготовиться къ встрѣчѣ непріятнаго гостя Китайскаго моря—тайфуна, посѣщающаго эти мѣста въ нѣкоторые мѣсяцы по нѣсколько разъ. 17 августа при падающемъ барометрѣ съ утра задулъ вѣтеръ отъ сѣв. запада, рѣзко мѣнявшійся въ силѣ и сопровождаемый шквалами съ дождемъ и пасмурностью. Къ 2 часамъ дня вѣтеръ дошелъ до 8 балловъ и общее состояніе погоды начало принимать штормовой характеръ.

Въ 9 часовъ вечера вѣтеръ при падающемъ барометрѣ началъ мѣняться влѣво и къ 11 часамъ достигъ степени урагана. До 5 часовъ утра 18 августа при вѣтрѣ, перешедшемъ къ юго-западу, ураганъ дулъ съ наибольшей силой; волненіе и зыбь дошли до значительныхъ размѣровъ и наибольшіе розмахи достигали 40 градусовъ на сторону; палуба отъ набѣгавшихъ волнъ была все время въ водѣ. Вѣтеръ завывалъ въ снастяхъ, крейсеръ бросало какъ щепку, что-то трещало, гремѣло, однимъ словомъ, положеніе было ужасное. Такъ продолжалось до 6 часовъ утра, когда, наконецъ, барометръ тронулся вверхъ, сила урагана стала слабѣть, и къ 10 часамъ при вѣтрѣ, отошедшемъ къ югу, начало проясниватъ. Въ полдень добавили парусовъ и взяли курсъ на сѣверъ. Тайфунъ былъ встрѣченъ въ широтѣ сѣверной 17° 59′ и долготѣ западной 114° 30′ въ 270 миляхъ отъ острова Гайнанъ. Благодаря искусному управленію и крѣпкой постройкѣ крейсера, тайфунъ не могъ совладать съ „Африкой“, не досталась она ему, но потрепало ее таки порядочно, причинивъ не мало бѣдъ.

Во время урагана волной разбило катеръ, сломало лафетъ у орудія, два спасательныхъ буя, разорвало штормовые паруса и помяло второй катеръ, не считая другихъ болѣе мелкихъ поврежденій.

Мнѣ пришлось стоять вахту, будучи привязаннымъ къ поручню, держась одной рукой, и мѣняя положеніе ногъ сообразно наклоненію мостика, другой же рукой закрывалъ по очереди каждую сторону лица, такъ какъ боль отъ дождя, ударявшагося съ большой силой, была невыносима.

Съ каждымъ розмахомъ судна волны обдавали съ головы до ногъ, и за четырехъ-часовую вахту на мнѣ не осталось сухой нитки; впрочемъ, это нисколько не мѣшало бодрому, даже веселому настроенію духа.

Спокойствіе командира, сумѣвшаго вдохнуть въ насъ увѣренность и бодрость, передавалась и на команду.

Стоишь на мостикѣ въ такой ужасной обстановкѣ, а самому и больно отъ дождя и смѣшно смотрѣть при видѣ вахтенныхъ матросовъ, которые прилагали невѣроятныя усилія, чтобы въ промежуткѣ между работами, танцовать подъ гармонику, около полубака, куда попадали только брызги, ихъ комическія движенія для сохраненія равновѣсія заставляли повременамъ хохотать отъ души.

По окончаніи вахты командиръ обратился ко мнѣ со словами: „вы все равно промокли, такъ сходите посмотрѣть, что дѣлается на кормѣ“. Задача оказалась не такой легкой, какъ кажется: чтобы пройти 150 футъ, потребовалось полчаса времени. Сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, а сбоку въ это время поднимается водяная стѣна; надо скорѣй хвататься за что-нибудь солидное въ обхватъ руками и подставить спину, закрывъ глаза. Стѣна обрушивается, покрываетъ всего на нѣсколько мгновеній, и только-что вода стекла съ головы, сдѣлаешь нѣсколько шаговъ впередъ, какъ получаешь душъ съ другой стороны и такъ весь путь до кормы и обратно. Внизу въ палубахъ и каютъ-компаніи о какомъ-либо комфортѣ и думать было нечего—повсюду едва успѣвали откачивать воду.

До урагана свѣтлый люкъ надъ каютъ-компаніей закрыли глухимъ люкомъ, покрыли чахломъ, сверху положили брезентъ и забили досками, но волна ловко сдернула всѣ прикрытія, и вода полилась каскадомъ внизъ, наполняя каюты, піанино и обмывая мебель; къ довершенію всего, многіе ящики выскочили изъ шкаповъ, поплыло тутъ офицерское имущество, скоро принявъ не соотвѣтствующій ему видъ, начиная съ крахмальныхъ сорочекъ. Офицеры по-смѣнно работали въ палубахъ, а свободные отдыхали на скамейкахъ въ каютъ-компаніи, при чемъ приходилось упираться то головой, то ногами. Несмотря на переживаемыя тяже-

лыя минуты, запасъ шутокъ не истощался, только докторъ ворчалъ на насъ: „такое страшное время переживаемъ, а вы смѣетесь, какъ вамъ не стыдно“. Конечно это больше подзадаривало насъ, пошли поддразниванія и разныя остроты.

Когда на другой день стихло, на моей вахтѣ было отдано приказаніе открыть люки. Команда высыпала на верхъ, и всѣ какъ одинъ, снявъ фуражки, перекрестились, благодаря Бога за спасеніе отъ угрожавшей опасности.

Нашъ компаніонъ, пароходъ „Барцелона“, отдѣлался также довольно благополучно, только одинъ матросъ сломалъ ногу; съ парохода меня объ этомъ увѣдомили сигналомъ; тогда командиръ, несмотря на большую еще не улегшуюся зыбь, послалъ врача, а какъ ему не хотѣлось ѣхать!

23 августа благополучно пришли въ Нагасаки.

Живописная Японія начинаетъ уже сказываться при приближеніи къ южной оконечности крайняго изъ острововъ Гото: очень гористый, онъ весь покрытъ зелеными полосами риса и красивой зеленью. Черезъ нѣсколько времени открывается возвышенность огромнаго острова Кіу-Сіу, затѣмъ показывается бѣлый маякъ у входа на рейдъ, или вѣрнѣе у входа въ заливъ, которымъ начинается входъ въ Нагасаки. Пройдя по заливу мимо нѣсколькихъ маленькихъ острововъ, крейсеръ повернулъ у острова Токобоко, извѣстнаго болѣе подъ названіемъ Папенберга, и черезъ небольшой промежутокъ времени вошелъ во внутренній рейдъ. Островъ Папенбергъ покрытъ хвойными деревьями, одна сторона его оканчивается крутымъ обрывомъ, съ котораго, по преданію, японцы сбросили миссіонеровъ и ихъ послѣдователей.

Внутренній рейдъ занимаетъ пространство въ одну милю шириною и четыре мили длиною; онъ защищенъ отъ вѣтровъ съ трехъ сторонъ высокими горами, покрытыми рисовыми полями, въ видѣ террасъ, кустарниками, хвойными деревьями и бамбуками. Горы носятъ названія: на западной сторонѣ Иноса-Таке, на восточной горная группа Хико-санъ и Хоква-санъ, а на сѣверной— гора Кампира. Общій видъ Нагасакской бухты чрезвычайно живописенъ и даетъ много разнообразныхъ чудныхъ пейзажей. На рейдѣ мы застали крейсеръ „Азія“ подъ флагомъ контръ-адмирала барона О. Р. Штакельберга.

На смѣну недавнихъ воспоминаній о роскошной тропической природѣ и жизни различныхъ народовъ — явились опять новыя впечатлѣнія, произведенныя видомъ уютныхъ пейзажей и своеобразной жизнью незнакомаго намъ народа. Мы много читали о

Японіи на разныхъ языкахъ, но описанія не даютъ яснаго представленія о странѣ, и только личное знакомство можетъ пополнить картину. Въ посѣщенныхъ нами странахъ безусловно много оригинальнаго, но всюду встрѣчается насажденіе англійской цивилизаціи: вездѣ европейскіе дома, коляски, прекрасно устроенные сады и т. п., здѣсь же, т. е. въ Японіи все ново, начиная со способовъ передвиженія.

Для сообщенія съ берегомъ существуютъ такъ называемыя „фунэ"—плоскодонныя шлюпки съ рубкой, очень удобной для лежанья, но если приходится сидѣть, то нужно сгибаться въ три погибели. Не дурна была бы шлюпка, если бы при движеніи посредствомъ одного весла не было мотанья изъ стороны въ сторону, доходящаго почти до отрыванія головы отъ плечъ. Несмотря, однако, на эти особенности шлюпокъ, офицеры нанимали ихъ по-мѣсячно; хозяинъ фуне не имѣлъ права уйти безъ разрѣшенія, хотя бы пришлось стоять на якорѣ у крейсера день и ночь. Конечно, мы ихъ отпускали по минованіи въ нихъ надобности, назначая время возвращенія. Въ прежніе годы это удобство оплачивалось необыкновенно дешево, но съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ цивилизаціи цѣны возросли баснословно. Способъ передвиженія на берегу тоже очень оригиналенъ: вмѣсто экипажей, запряженныхъ лошадьми, имѣются джинерикши— легкія двухъ-колесныя колясочки, везомыя однимъ человѣкомъ (курума). Только при поѣздкахъ на большія разстоянія, въ горы, или для большей скорости нанимаютъ добавочнаго человѣка (атоси), толкающаго колясочку сзади. Костюмы курумы мѣняются сообразно погодѣ, начиная съ самаго упрощеннаго въ жаркое время и кончая дождевикомъ, сдѣланнымъ изъ соломы, концы которой торчатъ точно иглы ежа, можно подумать также, что курума накинулъ себѣ на плечи крышу нашей деревенской избы.

Знакомство съ Нагасаки начали не съ самаго города, а съ деревни Иноса, лежащей на другой сторонѣ бухты. Здѣсь наше правительство, въ виду частыхъ заходовъ и стоянки русскихъ судовъ арендовало участокъ земли у г. Сига и возвело нѣкоторыя постройки, какъ-то: лазаретъ, шлюпочный сарай для починки и окраски шлюпокъ и баню для офицеровъ и команды. Намъ пришлось отвезти въ лазаретъ гардемарина Раковича, который былъ во время тайфуна сброшенъ парусомъ на палубу; послѣдствіемъ чего былъ параличъ ногъ.

Хозяинъ участка, православный японецъ Александръ Алексѣевичъ Сига, бывшій секретарь японской миссіи въ С.-Петербургѣ, живетъ не далеко отъ своихъ владѣній. Его домъ можно было из-

дали узнать по вывѣшенному у одного изъ оконъ мундиру. По этой нѣсколько оригинальной примѣтѣ русскіе офицеры всегда безошибочно находили домъ г. Сига, когда шли къ нему въ гости.

Самая Иноса—деревня раскинута по склону горы и состоитъ изъ одной главной улицы и переулочковъ. Дома деревянные съ открытыми галлереями, закрывающимися особыми рѣшетчатыми щитами съ наклееной бумагой. Ниже главной улицы на набережной стоятъ небольшіе домики, окруженные миніатюрными садиками. На верху горы построена гостиница, которую офицеры не знаю почему прозвали „холодный домъ"; въ нее не допускались никакіе посѣтители кромѣ русскихъ офицеровъ. Съ террасы этой гостиницы открывается чудный видъ на Нагасаки, бухту и окрестности, терраса окружена садомъ съ разнообразной зеленью и массой цвѣтовъ. Прогулка по Иносѣ была бы не закончена, если бы мы пропустили русское кладбище. На одномъ участкѣ помѣщаются три кладбища: русское, голландское и японское. Самое красивое—это русское, оно все обсажено кипарисами, соснами, туями и другими деревьями, могилы хорошо содержатся заботами консульства Японскіе бонзы ближайшаго храма, какъ намъ разсказывали, всегда ходятъ молиться объ усопшихъ въ тѣ дни, когда это полагается по правиламъ ихъ религіи, и украшаютъ могилки цвѣтами.

30 августа пришелъ въ Нагасаки адмиралъ Лесовскій со своимъ штабомъ, перебрался на крейсеръ „Африка", который гордо поднялъ флагъ уважаемаго адмирала при громкомъ салютѣ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. На другой день состоялось засѣданіе адмираловъ и командировъ вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ въ Токіо К. В. Струве, прибывшимъ къ этому времени на крейсерѣ „Забіяка".

Намъ, молодежи ужасно, хотѣлось знать, о чемъ толкуетъ начальство, будетъ ли война, какія политическія осложненія, долго ли простоимъ въ Нагасаки, куда пойдемъ и т. д., но предметъ засѣданій и рѣшенія, принятыя въ нихъ, строго соблюдались въ тайнѣ, зато въ каютъ-компаніи дѣлали массу своихъ предположеній и рѣшили судьбу чуть не всѣхъ государствъ. Единственную новость мы узнали изъ приказа, а именно, раздѣленіе эскадры на отряды, это для насъ былъ важный вопросъ: мы волновались, кто подниметъ у насъ флагъ, когда командующій морскими силами перейдетъ на крейсеръ „Европа"—приказъ насъ успокоилъ.

Раздѣленіе было слѣдующее:

Крейсеръ „Европа", флагъ вице-адмирала Лесовскаго.

1-й отрядъ.

Крейсеръ „Африка" — флагъ контръ-адмирала барона О. Р. Штакельберга.

фрегатъ „452Нинъ".
клипера: „Джигитъ",
„Стрѣлокъ",
„Наѣздникъ",
„Пластунъ".

2-й отрядъ.

Крейсеръ „Азія"—флагъ контръ-адмирала Асланбегова.

флегатъ „Князь Пожарскій".
клипера: „Крейсеръ",
„Разбойникъ",
„Абрекъ",
„Забіяка".

Такой составъ эскадры казался намъ очень грознымъ, мы не только не боялись войны, но ждали ее съ радостью, будучи увѣрены въ своей силѣ и опытности нашихъ руководителей.

Пока начальство рѣшало важные вопросы, не спрашивая нашихъ мнѣній, мы ѣздили на берегъ осматривать по очереди отдѣльныя части города. Прежде всего посѣтили кварталъ Децима. Въ него надо ѣхать по набережной мимо европейскихъ домовъ, совершенно укрытыхъ зеленью полисадниковъ; оставивъ въ сторонѣ старую китайскую факторію съ длинными флагштоками и переѣхавъ черезъ мостъ, попали на островокъ, на которомъ помѣщалась голландская факторія Децима, основанная въ 1638 году и прекратившая свою дѣятельность въ 1853 году, т. е. въ годъ открытія порта Нагасаки для судовъ всѣхъ націй.

Отъ факторіи осталась только кирка и зданія голландскаго и германскаго консульствъ.

Собственно главною цѣлью нашей поѣздки былъ магазинъ фарфоровыхъ издѣлій, въ которомъ мы, дѣйствительно, нашли громадный выборъ вазъ и сервизовъ, чрезвычайно изящной работы, съ изображеніями птицъ и цвѣтовъ.

Изъ Децима проѣхали вверхъ по горному потоку въ Накашиму— эта часть города, расположенная у подножья горы — чрезвычайно

живописна, начиная съ береговъ потока и кончая далекими перспективами окружающихъ горъ. Въ Накашимѣ живетъ фотографъ Уэно, обладающій большимъ выборомъ фотографическихъ видовъ Японіи, а въ пріемной комнатѣ въ альбомахъ и въ рамкахъ на стѣнахъ можно встрѣтить массу портретовъ знакомыхъ русскихъ офицеровъ, считающихъ долгомъ непремѣнно сняться у него по приходѣ въ Нагасаки.

Недалеко отъ фотографіи надъ обрывомъ увидѣли памятникъ глубокой японской старины. Это священный фонарь, составленный изъ грубыхъ плитъ и кусковъ дикаго камня. Онъ похожъ на два гриба, поставленныхъ одинъ надъ другимъ. Ножкой верхняго гриба служитъ выточенный внутри каменный шаръ съ двумя отверстіями съ противоположныхъ сторонъ, онъ служитъ для помѣщенія лампады.

Напротивъ фонаря стоитъ буддійская часовня, въ которой показываютъ интересную древнюю статую лежащей коровы, отлитой почти въ половину натуральной величины изъ темной бронзы, статуя удивительно хорошо сдѣлана и, повидимому, прекраснаго металла.

Побывавъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, пріѣхали въ магазинъ черепаховыхъ издѣлій, наиболѣе посѣщаемый моряками всѣхъ націй; хозяина его, Изаки, русскіе называютъ „черепаха-человѣкъ". Никто не уходитъ изъ магазина, не купивъ что-нибудь, хотя цѣны нельзя назвать дешевыми. Надъ входомъ въ магазинъ помѣщается деревянная божница съ рѣзными фигурами двухъ боговъ:

Цзянь-сю, генія покровителя отъ пожаровъ и воровъ.

Умино-ками, покровителя моряковъ.

Осматривая храмы и встрѣчая въ лавкахъ статуи различныхъ боговъ, мы, конечно, заинтересовались свѣдѣніями о нихъ и намъ удалось познакомиться съ кое-какою характеристикою боговъ религіи Синто:

1. Будда — изображается сидящимъ на лотосѣ и благословляющимъ міръ.

2. Бентинъ—одна изъ семи геніевъ домашняго счастья, наиболѣе почитаемая, представляетъ идеалъ женщины, семьи, гармоніи и моря, какъ элемента, доставляющаго Японіи питаніе.

3. Шіу-Ро, геній долгоденствія, пользуется одинаковыми пра-

вами съ Бентенъ. Онъ изображается съ огромнымъ открытымъ лбомъ, который у него выросъ во время долголѣтней его жизни отъ размышленій, наблюденій и соображеній надъ явленіями жизни физической и духовной. Его атрибуты — журавль и черепаха — эмблема долговѣчности.

4. Іебисъ—рыбакъ, братъ солнца, заботится о питаніи и хлѣбѣ для страны, изображается съ довольной улыбкой и удочкой въ рукахъ, изображеніе очень подходящее къ нынѣшнимъ временамъ: довольная улыбочка — отъ удачной поставки хлѣба въ голодающія мѣстности, а удочка—для ловли рыбы въ мутной водѣ.

5. Тосси-Теку—геній талантовъ, старецъ покровитель дѣтей, изобрѣтатель игръ и издѣлій изъ бумаги.

6. Бизжамонъ — богъ славы, чтимый военными, самураями, чиновниками, поэтами и писателями.

7. Готей — олицетворяетъ внутреннее довольство среди бѣдности и лишеній, геній поселянъ.

Вѣроятно его девизъ: „съ милымъ рай въ шалашѣ“.

8. Дайкокъ—купеческій идеалъ, толстоухій, тучный, богъ матеріальныхъ богатствъ.

Должно быть, отъ него пошли толстые купцы съ тугимъ ухомъ къ нуждамъ обывателей.

Наше первое знакомство съ Нагасаки ограничилось этими достопримѣчательностями, тѣмъ болѣе, что одинъ день пришлось сидѣть по судамъ по случаю шторма съ дождемъ; на рейдѣ образовалась каша изъ сорванныхъ съ якорей шлюпокъ, имъ оказывали помощь шлюпки съ военныхъ судовъ.

4 сентября крейсеръ „Африка“ съ командующимъ морскими силами ушелъ въ Чифу, гдѣ стояли на рейдѣ иностранныя эскадры со своими адмиралами. По обычаю, вновь прибывшій адмиралъ долженъ сдѣлать визиты и познакомиться со своими коллегами.

Прибывъ 6 сентября въ Чифу, мы застали слѣдующія суда:

1. Англійскую эскадру подъ флагомъ вице-адмирала Кутъ на яхтѣ „Виджилентъ“, корветъ „Модестъ“, „Энкаунтеръ“, „Альбатросъ“ и лодку „Лили“.

2. Французскую эскадру подъ флагомъ контръ-адмирала Дюперре на корветѣ „Темисъ“, корветъ „Керкелянь“ и авизо.

3. Германскую — съ начальникомъ отряда Цирцовъ, онъ же командиръ корвета „Винета“, корветъ „Фрея“, лодки: „Циклопъ“ и „Вольфъ“.

4. Представителями американцевъ были: пароходъ „Ашелотъ“ и лодка „Алертъ“.

5. Испанцевъ—корветъ „Донна Марія де Молина“.

6. Китайцевъ—лодка „Тай-анъ“.

Изъ русскихъ судовъ здѣсь находилась въ качествѣ станціонера лодка „Нерпа“.

Съ самаго нашего прихода не переставалъ дуть сѣверный вѣтеръ, прекращающій или по крайней мѣрѣ затрудняющій сообщеніе съ берегомъ, и потому намъ удалось попасть въ городъ только одинъ разъ.

Чифу расположенъ по берегамъ двухъ бухтъ, между которыми выдвигается гористый полуостровъ. Въ правой бухтѣ (если смотрѣть съ рейда) обыкновенно пристаютъ всѣ шлюпки, здѣсь на берегу помѣщается таможня, которая функціонируетъ подъ управленіемъ англичанина, состоящаго подъ начальствомъ главнаго директора китайскихъ таможенъ сэра Роберта Гарта. Невдалекѣ находятся угольные склады, для снабженія приходящихъ судовъ.

Берега лѣвой бухты песчаные, образуютъ отличный пляжъ для купанья въ морѣ, охотно посѣщаемый любителями въ лѣтнее время. Здѣсь же помѣщется клубъ и двѣ гостиницы; существуетъ еще третья на этомъ же берегу, но порядочно далеко отъ города, она служитъ главнымъ образомъ пансіономъ для пріѣзжающихъ въ Чифу на лѣто.

На мысу между бухтами возвышается круглый холмъ, носящій названіе „Янтай“ (Янъ-тау), хотя англичане зовутъ Тоуеръ-поэнтъ, вѣроятно по пирамидной башнѣ, служащей наблюдательнымъ пунктомъ за движеніемъ судовъ на рейдѣ. На этомъ мысу красуются европейскіе дома, отвѣчающіе своею постройкой условіямъ жаркаго климата. Одинъ изъ лучшихъ домовъ принадлежитъ А. Д. Старцеву извѣстному русскому коммерсанту, проводящему лѣто въ Чифу. Зашли, конечно, къ нашему поставщику Сіэтасъ и К, въ магазинѣ котораго можно найти что угодно.

Къ юго-западу отъ мыса расположенъ китайскій городъ, состоящій изъ нѣсколькихъ улицъ, наполненныхъ грязью и лужами, съ убійственнымъ запахомъ.

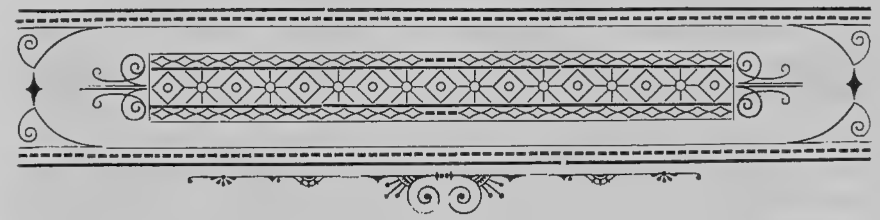
Недостатокъ времени и дурная погода заставили рано вернуться на судно, къ тому же визитныя церемоніи приходили къ концу, и адмиралъ долженъ былъ вернуться въ Нагасаки, куда мы и ушли 9 сентября. Съ удовольствіемъ покинули неприглядные берега Чифу; всѣ торопились въ теплый и уютный уголокъ Японіи, но и тамъ пробыли не долго—адмиралъ спѣшилъ во Владивостокъ, гдѣ ожидали его распоряженій.

Нашъ уходъ изъ Нагасаки состоялся 14 сентября.

В. Рудневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





„Ермолафія" А. М. Тургенева.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ (1772—1862), военный и гражданскій дѣятель, извѣстенъ своими „Записками" (печатавшимися въ „Русской Старинѣ") и тѣсной дружбой съ В. А. Жуковскимъ [1]). Какъ цѣнилъ его знаменитый поэтъ, видно изъ одного письма къ нему, гдѣ Жуковскій говоритъ: „я еще не писалъ къ тебѣ о томъ, что было со мною [2]), къ тебѣ, который принималъ въ судьбѣ моей такое живое братское участіе, къ тебѣ, котораго люблю какъ вѣрнаго друга, уважаю какъ лучшаго и самаго чистаго изъ людей... Знай, что не проходило дня, въ который бы я о тебѣ не думалъ съ любовью, въ который бы не желалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ моей семейной жизни... До сихъ поръ я все твой по-прежнему, и на всю остальную жизнь"... Это была дѣйствительно святая, благородная личность.

Жуковскій, который самъ умѣлъ шутить и смѣяться, какъ никто другой, цѣнилъ въ характерѣ Тургенева его любовь къ юмору и способность понимать комическое. Рѣдко гдѣ такъ смѣялись, какъ въ

---

[1]) Записки Тургенева печатались въ «Русской Старинѣ» 1885 г. т. 47, 48; 1886 г., т. 49, 52; 1887 г., т. 53; 1889 г., т. 61, 62; 1895 г., т. 84. Переписка его съ Жуковскимъ напечатана также въ „Русск. Стар." 1892 г., ноябрь, и 1892 г., январь. Его дневникъ 1837 г. и замѣтку о немъ помѣстилъ К. Я. Гротъ, въ изданномъ академіей наукъ сборникѣ «Памяти Жуковскаго и Гоголя», вып. I, Спб., 1907, отд. 2-ой. См. также «Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу» изд. «Русск. Архива», М., 1895, стр. 248.

[2]) О своей женитьбѣ.

кружкѣ Жуковскаго, А. А. Плещеева, Свѣчина, А. М. Тургенева. Для этихъ шутокъ и забавныхъ сочиненій былъ подобранъ особый терминъ—ермолафія, и Жуковскій часто называлъ своего друга „ермолафомъ". Это семинарское слово, которое значитъ „многословная болтовня, чепуха, дребедень" [1]). Этимъ словомъ Тургеневъ любилъ озаглавливать всѣ свои произведенія; такъ назвалъ онъ свои извѣстныя записки и одно любопытное обращеніе къ Жуковскому; въ послѣднемъ онъ также называетъ ермолафіей длинную дворянскую родословную („у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермолафіи"), а себя самого—ермолафомъ [2]).

Печатаемая нами „Ермолафія" [3]) писана въ обычномъ А. М. Тургеневу добродушно-веселомъ тонѣ. Разсказъ интересенъ типическими и смѣшными сторонами стараго русскаго помѣстнаго быта и оригинальнымъ языкомъ. Трудно сказать, „сочиненіе" ли это самого Тургенева; быть можетъ, онъ воспользовался разсказомъ, который ему дѣйствительно повѣдалъ бѣдный „бездушный Гидалго", или слышаннымъ анекдотомъ, но литературное авторство Тургенева несомнѣнно: „Ермолафія" отражаетъ всегдашній юморъ и тонкую, добрую иронію А. М. Тургенева.

Н. Л.

„Ермолафія".

Трусъ часто болѣе дѣлаетъ вреда, нежели смѣлый! Трусъ причиною, что я вмѣсто богача ничего не имѣющій Гидалго—то есть дворянинъ бездушный. Когда трусъ причинилъ мнѣ сіе величайшее зло, котораго подъ солнцемъ болѣе не бываетъ и никогда не будетъ? Это совершилось за сто передъ симъ лѣтъ, тогда, какъ отецъ мой не родился еще!—Вы подумаете - я въ горячкѣ, брежу, порю дичь, сумбурщину или просто я рехнулся, разсудокъ мой спрыгнулъ съ грядки своей. Нѣтъ! отнюдь нѣтъ, имѣйте терпѣніе, слушайте, и, когда выслушаете, вы скажете, что я не сумасшедшій. За сто лѣтъ прадѣдъ мой былъ сильный, могучій бояринъ; на берегахъ рѣкъ Угры и Оки стояли 60 его селъ, и въ нихъ жило 13 тысячъ ему принадлежавшихъ крестьянъ; сверхъ сего ему же принадлежали два посада—Воротынь да Брынь. Все дошло бы

---

[1]) К. Я. Гротъ, цитир. сборн., отд. 2-ой, стр. 6.

[2]) Тамъ же, 7.

[3]) Съ писарской копіи, хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ (см. ея «Отчетъ за 1884 г.», стр. 51).

мнѣ по наслѣдству, есть ли бы проклятый, ничтожный трусъ не напроказилъ бѣдъ для меня за сто лѣтъ! У прадѣда моего былъ одинъ сынъ, мой дѣдъ; отецъ его любилъ, конечно, болѣе всего въ мірѣ. Какъ сынъ — не скажу вельможи, но болярина богача, дѣдъ мой былъ чѣмъ-то, что-то такое при дворѣ Царскомъ, въ числѣ тѣхъ, которыхъ не знаютъ, куда дѣть, что съ ними дѣлать, и которымъ дозволяютъ носить шитый золотомъ кафтанъ—ходячая мебель—камергеръ!

Дѣда моего прадѣдъ мой поторопился женить, невѣсту сыскать было не трудно; ближайшая родственница близкаго Ц. . . графа Г. . . . а вышла за дѣда. Слыхалъ преданія о свадебномъ пиру; прадѣдъ мой пировалъ три мѣсяца на радостяхъ, что Богъ сподобилъ его видѣть сына женатаго.

Прадѣдъ мой былъ, какъ говорятъ, стараго лѣса кочерга; ему было тогда отъ роду 94 года, какъ онъ, гнавшись на охотѣ за лосемъ, кинулся за звѣремъ на конѣ въ рѣку Угру и зарѣзалъ лося охотничьимъ ножемъ! Охота у него была княжеская; двѣсти человѣкъ садилось на коней, когда изволилъ выѣзжать въ поле, погулять, позабавиться. Сынъ его, мой дѣдъ, былъ также страстный охотникъ; поѣхавъ на полеваніе, и не въ дальномъ разстояніи отъ села, шли опушкою лѣса, вдругъ изъ куста роковой заяцъ. Всѣ поскакали травить зайца, мѣсто было усѣяно пнями, конь подъ дѣдомъ споткнулся,—и блаженной памяти, царство ему небесное, дѣдушка мой такъ ловко ударился о пень грудью, что его подняли псари преселившагося въ жизнь вѣчную! Старикъ, отецъ дѣда, неутѣшно плакалъ. Молодая жена дѣда моего, бабка моя, какъ въ то время жены бояръ не пріобрѣли еще познаній о истерикѣ, спазмахъ, обморокѣ, ревѣла во все горло, рвала себѣ волосы, билась головою не объ уголъ, а о подушку, не хотѣла жить въ мірѣ, но чрезъ годъ вышла за другого замужъ! Что дѣлать, идетъ старинная пословица, вѣроятно со временъ праотца Ноя: „жаль батька, а везть на погостъ“. То же сдѣлали и съ дѣдомъ моимъ, созвали изъ шестидесяти своихъ селъ священники съ причты, изъ четырехъ монастырей пригласили архимандритовъ, изъ провинціи подняли самого владыку архіерея. При богатствѣ чего не придетъ на мысль! Погребеніе было пышное. Архіерей, архимандриты, священники, діаконы кричали успшему болярину вѣчную память такъ громко, что за версту было слышно отъ мѣста погребенія. Но покричали, покричали да опустили дѣда въ могилу. Отецъ мой, то есть сынъ дѣда моего, въ то время возрасталъ въ утробѣ матери—моей бабки, не дозрѣвъ еще; ему было семь мѣсяцевъ отъ посѣва. Чрезъ два мѣсяца старикъ прадѣдъ былъ несказанно обрадованъ

рожденіемъ внука, благодарилъ Господа за милость посланную, надѣялся, что родъ его не пресѣчется. Прошелъ годъ. Старикъ лелѣялъ птенца внука, угождалъ невѣстушкѣ; но бабка моя, какъ ни любила единственнаго сына своего, однако же, царство ей небесное, пресвѣтлый Рай, мѣсто прохладное, бабкѣ захотѣлось вступить во второй бракъ. Событіе весьма естественное; баба молодая, жила съ мужемъ только семь мѣсяцевъ, — какъ было ей не захотѣть опять имѣть мужа? Но прадѣдушка мой прогнѣвался на невѣстку за такое желаніе ея!

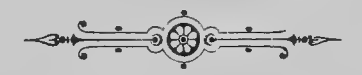
Въ преданіяхъ о прадѣдѣ слыхалъ я, что онъ былъ человѣкъ большого ума, слылъ міросудомъ во всей области; къ нему съѣзжались бояре на судъ и расправу, — а свое-то дѣло не умѣлъ обсудить. Справедлива пословица: „чужую бѣду бобами разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу!“ Бабка моя не послушала прадѣда, вступила во второй бракъ. Да когда женщина послушаетъ, когда чего захочетъ!

Прадѣдъ мой хотѣлъ младенца дѣда моего оставить у себя. Бабка моя никакъ на это не согласилась; какъ вѣрная мать, не хотѣла разстаться съ сыномъ. Но что сотворилъ умный прадѣдъ мой міросудъ? Ахъ! не тѣмъ будь помянутъ, міросудъ поступилъ вовсе безразсудно. Злобствуя на невѣстку за ослушаніе, прадѣдъ мой 96 лѣтъ отъ роду вступилъ во второй бракъ! И всѣ его шестьдесятъ селъ на берегахъ Угры и Оки перешли продажею въ родъ второй жены его. Несчастный сирота отецъ мой остался безъ ничего. Прадѣдушка, скажу не обинуясь, поступилъ противъ внука своего какъ самый лютый злодѣй. Не вѣрю преданіямъ, что онъ былъ великаго ума человѣкъ. Нѣтъ, прадѣдъ мой, царствіе ему небесное, былъ скотина. Онъ, какъ говоритъ пословица, „осердясь на вши, бросилъ шубу въ огонь“.

Видите, М. Г., что ничтожный трусъ, заяцъ, шкурка котораго въ то время, какъ онъ выскочилъ изъ куста передъ дѣдомъ моимъ, стоила алтынъ (3 коп.), виною, что я, прямой, непосредственный наслѣдникъ шестидесяти селъ на берегахъ рѣкъ Угры и Оки, поступилъ въ ничтожнаго Гидалго, то есть безпомѣстнаго или по-нынѣшнему бездушнаго дворянина.

Если бы изъ-за куста, вмѣсто зайца, изволилъ выступить медвѣдь и представилъ собою гербъ Ярославской губерніи, дѣдъ мой не треснулся бы грудью о пень, кончилось бы смертью богатыря лѣсовъ, а не дѣдушки моего, царство ему небесное, и я не поступилъ бы въ Гидалго. У меня было бы шестьдесятъ селъ на берегахъ Угры и Оки, я не ходилъ бы по грязи, по образу пѣшаго

хожденія, но ѣздилъ бы въ прекрасной каретѣ мастера Фребеліюса, выписалъ бы экипажи изъ Лондона. И, что всего выше, меня во уваженіе шестидесяти моихъ селъ на берегахъ Угры и Оки, уважали бы на берегахъ Невы, Сены, Темзы и Дуная. Проклятый трусъ, сколько ты зла мнѣ натворилъ.



Императоръ Николай Павловичъ передъ портретомъ Императора Павла I.

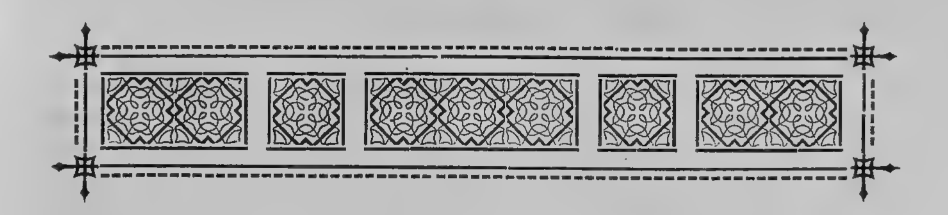
(Записано со словъ Н. К. Шильдера).

Императоръ Николай Павловичъ, проходя однажды съ графомъ Паленомъ (сыномъ главы заговорщиковъ на жизнь Императора Павла) по Романовской галлереѣ Зимняго Дворца и указывая на портретъ Императора Павла I-го, сказалъ: „Voilà un homme auquel on n'a pas rendu justice“, на что гр. Паленъ, помолчавъ, отвѣтилъ: „Sire, Votre Majesté en le disant et moi en me taisant nous avons agi comme deux bons fils“ [1]).

Сообщ. П. Паренсовъ.

---

[1]) «Вотъ человѣкъ, котораго не оцѣнили» — «Ваше Величество говоря такъ и я, промолчавъ, поступили, какъ хорошіе сыновья».



Изъ прошлаго[1]).

Эпизодъ изъ жизни «Военнаго Сборника».

Разсмотрѣвъ, изъ какихъ понятій о чести вытекаютъ мнѣнія полковника Штюрмера относительно обязанностей военной цензуры[2]), мы разсмотримъ теперь, до какой степени знакомъ онъ съ цензурнымъ уставомъ.

Онъ начинаетъ обвиненіемъ гражданской цензуры за то, что она не присылала на разсмотрѣніе военнаго цензора двухъ повѣстей, изъ которыхъ одна помѣщена въ „Современникѣ", а другая въ „Отечественныхъ Запискахъ", и въ которыхъ, между множествомъ дѣйствующихъ лицъ разныхъ званій, представлены два или три лица военнаго сословія. Мы не обязаны защищать гражданскую цензуру. Но мы должны разсмотрѣть мнѣніе полковника Штюрмера о ея обязанностяхъ, чтобы видѣть, знаетъ ли онъ цензурный уставъ. Онъ полагаетъ, что гражданская цензура обязана присылать военному цензору каждую повѣсть, въ которой, хотя мимоходомъ, являются лица военнаго сословія.

(Въ двухъ повѣстяхъ, на которыя указываетъ полковникъ Штюрмеръ, военныя лица являются только мимоходомъ). Сообразно такому понятію, если въ повѣсти, хотя мимоходомъ, является купецъ, она должна быть препровождаема изъ гражданской цензуры въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, занимающійся городскими дѣлами. Если являются: государственный, удѣльный и дворцовый крестьяне, повѣсть должна перебывать поочередно въ министерствахъ: государственныхъ имуществъ, удѣловъ и Императорскаго двора.

---

[1]) См. „Русскую Старину", октябрь 1908 г.

[2]) Печатается съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Полковнику Штюрмеру, какъ видно изъ его претензіи, неизвѣстны первыя основанія нашего цензурнаго устройства. Общая ценсура должна передавать на разсмотрѣніе частной ценсуры того или другаго вѣдомства только тѣ статьи, которыя касаются какихъ-нибудь административныхъ или законодательныхъ вопросовъ по этому вѣдомству. Если бы каждое упоминаніе о лицѣ какого-нибудь званія вело къ посылкѣ статьи на разсмотрѣніе того вѣдомства, которому подчинено это званіе, каждая повѣсть должна была бы, два три года бродить по десяткамъ различныхъ вѣдомствъ, потому что въ каждой выводится много лицъ самыхъ разнородныхъ званій.

Но вотъ отъ литературныхъ журналовъ полковникъ Штюрмеръ переходитъ къ „Военному Сборнику"; тутъ мы должны быть внимательнѣе. Вотъ его подлинныя слова: „Въ іюньской книжкѣ „Военнаго Сборника" помѣщено весьма неутѣшительное для военныхъ людей открытіе, что служба офицера безцвѣтна, скучна, не представляетъ никакой пищи для ума, и потому приводитъ нѣкоторыхъ къ пьянству".

На какихъ страницахъ іюньской книжки „Военнаго Сборника" полковникъ Штюрмеръ нашелъ это открытіе? Вотъ на какихъ. Одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ пѣхотѣ, говоритъ, что когда онъ стоялъ съ своимъ взводомъ одинъ въ деревнѣ, то ему было очень скучно, потому что помѣщиковъ кругомъ не было, а товарищи по расположенію полка на просторныхъ квартирахъ стояли очень далеко отъ этой деревни, и что ему прекраснымъ развлеченіемъ послужила охота. Онъ совѣтуетъ испробовать это развлеченіе тѣмъ офицерамъ, которые подобно ему живутъ разбросанно и поодиночкѣ на просторныхъ квартирахъ, и предлагаетъ свои совѣты о томъ, какъ обзавестись ружьемъ и собакою для охоты; потомъ говоритъ, что солдаты также съ удовольствіемъ занимаются охотою, и если офицеръ, при расположеніи на просторныхъ квартирахъ, позволитъ имъ иногда, въ свободное время, это развлеченіе, то оно будетъ полезно и для здоровья солдатъ и для самой службы, потому что солдаты пріучатся къ вѣрной стрѣльбѣ.

Мы просимъ прочесть всю эту небольшую статейку въ подлинникѣ [1]), чтобы убѣдиться, какъ она невинна. Впрочемъ, и по самому содержанію ея уже легко отгадать, что статья эта написана совершенно спокойнымъ тономъ, съ теплымъ сочувствіемъ къ армейскому офицеру, съ единственнымъ желаніемъ нѣкоторой пользы

[1]) Ружейная охота въ примѣненіи къ военному дѣлу и военной жизни. «Военный Сборникъ» № 2-й.

и этому офицеру и самой службѣ. Но полковникъ Штюрмеръ набралъ прилагательныхъ именъ съ разныхъ страницъ, прибавилъ нѣсколько существительныхъ собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ, слово „пьянство“,—этого слова нѣтъ въ статьѣ); замѣнилъ другія выраженія автора фразами собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ: „Служба офицера не представляетъ никакой пищи для ума“,—этой фразы нѣтъ въ цѣлой статьѣ), приписалъ свое изобрѣтеніе. автору статьи и такимъ образомъ сдѣлалъ „открытіе“, присочинивъ еще, будто бы авторъ говорилъ вообще о службѣ офицера, между тѣмъ какъ авторъ говорилъ только о случаяхъ одинокой жизни офицера, которому пришлось стоять одному вдалекѣ отъ всѣхъ товарищей. Эта недобросовѣстность превосходитъ всякое вѣроятіе

Далѣе полковникъ Штюрмеръ осуждаетъ два отрывка изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“, искажая приводимые отрывки по тому же способу. Полковникъ Штюрмеръ не хотѣлъ замѣтить, что первый изъ приводимыхъ имъ отрывковъ принадлежитъ не „Военному Сборнику“, а „Морскому Сборнику“, изъ котораго перепечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мнѣніе полковника Штюрмера о предметахъ чести расходится съ мнѣніемъ морскаго начальства, издающаго „Морской Сборникъ“, и съ понятіями самого Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, принимающаго столь близкое участіе въ этомъ изданіи. Вторая же изъ статей, безчестящихъ по мнѣнію полковника Штюрмера русскую армію, есть „Голосъ изъ арміи“,—статья, одобренная къ печатанію самимъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, о чемъ хранится въ редакціи „Военнаго Сборника“ письменное засвидѣтельствованіе. Замѣтимъ, что эта статья („Голосъ изъ арміи“) болѣе всѣхъ другихъ статей доставила полковнику Штюрмеру матеріаловъ для его особенной записки о „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мысли, одобренныя Государемъ Императоромъ, наиболѣе безчестятъ, по мнѣнію полковника Штюрмера, русскую армію. Какимъ путемъ искаженій достигъ онъ до такого ужаснаго результата, совершенно раскрывается сличеніемъ его записки о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ „Военнаго Сборника“. Подобнымъ образомъ онъ искажаетъ и статьи другихъ журналовъ, имъ упоминаемыя, заканчиваетъ свои добросовѣстныя выписки слѣдующимъ заключеніемъ:

„Такимъ образомъ, русская публика, въ послѣдніе три мѣсяца, освѣдомилась изъ трехъ лучшихъ журналовъ (Современникъ“, „Отечественныя записки“ и „Военный сборникъ“), что офицеры нашей арміи невѣжды, пьяницы и воры!..“

Эта клевета на гражданскую цензуру, которая никакимъ образомъ не позволила бы выражаться о русскихъ офицерахъ столь площадными словами. Полковнику Штюрмеру позволительно предполагать, что подобная клевета не покажется неправдоподобною: онъ не знаетъ цензурнаго устава. Въ „Военномъ Сборникѣ“ ни разу не употребляемы эти грязныя слова. Можно ручаться за то, что не найдется ихъ и ни въ какомъ русскомъ журналѣ. Если называть русскихъ офицеровъ невѣждами, пьяницами и ворами, значитъ „стремиться къ униженію и представленію на поруганіе военной службы“, какъ говоритъ далѣе полковникъ Штюрмеръ, то это стремленіе принадлежитъ исключительно одному полковнику Штюрмеру, который первый и одинъ отважился сочетать эти слова съ словомъ русскій офицеръ.

Утвердившись на такихъ основаніяхъ, онъ начинаетъ давать совѣты литературѣ.

Онъ говоритъ во-первыхъ, что литература „должна преслѣдовать только тѣ пороки и недостатки, которые дѣйствительно сущеществуютъ, и представлять типы, дѣйствительно взятые изъ среды общества“; но именно такъ и дѣйствуетъ русская литература. Всѣ повѣсти и статьи, на которыя онъ нападаетъ, могутъ служить тому примѣромъ. Въ одной изъ нихъ („Внукъ русскаго милліонера“) изображается, какимъ образомъ богатый купеческій сынокъ проматываетъ наслѣдство, доставшееся ему послѣ дѣда,—развѣ этотъ типъ не дѣйствительно взятъ изъ среды общества? Что другая повѣсть или, точнѣе говоря, романъ („Тысяча душъ“), вѣрно изображаетъ дѣйствительную жизнь нашихъ губернскихъ городовъ, это рѣшено всею русскою публикою, которая съ громкимъ одобреніемъ приняла превосходный романъ одного изъ первыхъ писателей нашего времени [1]). О томъ, скучно ли жить одному въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ товарищей (первая изъ статей „Военнаго Сборника“, осуждаемыхъ полковникомъ Штюрмеромъ), можетъ сказать каждый армейскій офицеръ. О томъ, выдуманные ли факты изображены въ отрывкѣ изъ „Морскаго Сборника“, который также осуждается полковникомъ Штюрмеромъ, можетъ свидѣтельствовать морское начальство. Взяты ли изъ дѣйствительности факты, изображаемые въ третьей статьѣ („Голосъ изъ арміи“), благоволилъ рѣшить самъ Государь Императоръ, удостоившій своего одобренія эту статью, особенно осуждаемую полковникомъ Штюрмеромъ.

И такъ, вѣрны ли дѣйствительности, правдивы ли тѣ статьи,

---

[1]) Писемскаго.

которыя осуждаются полковникомъ Штюрмеромъ? Лучше было бы ему не поднимать этого вопроса, который не можетъ быть рѣшенъ въ его пользу.

Вторымъ правиломъ для литературы полковникъ Штюрмеръ ставитъ: „Не представлять явленіями общими тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые составляютъ случаи частные, встрѣчающіеся рѣдко“. Нельзя не улыбнуться, видя, что эта мысль, относящаяся къ дарованію, а вовсе не къ направленію беллетриста, ставится полковникомъ Штюрмеромъ за общее правило для всей литературы. Беллетристъ талантливый всегда изображаетъ такіе типы, которые не составляютъ случаевъ частныхъ, а принадлежатъ къ характеристическимъ чертамъ общественной жизни; писатель безъ таланта никакъ не умѣетъ достичь этого. И такъ, полковникъ Штюрмеръ ставитъ въ обязанность цензурѣ запрещать все написанное беллетристами мало-талантливыми. Къ чему такое жестокосердіе къ людямъ, и безъ того уже обиженнымъ природою? Не лучше ли согласиться съ цензурнымъ уставомъ, который предписываетъ цензурѣ судить о направленіи писателя, предоставляя уже публикѣ разбирать, сколько таланта имѣетъ писатель.

Послѣднее изъ своихъ правилъ полковникъ Штюрмеръ излагаетъ въ такомъ странномъ видѣ, что одна фраза его прямо противорѣчитъ другой. Вотъ начало: „Въ отношеніи пороковъ и злоупотребленій, караемыхъ законами, достаточно, чтобы законы исполнялись; а потому, литературѣ остается только представлять на судъ публики всѣ гнусности зла“. Эти слова означаютъ, что литература должна обличать зло, караемое закономъ. Но что далѣе? „Не рѣдко случается также, что подробныя описанія злоупотребленій научаютъ плутовъ тому, чего они еще не знали“. Стало быть литература должна скрывать зло? И какая вѣрная мысль: плуты научаются плутовать изъ литературныхъ разсказовъ, карающихъ плутовство! Послѣ этого воры не научаются ли воровать изъ уложенія о преступленіяхъ?

Составивъ общія правила, онъ занимается далѣе примѣненіемъ ихъ къ военному сословію.

„Военное сословіе составляетъ, какъ и всѣ другія, часть народа. Оно имѣетъ какъ общія, такъ и свои собственныя страсти, недостатки и пороки. Оно не лучше и не хуже другихъ сословій и подлежитъ наравнѣ съ прочими литературному представленію дурной стороны ума и сердца“.

Справедливо. Но въ такомъ случаѣ о чемъ же хлопотать, зачѣмъ говорить, что честь военнаго званія унижается, когда оно подвергается литературному изображенію точно въ такой же сте-

пени, какъ прочія сословія, которыя ни мало не принимаютъ за оскорбленіе своей чести такія изображенія?

Но продолжаемъ слушать полковника Штюрмера: „Въ каждой арміи, говоритъ онъ, могутъ быть хвастуны, лгуны, жестокосердые, хитрецы, скупые и даже безнравственные офицеры; но объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п. говорить нечего,—ибо если бъ такой офицеръ встрѣтился, то онъ по закону исключается изъ службы“. Но законъ также исключаетъ изъ гражданской службы взяточниковъ, слѣдовательно, и о нихъ также нечего говорить? Именно о томъ-то и говорится, исполняется ли законъ?—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ цѣлой Россіи одинъ только полковникъ Штюрмеръ осмѣливается „говорить объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п.“. Никто другой не употребляетъ такихъ грязныхъ словъ. Но слушаемъ далѣе. Представлять такого рода типы есть то же самое, что „говорить о сфинксахъ или центаврахъ“. Мысль полковника Штюрмера имѣетъ сильную наклонность къ сфинксамъ, которые растерзывали невинныхъ людей. Она уже не въ первый разъ склоняется къ этимъ чудовищамъ. Излагая свое первое правило, полковникъ Штюрмеръ уже говорилъ, что литература не должна представлять „страсти и злодѣянія сфинксовъ, центавровъ и сильфидъ“. Но слушаемъ далѣе.

„Въ Германіи, въ Англіи и даже во Франціи, гдѣ литературная письменность часто употреблялась во зло, никто не осмѣлится представить позорную картину офицера“. Будто бы въ самомъ дѣлѣ французскіе, нѣмецкіе и англійскіе романы и повѣсти не осмѣливаются изображать французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ съ невыгодной стороны? Изъ этого видно, что полковникъ Штюрмеръ знаетъ иностранныя литературы не такъ хорошо, какъ ценсурный уставъ.

„Гдѣ не имѣется ценсуры (продолжаетъ онъ), тамъ существуютъ обыкновенно особые законы, ограждающіе военное сословіе отъ печатныхъ нападковъ и оскорбленій“. Гдѣ же это существуютъ такіе особенные законы? Ни въ одномъ изъ государствъ западной Европы ихъ нѣтъ. А гдѣ нѣтъ такихъ законовъ, продолжаетъ онъ, тамъ офицеры сами должны защищать себя; и въ примѣръ всѣмъ офицерамъ русской арміи приводитъ дуэль французскихъ поручиковъ съ Пэномъ. Мы уже разбирали эту исторію, которая служитъ представительницею понятій полковника Штюрмера о чести. Такъ вотъ чего онъ хочетъ: онъ хочетъ, чтобы русскіе офицеры, подобно нѣкоторымъ французскимъ подпоручикамъ, обижались тѣмъ, въ чемъ нѣтъ ничего обиднаго, и сами себя дѣлали смѣшными такой щепетильностью. Онъ хочетъ, чтобы офицеры русской арміи испол-

няли предположеніе „статскаго“, разговаривающаго съ „военнымъ“ у Гоголя (въ „Разъѣздѣ изъ театра“): „Вѣдь вотъ, вы какіе господа военные! Вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть офицеры,—не говоря уже о прочихъ наклонностяхъ,—но просто скажи: есть офицеры дурного тона,—да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый Государственный Совѣтъ“. Именно такъ понимаетъ честь полковникъ Штюрмеръ.

Далѣе представляетъ онъ ужасающую картину послѣдствіи отъ такихъ страшныхъ обидъ, какія нанесены были русской арміи пятью тысячами восемью стами офицеровъ, одобрявшихъ „Военный Сборникъ“. Чего тутъ нѣтъ!—и никто изъ молодыхъ людей не пойдетъ въ военную службу, и начальства никто не будетъ уважать, и Россія потеряетъ свой голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, и внутренняя безопасность исчезнетъ, если правительство не запретитъ русскимъ писателямъ говорить, что иногда офицеры посѣщаютъ московскихъ цыганъ и петербургскія минеральныя воды.

Усердіе защищать сфинксовъ и другихъ чудовищъ—качество достойное всякаго уваженія, но добросовѣстность и истинное понятіе о чести, это качества еще болѣе важныя. Примѣромъ послѣдняго служила намъ дуэль французскихъ подпоручиковъ. Доказательствъ добросовѣстности мы видѣли много, но еще больше увидимъ въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, она—документъ образцовый въ своемъ родѣ.

Сообщ. П. Паренсовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



О происшествіи по московской дирекціи 19 іюня.

Контора московскихъ театровъ доноситъ мнѣ, что приставъ Тверской части увѣдомилъ московскую дирекцію, что 19 числа сего іюня въ 2-мъ часу по полудни, отставной поручикъ Эрастъ Алексѣевъ Вингремовскій пришедшую къ нему, по любовной съ нимъ связи, актрису московскихъ театровъ Александру Алинскую застрѣлилъ изъ пистолета, въ животъ пулею на вылетъ, но которая находится въ животѣ (!). Вслѣдъ за симъ изъ другого пистолета выстрѣлилъ въ себя и вскорѣ умеръ.

О таковомъ происшествіи долгомъ имѣю Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести.

Директоръ императорскихъ театровъ Гедеоновъ.

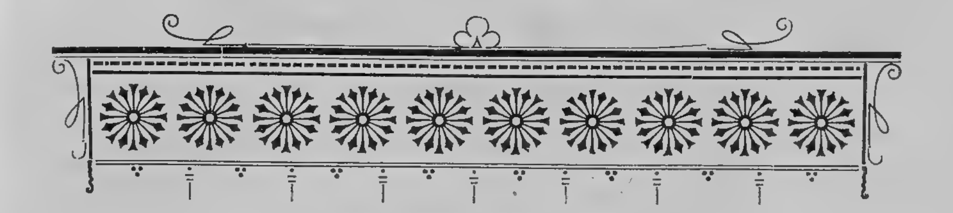
№ 297.
26 іюня 1846 [1]).

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.



---

[1]) На лѣвомъ полѣ помѣтка: Доложено Его Величеству. 27 іюня 1846. Генералъ-адъютантъ Адлербергъ.



Матеріалы для біографіи Воейкова.

I.

Письмо А. Ѳ. Воейкова А. И. Михайловскому-Данилевскому.

(Воен. учен. арх., II, 1835, л. 297).

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Александръ Ивановичъ.

Порученіе Ваше, данное мнѣ при отъѣздѣ въ Дерптъ къ бывшему въ 1812 г. при сожженіи Рижскаго форштадта полицеймейстеромъ г. Криднеру, посчастливилось мнѣ выполнить гораздо успѣшнѣе, нежели я ожидать могъ.

Семидесятилѣтній старикъ этотъ, бывшій полицеймейстеромъ въ Петербургѣ и въ Ригѣ, а потомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и пермскимъ гражданскимъ губернаторомъ, живетъ въ Дерптѣ и противъ самаго дома свояка моего дѣйств. ст. сов. Мойера.

Онъ разбитъ параличомъ, почти никого не принимаетъ, но меня, какъ стараго пріятеля и пріѣзжаго изъ столицы, принялъ ласково. Я объяснилъ ему, что я имѣю честь представлять особу Вашего уполномоченнаго; онъ расплакался и сказалъ мнѣ, что Богъ посылаетъ меня къ нему для того, чтобы снять пятно съ его чести, брызнутое врагами его; послѣ вручилъ мнѣ документы, при семъ къ Вашему Превосходительству препровождаемые. Записка: „прикажите форштадтъ зажечь“ писана рукою рижскаго военнаго губернатора г.-л. Эссена. Говоря о клеветѣ (будто бы возведенной на него генераломъ Эмме, врагомъ его), старикъ очень разгорячился до того, что ему сдѣлалось дурно, и я ушелъ отъ него, боясь

еще больше растревожить его. Самолюбіе мое не дозволяетъ мнѣ упоминать, что Криднеръ, говоря о томъ, что онъ хочетъ оставить своимъ дѣтямъ имя, безукоризненное, прочелъ мнѣ два мои стиха изъ „Дома съумасшедшихъ".

Дѣтямъ лучшее наслѣдство
Имя честнаго отца.

Не полагаясь вполнѣ на его увѣренія, ибо это было слишкомъ односторонне, я справлялся объ этомъ важномъ происшествіи 1812-го года, и вотъ собранныя мною поясненія.

Военный губернаторъ Эссенъ былъ послѣ обѣда каждый день мертвецки пьянъ; онъ имѣлъ секретное повелѣніе сжечь форштадтъ, какъ скоро французы подойдутъ на 20 верстъ къ Ригѣ. Въ тотъ же день, въ который сіе повелѣніе исполнено, авангардъ генерала Іорка находился въ Кирхгольмѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Риги, а его главная квартира въ Экаи, въ 20-ти верстахъ. Всего гарнизона находилось въ Ригѣ не болѣе 3.000 человѣкъ.

Прежде, нежели приступить къ сожженію форштадта, ген.-лейт. Эссенъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ кромѣ его присутствовали: ген.-лейт. Левизъ, инженерный начальникъ Трузсонъ, комендантъ Эмме. Они всѣ единогласно опредѣлили: сжечь.

N. S. Не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству снестись съ г.-л. Левизомъ. Онъ живетъ въ Лифляндіи, недалеко отъ Дерпта.

Отдавъ Вамъ отчетъ по дѣлу, довѣренностью Вашею мнѣ порученному, съ высокопочитаніемъ и искреннею приверженностью имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
А. Воейковъ.

1836 года
мая 28 дня
С.-Петербургъ
№ 573.

P. S. О полученіи сего донесенія моего и документовъ покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ.

В.

II.

Рекомендательное письмо гр. Хвостова о А. Ѳ. Воейковѣ А. А. Никитину передъ баллотировкой его въ члены общества любителей россійской словесности.

(Рук. отд. Имп. Ак. Наукъ).

Милостивый Государь мой
Андрей Афанасьевичъ.

Я крайне сожалѣю, что лишаюсь чести и удовольствія быть сегодня въ обществѣ, ибо долженъ ѣхать въ Троицкую пустынь ночевать для погребенія завтра одной изъ родственницъ моихъ. Сіе не препятствуетъ мнѣ на случай выборовъ ходатайствовать у Васъ, почтеннѣйшаго Ѳедора Николаевича и всѣхъ членовъ о избраніи препонента моего Александра Ѳедоровича Воейкова, человѣка извѣстнаго прекрасными стихотвореніями и знаменитыми переводами. Я прошу Васъ въ моемъ лицѣ представить сіе обществу и почту сіе знакомъ высшей къ себѣ дружбы и благоволенія общества, къ коему питалъ и питать буду непремѣнное усердіе.

Ожидая на сіе благосклоннаго увѣдомленія, имѣю честь быть Вамъ, милостивый государь, покорный слуга

Графъ Хвостовъ.

Августа 23 дня
1820 г.

III.

Благодарственное письмо А. Ѳ. Воейкова Ѳ. Н. Глинкѣ по поводу его избранія въ члены указаннаго общества.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Николаевичъ.

Почтенное письмо Ваше ко мнѣ отъ 25 сего августа, въ которомъ Вы взяли на себя трудъ извѣстить меня объ избранія меня въ почетные члены СПБ. вольнаго общества любителей россійской словесности, имѣлъ я честь получить. Я—членъ многихъ ученыхъ обществъ, но скажу Вамъ откровенно, что никакое избраніе не принесло мнѣ столько чести и удовольствія, какъ сіе послѣднее. И это основано на весьма важныхъ причинахъ. Какая бесѣда для человѣка, любящаго свое отечество, можетъ быть пріятнѣе той, гдѣ молодые люди съ талантомъ и просвѣщеніемъ, подъ руковод-

ствомъ заслуженныхъ, увѣнчанныхъ славою писателей, вступаютъ на поприще словесности и, постепенно усовершаясь и возвышаясь, становятся передъ глазами нашими на первыя степени? Избраніе въ члены какого общества можетъ быть лестнѣе того, какъ сдѣлаться членомъ общества, собирающаго дань съ талантовъ и употребляющаго оную на вспоможеніе бѣднымъ писателямъ и художникамъ, или ихъ вдовамъ и сиротамъ безпріютнымъ, и имѣющаго своимъ предсѣдателемъ человѣка, который равно отличился военными, гражданскими и литературными заслугами отечеству вѣрѣ и Государю, твердаго защитника правъ угнетеннаго человѣчества?

Съ отличнымъ уваженіемъ и
преданностью имѣю честь быть Вашимъ,
Милостивый Государь,
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Воейковъ.

1820 г.
Сентября 1 дня.
С.-Петербургъ.

Сообщ. Мих. Соколовскій.





Учебныя воспоминанія [1]).

Студенческій бытъ.



Въ описываемое мною время студенты Казанскаго университета раздѣлялись на двѣ группы: казеннокошныхъ съ пансіонерами и своекоштныхъ. Первые жили и столовались въ университетѣ. Но да не подумаетъ читатель, что обстановка ихъ имѣла какое-либо подобіе обстановки нынѣшнихъ коллегій и общежитій, въ смыслѣ удобствъ и изящества. „Казенные" и пансіонеры помѣщались въ комнатахъ 3-го этажа лѣвой половины главнаго университетскаго зданія, выходящихъ окнами во дворъ. Это было нѣчто вродѣ антресолей, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ большихъ низенькихъ комнатъ съ близкими къ полу квадратными окнами, освѣщавшими плохо и неудобно. Въ комнатѣ помѣщалось человѣкъ 8—10. Постоянный говоръ, движеніе, дымъ отъ куренія, игра въ карты порядочно мѣшали желавшимъ заниматься въ этихъ „занимательныхъ".

Меблировка ихъ тоже не отличалась удобствомъ: она состояла изъ табуретокъ съ кожанными сидѣньями, и изъ столовъ ввидѣ конторокъ. Было, помнится, также по одному на комнату обыкновенному столу; стульевъ не полагалось.

Не часто заглядывавшій въ „занимательныя", не знаю, насколько тамъ соблюдались „правила", гласившія, что „живущіе въ университетѣ казеннокоштные, стипендіаты, пансіонеры и полупансіонеры

---

[1]) См. „Русскую Старину" октябрь 1908 г.

обязаны строго соблюдать въ своихъ занятіяхъ распредѣленіе времени, утвержденное инспекторомъ"; „усердно" ли и „ежедневно ли они отправляли утреннія и вечернія молитвы" въ занимательныхъ и съ „должнымъ ли благоговѣніемъ", всегда ли, читали установленныя молитвы передъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ, какъ требовалось „правилами". Что же касается до предписываемаго оными соблюденія чистоты и опрятности въ столахъ и некладенія въ нихъ „ничего, кромѣ предметовъ, относящихся до учебныхъ занятій", то могу сказать, что опрятность и чистота далеко не процвѣтали. Если бы инспекція заглядывала иногда въ эти столы, то, конечно, въ числѣ предметовъ, относящихся до учебныхъ занятій, находила бы въ нихъ и запрещенные къ употребленію табакъ и „фосфорныя" спички, и булки, и колбасу, и косушки съ крѣпкими напитками... При всей тогдашней строгости инспекція смотрѣла на эти нарушенія правилъ сквозь пальцы, сама вѣроятно сознавая всю нелѣпость требованій, кругомъ обставлявшихъ жизнь студента стѣсненіями,—требованій, точное выполненіе которыхъ вело бы скорѣе къ развитію лицемѣрія и обмановъ, чѣмъ къ насажденію добронравія.

Спартанская обстановка „занимательныхъ" имѣла, должно быть, цѣлію дать, „казеннымъ" въ особенности, понять, что хотя корень ученія горекъ, но плоды его (ввидѣ отслуживанія казнѣ за воспитаніе—куда пошлютъ) сладки, а также—поощрять къ занятіямъ отсутствіемъ удобствъ, располагающихъ къ праздности и дающихъ возможность спать въ теченіе дня, т. е. въ неположенное время. Спальни были этажомъ ниже, въ бель-этажѣ и отпирались, кажется, только около 9 ч. вечера. Но обитатели занимательныхъ, съ ихъ неудобной обстановкой, предвосхитивъ у Дарвина идею приспособляемости, устраивались довольно остроумно въ случаѣ желанія поспать въ незаконное время: и вотъ ставили 3—4 табуретки въ рядъ и—получалось ложе, хотя довольно жесткое и неудобное, но тогдашній козеннокоштникъ не былъ прихотливъ. Вмѣсто подушки подкладывалась какая-нибудь часть одежды, свернутая комкомъ, большею частію—сюртукъ (тужурокъ тогда еще вовсе не знали, а пальто появились только въ концѣ крымской войны),—а то и кучка книгъ, прикрытая чѣмъ-нибудь мягкимъ. На такомъ импровизированномъ ложѣ студентъ отдыхалъ себѣ на славу, пока не вздумаетъ его потревожить своимъ визитомъ кто-либо изъ инспекціи (что случалось впрочемъ не часто), или пока не возвратятся отсутствовавшіе владѣльцы табуретовъ. Кто же хотѣлъ спать съ удобствомъ и законнымъ образомъ, тотъ долженъ былъ выжидать часа открытія дортуаровъ.

Освѣщеніе въ студенческихъ помѣщеніяхъ состояло изъ сальныхъ свѣчей въ мѣдныхъ шандалахъ; керосинъ еще не былъ извѣстенъ, а масляныя лампы были, помнится, только въ коридорахъ. Неособенно удобно было и отдаваніе долговъ природѣ: мѣсто ad hoc, самаго примитивнаго устройства, находилось въ самомъ низу, въ очень невзрачной пристройкѣ и далеко не блистало ни чистотой, ни благорастворенiемъ воздуховъ; о дезинфекціи же, о карболкахъ, лизоляхъ и т. п. тогда еще и понятія, кажется, не имѣлось.

Удобнѣе помѣщались, „казенные“, принадлежавшіе къ составу хора пѣвчихъ университетской церкви; комнаты ихъ находились въ нижнемъ этажѣ,—окнами на площадь передъ клиникой. Но и ихъ обстановка была не первый сортъ; жили они тоже по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ; тутъ же и спали, и занимались. По близости ихъ помѣщенія была, кажется, и общая столовая, гдѣ съ казенными обѣдали и ужинали и тѣ бѣдняки изъ своекоштныхъ, которымъ разрѣшалъ всевластный Ланге пользоваться казеннымъ столомъ взамѣнъ денежныхъ пособій.

Своекоштные не изъ мѣстныхъ, имѣвшихъ въ городѣ родныхъ, жили, конечно, на частныхъ квартирахъ, главнымъ образомъ, у хозяекъ, спеціально промышлявшихъ сдачею комнатъ и, большею частію, со столомъ; чай же надо было имѣть свой. Было и нѣчто вродѣ общежитій въ частныхъ домахъ. Таковы были, напр. вышеупомянутые, такъ называемые Акчуринскіе нумера, въ домѣ Акчурина на Воскресенской, иначе „Лавра“. Тутъ жизнь шла нараспашку, въ полномъ удовольствіи: студенты жили въ перемежку съ дѣвицами легкаго поведенія, при чемъ платки и накидки сихъ послѣднихъ замѣняли, при случаѣ, ихъ сосѣдямъ халаты и домашніе костюмы. Сомнѣваюсь, заглядывала ли туда инспекція. Мнѣ же только разъ случилось посѣтить это своеобразное общежитіе и видѣть его свободные нравы и странные обычаи.

Промыселъ квартирохозяевъ и хозяекъ былъ, повидимому, выгоденъ, по крайней мѣрѣ, на столько, что окупались квартира, отопленіе и собственное содержаніе. Жизнь въ Казани, въ то время,—не только нетребовательная студенческая, но и вообще—была очень дешева. Это можно видѣть напр. изъ справочныхъ и таксовыхъ цѣнъ, публиковавшихся въ губернскихъ вѣдомостяхъ—и отъ которыхъ рыночныя почти не отличались. Такъ напр. мясо 1-го сорта стоило—фунтъ 3 к., телятина задняя нога $3^1/_2$—4 к. ф., ветчина 7 к. ф., курица 14—18 к. штука, гусь 25—30 к., индейка 45—50 к., сотня яицъ 50 и 60 к., пудъ ржаной муки 20 к., крупичатой высшаго сорта 1 р. 10 к., сажень березовыхъ дровъ,

почти аршинныхъ 2 р. 30 к., осиновыхъ и еловыхъ 1 р. 60 к. При такихъ цѣнахъ естественно, что хозяйки могли кормить жильцовъ очень прилично... Дешевизна сѣна и овса давала возможность держать лошадей даже людямъ съ очень малымъ достаткомъ. Такъ наприм. мой первый хозяинъ, танцмейстеръ Биллевичъ, имѣвшій не только жену, но и кучу ребятъ, находилъ болѣе выгоднымъ держать собственный немудрый экипажъ и лошадку, чѣмъ ѣздить по урокамъ на извозчикахъ; а извозчики-то тогда брали по 10 к. почти за всякій конецъ въ чертѣ города.

Неудивительно поэтому, что при такой всеобщей дешевизнѣ хозяева брали за комнату (конечно не важную) со столомъ, самоваромъ и услугой по 8—9 р. въ мѣсяцъ; за стирку брали отдѣльно и тоже очень дешево. Приходящимъ столоваться, а также и на домъ кушанье отпускалось по (3 блюда) 4 р. въ мѣсяцъ. Если же хозяйка держала кормить очень однобразно или недостаточно вкусно, то случались курьезы въ такомъ родѣ, что недовольный нахлѣбникъ съѣдалъ все принесенное ему блюдо, чтобы поставить хозяйку въ затрудненіе, что подать прочимъ ѣдокамъ; такъ дѣлывалъ одинъ изъ моихъ сосѣдей—чиновникъ, когда я жилъ у одной изъ хозяекъ.

При дешевой стоимости нельзя было быть уже очень требовательнымъ относительно предлагаемой пищи и ея достаточности. Удовлетворяя естественному желанію поѣсть повкуснѣе или поплотнѣе, студентъ шелъ въ трактиръ и угощался тамъ, смотря по состоянію своихъ финансовъ, то пирогомъ съ мясомъ или вареньемъ (ц. 10 коп.), то телячьими котлетами съ горошкомъ (2 штуки 23 к. с.), то бифштексомъ (23—30 к. порція—2 куска), и т. д., то очень вкусными пельменями (сотня 30 к.). Особенной любовью у насъ пользовался трактиръ „Китай“ на углу Воскресенской и переулка, ведущаго къ Черному озеру, нынѣ уничтоженному. Не мало времени удѣлялось здѣсь и билліарду. „Китай“, имѣя очень приличную обстановку, и посѣщался порядочной публикой; но и въ „заведеніяхъ“ низшаго разбора кормили не худо; помню напр. „Парижъ“, на Малой Проломной, близъ университета, довольно грязный, но кормившій сносно. Тутъ маркеръ билліардной услаждалъ иногда посѣтителей игрой на гусляхъ; а любители азартныхъ игръ имѣли возможность поопростать свои карманы въ пользу того же маркера или какого-нибудь татарина, или другого любителя чужой собственности, всегда игравшихъ необыкновенно „счастливо“, особенно къ изумленію новичковъ изъ посѣтителей. На Рыбной улицѣ былъ, помнится, трактиръ „Византія“, гдѣ для азартной игры были особыя уютныя комнатки, въ сторонѣ отъ общихъ; одинъ мой знакомый студентъ медикъ нерѣдко сбывалъ тамъ присылаемыя родителями

деньги. Были и помимо трактировъ искусники игры въ „штосъ", ловко опустошавшіе студенческіе карманы на собственныхъ или студенческихъ квартирахъ; въ одномъ домѣ со мной жилъ, напр., землемѣръ, однажды обыгравшій упомянутаго студента до нитки и потомъ уже, видя его отчаяніе—давшій ему немножко отыграться. А господинъ былъ очень приличный на видъ.

Студенты болѣе высокаго полета посѣщали, разумѣется, заведенія высшаго разряда. Къ нимъ-то и относится куплетъ студенческой пѣсни:

Инспектору Ланге
Дѣлаетъ то честь,
Что онъ ходитъ въ Станге (винный погребъ съ ѣдою),
Смотритъ, кто тамъ есть.

Съ появленіемъ первой кондитерской въ 1854 или 55 году—Штейнгейзера на Воскресенской, противъ вице-губернаторскаго дома,—соединявшей въ себѣ торговлю кондитерскими издѣліями и ресторанъ, съ очень хорошими билліардами, многіе изъ студентовъ сдѣлались ея усердными завсегдатаями. До ея появленія конфекты, вѣроятно московскаго издѣлія, можно было получать только въ бакалейныхъ магазинахъ Санина и др. Для баловъ ихъ, кажется, прямо выписывали изъ Москвы. Казань въ этомъ отношеніи была тогда позади даже Нижняго, въ которомъ были уже двѣ кондитерскія...

Влекло въ трактиры и желаніе почитать газетъ; время было интересное, военное. У Штейнгейзера можно было удовлетворять этой потребности въ обстановкѣ болѣе приличной, чѣмъ трактирная, да кстати и закусить, и выпить чего-нибудь, и ублаготворить себя глинтвейномъ, чаемъ, кофе, шоколадомъ, мороженымъ и пр. Ланге однако смотрѣлъ на посѣщеніе нами этой кондитерской неодобрительно; да и посѣщали-то ее студенты только, когда были при деньгахъ, и болѣе зажиточные вообще, такъ какъ въ ней все было дороже, хотя, при общей тогдашней дешевизнѣ, только сравнительно...

Въ молодые годы нерѣдко приходилось намъ слышать ропотъ нашихъ стариковъ на дороговизну и похвалы дешевизнѣ ихъ временъ. Какова же, значитъ, была эта дешевизна, если еще въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія существовали цѣны вродѣ вышеприведенныхъ казанскихъ!

При общей дешевизнѣ припасовъ дешевы были и квартиры, дешева прислуга—1½—2 р. въ мѣсяцъ. Не припомню, сколько платилъ за очень порядочную квартиру и сколько прислугѣ мой первый хозяинъ г. Биллевичъ; но что расходъ этотъ былъ не ве-

ликъ, видно изъ того, что при скудномъ жалованьѣ по должности танцовальнаго учителя въ Родіоновскомъ институтѣ, онъ, имѣя жену и 6 человѣкъ дѣтей, держалъ горничную (она же и нянька) кухарку, лошадь, корову, да парня, исполнявшаго обязанности кучера и коровника. А между тѣмъ 15 рублей въ мѣсяцъ, платимые мною за комнату съ полнымъ содержаніемъ, прислугой и стиркой, составляли важную статью доходовъ этого семейства. Прибавлю, что довольно часто у нихъ бывали гости; нѣкоторые являлись къ обѣду и оставались до вечера; другіе приходили по вечерамъ. А если приходилъ ко мнѣ товарищъ—радушные хозяева обыкновенно приглашали его къ столу или чаю, смотря по времени дня...

Невелики деньги—15 р. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ: но нѣкоторые изъ товарищей и знакомыхъ находили, что я плачу очень дорого, такъ какъ могъ бы имѣть все это рублей за 10 въ мѣсяцъ. Правда, что у меня была очень порядочная комната. Вообще же помѣщенія у „хозяекъ“ были большею частію плохи, какъ мнѣ потомъ лично пришлось убѣдиться, поселившись у одной изъ таковыхъ. Но много ли требуется неприхотливому студенту? А такихъ въ мое время было большинство; было бы лишь подешевле, и слава Богу. И жилъ студентъ за 8 рублей со столомъ и прислугой, и не тужилъ; а придутъ деньги,—съ ними—желаніе кутнуть, онъ забывалъ о правилѣ, воспрещавшемъ посѣщеніе мѣстъ вредныхъ и предосудительныхъ для нравственности и шелъ въ трактиръ; разыграются страсти—шелъ за Булакъ, гдѣ тоже брали недорого [1]).

Въ числѣ студенческихъ развлеченій болѣе скромнаго свойства и болѣе дешевыхъ стоитъ упомянуть о масляничныхъ блинахъ и

---

[1]) Къ этимъ забулачнымъ и т. п. мѣстамъ и относится грустно-поэтическая пѣсня старыхъ казанскихъ студентовъ: «Стою одинъ передъ избушкой», въ которой студентъ между прочимъ говоритъ:

«Какъ страшно было пробужденье
Отъ этихъ гибельныхъ проказъ,
Когда прямое назначенье
Студента вспомнишь въ этотъ разъ!»

И, какъ бы махнувъ на все рукою—заканчиваетъ:

«Пройдетъ тоска, проснутся страсти,
Сроднятся, сблизятся съ душой;
Но передъ ихъ могучей властью—
Не думай выступать на бой!»

Напомню интересующимся, что пѣсни казанскихъ студентовъ собраны къ столѣтію университета и изданы въ 1904 г., стараніемъ бывшихъ казанцевъ, доктора А. П. Аристова и сенатора Н. П. Смирнова.

катаньи. Блинами особенно славился трактиръ—не помню названія—помѣщавшійся въ противоположномъ университету концѣ Малой Проломной, въ старинномъ зданіи со сводами, вблизи собора Петра и Павла. Блины тутъ были не только дешевы, но и очень вкусны. Они, какъ и вообще трактирныя экскурсіи, не обходились, разумѣется, безъ возліяній, иногда сопровождавшихся и безобразіями, вопреки „правиламъ", внушавшимъ воздерживаться отъ горячихъ напитковъ и удаляться отъ шумныхъ, непристойныхъ и вредныхъ сообществъ".

Катанье на масляницѣ, вѣроятно, древній русскій обычай, какъ качели на Пасхѣ; въ провинціи онъ соблюдается, полагаю, и теперь съ полнымъ усердіемъ. Помню скучное, шагъ за шагомъ, масляничное катанье въ Нижнемъ, по главной улицѣ; и шло это цѣлую недѣлю безъ устали. Въ Казани на масляницу съѣзжались изъ окрестностей татары съ широкими пошевнями, запряженными по большей части парою лошадей,—и катали мѣстный людъ по крайне дешевой цѣнѣ, какъ „вейки" въ Петербургѣ. На масляной почти не было человѣка въ Казани, изъ средняго рода людей, который даже на близкое разстояніе не ѣхалъ бы на „татаринѣ". А истые любители кататься носились по городу во всю прыть, при чемъ иные студенты, нанявъ „князя" по часамъ, 15 - 20 к. въ часъ, усердно погоняли не только лошадей, но и самого возницу, тузя его въ спину. Добродушный татаринъ этимъ, одноко, не обижался, а на замѣчаніе о страдающей спинѣ лукаво говорилъ: „ничево, у насъ тамъ лубка есть", т. е. что подъ кафтаномъ на спинѣ у него подложенъ лубокъ, можетъ быть, какъ средство не только противъ рѣзкостей публики, но и какъ защита отъ воздѣйствія блюстителей порядка, у которыхъ въ тѣ времена тѣлесная расправа была въ порядкѣ вещей... Существуетъ ли и теперь въ Казани хорошій обычай давать масляничный заработокъ подгороднымъ аборигенамъ, а публикѣ дешевое удовольствіе? Или постигла и ихъ та же участь, что и нашихъ финновъ, районъ масляничной ѣзды которыхъ петербургскіе градоначальники, неизвѣстно зачѣмъ, ограничиваютъ все больше и больше къ ихъ ущербу и къ великому огорченію средняго и мелкаго обывателя невской столицы.

Чтобы быть правдивымъ историкомъ, не умолчу и о черезъ-чуръ иногда проявлявшейся склонности казанскихъ студентовъ къ выпивкѣ. Особенно отличался по этой части медицинскій факультетъ; но мало отставали и другіе, особенно на первыхъ курсахъ. Пили, конечно, не въ убѣжденіи, что русскому талантливому человѣку такъ свыше суждено, и не въ чаяніи этимъ обрѣсти въ себѣ и укрѣпить талантъ, а просто больше по слабости характера и подъ

вліяніемъ „опытныхъ“ товарищей. Вырвавшись изъ подъ домашняго крова и гимназической ферулы, очутившись въ другомъ городѣ, вдали отъ старшихъ, юноша чувствуетъ себя человѣкомъ свободнымъ, самостоятельнымъ, почти гражданиномъ, а потому и легко увлекается не въ мѣру этимъ сознаніемъ: „иду куда хочу, дѣлаю что хочу“. И только существовавшій еще въ наше время страхъ передъ инспекціей (нынѣ, увы, упраздненной!) нѣсколько омрачалъ это сознаніе („а вдругъ въ карцеръ засадятъ“)! А тутъ какъ разъ примѣръ старшихъ товарищей и ихъ подзадориванье новичка: „да что ты за студентъ, коли и водки не умѣешь пить“!.. И вотъ, мало по малу, нѣкоторые становились заправскими пьяницами; иные же, во-время одумавшись, съ успѣхомъ оканчивали курсъ. Двоихъ изъ моихъ товарищей-нижегородцевъ,—оба были математики,—пьяный омутъ совсѣмъ засосалъ; курса они такъ и не кончили и, какъ казеннокоштные—были посланы отслуживать учителями въ уѣздныя училища. А оба были люди съ талантомъ, одинъ не дурно даже писалъ стихи и разсказы; но талантъ ихъ такъ и угасъ, не доразвившись, благодаря печальной страсти къ вину.

Нечего впрочемъ грѣха таить: небезгрѣшны были и нѣкоторые изъ профессоровъ и при томъ, какъ бы въ оправданіе замѣчанія о русскихъ талантливыхъ людяхъ—именно наиболѣе даровитые [1]).

Въ общемъ ходѣ студенческой жизни кутежи преобладали на

[1]) Выше я привелъ четверостишіе о проф. Ивановѣ; а вотъ что пѣлось объ А. Ѳ. Поповѣ, профессорѣ высшей математики:

А Поповъ короткій,
Онъ же интегралъ,
Слишкомъ занятъ водкой,
Оттого и малъ.

Этотъ Поповъ былъ очень малъ ростомъ, въ противоположность своему однофамильцу А. В. Попову, профессору монгольскаго языка, о которомъ значилось только, что «Поповъ монголъ, подпираетъ разомъ, потолокъ и полъ“.

Молва, а можетъ быть и сплетня называла, въ числѣ усердныхъ поклонниковъ Вахуса и питейнаго откупа, и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Казанская жизнь, вѣроятно, и сдѣлала таковыми проф. ботаники Корнухъ-Троцкаго, финансоваго права—Е. Г. Осокина, историка Н. А. Иванова и нѣкоторыхъ другихъ. Она же, должно быть, положила начало и склонности къ питейному дѣлу такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ И. К. Бабстъ, М. Я. Киттары. Не мало вѣдь талантовъ загубила наша безцвѣтная и безпросвѣтная провинціальная жизнь стараго времени!

первыхъ двухъ курсахъ, когда было еще далеко до окончанія и слѣдовательно можно было не очень усидчиво заниматься наукой, имѣя еще довольно времени впереди; да и въ ходъ-то учебной университетской жизни молодой человѣкъ еще не втянулся... Конечно, и тутъ были исключенія; да и степень увлеченія вольной жизнью была разная.

Наибольшимъ шикомъ считалось, разумѣется, по врожденному что ли свойству русскаго человѣка, пить свободно крѣпкіе напитки—водку, ромъ и т. п., вѣроятно въ оправданіе словъ одного изъ героевъ повѣстей Марлинскаго, что „вода создана для рыбъ и раковъ, вино—для женщинъ и дѣтей, а ромъ и водка для однихъ героевъ". Этими героями и силились сдѣлаться тотчасъ же новички. Но не всякій изъ нихъ легко переносилъ, на первыхъ порахъ, эти напитки и, какъ ни крѣпится иной бывало, какъ ни стыдятъ его болѣе опытные товарищи, не обходилось безъ извѣстныхъ непріятныхъ послѣдствій, когда желудокъ возставалъ противъ налитыхъ въ него жидкостей. Впрочемъ, у кого натура слишкомъ реагитовала противъ водокъ и т. п., тотъ предпочиталъ пить наливки—простыя и шипучія (эти послѣднія чуть-ли не спеціально казанское издѣліе, благодаря существованію тогда въ Казани завода шипучихъ водъ лаборанта Грахе), пиво и еще одинъ напитокъ, довольно впрочемъ крѣпкій, называвшійся „старовѣръ съ нѣмцемъ" или „сливонское". Это была смѣсь, приготовлявшаяся въ винныхъ погребахъ, повидимому, изъ остатковъ разныхъ винъ, съ примѣсью водки. Сія послѣдняя, однако, подъ разными заманчивыми названіями, придуманными откупомъ, занимала все-таки первое мѣсто между студенческими напитками. Для кармановъ зауядныхъ студентовъ ромъ, коньякъ и т. п. были менѣе доступны; но употреблялись при случаѣ, весьма охотно и такъ, и съ чаемъ, при чемъ чай съ ромомъ или коньякомъ постепенно превращался въ ромъ или коньякъ съ чаемъ, а то и безъ чаю, какъ повѣствуется въ анекдотѣ о какомъ-то морякѣ, отвѣчавшемъ на предложеніе хозяйки подлить рому въ чай—„позвольте мнѣ ужъ лучше такъ—безъ чаю". У нѣкоторыхъ считалось шикомъ не только быть въ состояніи выпить по нѣсколько рюмокъ, но и умѣть ловко опрокидывать содержимое рюмки въ глотку, ухвативъ рюмку зубами.

Описываю все это не въ осужденіе моихъ современниковъ—соучениковъ: таковъ былъ духъ времени, что служеніе Бахусу имѣло массу адептовъ не только въ простонародіи, но и въ среднемъ и высшемъ классѣ. Такъ и въ Казани обыватели всякихъ званій чуть не долгомъ считали нести свою лепту въ казну откупа. Надо замѣтить, что

и откупъ, съ своей стороны, поощрялъ потребленіе даровою раздачею своихъ напитковъ чуть не всѣмъ членамъ губернской администраціи, снабжая ихъ оными въ извѣстной пропорціи, смотря по чинамъ и званіямъ.

Водка и закуска всегда были и остаются необходимой частью питанія русскаго человѣка и примѣняются во всѣхъ случаяхъ жизни. Въ Казани мнѣ случалось бывать въ обществѣ мелкаго и средняго чиновничества и офицерства, гдѣ обыкновенно играли въ преферансъ; такъ какъ тутъ играютъ собственно трое, а четвертый игрокъ, сдающій, по очереди свободенъ, то, сдавши карты, каждый отправлялся къ столу съ водкой и закуской, въ результатѣ чего вся компанія къ концу игры оказывалась въ очень веселомъ настроеніи; тѣмъ болѣе, что и гости, вовсе не принимающіе участія въ игрѣ, тоже не забывали подходить къ соблазнительному столу.

Да не подумаетъ однако же читатель, что студенты наши тѣхъ временъ только и дѣлали, что пили, да кутили, въ оправданіе отзыва о нихъ, будто бы сказаннаго Николаемъ I, что онъ предпочитаетъ казанскихъ студентовъ столичнымъ, ибо первые-де только пьютъ и кутятъ, тогда какъ вторые, сверхъ того, занимаются и политикой... Нѣтъ:—студенты-казанцы не забывали и науки, доказательствомъ чему служитъ немалое количество дѣльныхъ и талантливыхъ людей изъ ихъ числа, и, вообще, значительное число студентовъ, кончавшихъ курсъ со степенью кандидата.

По обычаю того времени инспекція, придираясь къ мелочамъ, къ незастегнутому сюртуку, къ длиннымъ волосамъ, упущенію вовремя отдать честь, совсѣмъ упускала изъ вида дѣйствительно темныя стороны студенческаго поведенія. Слабохарактерный юноша, попавъ въ среду неблагонадежныхъ товарищей, легко сбивался съ пути, за отсутствіемъ должнаго наблюденія со стороны лицъ, къ тому приставленныхъ. И если бы большинство было слабохарактернѣе или не образумливалось бы съ половины курса, серьезнѣе принимаясь за дѣло, то, конечно, не много выходило бы изъ университета людей порядочныхъ. Къ счастію, съ приближеніемъ конца ученія, даже и отчаянные кутилы нерѣдко обращались на путь истинный и сильно работали передъ экзаменами, стараясь наверстывать потерянное время [1]).

---

[1]) Не знаю, поется ли нынѣшними казанскими студентами пѣсня «стою одинъ передъ избушкой», въ которой такъ хорошо выражено раскаяніе студента-кутилы въ своемъ неблагоповеденіи; но у старыхъ студентовъ

Съ приближеніемъ экзаменовъ наступало затишье; однако въ промежуткахъ между ними нѣкоторые считали-таки нужнымъ „подкрѣплять" свои силы для дальнѣйшихъ трудовъ и безсонныхъ ночей—„горячими напитками", отъ которыхъ предостерегали „правила". Болѣе усердные, уже за годъ до окончанія курса, а то и раньше принимались за обработку медальныхъ и кандидатскихъ диссертацій. Да и вообще кончающимъ приходилось работать гораздо больше, потому уже, что предстояло освѣжить въ памяти всѣ главные предметы, хотя бы они и не одинъ годъ читались, напр. всю химію, все сельское хозяйство (а читались они по три года), все финансовое право (читавшееся два года) и т. д.. Помимо этой работы пишущимъ диссертаціи приходилось чаще обыкновеннаго заглядывать въ библіотеку и къ профессорамъ, по предметамъ которыхъ писались диссертаціи. Въ Казанскомъ университетѣ не было въ обычаѣ читать объяснительныя лекціи на темы, задаваемыя на медали. Поэтому приходилось частенько надоѣдать профессорамъ для полученія объясненій и указаній. Кстати сказать, пользованіе библіотекой университета было довольно затруднительно: такъ называемая главная библіотека была въ завѣдываніи очень суроваго помощника библіотекаря г. Вагнера. Непривѣтливость его къ студентамъ, происходившая, можетъ быть, не столько отъ лѣности или нелюбви къ студентамъ, сколько отъ крайней близорукости, вслѣдствіе которой ему трудно было розыскивать требуемыя книги, заставляла нѣкоторыхъ заискивать въ немъ, доходя даже до приглашеній на чай съ угощеніемъ. Главнаго библіотекаря профессора Готвальда рѣдко удавалось видѣть въ библіотекѣ; да и неловко было обращаться прямо къ нему, тѣмъ болѣе, что онъ, конечно, отсылалъ бы къ тому же свирѣпому помощнику. Полученіе книгъ студентами стѣснено было еще и требованіемъ на бланкахъ съ названіями требуемыхъ книгъ ручательства профессора. Нѣкоторые профессора неохотно давали эти ручательства, другіе напротивъ подписывали охотно; къ нимъ, разумѣется, мы обращались. Кто посмѣлѣе—ставилъ и самъ подпись профессора.

Итакъ все-таки мы работали и не мало; а будь мы разумнѣе въ тѣ юные годы, мы лучше сумѣли бы распредѣлить и употребить

она и нынѣ остается любимою пѣснью и непремѣнно входитъ въ репертуаръ на петербургскихъ обѣдахъ бывшихъ воспитанниковъ Казанскаго университета, ежегодно собирающихся на товарищескую бесѣду въ день годовщины своего университета, 5 ноября.

свое время. Но кто же изъ людей, оглядываясь на прожитые годы, не сознается, что много и много времени тратилъ по-пустому, что потерянное время можно было использовать лучше и экономнѣе? И кто же рѣшится осудить себя за стремленіе къ удовольствіямъ въ юные годы и вообще молодежь за часы, урванные на это отъ дѣла? Развлеченія—это отдыхъ отъ трудовъ, освѣженіе силъ для ихъ продолженія. Худо, если развлеченія эти безобразны, ненравственны. Но что подѣлать съ человѣческими страстями?

Но не чужды были намъ, студентамъ, и эстетическія потребности; нѣкоторые охотно занимались музыкой (для чего имѣлся преподаватель Мукъ), рисованіемъ (преп. Раковичъ), учились танцовать (танцмейстеръ Севастьяновъ) и съ успѣхомъ подвизались на балахъ и маскарадахъ; любили посѣщать театръ и концерты. Были даже партіи театраловъ — поклонниковъ выдающихся артистокъ и артистовъ тогдашней казанской труппы—Стрѣлковой, Прокофьевой, Шмидгофъ, Милославскаго, Виноградова и др.; случались и горячіе споры о ихъ достоинствахъ. Какъ теперь наиболѣе ярыми, хотя и неособенно компетентными цѣнителями талантовъ состоятъ посѣтители „верховъ", такъ и было и тогда: большинство студентовъ, главнымъ образомъ по ограниченности средствъ, предпочитало ходить въ раекъ, что имѣло три существенныхъ удобства: 1) было дешево; 2) избавляло отъ обязательнаго для „низовъ" появленія при шпагѣ и трехуголкѣ и 3) избавляло отъ лицезрѣнія Ланге, обязательно присутствовавшаго почти на каждомъ представленіи и концертѣ и нестѣснявшагося, какъ выше сказано, дѣлать студентамъ замѣчанія и выговоры при всей публикѣ, если усматривалъ своимъ проницательнымъ окомъ какой-либо непорядокъ въ студентѣ или его костюмѣ. Имѣвшіе статское платье ходили на верхи въ немъ, а у кого таковаго не было—прятались за прочую публику райка, если вдругъ бинокль инспектора направлялся на верхъ.

Иногда въ городскомъ театрѣ давались и благородные спектакли, конечно, съ благотворительной цѣлью. Помню спектакль впользу раненыхъ севастопольцевъ, въ которомъ участвовали дамы и кавалеры изъ высшаго общества, а изъ нашихъ университетскихъ—профессоръ хирургіи Бекетовъ—лицо, близкое аристократической семьѣ Мерцаловыхъ и синдикъ университета (была такая должность—вродѣ университетскаго стряпчаго) Олферьевъ.

Изъ концертовъ остались у меня въ памяти концертъ извѣстнаго скрипача Аполлинарія Контскаго съ піанистомъ Буддеусомъ, произведшій фуроръ между студентами... Затѣмъ — благотворительный концертъ въ Дворянскомъ Собраніи, съ дѣятельнымъ участіемъ

профессора С. В. Пахмана, дирижировавшаго тутъ піесою, исполнявшеюся на 16 (если не ошибаюсь) рояляхъ 32-мя барышнями и дамами,—а потомъ выступившаго въ качествѣ скрипача-солиста, превосходно владѣющаго своимъ инструментомъ [1]).

Еще раньше Аполлинарія посѣтилъ въ мое время Казань — Антонъ Контскій—знаменитый піанистъ, тоже немало взбудоражившій своею игрою вялое провинціальное общество. Это случилось какъ разъ во время празднованія (неоффиціальнаго впрочемъ) университетомъ своего 50-тилѣтія. Контскій былъ и танцовалъ на балу, данномъ (осенью 1854 года) по этому случаю университетомъ казанскому обществу. Мнѣ случилось даже перекинуться на этомъ балу нѣсколькими словами съ знаменитымъ виртуозомъ. Вторично я видѣлъ его, когда онъ концертировалъ въ Петербургѣ, уже глубокимъ старикомъ, незадолго до своей кончины.

Помимо вышеупомянутаго ученаго сборника, изданнаго профессорами, балъ этотъ, состоявшійся по подпискѣ студентовъ, вѣроятно съ помощью отъ профессоровъ, былъ единственнымъ ознаменованіемъ исполнившагося 50-тилѣтія его существованія. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ бала былъ профессоръ Киттары; не мало потрудились и студенты распорядители. Хорошее общество тогда еще не чужалось студентовъ, а потому многіе изъ казанской аристократіи удостоили ихъ балъ своимъ посѣщеніемъ.

Къ концу бала, когда „чистая публика“ уже поразъѣхалась, нѣкоторые изъ подвыпившихъ студентовъ произвели какія-то безчинства, не имѣвшія, кажется, впрочемъ для нихъ дурныхъ послѣдствій.

Балъ этотъ былъ, кажется, единственнымъ случаемъ, въ мое время, посѣщенія университета „сливками“ казанскаго общества. Бывалъ же кое-кто изъ этого общества вообще только въ торжественныхъ случаяхъ, напр., на университетскихъ актахъ. Вообще же общество относилось къ университету, повидимому, довольно безразлично, возмущаясь только иногда выходками студентовъ.

За малыми исключеніями, профессора жили всторонѣ отъ большого свѣта; студенты, большею частью, тоже; тѣ и другіе,

---

[1]) По провинціальному обычаю сочинять стихи на разные случаи мѣстной жизни, о концертѣ этомъ были написаны стихи съ юмористическимъ отзывомъ о піанисткахъ съ ихъ 320-ю пальцами и восторженнымъ — объ игрѣ Пахмана.

какъ люди, въ большинствѣ небогатые и прямо бѣдные, довольствовались больше собственной товарищеской средой. И только тѣ изъ студентовъ, что были побогаче и со связями, вродѣ нынѣшнихъ нашихъ „бѣлоподкладочниковъ“, вращались въ болѣе высокихъ сферахъ мѣстнаго общества, были обычными гостями на его балахъ. Масса же студентовъ, состоявшая изъ разночинцевъ, семинаристовъ и вообще изъ молодежи не „бѣлой кости“, едва-ли даже пользовалась какимъ-либо вниманіемъ и сочувствіемъ мѣстнаго общества, знавшаго о ея склонности къ кутежамъ и неодобрительнымъ выходкамъ. Между нѣкоторыми изъ этого общества и студентами не его круга случались даже прямыя столкновенія, доходившія до рукопашной. Такъ, напр. еще до моего поступленія въ университетъ, пріѣхавшій на вакацію сынъ начальницы Родіоновскаго института студентъ Петербургскаго университета Загоскинъ за презрительное отношеніе къ казанскимъ студентамъ былъ остановленъ на улицѣ, кажется, студентомъ-медикомъ Бѣлиновичемъ, здорово обруганъ и, кажется, даже поколоченъ. А въ мое время случилось столкновеніе студентовъ съ дурно отзывавшимися о нихъ пріѣзжими офицерами гвардіи кн. Оболенскимъ и Лобачевскимъ, (сыномъ знаменитаго профессора).

Балы, вечера, концерты, маскарады случались не такъ часто, чтобы можно было отнести ихъ къ числу постоянныхъ студенческихъ увеселеній. Да и театральные спектакли давались, помнится, не ежедневно. Маскарады въ театрѣ и въ Дворянскомъ собраніи посѣщались студентами охотно, разумѣется, не безъ задней мысли—поинтриговать небезрезультатно. Иные, для бóльшаго удобства и для укрытія отъ взоровъ инспекціи, закутывались въ домино. Мой хозяинъ Биллевичъ одну зиму тоже давалъ маскарады въ обширномъ помѣщеніи на Бол. Проломной.

Это все были, конечно, развлеченія зимнія. Въ весеннее и осеннее время непрочь мы были прогуляться; многіе гуляли просто по Воскресенской улицѣ, благо ѣзды на ней было мало, а какъ вымощенная тогда торцами, она представляла очень гладкую поверхность. Любимою весеннею прогулкою было хожденіе въ Русскую Швейцарію, нѣчто вродѣ парка на Арскомъ полѣ; здѣсь весною по вечерамъ играла военная музыка; но это считалось дальней прогулкой; ближайшимъ мѣстомъ съ тѣнью и зеленью было Черное Озеро—длинный, окруженный аллеями прудъ, во впадинѣ между Воскресенской и Грузинской улицами, нынѣ засыпанный. Тутъ въ весенніе вечера (и лѣтніе, но студентовъ, конечно, лѣтомъ было мало) набиралась масса публики и студентовъ, наслаждавшихся, помимо прогулки и гляденья на хорошенькихъ,—прекраснымъ

дешевымъ мороженымъ у трехъ братьевъ мороженщиковъ, отпускавшихъ даже и въ кредитъ.

Въ 1891 году, въ пріѣздъ мой въ Казань, впервые послѣ окончанія курса, я засталъ въ самомъ разгарѣ работы по уничтоженію „озера"; его заваливали всякой дрянью. Теперь площадь для гулянья стала, конечно, больше; но не увеличилась ли и пожарная опасность? Казань вѣдь городъ, знаменитый своею склонностью къ пожарамъ; лишній запасъ воды для нея былъ бы вовсе не лишнимъ. А вода въ Черное Озеро доставлялась, вѣроятно, какими-нибудь подземными ключами, съ прекращеніемъ выхода которымъ очень возможно, что нижніе этажи и подвалы ближнихъ домовъ станутъ страдать отъ сырости. Возобладали, надо полагать, санитарные виды: правда „озеро" содержалось очень нечисто, значитъ, заражало воздухъ; уничтожить его представлялось, Городскому управленію, разумѣется, простѣйшей мѣрой [1]).

Для весеннихъ прогулокъ невзыскательныхъ людей было и еще одно мѣсто: вскорѣ послѣ Пасхи на набережной Булака, невдалекѣ отъ Гостиннаго Двора, устраивалось (какъ и нынѣ остается вѣроятно) нѣчто вродѣ ярмарки; появлялись лавочки съ разными незатѣйливыми товарами, игрушками, лакомствами и даже балаганы съ представленіями „гимнастической ломки и балансировки", фокусовъ и т. п. Тутъ можно было потолкаться не безъ удовольствія.

Доставляли развлеченіе гуляющимъ и хороводы, устраивавшіеся весною на всѣхъ, сколько-нибудь удобныхъ для того площад-

---

[1]) Кстати замѣчу—наши города въ послѣдніе годы очень усердно уничтожали свои водохранилища, съ древнихъ временъ существовавшія и большею частью дававшія выходъ подземнымъ водамъ. Чтобы не портили они воздухъ своимъ гніеніемъ, происходящимъ отъ отсутствія надзора и ухода, городскіе заправилы обратились къ радикальной мѣрѣ—уничтоженію. Такъ исчезли, кажется, нѣкоторые историческіе пруды въ Москвѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, моей родинѣ, было нѣсколько прудовъ (частію при церквахъ), мало-по-малу засоренныхъ обывателями, имѣющими на Руси обыкновеніе валить въ воду всякій хламъ, не исключая навоза, дохлыхъ кошекъ и собакъ. Въ бытность мою тамъ въ 1891 году прудовъ этихъ почти и слѣдовъ уже не оставалось. А при мнѣ засыпали едва-ли не послѣдній уже прекрасный, обильный водою «Звѣздинъ прудъ», яко бы съ санитарной цѣлью, лишая выхода подземные ключи, которыми такъ обильна нижегородская почва и которые, благодаря ихъ закрытію, неразъ уже производили оползни. А о пожарныхъ случаяхъ, когда такъ важно имѣть воду какъ можно ближе, и говорить нечего. Въ центрѣ города для прогулокъ и катанья на конькахъ остался одинъ «Черный Прудъ»,—подобіе казанскаго «Чернаго Озера», съ аллейками вокругъ.

кахъ. Тутъ собирались по вечерамъ мѣстное простонародіе и прислуга и до поздней ночи водили хороводы, распѣвая, какъ „мужъ жену училъ"—плеткой, купленной „во Китай-городѣ",—чтобы къ нему „ходила личикомъ", а къ другимъ „плечикомъ", вмѣсто усвоеннаго ею обратнаго пріема; далѣе какъ „на улицѣ (было) диво, варилъ чернецъ пиво, чернецкое пиво забористо было" и т. д. — или какъ „намъ жениться—раззориться—стару бабу взять на печи ее держать, киселемъ ее кормить" и т. д. При этомъ содержаніе нѣкоторыхъ пѣсенъ изображалось въ лицахъ кавалерами и дамами, становившимися въ средину круга [1]). Все это доставляло намъ нѣкоторое развлеченіе въ періодъ экзаменной страды.

Какъ только кончались экзамены, всѣ иногородные студенты спѣшили въ свои города и веси, оставляя на произволъ судьбы своихъ хозяевъ и не думая о томъ, какъ-то промаячатъ они лѣто въ ихъ отсутствіи. Комнату свою едва-ли кто оставлялъ за собой, благо по возвращеніи всегда можно было найти другую свободную, если прежняя была нежелательна или оказывалась уже занятою. А что возвращеніе студентовъ къ прежнимъ хозяевамъ было послѣднимъ по душѣ, видно было изъ радушія, съ какимъ они принимали прежнихъ жильцовъ и старались изъ всѣхъ силъ имъ угодить.

---

[1]) Въ числѣ особенностей тогдашней Казани вспоминается мнѣ нигдѣ больше мною невиданный свадебный обычай простонародья: должно быть на другой день послѣ свадьбы поѣзжане ѣздили по городу на телѣгѣ съ пѣснями, при чемъ кто-нибудь изъ пожилыхъ, вѣроятно, сватъ, сидя на переднемъ мѣстѣ, билъ скалкой въ мѣдный тазъ. Однажды видѣлъ я и такую сцену, должно быть тоже свадебнаго характера: дѣвушка, или новобрачная бѣжала впереди, держа березку, украшенную лентами; а сзади нея шли должно быть, поѣзжане съ приличными случаю пѣснями.

Кстати еще:—нѣкоторыхъ удивляла продажа яблоковъ на вѣсъ, теперь входящая въ обычай даже въ столицѣ. Далѣе — оригинальная продажа уксуса въ развозъ, при чемъ продавецъ возглашалъ о своемъ товарѣ въ длиную жестяную трубу;—далѣе продажа въ развозъ воды „кабанной" (изъ озера Кабанэ, находящагося на окраинѣ города) и т. д. Водопровода еще не было.

Можетъ быть, постояннымъ жителямъ и старожиламъ извѣстны и другія особенности мѣстнаго быта, конечно изчезающія или уже изчезнувшія подъ все уравнивающимъ напоромъ цивилизаціи; но мы, жившіе въ Казани только наѣздомъ,- отъ начала лекцій до окончанія экзаменовъ, не могли, конечно, подмѣтить того, что происходило въ нашемъ отсутствіи.

Въ числѣ особыхъ событій, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ студенчеству, слѣдуетъ отмѣтить кончину ректора И. М. Симонова. Это былъ не только ученый астрономъ и профессоръ, но и очень хорошій человѣкъ, мягко относившійся къ студентамъ въ противоположность грубому Ланге—инспектору. Не приходилось слышать, чтобы онъ сдѣлалъ непріятность кому-нибудь изъ студентовъ. Нѣсколько лѣтъ онъ страдалъ полипомъ въ носу и умеръ 10 января 1855 года, на 61 году жизни. Хоронили его 12 января, въ тотъ самый день, когда Московскій университетъ такъ торжественно справлялъ столѣтіе своего существованія.

Другимъ событіемъ, всколыхнувшимъ жизнь и города, и университета—была кончина Императора Николая I, совершенно неожиданная, а потому давшая поводъ къ разнымъ толкамъ. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ свѣдѣнія изъ столицы въ провинцію приходили очень нескоро; такъ что казанцы почти одновременно узнали и о болѣзни Государя, и о его кончинѣ. Какими-то путями слухи о важныхъ происшествіяхъ въ столицѣ доходили въ провинцію раньше оффиціальныхъ извѣстій; въ церквахъ, за отсутствіемъ приказаній отъ Синода, продолжали еще молиться „о здравіи и спасеніи"..., а въ публикѣ ходили уже зловѣщіе слухи, что того, о комъ молятся, нѣтъ уже на свѣтѣ. Слухи эти можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что извѣстіе, привезенное губернатору фельдъегеремъ, стало извѣстнымъ по секрету публикѣ черезъ приближенныхъ губернатора, раньше его оффиціальнаго оглашенія. Уже за нѣсколько дней до опубликованія и до полученія газетъ, вѣсть о кончинѣ Императора передавалась въ народѣ шопотомъ другъ другу; если же разговоры эти достигали слуха полиціи, то таковыхъ зловредныхъ болтуновъ забирали, говорятъ, въ кутузку. Большинство казанской публики отнеслось къ кончинѣ Николая I съ большимъ прискорбіемъ; часть равнодушно; часть же студенчества и вообще молодежь съ надеждами на наступленіе новой эры въ нашей государственной жизни, какъ это вскорѣ и оказалось. Съ воцареніемъ Александра II мы, студенты, въ качествѣ почти уже гражданъ, были приведены къ присягѣ, въ присутствіи помощника попечителя Н. И. Лобачевскаго.

Довольно крупнымъ событіемъ въ общественной и спеціально университетской жизни былъ пріѣздъ въ Казань въ концѣ августа 1856 г. министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Норова. Престарѣлый могиканъ 1812 года, на деревяшкѣ, съ костылемъ въ рукѣ, произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе своимъ дружелюбнымъ къ намъ отношеніемъ.

Въ короткое время своего пребыванія въ Казани онъ осмотрѣлъ университетскія учрежденія, бесѣдовалъ съ профессорами, посѣтилъ нѣкоторыя лекціи, очень ласково относясь къ студентамъ, такъ что при отъѣздѣ его одинъ студентъ-медикъ (помнится, сибирякъ Миловановъ) сказалъ ему очень чувствительную прощальную рѣчь, на которую министръ отвѣтилъ нѣсколькими дружественными словами, выразивъ свое сочувствіе студентамъ — поговоркой: „сердце сердцу вѣсть подаетъ".

Къ числу еще особыхъ событій, всколыхнувшихъ тихое болото казанской жизни и все населеніе города, слѣдуетъ отнести празднованіе коронаціи Александра II, состоявшееся въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября 1856 г. По этому случаю лекціи были пріостановлены на нѣсколько дней. Городъ и разныя учрежденія выразили свою радость устройствомъ роскошной, по-тогдашнему, иллюминаціи, состоявшей не только изъ вонючихъ и коптящихъ плошекъ и шкаликовъ, но и изъ соотвѣтствующихъ случаю транспарантовъ съ вензелями, гербами и пр. О газѣ тогда даже и въ Москвѣ еще помину не было (тамъ только нѣкоторые трактиры освѣщались газомъ переноснымъ); керосиновое и электрическое освѣщенія еще вовсе не были извѣстны... Поэтому неудивительно, что въ провинціи, да и въ столицахъ, чѣмъ торжественнѣе было празднованіе, тѣмъ больше было вони отъ плошекъ и шкаликовъ. Разсказывали тогда, что и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ иллюминаціи, устроенныя за большія деньги какимъ-то ловкимъ французомъ, блистали больше вонью и копотью, чѣмъ свѣтомъ и красотою.

Коронація состоялась по заключеніи Парижскаго мира, коимъ закончилась тяжелая Крымская война. Война эта волновала всѣхъ, не исключая, конечно, и студентовъ; жадно читались приходившія извѣстія; но приходили они очень поздно и были очень скудны. Телеграфной сѣти еще не было, и не помню, былъ ли телеграфъ даже изъ Москвы въ Севастополь; за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ (кромѣ Николаевской) газеты, со своими запоздалыми и процѣженными цензурою извѣстіями, являлись къ намъ долгое время спустя послѣ тѣхъ событій, о которыхъ въ нихъ сообщалось. Да и читать-то ихъ студенты могли только у знакомыхъ или въ трактирахъ; но тутъ чтеніе было сопряжено съ нѣкоторыми расходами: приходилось заказывать какую-нибудь consommation, какъ выражаются французы, да при томъ еще ждать, пока газета освободится. Въ болѣе приличной обстановкѣ, можно было читать въ кондитерской Штейнгейзера; но къ посѣщенію ея студентами, какъ я уже сказалъ, Ланге относился неблагосклонно.

Какъ ни старались въ Петербургѣ прикрашивать и искажать въ лучшую сторону извѣстія съ войны, стараясь внушить обществу, что намъ „спорить съ Европой не ново“, и что дѣла наши вовсе не такъ плохи,—какъ-то между строкъ читалось иное. Правда, иногда вдругъ откуда-то появлялся слухъ о какомъ-нибудь невѣроятномъ нашемъ успѣхѣ, оказывавшійся потомъ, разумѣется, вздоромъ, къ вящшему огорченію повѣрившихъ ему. Такъ напр. вдругъ пришла сказка, что Наполеонъ поссорился съ Пальмерстономъ и предложилъ намъ союзъ противъ Англіи, чтобы вмѣстѣ доконать коварный Альбіонъ. А то пронесся слухъ о необычайномъ подвигѣ мужиковъ Курскаго ополченія, какъ они будто бы бросились въ топоры на непріятеля и чуть-ли не столкнули его въ море. Такъ было сильно желаніе хотя какого-либо успѣха въ нашей борьбѣ съ „союзниками“, что и этимъ дикимъ выдумкамъ вѣрили охотно; удивлялись только, почему это одно только Курское ополченіе оказалось способнымъ на подвигъ... Но вотъ въ концѣ августа 1855 г. пришло грустное извѣстіе, что Севастополь палъ, съ утѣшительной фразой изъ донесенія Горчакова, что „непріятель найдетъ въ немъ однѣ окровавленныя развалины“. Извѣстіе это крайне опечалило всѣхъ; войска наши, уступая отчаянному натиску непріятеля, не положили оружія, по приказанію главнаго командира, какъ это случилось 50 лѣтъ спустя, а только перешли съ южной стороны Севастопольской бухты на сѣверную, по заблаговременно, для нуждъ обороны, наведенному мосту.

По случаю паденія нашей черноморской твердыни многіе, въ томъ числѣ и изъ студентовъ, не преминули утопить свое горе въ винѣ и разгулѣ...

На Казанской губерніи война, передъ самымъ уже концомъ своимъ, кромѣ сбора ополченія, сказалась еще тѣмъ, что въ концѣ зимы 1855 года было потребовано собрать для арміи съ крестьянъ всѣхъ наименованій до 1000 телѣгъ съ лошадьми и проводниками. Большой переполохъ причинило это требованіе всѣмъ казанскимъ начальствамъ, начиная съ губернатора, управляющихъ государственными имуществами и удѣлами и кончая помѣщиками съ ихъ крестьянами. Хотя Казанская губернія славилась своимъ производствомъ телѣгъ и тарантасовъ, но быстро выполнить заказъ, можетъ быть, свыше даже тысячи телѣгъ, съ принадлежностями и сбруей, закупить лошадей и собрать возницъ было очень нелегко. А кромѣ всей этой заготовки надо было еще снабдить проводниковъ и лошадей продовольствіемъ на нѣкоторое время, до назначенныхъ по маршруту пунктовъ... А потомъ оказалось, что, какъ это, къ несчастію, нерѣдко бываетъ при нашихъ административныхъ поряд-

*

кахъ, что подводы были вовсе не нужны: далеко не дойдя до мѣста назначенія, онѣ были обращены вспять и распроданы за безцѣнокъ. Получили ли какое-либо вознагражденіе проводники за свой трудъ, и люди, на которыхъ снаряженіе подводъ было возложено за повинность—не знаю.

Все неладное волновало общество, начавшее уже оживать съ перемѣной царствованія; а волненія его передавались и студенчеству. Но юность, при всей своей воспріимчивости, не долго остается подъ давленіемъ непріятныхъ впечатлѣній, она или ищетъ изъ нихъ выхода не всегда согласнаго съ требованіями морали, (какъ было напр. при полученіи извѣстія о паденіи Севастополя, „когда нѣкоторые „съ горя“ выпили не въ мѣру“), или принимается усиленно заниматься своимъ дѣломъ.

Для насъ близилось уже окончаніе курса, и потому на первомъ планѣ стояло дѣло, а затѣмъ роились предположенія о будущемъ... что-то Богъ дастъ? Каковы-то будутъ новые порядки, начало которымъ было уже положено Александромъ II? Конечно, всѣ больше или меньше разсчитывали, что прежнее худое смѣнится лучшимъ новымъ, подобно тому какъ прежняя форменная одежда замѣнена была новою, болѣе красивою и удобною.

Но вотъ послѣдніе экзамены сданы; диссертаціи представлены; курсъ конченъ! Иной окончилъ кандидатомъ, другой при томъ съ медалью золотою или серебряною или, на худой конецъ, съ „почетнымъ отзывомъ“. Менѣе удачливые оказались „дѣйствительными студентами“ какъ будто цѣлыхъ четыре учебныхъ года не были они въ дѣйствительности студентами!

Вотъ близится и разлука съ товарищами, съ которыми 4 года сидѣли въ однѣхъ и тѣхъ же аудиторіяхъ, за однѣми и тѣми же партами, испещренными инициалами и надписями предшественниковъ—разлука съ тѣми, съ кѣмъ волновались событіями жизни, съ кѣмъ радовались радостями и скорбѣли печалями своей almae matris.

Но какъ же не ознаменовать окончаніе ученія и предстоящую разлуку приличной пирушкой? Для этой цѣли мы—камералисты съ юристами въ числѣ человѣкъ 15-ти (всѣхъ-то насъ было немного, но нѣкоторые поспѣшили уже уѣхать) устроили поѣздку ins Grüne, за городъ. Тамъ не только усладились весеннимъ воздухомъ съ закуской, но выпили даже шампанскаго, съ пожеланіями другъ другу

всякихъ благъ и успѣховъ на жизненныхъ путяхъ, неизвѣстно кого куда имѣвшихъ привести. Эта неизвѣстность будущаго (кромѣ казенныхъ стипендіановъ, обязанныхъ отслуживать правительству тамъ, куда оно ихъ пошлетъ), сомнѣніе — придется ли еще когда встрѣтиться съ товарищами въ житейской сутолокѣ — всегда порядкомъ омрачаютъ радость, ощущаемую молодымъ человѣкомъ при переходѣ изъ міра учебнаго въ міръ житейскій, отъ подготовки къ дѣлу въ область самаго дѣла, въ область практическаго примѣненія своихъ знаній.

Разстались мы съ товарищами, конечно, пообѣщавъ переписываться, обмѣнялись адресами; но потомъ, погрузившись въ волны моря житейскаго, обѣщанія позабыли, адреса затеряли. Сношенія не прекратились только между особенно дружившими [1]).

Въ концѣ концовъ что же вынесли мы изъ университета? Что далъ онъ намъ? Былъ ли онъ для насъ тѣмъ ключемъ живой воды о которомъ мечталъ Гёте? Есть ли за что его благодарить? Есть ли чѣмъ хорошимъ помянуть наше 4-хъ-лѣтнее въ немъ пребываніе?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ припомнить обстоятельства тѣхъ временъ, вернуться памятью за 50 слишкомъ лѣтъ! И вотъ припоминается, что „не въ авантажѣ обрѣтались" тогда университеты, что правительство къ нимъ не благоволило, хотя и присвоено имъ названіе „Императорскихъ", дающее имъ нѣкоторое основаніе считать себя состоящими подъ особымъ монаршимъ покровительствомъ. На дѣлѣ же высшая власть не симпатизировала имъ на столько, что, казалось, допускала ихъ существованіе только, какъ неизбѣжное зло, неискореняемое только потому, что какъ-то неловко было бы передъ Европой. Уже самое

---

[1]) Я, напримѣръ, въ теченіе 47 лѣтъ не прекращалъ переписки съ М. В. Суринымъ, бывшимъ впослѣдствіи членомъ Кіевской Судебной Палаты, до самой его кончины въ 1903 году; такъ что дружба наша длилась почти 50 лѣтъ, съ поступленія въ университетъ въ 1853 году. Переписка съ другимъ товарищемъ, прерванная на долгіе годы, случайно возобновилась незадолго до его кончины. Трое изъ бывшихъ товарищей (Н. Н. Лещовъ, Н. А Кремлевъ, К. А. Пашковскій), живутъ въ Петербургѣ. Четвертый, жившій въ послѣднее время здѣсь (членъ Гос. Совѣта Х. Н. Хлѣбниковъ) умеръ въ сентябрѣ 1908 г. А въ общемъ—припоминая, кто теперь и гдѣ, приходится сказать съ поэтомъ:

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ молодыхъ!

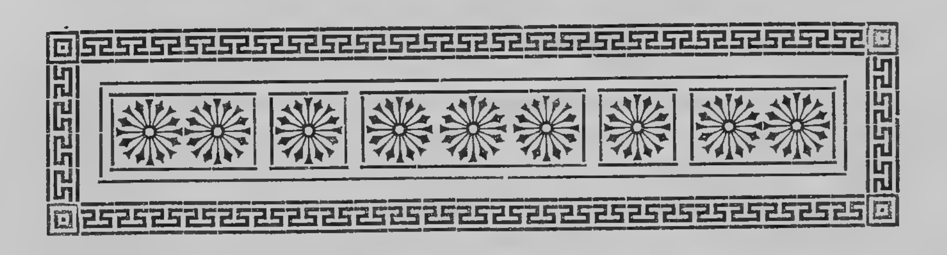
установленіе съ конца 40-хъ годовъ нормы въ 300 учащихся на университетъ, достаточно показывало, что существованіе университетовъ допускалось, такъ сказать, только приличія ради. Средства ихъ были крайне ограниченны; содержаніе профессора получали болѣе чѣмъ скромное— можно сказать—нищенское, если сообразить, сколько человѣку приходится учиться, работать, читать, чтобы достигнуть этого званія и не уронить его достоинства и—сколько требовалось бы дѣйствительно средствъ, чтобы жить прилично, хотя бы не особенно нуждаясь... между тѣмъ, какъ рядомъ съ перебивающимся „съ хлѣба на квасъ“ профессоромъ, преуспѣвалъ, да и теперь преуспѣваетъ чиновникъ, большею частію, его же ученикъ, безъ особенно выдающихся познаній и дарованій доходящій до „степеней извѣстныхъ“ и до крупныхъ окладовъ, благодаря, быть можетъ, снисходительности того же профессора, изъ состраданія поставившаго ему хорошій баллъ! Иногда впрочемъ этимъ преуспѣвающимъ бываетъ лицо и вовсе не бывшее въ университетѣ, даже не всегда изъ числа вполнѣ кончившихъ гимназію.

Да, въ николаевскую эпоху положеніе университетовъ было тяжелое; тѣмъ не менѣе тихо, скромно, но дѣлали они свое дѣло, бережно храня врученный имъ свѣточъ знанія, посильно озаряя имъ умы своихъ питомцевъ и выпуская изъ стѣнъ своихъ все же немалое число людей дѣла, не безъ пользы для отечества работавшихъ на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. И Казанскій университетъ въ этомъ отношеніи не обиженъ судьбою; и онъ можетъ насчитать не только достаточное число вообще дѣльныхъ людей, получившихъ въ немъ образованіе, но и немалое количество ученыхъ, въ немъ получившихъ свое научное крещеніе,—благодаря его вліянію, сердцемъ полюбившихъ науку и безкорыстно ей отдавшихся, съ честью ей служившихъ и служащихъ, несмотря на то, что лавры, ею даваемые, иногда обращаются въ терніе, и вообще рѣдко приносятъ съ собою матеріальныя выгоды, обезпечивающія безбѣдное существованіе!

В. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).





О первой постановкѣ на сценѣ „Демона“.

Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, археологъ и художникъ, бывшій вице-президентомъ Императорской академіи художествъ съ 1859—1872 года, долгое время провелъ на Кавказѣ въ періодъ его покоренія, изучилъ бытъ горцевъ, посѣтилъ достопримѣчательныя мѣстности Кавказа, въ томъ числѣ и развалины воспѣтаго Лермонтовымъ замка Тамары, и вернувшись въ Петербургъ, своими восторженными разсказами и особенно рисунками въ изданіи „Le Caucase pittoresque“, настолько заинтересовалъ Кавказомъ все высшее общество, начиная съ ближайшаго своего начальника—президента академіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, что у Императрицы Маріи Александровны зародилась мысль олицетворить въ живыхъ картинахъ поэму „Демонъ“.

Въ то время эта чудная восточная повѣсть еще не была въ печати и среди интеллигентнаго класса ходила въ рукописяхъ тайкомъ, какъ нѣчто запрещенное [1]). Но цензура—одно, а желаніе Императрицы—другое. Государыня лично обратилась къ митрополиту за разрѣшеніемъ поставить въ Дворцѣ живыя картины изъ „Демона“. За иллюстрацію взялся князь Гагаринъ, выполнивъ задачу со свойственнымъ ему художественнымъ талантомъ, техническую же часть, т. е. самую постановку картинъ, Государыня милостиво поручила моему дѣду по матери—художнику-архитек-

[1]) Одна изъ такихъ рукописей сохранилась у меня.

тору и академику Андрею Адамовичу Роллеру, бывшему главнымъ декораторомъ и механикомъ „Большого Театра“ въ царствованіе Императоровъ Николая I и Александра II.

Изъ сохранившихся у моей матери и переданныхъ мнѣ документовъ видно между прочимъ слѣдующее: 31 марта 1863 года (это былъ первый день Пасхи) князь Гагаринъ написалъ моему дѣду письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ сообщаетъ, что предстоитъ постановка живыхъ картинъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ виду чего проситъ Андрея Адамовича пріѣхать къ нему для переговоровъ во вторникъ 2 апрѣля къ 11 часамъ утра. Въ пятницу на Ѳоминой недѣлѣ, 12 апрѣля, князь Гагаринъ получилъ письменное увѣдомленіе отъ графа Шувалова, что имъ сдѣлано распоряженіе объ отводѣ зала въ Зимнемъ дворцѣ для постановки живыхъ картинъ на понедѣльникъ 15 апрѣля, но съ тѣмъ, чтобы всѣ сооруженія были убраны къ утру вторника, т. к. въ этотъ день, 16 апрѣля, предстояло представленіе дамъ, а къ 17 апрѣля залъ надо было приготовить къ балу. Получивъ это письмо, князь Гагаринъ немедленно переслалъ его для свѣдѣнія Роллеру.

И такъ, въ первый разъ „Демонъ“ появился на сценѣ 15 апрѣля 1873 года въ понедѣльникъ послѣ Ѳоминой подъ кровлей Зимняго дворца, а на слѣдующій годъ, въ первое воскресенье Великаго поста, эти же живыя картины, только подъ другими названіями, появились съ Высочайшаго соизволенія на сценѣ Большого Театра въ бенефисъ Андрея Адамовича Роллера.

Какъ я уже упомянулъ выше, иллюстрація живыхъ картинъ была воспроизведена княземъ Гагаринымъ, а детали разработаны и самая постановка выполнена Роллеромъ. Изъ сохранившихся у меня иллюстрацій видно, что во дворцѣ „Демонъ“ былъ поставленъ въ 10 картинахъ, а въ театрѣ въ 8-ми. Кромѣ того были поставлены живыя картины, олицетворявшія собою картины извѣстныхъ художниковъ. Во дворцѣ такихъ картинъ было поставлено 4, а въ театрѣ 6; всего по 14 картинъ раздѣленныхъ: во дворцѣ на три отдѣленія (5, 5 и 4), а въ театрѣ на два (7 и 7).

Вотъ перечень картинъ, съ обозначеніемъ въ скобкахъ тѣхъ названій, подъ которыми онѣ были поставлены въ театрѣ:

I-е отдѣленіе.

Карт. 1. *Панорама Кавказа.* (Похищеніе Ганимеда). Демонъ А. Жемчужниковъ.

Въ театрѣ въ живыхъ картинахъ участвовали, конечно, актеры и актрисы, при чемъ въ первой картинѣ

фигурировали два лица: Бубновъ и Муравьевъ въ роли Ганимеда.

Карт. 2. *Лезгинка.* (Терраса въ Тифлисѣ).

Участвующіе: Г-жи: Гамалей (Тамара), К. Тимашева, Е. Кознакова, К. Пашкова, Н. Кочубей, княжна С. Гагарина, Е. Офенбергъ, Е. Стааль, В. Леонтьева, М. Пашкова, Канкрина, М. Голицына, графиня М. Борхъ и г-нъ Бушкинъ (?)

Карт. 3. *Битва.* (Нападеніе бедуиновъ на французскіе аванпосты).

Участвующіе: М. Нарышкинъ, баронъ А. Тетенбергъ, Б. Перовскій, князь М. Голицынъ, А. Веймарнъ, графъ А. Мусинъ-Пушкинъ, А. Олсуфьевъ, А. Эссенъ, князь Д. Горчаковъ, графъ В. Бобринскій, Д. Скобелевъ, графъ П. Шуваловъ, Ф. Эльстонъ, и пять учениковъ театральнаго училища.

Карт. 4. *Смерть.* Картина изображала плачъ Тамары надъ трупомъ жениха (Умирающій воинъ).

Участвующіе: М. Нарышкинъ, г-жи: К. Тимашева (Тамара), К. Пашкова, княжна С. Гагарина, М. Пашкова, В. Леонтьева, Е. Офенбергъ, Е. Кочубей, княжна М. Голицына, Е. Корнакова, Е. Стааль, графиня О. Канкрина, М. Борхъ и два ученика театральнаго училища.

Карт. 5. *Видѣніе.* (Св. Цицилія, Тиціана).

Участвующіе: Г-жа Гамалей (Тамара), А. Жемчужниковъ (Демонъ), М. Нарышкинъ (женихъ въ облакахъ) и его окружаютъ хоръ ангеловъ: г-жи О. Олсуфьева, К. Офенбергъ, княжна А. Трубецкая, княжна О. Барятинская, Л. Шереметева, Д. Олсуфьева, Н. Бартеньева, княжна М. Голицына, графиня С. Шувалова, А. Соколова, графиня А. Пушкина и шесть учениц театральнаго училища.

2-е отдѣленіе.

Карт. 6. *Серенада.* Демонъ передъ кельей Тамары. (Въ театрѣ тоже серенада).

Демонъ А. Жемчужниковъ.

Карт. 7. *Ангелъ и Демонъ* (въ театрѣ не ставилась).

Участвующіе: г-жи: Н. Гамалей (Тамара) и К. Офенбергъ (Ангелъ) и А. Жемчужниковъ (Демонъ).

Карт. 8. *Клятва* (въ театрѣ не ставилась).

Участвующіе: г-жа Н. Гамалей (Тамара) и А. Жемчужниковъ (Демонъ).

Карт. 9. *Погребеніе..* (Свадебное шествіе въ горахъ).

Участвующіе: г-жи: княжна С. Гагарина, К. Пашкова, К. Тимашева, М. Пашкова, Е. Стааль, графиня О. Канкрина, М. Борхъ, Е. Офенбергъ, Е. Кочубей, Е. Кознакова, В. Леонтьева и княжна М. Голицына; г-да: А. Олсуфьевъ, князь М. Голицынъ, Б. Перовскій, графъ В. Бобринскій, А. Веймарнъ, князь Д. Горчаковъ, баронъ А. Тетинборнъ, графъ П. Шуваловъ, Ф. Эльстонъ, графъ А. Мусинъ-Пушкинъ, Д. Скобелевъ и восемь учениць театральнаго училища.

Карт. 10. *Апоѳеозъ.* (Добрый Геній).

Участвующіе: г-жи: Н. Гамалей (Тамара) и К. Офенбергъ (Ангелъ) и А. Жемчужниковъ (Демонъ).

3-е отдѣленіе.

Карт. 11. *Барка.* Картина П. Веронеза.

Участвующіе: князь М. Кочубей, княжна А. Гагарина, г-жа Т. Рибопіеръ, князь П. Витгенштейнъ, князь С. Гагаринъ, г-жа А. Александрова, графини: М. Потоцкая и А. Пушкина и баронъ А. Тетинборнъ.

Карт. 12. *Три отрока въ пещи огненной.*

Карт. 13. *Неаполитанская сцена.*
Участвующіе не извѣстны.

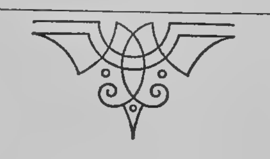
Карт. 14. *Лѣстница Іакова.*

Участвующіе: А. Корсаковъ и г-жи: Л. Шереметева, княжны А. Трубецкая и К. Барятинская, А. Соколова, К. Офенбергъ,

княжна М. Голицына, Офенбергъ, Олсуфьева, Н. Бартеньева, графиня С. Шувалова и пять ученицъ театральнаго училища.

Въ театрѣ во второмъ отдѣленіи были поставлены: одна картина изъ Демона подъ названіемъ Св. Цицилія и затѣмъ: Барка Поля Веронеза, уроки амура нимфамъ, Давидъ и Саулъ, Туалетъ Юдиѳи и Навуходоносоръ.

Сообщ. Е. Петерсенъ.



„Опасная“ машинка.

3 марта 1802 года изъ Москвы графъ Салтыковъ Государю доноситъ:

„Здѣшнею полиціею усмотрѣна въ мебельной лавкѣ купца Денкера и Компаніи, здѣсь въ Мясницкой части стоящей, и мнѣ предоставлена машина, посредствомъ которой можно не только писать, вдругъ два письма одного содержанія и одного даже почерка, но водя однимъ сухимъ перомъ по чьей-либо подписи, другое напишетъ подъ ту руку точно такъ, что писавшій собственною рукою не за свою рукопись едва признать можетъ-ли. О родѣ таковыхъ я хотя и несвѣдущъ, не могу однако не почитать ихъ удобными къ злоупотребленію со стороны неблагомыслящихъ людей, покушающихся подписывать векселя и прочіе акты подъ чужую руку. Поелику-же о истребленіи сихъ машинъ закона и особаго повелѣнія нѣтъ, то осмѣливаюсь обстоятельство сіе передать на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе и ожидать повелѣнія“.

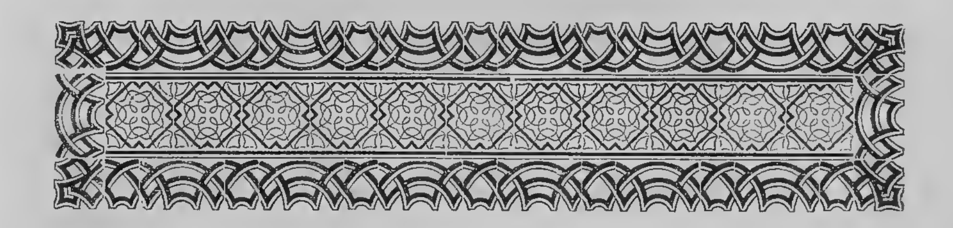
Государь 10 марта того же года отвѣчалъ:

„Графъ Иванъ Петровичъ!

Описанную въ донесеніи вашемъ машину, подъ именемъ пантографа вообще извѣстную, я не нахожу никакой необходимости запрещать, тѣмъ болѣе, что она введена уже въ употребленіе; послѣдствія же подлога, къ коему можетъ она случай, должно отнести къ тѣмъ злоупотребленіямъ, кои изъ самыхъ лучшихъ изобрѣтеній злонамѣренность извлекаетъ и кои однако же не могутъ быть правиломъ къ воспрещенію оныхъ. Посему возвратите машину сію безъ всякаго взысканія.

Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Сообщ. Д. Успенскій.



Маріенбургскій узникъ.

(Историческій очеркъ).

I.

Подъ этимъ заглавіемъ мы находимъ въ „Историческихъ очеркахъ“ извѣстнаго польскаго историка А. Даровскаго весьма интересныя данныя о заточеніи поляками въ Маріенбургскомъ замкѣ отца московскаго царя Михаила, митрополита Филарета, въ бытность его посломъ подъ Смоленскъ къ польскому королю Сигизмунду III-му.

Въ историческихъ дѣяніяхъ Польши,—говоритъ г. Даровскій,—прошелъ почти незамѣченнымъ отрывокъ изъ письма короля Сигизмунда III-го, заключающій въ себѣ, несмотря на свою лаконичность, длинную одиссею страданій и мытарствъ человѣка, котораго судьба бросала въ разныя стороны съ восемнадцатилѣтняго возраста, не давая ему покоя; который испыталъ и перенесъ всякія перипетіи жизни и перевороты, постигшіе Москву въ началѣ XVII столѣтія.

22 января 1619 года, король Сигизмундъ III послалъ письмо съ нарочнымъ гонцомъ въ г. Вязьму къ польскимъ комиссарамъ, избраннымъ на сеймѣ въ „Московскую Экспедицію“. Въ этомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ послѣднихъ о нижеслѣдующемъ:

„Въ соглашеніи Вашихъ Милостей и Любезностей, учиненномъ съ Москвою и доставленномъ Намъ секретаремъ Нашимъ Гридичемъ, Мы усматриваемъ между прочими кондиціями, такой параграфъ, чтобы плѣнные обѣихъ сторонъ были доставлены своевременно на мѣсто обмѣна къ извѣстному сроку. Въ виду этого и во избѣжаніе съ нашей стороны не желательныхъ замедленій, Мы сочли за благо приказать дворянину Якову Бедржицкому тотчасъ

же отправиться въ Маріенбургъ, взять изъ тамошняго замка митрополита московскаго Филарета и немедля доставить его Вашимъ Любезностямъ, для поступленія съ нимъ, какъ и съ другими плѣнными, согласно учиненныхъ Вами договорныхъ статей трактата [1])".

Само собою разумѣется, что приказъ, данный королемъ, послужилъ для митрополита Филарета и Василія Голицына, — хотя о немъ и не упоминается—не только освобожденіемъ изъ плѣна, но въ то же время громаднымъ переломомъ въ его жизни, преисполненной ударовъ судьбы. Если бъ Филаретъ велъ дневникъ своей жизни или записывалъ событія, то навѣрное оставилъ бы намъ преинтересную историческую страницу. Постриженный въ 1601 г. и сосланный Борисомъ Годуновымъ въ Сибирь; заключенный тамъ въ тюрьму; возвращенный потомъ Гришкой Отрепьевымъ въ Москву; схваченный затѣмъ вторымъ самозванцемъ; бывшій свидѣтель всей кампаніи короля Сигизмунда подъ Смоленскъ и Москву; наконецъ, содержимый восемь лѣтъ въ роскошнѣйшемъ Маріенбургскомъ замкѣ, въ сравненіи съ которымъ меркли кремлевскія богатства,—Филаретъ, точнѣе Ѳедоръ Никитичъ, могъ теперь освободиться и занять мѣсто на ступенькахъ царскаго престола и возсѣдать рядомъ съ своимъ сыномъ, молодымъ монархомъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Эта игрушка судьбы и одна изъ главныхъ жертвъ бурной эпохи, какъ равно и одинъ изъ главныхъ дѣятелей противъ Вазъ и ихъ политики,—окончилъ свое бренное существованіе почти одновременно съ Сигизмундомъ III, виновникомъ его заточенія въ бывшемъ замкѣ крестоносцевъ.

Однако, не слѣдуетъ принимать черезчуръ трагически пребыванія митрополита въ прусскомъ Маріенбургѣ: ни онъ, ни Василій Голицынъ не были строго заточенными, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда: они не раздѣляли судьбы сосланныхъ на заточеніе узниковъ. Мы подчеркиваемъ это обстоятельство потому, что, въ сущности, Маріенбургская тюрьма была политическая; въ ней были подземелья, извѣстныя еще съ временъ крестоносцевъ, въ которыя заточали преступниковъ для отбыванія наказаній; но Филаретъ не раздѣлялъ печальной участи литвиновъ, захватываемыхъ великимъ магистромъ и сажаемыхъ въ темные и сырые подвалы. Правда, онъ былъ военноплѣннымъ; но условія, при какихъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, были совсѣмъ иныя, какъ было и иное положеніе, вообще. Какъ извѣстно, все посольство, отправленное изъ Москвы подъ Смоленскъ, было схвачено и отправлено въ Польшу. Но вѣдь то же самое совершилъ до этого, да еще два

[1]) «Подлинныя Свидѣтельства», П. Муханова.

раза, царь Василій Шуйскій съ королевскими послами, благодаря чему и боярскіе легаты были схвачены, въ отместку, а съ ними, слѣдовательно, и Филаретъ съ Голицынымъ, независимо отъ другихъ причинъ. Поэтому, никакого злоупотребленія со стороны короля не было и не могло быть: онъ только поквитался. Съ маріенбургскимъ узникомъ и обходились совсѣмъ иначе: онъ былъ только интернированъ, т. е. сосланъ въ этотъ замокъ и содержимъ при всѣхъ удобствахъ, подобающихъ его высокому духовному сану, тѣмъ больше, что вскорѣ по взятіи митрополита въ плѣнъ, его сынъ Михаилъ возсѣлъ на престолъ Іоанна Грознаго.

Очень жаль,—говоритъ г. Даровскій,—что мы не имѣемъ болѣе обширныхъ свѣдѣній о пребываніи Филарета въ замкѣ Конрада Валенрода и Ульриха Юнгингена, въ величественномъ, художественномъ, громадномъ, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкою Ногатомъ и каналомъ, готическомъ замкѣ, состоящемъ изъ цѣлаго комплекта великолѣпныхъ зданій, окруженныхъ каменными стѣнами, башнями и каналами, а съ стороны главныхъ воротъ—охраняемомъ болѣе скромнымъ подворьемъ, хозяйственными постройками, мастерскими и конюшнями!.. Какая колоссальная разница съ Кремлемъ, съ его почернѣлыми стѣнами, тѣсными комнатами, византійской позолотой и даже дворцомъ въ стилѣ ренесансъ, построеннымъ итальянскимъ архитекторомъ посрединѣ Кремля въ царствованіе Іоанна Грознаго! Въ 1612 году, т. е., когда русскіе послы были заточены въ Маріенбургскомъ замкѣ, всѣ зданія его оставались такими, какими ихъ оставилъ орденъ крестоносцевъ, только назначеніе ихъ измѣнилось во времена поляковъ, т. е. съ 1468 года.

По нашему мнѣнію, Филаретъ и Голицынъ не имѣли ничего общаго съ „Шильонскимъ узникомъ“ или „Желѣзной Маской“, напротивъ, они навѣрное содержались, по всѣмъ даннымъ, свободно, согласно гуманнымъ взглядамъ начальства и гражданъ Рѣчи Посполитой. Правда, у насъ нѣтъ никакихъ тому доказательствъ, и поэтому мы можетъ допустить, что они находились въ комнатахъ низкаго зданія на первомъ дворѣ, или даже въ королевскихъ, когда король отсутствовалъ. Надо полагать, что узники пользовались полной свободой, гуляли съ своими свитами и товарищами по великолѣпнымъ корридорамъ и галлереямъ. Навѣрное можно предположить, что они содержались не хуже, чѣмъ князья Шуйскіе, увезенные одновременно въ плѣнъ, послѣ которыхъ однако же имѣются живые слѣды, что они получали отъ королевской четы въ Гостининѣ драгоцѣнныя одежды и разные подарки. Очевидно, имъ жилось тамъ хорошо, если Иванъ Шуйскій, пере-

жившій свою неволю, долгое время не хотѣлъ возвращаться въ Москву, несмотря на то, что въ Кремлѣ усиленно хлопотали о его возвращеніи. Такимъ образомъ и Филарету должно быть жилось не хуже его, съ точки зрѣнія матеріальной, о нравственной же, конечно, трудно что-либо сказать.

II.

Несчастія всей семьи пошли отъ Бориса Годунова. Одинъ изъ Романовыхъ былъ отцомъ Анастасіи, первой жены Іоанна Грознаго, и ея брата Никиты, отца митрополита; по этому, родство Ѳедора Никитича съ царскимъ домомъ являлось причиной всякихъ опасеній Годунова относительно претендентовъ на царскій престолъ, такъ какъ поводомъ для волненій на Москвѣ служила борьба за скипетръ трехъ боярскихъ родовъ родственными настоящему Димитрію, а слѣдовательно, имѣющими всѣ права на правленіе, - т. е., Годуновыхъ, Шуйскихъ и Романовыхъ. Торжество Годунова ускорило развязку борьбы, потому что его противники не могли примириться съ мыслью, что на московскій престолъ возсядетъ татарскій потомокъ, обойдя ихъ. Возможно, что и первый самозванецъ былъ подставленъ нѣкоторыми боярами, врагами Годунова. Въ 1610—11 годахъ Василій Голицынъ тоже стремился дать шахъ Сигизмунду вторымъ самозванцемъ, впустить послѣдняго въ столицу,—съ цѣлію потомъ низвергнуть—и, можетъ быть, самому сѣсть на престолъ. Отважность, предпріимчивость или сила характера видны въ каждомъ шагу Василія Шуйскаго. только одни Шуйскіе противились Годунову, даже дѣлали заговоръ противъ него. Самъ Годуновъ неоднократно обвинялъ бояръ, что самозванецъ былъ подставленъ ими, съ цѣлью обманомъ и бунтомъ низвергнуть его съ престола. Наконецъ, Шуйскіе были одинаково враждебно настроены, какъ противъ Годуновыхъ, такъ и противъ Романовыхъ; они тайно звали королевича Владислава въ Москву. Фактъ этотъ мы затрогиваемъ вслѣдствіе того, что современный бытописатель К. Бассовъ доказываетъ, что поляки признались ему, будто первый Самозванецъ былъ настоящимъ сыномъ Стефана Баторія, а Гришка Отрепьевъ—только его наставникомъ, — что совсѣмъ невѣроятно и похоже на сказку. Одно лишь справедливо, что, благодаря Рѣчи Посполитой и поддержкѣ нѣсколькихъ магнатовъ, самозванецъ сдѣлался историческою личностью, съ которымъ

папа входилъ, черезъ своего нунція, въ переговоры, послѣдствіемъ чего у Лжедимитрія явились латинско-церковныя тенденціи и симпатіи къ западной цивилизаціи, къ Польшѣ.

Годуновъ, лишенный возможности спокойно проявлять свою власть вслѣдствіе убійства настоящаго Димитрія, сослалъ въ Сибирь Романовыхъ въ 1601 году; изъ нихъ нѣкоторые умерли въ изгнаніи въ Перми. Способнѣйшій изъ нихъ Ѳедоръ Никитичъ былъ запертъ въ Сейскій монастырь и постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета, а жена его, урожденная Шестова и молодой Михаилъ—отправлены на Бѣлое Озеро. Только смерть Годунова и прибытіе перваго самозванца въ Кремль возвратили имъ свободу, послѣ чего Филаретъ, какъ близкій родственникъ, былъ возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Въ Ростовѣ же онъ дождался паденія Шуйскихъ и пришествія второго самозванца...

Когда король Сигизмундъ натягивалъ всѣ струны съ цѣлью пріобрѣсти регентство въ Москвѣ и обезпечить московскій престолъ за Владиславомъ, Филаретъ поставилъ ему въ условіе переходъ молодого королевича въ православіе, какъ политическій догматъ, который онъ защищалъ, быть можетъ, не съ такимъ усердіемъ, какъ патріархъ Гермогенъ, но все же съ неменьшей настойчивостью.

Онъ не отличался своимъ положеніемъ отъ другихъ агитаторовъ въ моменты выступленія противъ королевской политики точно также являлся ярымъ врагомъ сторонниковъ Сигизмунда, ненавидѣлъ западно-латинскую жизнь и такимъ остался до конца жизни, въ особенности, по возвращеніи изъ плѣна, когда получилъ вліяніе на политическія и церковныя дѣла въ Кремлѣ.

Воспитанный въ церковной школѣ византійскихъ традицій, въ которой свѣтскій авторитетъ и монаршая власть стояли выше духовной, онъ умѣлъ, однако же, защищать въ минуты опасности обѣ идеи. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ однимъ изъ выдающихся противниковъ латинизма.

Что у короля Сигизмунда были важныя причины для неудовольствія на митрополита—это понятно: Филаретъ не только не соглашался на королевскія предложенія, но даже игнорировалъ ихъ, что доказывается преніями, которыя велись комиссарами обѣихъ сторонъ подъ Смоленскомъ въ 1616 году. Тогда шелъ разговоръ не только о заключеніи мира, но и объ освобожденіи Филарета съ его товарищами изъ неволи. Комиссія эта не имѣла успѣха, такъ какъ обѣ стороны не сошлись въ условіяхъ.

Польскіе комиссары показали противникамъ „собственноручныя письма патріарха московскаго, что черезъ десять недѣль послѣ присяги королевичу, по соглашенію съ Филаретомъ, этотъ послѣдній, ради возведенія на престолъ сына Михаила, разсылалъ тайныя письма въ замки, чтобы оттуда шелъ народъ удалять изъ столицы людей его королевскаго величества"... Показали и то,—пишутъ комиссары,—что „Филаретъ и Голицынъ, посланные къ королевичу, фальшиво въ своемъ посольствѣ поступали, наружно—они королевича на престолъ приглашали, а тайно въ замки письма разсылали и людей бунтовали". Вскорѣ по отъѣздѣ этихъ пословъ изъ столицы, поступокъ Филарета открылся благодаря его родственнику Ѳедору Погожеву, который былъ заключенъ въ острогъ и тамъ показалъ, что Филаретъ фальшиво принялъ это посольство, съ цѣлью повредить королевичу и возвеличить своего сына Михаила. Голицынъ же сносился въ Калугѣ съ самозванцемъ, чтобы помѣшать Владиславу, а Лжедимитрія посадить на престолъ, а потомъ убить его. Послѣ сего къ столицѣ восемьдесятъ тысячъ людей подступило" [1])...

Мы не ручаемся, такъ ли въ сущности было, какъ утверждали поляки, такъ какъ сомнѣваемся, чтобы Филаретъ думалъ въ это время о возведеніи своего сына на престолъ; признаніе же Погожева тоже едва-ли заслуживаетъ довѣрія, хотя, съ другой стороны, наслѣдованіе престола, естественнымъ теченіемъ событій, само собою клонилась въ пользу малолѣтняго Романова, имѣвшаго всѣ права на корону, послѣ Шуйскихъ и Годуновыхъ. Объ этомъ было извѣстно на королевскомъ дворѣ,—чего собственно и опасались, и поэтому упрямство Филарета очень раздражало поляковъ.

Въ моментъ, когда всѣ плѣнные шли по дорогѣ на Литву, жена Филарета Марѳа, съ сыномъ Михаиломъ, сидѣла запершись въ Кремлѣ съ боярами и поляками, И. Сапѣгой, М. Струсемъ, Будиллей, Стравинскимъ и др.; она смотрѣла съ высокихъ каменныхъ теремовъ на борьбу польскаго гарнизона со всеобщимъ ополченіемъ и на подходившія къ воротамъ и башнямъ полчища Минина и Пожарскаго. Когда гарнизонъ былъ взятъ голодомъ, Марѳа вышла съ сыномъ, а вслѣдъ за нею—всѣ поляки и литвины, которые были взяты въ плѣнъ.

А между тѣмъ Филаретъ со свитой подвигался къ Варшавѣ. Кромѣ Томилы Луговскаго,—кажется дьяка, точнѣе, секретаря плѣненнаго посольства, Филарета окружали: Данило Мезецкій, дьякъ

---

[1]) «Сборн. ист. матерьяловъ», Кіевъ, 1890 г.

Иванъ Грамотинъ, Борисъ Ивановичъ Пушкинъ, Богданъ Матвѣевичъ Глѣбовъ, Андрей Ивановичъ Баскаковъ, Иванъ Гавриловичъ Коробинъ, Борисъ Бартеневъ, Антонъ Лагосткинъ, Ѳома Квашнинъ и Василій Павловъ. Вѣроятно, они сопутствовали ему и въ Маріенбургъ, хотя двое изъ нихъ ухитрились бѣжать въ Москву. Въ это же время молодой Михаилъ былъ избранъ на царскій престолъ, несмотря на то, что его мать, боясь за жизнь своего сына, сначала не хотѣла и слышать объ избраніи. Видя измѣну вѣрности и присягѣ по отношенію къ прежнимъ монархамъ, бунты и убійства, она не хотѣла жертвовать единственнымъ сыномъ и бросать его на произволъ событій, а тѣмъ больше боялась, чтобы это избраніе не ухудшило положенія ея мужа, бывшаго плѣнникомъ короля Сигизмунда...

Въ концѣ концовъ, она согласилась, въ надеждѣ на то, что въ предстоящемъ заключеніи мирнаго договора произойдетъ обмѣнъ плѣнныхъ на захваченныхъ въ Кремлѣ, и что всякія условія будутъ зависѣть отъ территоріальныхъ уступокъ, о которыхъ Рѣчь Посполитая давно уже мечтала. Кромѣ того, въ зависимости отъ событій, вступленіе на тронъ молодого Романова могло ускорить освобожденіе ея мужа...

III.

Что Филаретъ содержался въ польскомъ плѣну съ надлежащимъ ему уваженіемъ, на это имѣется много данныхъ. Ему не запрещалось писать письма въ Россію. Въ октябрѣ 1613 года, жена его Марѳа Ивановна прислала ему соболью шубу и другія одежды; затѣмъ возобновляла эти посылки. Великая потеря для исторіи, что по сіе время не удалось разыскать корреспонденцію, которая велась въ теченіе восьмилѣтняго плѣна между Филаретомъ и Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, хотя извѣстно, что корреспонденція эта находилась когда-то въ архивѣ князей Шереметевыхъ. Въ 1613 году, на выборномъ конгрессѣ, письмо митрополита читалось въ Кремлѣ. Матеріалъ признанъ настолько важнымъ, что прежде, чѣмъ онъ не разыщется, мы не можемъ обсуждать интересующую насъ эпоху. Однако же странно, что не найденъ до сихъ поръ даже совѣщательный протоколъ объ избраніи Михаила Ѳедоровича на царство, хотя есть данныя, что онъ находился въ документахъ Шереметевыхъ. Что касается князей Шуйскихъ, то о нихъ сохранился весьма краснорѣчивый документъ, ясно свидѣтельствующій, что король Сигизмундъ очень милостиво и ласково

*

обходился съ плѣнными, даже съ такими,—какъ напримѣръ царь Василій,—которые жестоко обидѣли его. Царю Василію король даритъ подъ Смоленскомъ образъ—складень, имѣющій съ одной стороны изображеніе Богородицы, а съ другой—святыхъ угодниковъ. Складень украшенъ серебромъ и мѣдью. Затѣмъ даритъ ларецъ съ червонцами и талерами и, кромѣ того, широкія одежды, вышитыя золотомъ; одинъ пурпурный бархатный кафтанъ, другой голубой, адамасковый; одну шапку изъ черныхъ лисицъ, другую изъ вишневаго сукна, подбитую лисицей двѣ шубы, еще кафтаны и всевозможныя постельныя принадлежности.

Затѣмъ, великій канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, подарилъ серебряную вызолоченную ложку; другую, болѣе скромную, подарилъ Балабанъ, потому что посуда, которая была у низвергнутаго съ престола монарха, состояла изъ цинка, олова и мѣди. Князь Димитрій Шуйскій получилъ отъ Сигизмунда разныя одежды, крытыя бархатомъ, и кафтанъ зеленаго атласа, а княгиню обдарила гетманша Жолкѣвская разными золотыми браслетками съ бриллiантами и рубинами, шапкой чернаго бархата на пуху съ золотыми запястями, какъ это видно изъ инвентаря вещей, оставшихся послѣ плѣнныхъ въ Гостынинѣ, вѣроятно, не обнимающій всѣхъ подарковъ, какими королевскій дворъ старался усладить жизнь изгнанниковъ въ неволѣ.

Нѣтъ данныхъ допустить, чтобы товарищъ Василія Голицына очутился въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ были другіе; напротивъ, даже высылка его въ великолѣпный Маріенбургскій замокъ наводитъ на мысль, что человѣку, занимающему высокое духовное положеніе, отведена была наилучшая резиденція, какія въ то время имѣлись въ распоряженіи Рѣчи Посполитой, что дѣлается болѣе понятнымъ, если принять во вниманіе провозглашеніе его сына наслѣдникомъ Іоанна Грознаго, Годунова и Шуйскаго.

Впрочемъ, въ Варшавѣ уже питали надежду на заключеніе мира съ сосѣднимъ государствомъ: тогда насталъ бы моментъ освобожденія Филарета, посредствомъ выкупа его съ помощью обширныхъ территоріальныхъ концессій. Но въ Москвѣ, несмотря на вступленіе на престолъ Михаила Θеодоровича, нисколько не спѣшили. Собственно, мысль объ освобожденіи митрополита и его товарищей изъ плѣна была предметомъ обсужденій съ обѣихъ сторонъ, которыя начались съ 1615 года; но затрудненія для достиженія цѣли были чрезвычайно велики, а воспоминанія о событіяхъ—еще очень свѣжи, чтобы можно было надѣяться на скорое успокоеніе и устраненіе тѣхъ неудовольствій, которыя вызвали обостренныя отношенія при Іоаннѣ Грозномъ...

Какъ извѣстно, въ началѣ 1615 года въ Варшаву явился посолъ отъ бояръ, а не отъ царя, не признававшагося ни Польшей, ни Швеціей, грозившей тоже войною. Посломъ этимъ былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Желябускій. Грамата, которую онъ представилъ, была подписана одиннадцатью боярами и восемью окольничими. Очевидно, прибытіе посла имѣло цѣлью не только начать переговоры, но и оріентироваться на мѣстѣ относительно условій, какія Рѣчь Посполитая намѣревалась продиктовать, какъ равно и видѣться съ Филаретомъ, выписаннымъ въ польскую столицу въ виду предстоящихъ трактатовъ.

Положеніе явилось весьма щекотливымъ, но намъ не извѣстно, какъ въ Кремлѣ принимали это положеніе, серьезно или хладнокровно, несмотря на горячія письма и указанія, какими былъ снабженъ Желябускій.

„Великій Государь, сынъ Вашъ приказалъ Васъ, великаго государя, о здоровьи спросити; что касается своего здоровья, приказалъ сказать, что Вашими святыми отеческими, и матери нашей монахини, Великой Государыни, молитвами на нашемъ великомъ и славномъ государствѣ живемъ, только печалуемся и болѣемъ, что вашихъ благочестивыхъ отцовскихъ очей не можемъ узрѣть. Молимся милосердному Богу, мыслимъ о томъ, какъ бы ваше преосвященство изъ этой неволи освободить“...

Такъ долженъ былъ сказать посолъ свою рѣчь, если бъ увидѣлся съ митрополитомъ въ Варшавѣ или гдѣ онъ находился. Кромѣ того, собственноручное письмо царя къ отцу, украшенное обыкновеннымъ вступленіемъ въ церковно-оріентальномъ стилѣ, придающемъ ему особенный характеръ,—заключало въ себѣ такое же привѣтствіе и объясненіе, понятное съ точки зрѣнія особеннаго стеченія обстоятельствъ. Надо полагать, что посолъ имѣлъ возможность, при отдачѣ письма, видѣться съ лицомъ, могущимъ дать полезныя наставленія относительно начинавшихся переговоровъ, хотя трудно было допустить, чтобы это свиданіе состоялось безъ свидѣтелей.

Письмо начиналось слѣдующими словами:

„Къ Великому, въ Троицѣ Святой прославленному Богу нашему, великимъ благочестивымъ достоинствомъ почтеннаго и украшеннаго и нашего христіанскаго народа истиннаго учителя, возносящаго моленья къ Богу о спасеніи нашемъ, наказующаго словами овецъ Христовыхъ, защитника и мученика за святую церковь христіанскую и крѣпкій оплотъ православія, пользующагося милою жизнью на землѣ (?) и будущаго жителя небеснаго рая, наивысшаго, най-

старшаго въ святомъ достоинствѣ, великаго Государя Отца Своего митрополита Филарета Никитича, Божіею милостію и Его сильной и непобѣдимой длани держателя скипетра великаго царства Россійскаго, на страхъ врагамъ, на славу добродѣтелей, Сынъ Твой преславнаго отечества, Михаилъ, Божіею милостію царь и великій князь, самодержецъ Всея Руси, земно кланяется, прикасаясь къ благочестивымъ стопамъ Твоимъ, со слезами прося благословенія“...

Далѣе въ письмѣ говорится, что бояре и окольничіе просили царя и т. д. позволить имъ снестись съ Сигизмундомъ по вопросу о мирѣ. „А предъ тѣмъ—говорится въ письмѣ,—мы посылали вамъ черезъ духовнаго Ефрема и слугу нашего нѣсколько необходимыхъ вещей; въ то же время писалъ къ своимъ Николай Струсь (т. е., на родину, въ Польшу), чтобы вамъ послали, что нужно, такъ какъ мы все изъ казны, что онъ требовалъ, выдать приказали“ и т. д..

Митрополиты, епископы и др. пишутъ особо къ обоимъ великимъ посламъ въ Варшаву, характеризуя слѣдующимъ образомъ послѣднія событія:

„Вы пошли по приказу патріарха Гермогена и насъ всѣхъ къ королю Сигизмунду совѣщаться о великихъ дѣлахъ, а король присягѣ гетманской измѣнилъ и васъ всѣхъ по тюрьмамъ поразослалъ. То, зачѣмъ вы были посланы, давно уже прошло и нынѣ, Божіею милостію, избранъ на престолъ царь Михаилъ. А вы, господа, не теряйте присутствія духа въ неволѣ и надѣйтесь на Бога, ибо царь нашъ не забываетъ о васъ и думаетъ, какъ освободить. Онъ соизволилъ на посылъ пословъ соглашенія ради съ поляками относительно мира,—обмѣна плѣнныхъ и освобожденія Васъ“ [1])...

Кромѣ, какъ бы оффиціальныхъ, поклоновъ посолъ привезъ привѣты и поздравленія отъ жены Филарета, монахини Мареы, отъ высшаго духовенства, отъ всей боярской Думы и наконецъ отъ царя; одновременно съ симъ привѣтствовали Вас. Вас. Голицына и всю свиту нарочно составленнымъ и выписаннымъ вѣжливымъ оборотомъ словъ, какъ напримѣръ:

„Служба Ваша, желанія и терпѣніе Намъ извѣстны; Мы, Великій Государь, думаемъ о томъ, какъ васъ освободить“...

Желябускій засталъ Филарета въ Варшавѣ, въ домѣ канцлера литовскаго, Льва Сапѣги; ему, согласно тогдашнему обычаю и по-

---

[1]) Собраніе госуд. граматъ и договоровъ, т. III, стр. 120—125.

нятіямъ, было предоставлено право выкупа, какъ военно-плѣннаго и дозволено видѣться съ митрополитомъ при свидѣтеляхъ. Филаретъ, прочитавъ царское письмо, спросилъ посла:

— Милостивъ ли Господь къ моему сыну?

Посолъ отвѣтилъ, что слѣдовало, а затѣмъ узникъ обратился ко всей посольской свитѣ со словомъ порицанія, что его сына избрали царемъ.

— Хорошо ли вы сдѣлали, что послали меня отъ имени всего Московскаго государства съ инструкціями къ королю Сигизмунду? Я откровенно поступалъ до сего времени, а вы посадили на престолъ московскій моего сына Михаила Ѳедоровича и поэтому провинились передо мною... Если вы хотѣли избрать царя на Московское Господарство, то могли избрать кого угодно, кромѣ моего сына, а вы сдѣлали это тайно отъ меня и я не зналъ о томъ...

Узника безпокоили двѣ вещи: во-первыхъ, что при свиданіи съ посломъ присутствовали сенаторы, вельможи, Левъ Сапѣга и другіе; вслѣдствіе этого онъ старался отклонить отъ себя подозрѣніе, что онъ якобы затруднялъ переговоры о королевичѣ Владиславѣ подъ Смоленскомъ съ цѣлью проторить своему сыну путь ко всероссійскому престолу; во-вторыхъ, на самомъ дѣлѣ могло казаться, что вслѣдствіе этой комбинаціи, освобожденіе его изъ плѣна встрѣтится съ осложненіями, ибо Рѣчь Посполитая, имѣя въ своихъ рукахъ такого, какъ онъ, заложника, поставитъ невозможныя условія, будетъ держаться ихъ и пріобрѣтетъ всякія политическія концессіи, какихъ она только пожелаетъ.

Подозрѣнія эти много выиграли на силѣ и правдѣ съ того времени, когда Михаила провозгласили царемъ. Такимъ образомъ мы можемъ себѣ объяснить не только приведенную нами выше рѣчь, но и согласованный съ нею отвѣтъ московскаго посла, которые являлись предумышленной ими манифестаціей.

— Провозглашеніе царемъ Михаила нисколько бы не устранило избраніе его, еслибъ ты самъ, великій государь, присутствовалъ въ Москвѣ, ибо оно свершилось по волѣ Божьей, а не по желанію твоего сына... отвѣтилъ Желябускій.

— Ты доказываешь, что сынъ мой былъ избранъ монархомъ исключительно по волѣ Божьей и по вашему принужденію, а не по собственному желанію? спросилъ Филаретъ; при чемъ обратился къ Льву Сапѣгѣ и прибавилъ:—Что могъ сдѣлать мой сынъ? Онъ остался послѣ меня шестнадцати лѣтъ, безъ родни. Изъ всѣхъ насъ остались только я и мой братъ Иванъ Никитичъ, живущій въ Москвѣ...

Намъ извѣстно, какое положеніе занималъ королевскій совѣтъ, добивавшійся удовлетворенія касательно правъ Владислава на корону; поэтому Сапѣга рѣзко отвѣтилъ:

— Твоего сына посадили на престолъ донскіе казаки!..

— Что вы говорите, господинъ канцлеръ?—отвѣчилъ Желябускій,—Все случилось по волѣ Всевышняго и Божескому попущенію. Господь внушилъ Духомъ Святымъ нашему народу...

Сапѣга промолчалъ; ни варшавскій дворъ, ни шведскій король Густавъ-Адольфъ царя не признавали...

Аудіенція кончилась обыкновеннымъ челобитьемъ и поклонами посла, послѣ чего Филаретъ далъ Сапѣгѣ прочитать письмо, написанное имъ въ Москву. Что касается отсутствія Василія Голицына, то канцлеръ Сапѣга объяснилъ, что онъ остался въ Маріенбургскомъ замкѣ (можетъ быть вслѣдствіе болѣзни), а Михаилъ Шеинъ съ женою и дочерью живутъ въ имѣніи Сапѣги, Рожанѣ, на Литвѣ, гдѣ ихъ посолъ могъ посѣтить при возвращеніи въ Москву; а молодой Шеинъ, сынъ смоленскаго богатыря, находится въ Варшавѣ. На вопросъ относительно здоровья князя Голицына, Филаретъ отвѣтилъ:

— Не знаю, живъ ли бояринъ Василій, такъ какъ я давно не видался съ нимъ.

Очевидно, старый Голицынъ былъ слабаго здоровья, и онъ не доѣхалъ до своего отечества: онъ умеръ по дорогѣ, въ г. Вильнѣ, спустя четыре года. Вѣроятно, по слабости здоровья не пріѣхалъ въ Варшаву, куда хотѣли собрать важнѣйшихъ плѣнныхъ, чтобы, въ случаѣ благополучныхъ переговоровъ о мирѣ, немедленно выдать ихъ прибывшимъ посламъ.

Кромѣ Льва Сапѣги, при разговорѣ присутствовалъ Николай Олесницкій, кастелянъ Мологоскій, арестованный въ свое время Василіемъ Шуйскимъ. Филаретъ обратился къ нему:

— Царь Борисъ обозлился на всѣхъ насъ: меня сослалъ въ монастырь, трехъ моихъ братьевъ уморилъ голодомъ и подушилъ и теперь у меня остался только одинъ братъ, Иванъ Никитичъ...

— Почему Годуновъ сдѣлалъ это? спросилъ Олесницкій Сапѣгу.

— Потому что боялся, чтобы не посадили кого-либо изъ нихъ на московскій престолъ,—отвѣтилъ послѣдній,—такъ какъ они были великіе люди и близкіе царю Ѳедору!..

Тѣмъ кончилась аудіенція. Заключеніе мира, а слѣдовательно и освобожденіе плѣнныхъ должно было состояться въ томъ же году на смоленской границѣ, да и то съ помощью посредника, посла

отъ нѣмецкаго короля. Но мы знаемъ, что къ этому соглашенію пришли только черезъ четыре года, въ продолженіе которыхъ плѣнные обѣихъ сторонъ находились въ неволѣ.

IV.

Болѣе чѣмъ въ два года, военная драма въ Кремлѣ была разыграна, польско-литовскій гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ и Москва очищена. 25-го октября (по старому стилю) 1613 года открылись ворота вооруженнаго Кремля, поляки сложили оружіе и были загнаны въ таборы всеобщаго ополченія Минина и Пожарскаго; Николу Струся заперли въ Чудовомъ монастырѣ, а его полкъ отданъ казакамъ. Хорунжаго мозырскаго, Будиллу, съ остаткомъ солдатъ Сапѣги, взялъ князь Пожарскій, а многихъ, вопреки мирному договору, побили войска. Плѣнные были розосланы по городамъ,—въ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Галичъ, Бѣлоозерскъ и Вологду,—и поразсажены въ сырые и темные казематы. Очевидно, состояніе ихъ тамъ было достойно сожалѣнія, такъ какъ узники писали оттуда,—по собственному ли наитію или по внушенію царскихъ слугъ,—слезныя письма въ Варшаву съ просьбами освободить ихъ. Николай Струсь послалъ слѣдующее письмо къ королю Сигизмунду.

„Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій король и государь мой! Сидя въ темномъ, тяжеломъ казематѣ, мы утѣшаемъ себя милосердіемъ Бога и Твоимъ, Король и Государь нашъ, и преклоняемся предъ Твоимъ величествомъ! Сжальтесь надъ нами, ваше величество, вспомните о нашей вѣрной службѣ и освободите насъ изъ плѣна. Господь не пожелалъ утѣшить насъ отстояніемъ мѣста Твоего; но да будетъ извѣстно Вашему Величеству, что это случилось не по нашей винѣ и что не враги насъ побѣдили, а ужасный голодъ, лишившій насъ силы и предавшій въ руки непріятеля. Десять недѣль мы ждали отъ Бога и братьи нашей помилованія, но не дождались. Мнѣ кажется, что нѣтъ на свѣтѣ несчастнѣе насъ, страдающихъ за вѣрную службу въ тюрьмѣ. Челомъ бью Вашему Величеству отъ имени всѣхъ братьевъ моихъ, страдающихъ въ узахъ вмѣстѣ со мною, сжалься надъ нами и пришли пословъ за нами. А если не смилуешься, то мы всѣ погибнемъ здѣсь. Помилуй насъ, Милостивый Государь! и мы вѣчно будемъ молиться за Твое здоровье“ [1]).

---

[1]) «Собр. госуд. граматъ» т. III, стр. 38-я.

Вѣроятно еще хуже было съ литвинами, увезенными въ глубину края; они еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидали освобожденія, лишенные всякихъ извѣстій съ родины, хотя со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳедоровича положеніе ихъ значительно улучшилось. Это видно изъ ихъ письма. Какимъ образомъ оно дошло до Варшавы и попало въ руки короля—неизвѣстно; но надо предполагать, что въ Кремлѣ были желательны таковыя напоминанія съ цѣлію скорѣйшаго освобожденія своихъ узниковъ, Филарета и Голицына.

Подобное же письмо получилъ гетманъ литовскій И. К. Ходкевичъ изъ Нижняго-Новгорода отъ литвиновъ, схваченныхъ въ Кремлѣ, писанное въ концѣ сентября 1614 года [1]).

„Милостивый Государь, Господинъ гетманъ.

„Тяжело намъ было сидѣть при осадѣ Москвы и кровью своею защищать Его Королевское Величество, но нынѣ намъ тяжелѣе, потому что мы, служившіе вѣрой и правдой королю, не видѣли сожалѣнія. Мы ждали отъ Его Величества освобожденія и писали ему о томъ не разъ, какъ и къ Вашей милости. Нынѣ же, вслѣдствіе просьбъ нашихъ, по милости Государя Михаила, посылаемъ г. Радвана отнести наши кровавыя слезы къ Его Величеству и къ Вамъ. Просимъ Васъ внять нашимъ просьбамъ и помочь въ нашемъ несчастьи. Господарь московскій не возьметъ за насъ ни золота, ни серебра, ни городовъ, а только людей своихъ, находящихся въ королевствѣ Его Величества, Филарета и Голицына съ ихъ товарищами, отъ которыхъ Его Величеству нѣтъ никакой пользы. Слезно просимъ Вашего ходатайства и донесенія нашихъ просьбъ Его Королевскому Величеству освободить насъ взамѣнъ нихъ. Живемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ спокойно и пользуемся достаточнымъ содержаніемъ по милости Государя. Царь и Великій князь Михаилъ посылаетъ къ Его Величеству своего посла для оповѣщенія о своемъ вступленіи на московскій престолъ и о иныхъ дѣлахъ; поэтому униженно просимъ Васъ исходатайствовать у Его Величества Короля прислатьпропускъ для сего посланца“.

Подписали: Іосифъ Будилло (хорунжій Мозырскій), Эразмъ Стравинскій (конюшій Троцкій), Андрей Телефусъ и нѣсколько другихъ. „Нижній-Новгородъ, 30-го сентября 1614 года“.

Но и эти литвинцы, сосланные въ отдаленныя губерніи и ожидающіе съ величающею жадностью момента возвращенія ихъ въ

---

[1]) «Археограф. Сборн. докум. къ исторіи Сѣверо-Западной Россіи». Вильна, 1867 г., т. IV, стр. 75.

свое отечество къ женамъ и семьямъ, вѣроятно, не знали тогда, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, пока настанетъ часъ обмѣна плѣнныхъ и, одновременно, смягченія—хотя и временнаго—жестокой военной борьбы. Потребовалось составить новую кампанію, чтобы принудить противника къ мирнымъ переговорамъ, очевидно, корыстнымъ, если задержка такого важнаго плѣннаго нисколько не перетягивала вѣсовъ той корысти, которую ожидала и имѣла право ожидать Рѣчь Посполитая.

Московская экспедиція королевича Владислава въ 1617 году вызвана была тяжелою необходимостью для Польши: ей грозила война со стороны Турціи, находившейся въ тѣсной связи съ политикой кремлевскихъ бояръ; поэтому Польшѣ предстояло имѣть дѣло съ двумя врагами.

Въ іюнѣ 1618 года король Сигизмундъ III понуждалъ своихъ комиссаровъ заключить болѣе продолжительное перемиріе съ Москвою, при условіи, чтобы Сѣверщина осталась при Польшѣ. Онъ не видѣлъ способа, какъ далѣе вести войну, не только „вслѣдствіе учиненной на прошломъ сеймѣ декларации Всѣхъ Чиновъ", но и въ виду подвигавшихся къ Подоліи турецкихъ войскъ. При томъ Рѣчь Посполитая находилась въ затрудненіи относительно выдачи жалованья солдатамъ [1]).

Несмотря на это—что̀ весьма странно—король съ грустью принялъ извѣстіе о заключеніи перемирія „Мы не могли безъ сожалѣнія слышать, — пишетъ онъ, — что вы такъ поспѣшно приступили къ переговорамъ, не донесши намъ о томъ Изъ этого Мы видимъ не славу, а позоръ для Рѣчи Посполитой, ибо она понесла громадные убытки задаромъ въ борьбѣ съ непріятелемъ, который былъ не только безсиленъ, но и не питалъ никакой надежды на побѣду и т. д. Но это ужъ придется поручить Господу Богу, Который хотѣлъ поступкомъ такимъ покарать Рѣчь Посполитую"...

Въ сущности, положеніе польско-литовскихъ войскъ было гораздо хуже, чѣмъ это казалось изъ варшавскаго замка. Поэтому королевское письмо, очевидно написанное въ моментъ раздражительности, кажется неосновательнымъ. Не оплаченныя войска, сильные морозы и состояніе дорогъ (что и самъ король признаетъ въ своемъ письмѣ) заставляли отказаться отъ всякихъ на-

---

[1]) „Подлин. свидѣт., Муханова, 1834 г. Письма Сигизмунда III".

деждъ и корысти, „ибо не только лошадей и вещи, но и людей помороженныхъ мертвыми свалили“.

До полнаго мира не дошло, а только до перемирія о чемъ ужъ сказано выше; поэтому ограничимся тѣми обстоятельствами, которыя вызвали освобожденіе узниковъ и предстоявшій обмѣнъ плѣнныхъ.

Ф. В. Домбровскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



Дѣйствительный прототипъ Пушкинской Татьяны.

Въ замѣткѣ „Одинъ изъ прототиповъ Пушкинской Татьяны", сообщенной А. Е. К. (въ 1 № „Русской Старины" за 1908 г., стр. 37) встрѣчаются такія неточности, что я счелъ своимъ долгомъ сдѣлать по сему поводу нѣкоторыя разъясненія.

Въ началѣ прошедшаго столѣтія въ Псковской губ., Опочскаго уѣзд., въ селѣ Тригорскомъ, живописно расположенномъ на высокомъ берегу красивой рѣки Сороти, впадающей въ р. Великую, въ 2-хъ верстахъ отъ с. Михайловскаго, имѣнія А. С. Пушкина, проживала Прасковья Александровна Осипова съ своимъ семействомъ. Всякій, кто только читалъ соч. А. С. Пушкина, конечно, помнитъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, посвященныхъ Тригорскому и два или три письма къ его владѣлицѣ П. А. Осиповой. А. С. Пушкинъ очень часто посѣщалъ Тригорское и былъ съ его обитателями въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

П. А. Осипова по первому мужу Вульфъ, по второму Осипова, имѣла отъ перваго брака дѣтей: Алексѣя Николаевича, друга Пушкина и Языкова, и дочерей: Александру, Анну и Евпраксію Николаевну, которая впослѣдствіи вышла за мужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго, сынъ котораго Александръ Борисовичъ былъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, а нынѣ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта. Отъ второго брака у П. А. Осиповой было двѣ дочери: Марія и Екатерина Ивановна; послѣдняя и есть мать генералъ-лейтенанта Александра Викторовича Фока.

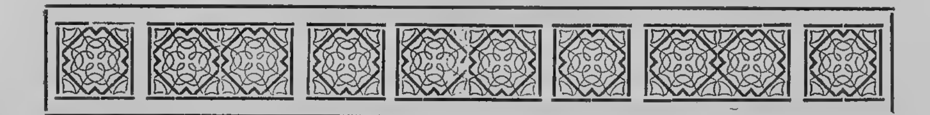
Отъ Екатерины Ивановны Фокъ (родилась въ 1823 г., нынѣ 85 л. старушка проживаетъ въ г. Псковѣ) я неоднократно слышалъ воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. Екатерина Ивановна въ то время была ребенкомъ, неоднократно играла съ Пушкинымъ въ прятки, причемъ онъ залѣзалъ подъ диванъ и вытащить его оттуда было очень трудно; она разсказывала, что А. С. былъ необыкновенно веселый, игривый, находчивый и милый, любилъ дѣтей, умѣлъ говорить съ ними и охотно игралъ. Я неоднократно возбуждалъ во-

просъ, кто служилъ Пушкину моделью для Татьяны, и она нѣсколько разъ говорила мнѣ: „*Сестра моя Евпраксія, она была очень красива, а главное характеръ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ Пушкинской Татьянѣ*“—*я въ то время была еще ребенкомъ и только впослѣдствіи могла это оцѣнить, да и вся родня наша была того же мнѣнія*“.

Такимъ образомъ дѣйствительнымъ прототипомъ Татьяны Пушкина была Евпраксія Николаевна Вульфъ, впослѣдствіи баронесса Вревская.

Сообщ. Н. Ф. Быковскій.





Замѣтки стараго кавказца.

Въ одномъ изъ номеровъ „Новаго Времени“ за 1904 годъ, г-жей Смирновой приведены были выдержки изъ записокъ князя Дондукова-Корсакова, которыя, къ сожалѣнію, я прочелъ очень поздно, почему, находя въ нихъ нѣкоторыя неточности, касающіяся такихъ личностей какъ кавказскіе военноначальники Слѣпцовъ и Козловскій, которыхъ я зналъ очень, очень близко, я считаю своимъ долгомъ сказать о нихъ то, что мнѣ, какъ старому кавказцу, хорошо извѣстно.

Въ этихъ запискахъ Дондуковъ-Корсаковъ, начавшій службу на Кавказѣ въ сороковыхъ годахъ, разсказывая о вспыльчивомъ характерѣ Николая Павловича Слѣпцова, говоритъ между прочимъ: „духъ боевого товарищества соблюдался на Кавказѣ такъ свято, что вызывалъ не только подвиги, но и комическіе эпизоды. Извѣстный кавказскій герой Слѣпцовъ поѣхалъ разъ въ отпускъ въ Саратовъ и взялъ съ собой нѣсколько казаковъ. Одного тамъ за буйство забрали въ полицію. Слѣпцовъ узналъ объ этомъ, вскипѣлъ, бросился съ остальными на выручку съ обнаженными шашками, съ пистолетными выстрѣлами, разбилъ всю саратовскую полицію и, выручивъ казака, уѣхалъ на Кавказъ. Объ этомъ набѣгѣ на мирный губернскій городъ донесли Государю. Дѣло могло бы кончиться плохо, но Слѣпцовъ, не доживъ до его окончанія, умеръ“.

Все это произошло совершенно не такъ и обнаженныхъ шашекъ и выстрѣловъ не было. Я самъ находился въ то время въ Саратовѣ и, видясь почти каждый день съ Слѣпцовымъ, хорошо знаю этотъ случай.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ прославившійся уже своими необычайными подвигами на Кавказѣ, пріѣзжалъ въ Саратовъ поклониться могилѣ своего умершаго передъ этимъ отца. При немъ, кромѣ лакея Ларьки, находились младшій

переводчикъ чеченецъ прапорщикъ Исай и его любимый урядникъ Сунженскаго полка, которымъ Слѣпцовъ командовалъ, состоя въ то же время и начальникомъ Сунженской линіи.

Лакей Ларька, однажды, выпросился у Слѣпцова въ нагорную часть Саратова, чтобы отыскать какого-то своего родственника и такъ какъ онъ, ѣхавъ на извозчикѣ, вздумалъ играть на гармоникѣ, то его и забрали въ четвертую часть города и посадили за рѣшетку. Взятка въ то время въ провинціи существовала въ ужасающихъ размѣрахъ, и полиція брала не только деньгами, но всѣмъ, чѣмъ угодно, но, на бѣду, у Ларьки, чтобы откупиться, денегъ не было, почему онъ и послалъ извозчика дать знать своему барину о своемъ арестѣ.

Слѣпцовъ поѣхалъ выручать Ларьку, но это было уже ночью, и та часть города была небезопасна вслѣдствіе грабежей, почему онъ и взялъ съ собой своего урядника, а когда вошелъ въ пріемную четвертой части, то его встрѣтилъ съ просонокъ растрепанный дежурный квартальный надзиратель въ высокихъ галошахъ на босую ногу и въ теплой шинели, надѣтой поверхъ нижняго бѣлья. Слѣпцовъ въ высшей степени былъ деликатенъ не только съ равными себѣ, но и со своими низшими и имѣлъ обыкновеніе начинать рѣчь чрезвычайно тихо. Комната въ это время была тускло освѣщена ночникомъ, и квартальный, видимо, не узнавъ, Слѣпцова, грубо отказалъ ему въ его просьбѣ освободить Ларьку. Вспыльчивый Слѣпцовъ быстро поддавался гнѣву, и тогда его тихій голосъ становился рѣзкимъ и повелительнымъ, но такъ какъ квартальный и послѣ этого, направляясь въ свою комнату и обернувшись къ Слѣпцову позволилъ себѣ сказать: „вотъ какая еще птица!“ то Слѣпцовъ, далъ ему такую плюху, что онъ отлетѣлъ въ сторону и сначала вскочилъ на столъ, но когда въ тотъ же моментъ на шумъ вбѣжалъ изъ сѣней, вооруженный съ ногъ до головы, урядникъ, то квартальный со страху сразу очутился на шкафу, спрятавшись за кипу книгъ, которыя тамъ лежали. Перепуганные сторожа поторопились выпустить Ларьку, при чемъ пользуясь суматохой, убѣжали и нѣсколько заарестованныхъ городскихъ обывателей.

Обо всемъ этомъ на другой день Слѣпцовъ передалъ губернатору, Кожевникову, добавивъ, что потерпѣвшему квартальному онъ готовъ выдать вознагражденіе до 3.000 рублей и передъ нимъ извиниться.

Кожевниковъ хотя и имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но ранѣе самъ былъ военнымъ и состоялъ когда-то казачьимъ атаманомъ и, кромѣ того, еще участвовалъ въ неудач-

номъ походѣ Перовскаго на Хиву. Онъ принялъ Слѣпцова очень холодно и, не сказавъ на его объясненія ничего полижительнаго, прислалъ къ нему на другой день саратовскаго полицеймейстера, маіора Ф . . онова.

Слѣпцовъ въ Саратовѣ занималъ небольной домикъ, принадлежавшій тогда Нестеровой, на Константиновской улицѣ. Николай Павловичъ и на этотъ разъ, какъ и всегда, принялъ посѣтителя съ большой любезностью, усадивъ полицеймейстера съ собой на диванъ, но полицеймейстеръ, не зная характера Слѣпцова, принялъ, вѣроятно, его любезность и тихій голосъ за робость и въ своемъ разговорѣ началъ забываться, послѣ чего возвышавшійся постепенно голосъ Слѣпцова уже показывалъ на приближеніе бури. Когда же на согласіе Слѣпцова, кромѣ выдачи квартальному 3.000 р. и желанія извиниться передъ нимъ при полицеймейстерѣ и самомъ губернаторѣ, Ф . . оновъ потребовалъ для удовлетворенія чести полиціи сдѣлать извиненіе въ присутствіи губернскаго правленія и находившихся при этомъ случаѣ полицейскихъ сторожей, то Слѣпцовъ, понизивъ свой голосъ и стараясь сдержать себя отъ вспышки, началъ объяснять полиціймейстеру, какъ военному штабъофицеру, о невозможности этого требованія, но Ф . . оновъ, вѣроятно, вообразилъ, что Слѣпцовъ окончательно струсилъ и позволилъ сказать ему, что, въ противномъ случаѣ, дѣло это можетъ кончиться для Слѣпцова сѣрой шинелью. Тутъ моментъ былъ ужасный. Слѣпцовъ вскочилъ какъ ужаленный, глаза его страшно засверкали и послѣ крика: „вонъ, негодяй!“ полицеймейстеръ очутился у подъѣзда, на снѣгу, куда ему подали шинель и трехуголку съ чернымъ султаномъ.

Конечно, все это завистники постарались страшно раздуть, и составленный по этому дѣлу актъ, съ добавленіемъ, что квартальный надзиратель состоялъ въ тѣ дни исправляющимъ должность частнаго пристава, былъ переданъ генералъ-лейтенанту Левенталю, начальнику округа гарнизова внутренней стражи, каковой, до учрежденія Казанскаго военнаго округа, находился тогда въ Саратовѣ.

Производимое по этому поводу слѣдствіе съ искаженными фактами и отобраніе отъ Слѣпцова подписки о невыѣздѣ изъ Саратова ставило его въ крайне затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что все это произошло, когда отпускъ его кончался, почему онъ о случившемся и поспѣшилъ донести намѣстнику Кавказа, князю Воронцову, который, въ свою очередь, доложилъ обо всемъ Государю, по повелѣнію котораго все слѣдственное дѣло, съ подведенными статьями карающаго закона, было представлено Его Вели-

честву военнымъ министромъ Чернышевымъ и послѣ резолюціи Государя Николая Павловича: „желаю полковника Слѣпцова видѣть полковникомъ русской арміи, а не солдатомъ!“ дѣло это тутъ же было прекращено, и Слѣпцовъ получилъ Владиміра 3-й степени, къ которому былъ представленъ передъ своимъ отпускомъ.

Послѣ этого Слѣпцовъ, какъ извѣстно, еще шесть лѣтъ служилъ на Кавказѣ и за свои славные подвиги былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, получилъ Георгія 4 ст., Станислава и Анну 1 ст. и даже былъ назначенъ начальникомъ Владикавказскаго военнаго отдѣльнаго округа, но назначеніе это пришло, когда онъ уже палъ въ бою.

Уѣзжая изъ Саратова, Слѣпцовъ вызвалъ къ себѣ злополучнаго квартальнаго, вручилъ ему значительную сумму и, извинившись передъ нимъ при своихъ близкихъ, крѣпко разцѣловалъ, такъ что растроганный такою честью квартальный даже плакалъ навзрыдъ.

Что же касается замѣчанія въ тѣхъ же запискахъ князя Дондукова-Корсакова, гдѣ онъ, ставя Слѣпцова на высшій пьедесталъ какъ героя и человѣка, говоритъ, между прочимъ, что Слѣпцовъ все состояніе свое прожилъ на хлѣбосольство, то это также несовсѣмъ вѣрно, такъ какъ онъ хотя и былъ большой хлѣбосолъ, но всѣ средства его, какъ хорошо извѣстно, употреблялись имъ на покупку лошадей и другія обзаведенія сформированнаго имъ Сунженскаго казачьяго полка и на обезпеченіе семействъ казаковъ, павшихъ въ бою, для чего даже Слѣпцовъ не одинъ разъ просилъ Воронцова о предоставленіи ему денежныхъ наградъ, вмѣсто крестовъ.

Затѣмъ, нельзя пропустить молчаніемъ насмѣшливый тонъ этихъ записокъ, относительно, извѣстнаго въ свое время, кавказскаго генерала Викентія Михайловича Козловскаго, который хотя и имѣлъ свои странности храбраго боевого солдата, прослужившаго почти всю свою жизнь на Кавказѣ, но въ разсказахъ о немъ не только слишкомъ много утрировки, но и такія недостойныя выдумки, которыя потомство можетъ принять за правду.

Я, служа въ Куринскомъ полку, хорошо зналъ Викентія Михайловича и, часто посѣщая его въ Грозной, не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ диктовалъ своимъ адъютантамъ различныя болѣе важныя бумаги, и я никогда не слыхалъ, чтобы о Козловскомъ говорили, что онъ воспитывался въ моздокскомъ университетѣ, гдѣ въ то время не было даже и порядочной школы, но при этомъ хорошо помню, что онъ не долюбливалъ штабныхъ, которые къ нему пріѣзжали изъ Тифлиса на время экспедицій, для

полученія наградъ, о чемъ даже, не скрывая, высказывался. Особенно же онъ не любилъ кутилъ, которые и были за это имъ недовольны. Что же касается выдумки Дондукова, что Козловскій будто-бы, прося руки особы, на которой предполагалъ жениться, писалъ по этому поводу къ ея родителямъ на бланкахъ за №., то эта недостойная насмѣшка не заслуживаетъ сама собою даже и опроверженія.

У Козловскаго была только одна извѣстная смѣшная привычка прибавлять къ каждому слову „ка̀-къ", и въ особенности это смѣшно выходило, когда бывало спросишь о здоровьи его жены и свояченицъ,—„благодарю,—говорилъ генералъ,—Анна Васильевна ка̀-къ, Марья Васильевна ка̀-къ, и Надежда Васильевна, ка̀-къ, всѣ онѣ здоровы, ка̀-къ".

Козловскій, какъ извѣстно, послѣдніе годы жизни, бывъ уже полнымъ генераломъ, состоялъ членомъ военнаго совѣта, пользуясь особеннымъ вниманіемъ императора Александра II.

Что же касается замѣтки князя Дондукова-Карсакова, что тѣлесныя наказанія въ кавказскихъ войскахъ почти не примѣнялись и что наказывали только за воровство у товарищей, но на воровство въ другихъ, не кунакскихъ, частяхъ смотрѣли снисходительно, то я не знаю, гдѣ именно была такая снисходительность, но хорошо помню, что въ тѣ времена хотя офицеры на Кавказѣ волю своимъ рукамъ не давали, но розга существовала въ избыткѣ, и одинъ изъ начальниковъ дивизіи, Ш—цъ, былъ даже преданъ суду за жестокое наказаніе солдатъ розгами въ банѣ. Вообще же сѣкли не только за кражи, но и за пьянство, и я былъ свидѣтелемъ, какъ командиръ одной изъ ротъ нашего Куринскаго полка, штабсъ-капитанъ Босацкій, высѣкъ за пьянство даже Георгіевскаго кавалера фельдфебеля Зубанова, приказавъ ему снять самому Георгіевскій крестъ и положить во время наказанія себѣ на скамейку подъ носъ, сдѣлавъ это, не желая предавать Зубанова суду, по которому онъ могъ быть разжалованъ и лишенъ Георгія. Это обстоятельство знали всѣ, но даже и запросовъ у Босацкаго по этому поводу не было, такъ какъ лишать Георгіевскаго креста храбраго фельдфебеля было не желательно, тѣмъ болѣе, что солдатскій Георгій получать тогда было труднѣе, потому что онъ имѣлъ только одну степень, а не четыре, какъ теперь.

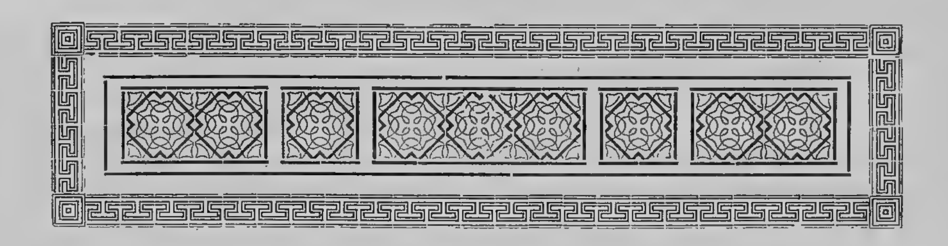
Вообще же въ тѣ времена дисциплина въ нашей мѣстности на Кавказѣ была очень строгая, такъ что даже юнкеровъ, опаздывавшихъ къ расчету роты фельдфебелемъ на разсвѣтѣ дня, ротные командиры нерѣдко ставили подъ ружье за рядовыхъ на караулъ,

и всѣ Николаевскіе порядки насчетъ субординаціи исполнялись въ точности.

Князя Дондукова-Корсакова я на Кавказѣ хорошо зналъ и особенно близко познакомился съ нимъ на Сунжѣ, гдѣ послѣ тяжелой раны я лѣчился минеральными водами, пользуясь гостепріимствомъ Слѣпцова, къ которому Дондуковъ былъ присланъ Воронцовымъ изъ Тифлиса въ числѣ нѣсколькихъ такихъ же молодыхъ, какъ онъ, штабныхъ офицеровъ, для участія въ экспедиціи, о которой я упоминалъ ранѣе въ „Развѣдчикѣ“.

В. А. Шомпулевъ.





На службѣ въ лейбъ-уланахъ,
1859—1864 годы,
и Польское возстаніе 1863 года.
(Воспоминанія Д. А. Скалона).

Полкъ былъ высланъ, какъ выше упомянуто, прямо съ майскаго парада черезъ 24 часа въ Рѣжицу (Витебск. губ.) и принялъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа, дѣйствуя сначала въ Литвѣ, а затѣмъ и въ Царствѣ Польскомъ, въ Августовской губерніи.

Это было еще доброе старое время,—мы были вооружены пиками, саблями и карабинами временъ Отечественной войны, казенники которыхъ выкручивались изъ ствола при ударѣ по нимъ пальцемъ.

Наши эскадроны были распредѣлены по разнымъ уѣздамъ, выслѣживали и гонялись за шайками польскихъ инсургентовъ, бивуакировали въ лѣсахъ, на поляхъ, фольваркахъ и усадьбахъ помѣщиковъ. 4-ый эскадронъ, въ которомъ я служилъ, былъ вызванъ Муравьевымъ въ Вильно, содержалъ тамъ, недѣли двѣ, разъѣзды въ окрестностяхъ города и затѣмъ былъ отправленъ въ Новотрокскій уѣздъ. Городъ Новые Троки лежитъ на берегу живописнаго озера, съ довольно сохранившимися на островѣ развалинами замка Кейстута.

Вскорѣ командиръ л.-гв. Егерскаго полка генералъ-маіоръ Дюбуа

---

[1]) См. „Русскую Старину" октябрь 1908 г.

выслалъ меня со взводомъ для наблюденія, въ окрестностяхъ мѣстечка Меречъ, —могущихъ переправляться черезъ Нѣманъ повстанцевъ изъ Литвы въ Польшу. Какъ ни странно, но войска, расположенныя въ Литвѣ, не могли переходить Нѣманъ, границу царства, иначе какъ по слѣдамъ шаекъ.

Мнѣ довелось съ своимъ взводомъ мѣсяца два рыскать вдоль Нѣмана и за это время нѣсколько разъ, въ разныхъ мѣстахъ, переплывать его взадъ и впередъ. Однажды въ половинѣ іюля, соединившись въ отрядъ съ казаками есаула Кушкерева 17-го полка и сотника Грекова - 42-го полка, въ числѣ около 75 человѣкъ съ моими 20 уланами мы сдѣлали набѣгъ за Нѣманъ; на одномъ фольваркѣ захватили нѣсколькихъ повстанцевъ и, возвратившись на свой правый берегъ, расположились на отдыхъ въ усадьбѣ помѣщика Рыдзевскаго „Живулишкахъ“.

Около 2-хъ часовъ по полудни съ лѣвой стороны рѣки показалась значительная шайка пѣшихъ и конныхъ мятежниковъ, силою до 500 человѣкъ и завязала съ нами перестрѣлку, продолжавшуюся до вечера.

Въ ихъ числѣ была конная банда Кракусовъ, подъ начальствомъ Доллена и Реклицкаго, хорошо организованная, вооруженная и обмундированная уланами. Она состояла изъ эскадрона съ тремя взводами, вооруженными пиками, и однимъ взводомъ съ ружьями. Получивъ донесеніе о нашей перестрѣлкѣ, начальникъ отряда, пользуясь разрѣшеніемъ переходить Нѣманъ по пятамъ шаекъ, переправился у Мереча черезъ рѣку, и мы прошли перехода на два въ глубь страны, но мятежники успѣли уклониться.

Возвратившись въ Меречъ, начальникъ отряда получилъ новыя свѣдѣнія о присутствіи значительной шайки на переходѣ ниже по теченію Нѣмана.

Мы выступили подъ вечеръ и ночью, черезъ обширный лѣсъ стали подходить къ рѣкѣ, противъ мѣстечка Бельвержишки.

Ночь была темная, въ лѣсу мы слѣдовали справа по одному тропою, по которой насъ вывелъ къ мѣстечку проводникъ изъ крестьянъ.

Чтобы, не сбиваясь, слѣдовать другъ за другомъ, мы подвѣсили изъ подъ шапокъ на затылки носовые платки.

Отъ усталости меня клонило ко сну, а мѣрное движеніе лошади и темнота вызывали ощущеніе какъ бы морской болѣзни.

На берегу эскадронъ собрался и, не выжидая разсвѣта, мы стали готовиться къ переправѣ. Вскорѣ подошли къ берегу роты гвардейскихъ егерей.

Правый берегъ, гдѣ мы остановились, подходилъ къ Нѣману песчаною отмелью, лѣвый—крутыми обрывами.

Мѣстечко Бельвержишки расположилось на вершинѣ такого откоса и спускалось по долинѣ къ рѣкѣ.

Согнавъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ, мы разсѣдлали лошадей, сложили сѣдла и оружіе въ лодки и переправили на тотъ берегъ взводъ егерей, которымъ было приказано прикрыть нашу переправу.

Затѣмъ въ слѣдующей партіи были отправлены люди, не умѣющіе плавать, для принятія лошадей, которыхъ мы погнали въ воду табуномъ.

Лучшіе пловцы изъ уланъ съ надежными лошадьми окружали табунъ со всѣхъ сторонъ. Я и мой другъ корнетъ баронъ Крюденеръ замыкали плывшихъ лошадей.

Благодаря быстрому теченію мы переплывали Нѣманъ по діагонали. Рѣка противъ Бельвержишекъ дѣлаетъ крутой поворотъ и уноситъ своимъ сильнымъ теченіемъ.

Нѣсколько лошадей передо мною неожиданно повернули назадъ и мигомъ окружили меня, но, имѣя хлыстъ въ рукѣ, я далъ отбиться только съ десятку изъ нихъ, а остальныхъ повернулъ къ плывшему табуну, и мы благополучно переправились.

Отъ Бельвержишекъ мы пошли тремя колоннами, окружая и перерѣзывая лѣсъ, а повстанцы искуснымъ движеніемъ уклонились отъ нашихъ колоннъ и, возвратившись въ Бельвержишки, переночевали и скрылись въ Августовскихъ лѣсахъ. Движеніе это было мною прослѣжено и донесено генералу Дюбуа, но онъ не придалъ ему вѣры, потому что находившіеся во главѣ другой колонны казаки объ этомъ ничего не развѣдали.

Мѣсяцъ спустя намъ все-таки удалось разбить эту шайку, но уже съ преображенцами, подъ начальствомъ князя Барятинскаго.

Одинъ изъ плѣнныхъ узналъ меня и говорилъ, что видѣлъ, какъ я на разсвѣтѣ переплывалъ Нѣманъ съ табуномъ лошадей.

На мой вопросъ: отчего же онъ не открылъ огонь? полякъ отвѣтилъ: „Намъ приказано существовать, а не вступать съ вами въ бой, на который мы и не способны“.

Въ преслѣдованіи шаекъ мы пробыли въ лѣсахъ до сентября. Къ этому времени въ Литвѣ ихъ уже не было, а въ Польшѣ разгонялись послѣднія скопища. Собственно говоря—мятежъ былъ подавленъ.

Партизанскій характеръ дѣйствій, если злоупотреблять этимъ словомъ, отличался полной самостоятельностью небольшихъ отрядовъ пѣхоты съ кавалеріею и имѣлъ за собою много увлекательнаго.

Питаясь, чѣмъ Богъ послалъ, или что забирали у помѣщиковъ, мы жили на полной свободѣ, думая только объ одномъ, какъ бы выслѣдить и захватить повстанцевъ.

Наши лошади замѣчательно втянулись въ работу, мы легко дѣлали переходы отъ 40—70 верстъ въ сутки, такъ какъ, провѣряя сбивчивыя показанія жителей, приходилось иногда крутиться около какого-нибудь одного и того же мѣста.

Лошади шагомъ легко проходили отъ 7—8 верстъ въ часъ, бивуакировали преимущественно подъ открытымъ небомъ и только въ непогоду укрывались въ сараяхъ, никогда не разбиваясь по отдѣльнымъ дворамъ.

Пѣхота обыкновенно исполняла сторожевую службу, давая намъ возможность отдохнуть и спокойно выкормить лошадей.

Лошади всегда были въ полной силѣ и не изнурялись, несмотря на большіе переходы и быстрыя передвиженія.

Преслѣдованіе повстанцевъ обратилось въ своего рода спортъ и чрезвычайно насъ увлекало.

Однажды, дѣйствуя съ преображенцами, мы почти по пятамъ преслѣдовали въ Августовской губер. довольно значительную шайку. Былъ августъ и стояла жара. Въ одномъ перелѣскѣ мы наткнулись на брошенную стоянку повстанцевъ; еще дымились костры и валялись остатки прерваннаго обѣда.

По дорогѣ, въ деревняхъ крестьяне показывали, что шайка только-что прошла на подводахъ.

Наконецъ въ мѣстечкѣ Симно мы нагнали подводы, но сами повстанцы уже скрылись.

Оказалось, что начальникъ штаба отряда генеральнаго штаба полковникъ Кладищевъ заблаговременно распорядился, чтобы въ Симно были собраны изъ окрестностей подводы, которыми вмѣсто нашей пѣхоты воспользовались повстанцы и успѣли скрыться.

Мы страшно досадовали, потому что преслѣдованіе этой шайки продолжалось цѣлый день.

Затѣмъ эта же шайка была все-таки нами уничтожена черезъ нѣсколько дней, — у деревни Сименишки, подъ начальствомъ Преображенскаго полка полковника Дена, — въ составѣ одного баталіона и нашихъ двухъ эскадроновъ 3-го и 4-го.

Въ сентябрѣ нашъ эскадронъ возвратился въ Вильну для содержанія разъѣздовъ. Мы помѣстились на дворахъ около Остробрамскихъ воротъ.

Время мы проводили очень пріятно, любуясь живописными

окрестностями Вильны во время несенія службы и на прогулкахъ.

По вечерамъ иногда развлекались спектаклями въ городскомъ саду отличной польской труппы. Среди разныхъ пьесъ и водевилей мнѣ доставили особенно большое удовольствіе забавный водевиль: „Бабушкины попугаи“ или „Попуги нашей бабуни“, который я зналъ по разсказамъ отца, участвовавшаго въ этомъ водевилѣ, будучи пажомъ въ корпусѣ.

Въ ноябрѣ полкъ нашъ возвратился въ Петербургъ.

Вообще о польскомъ возстаніи 1863 года можно сказать, что оно было безсмысленно. Сами повстанцы признавали невозможность бороться съ нашими войсками, и только одна неосуществимая надежда на поддержку Франціи кружила имъ головы.

Для насъ же жизнь въ лѣсахъ, въ поляхъ и на свободѣ была полна очарованій, и до сихъ поръ я съ удовольствіемъ вспоминаю это время, кромѣ одного случая, когда мнѣ пришлось съ двумя взводами конвоировать на казнь разстрѣляніемъ одного перебѣжчика къ повстанцамъ, офицера, вовлеченнаго любовью въ ряды мятежниковъ.

Возвратясь съ казни въ расположеніе эскадрона, опять пришлось присутствовать при экзекуціи рядового изъ нашего сборнаго эскадрона, присужденнаго полковымъ судомъ къ розгамъ передъ фронтомъ.

Вотъ и психологическая задача:—я спокойно смотрѣлъ, какъ ему всыпали березовую кашу и какъ бы возстановилъ свое душевное равновѣсіе, потрясенное присутствіемъ при разстрѣляніи повстанца.

Во все время похода я ежедневно по утрамъ или купался, или обливался холодной водой изъ колодцевъ.

На бивуакахъ я всегда совершенно раздѣвался и, прикрывшись пальто, ложился спать въ одной рубашкѣ.

Просыпаясь отъ ночной свѣжести, я одѣвался и продолжалъ спать.

Благодаря этому я всегда былъ свѣжъ, здоровъ и полонъ силы.

Чрезъ недѣлю по возвращеніи въ Петербургъ, при благопріятныхъ условіяхъ домашней обстановки я заболѣлъ ангиной и такъ сильно, что чуть не разстался съ жизнью.

Я даже мысленно распредѣлялъ свои вещи братьямъ.

Нашъ докторъ Христіанъ Андреевичъ Нордштремъ самъ былъ боленъ и пріѣхалъ, когда я уже началъ задыхаться отъ нарѣв-

шаго нарыва. Онъ вскрылъ его прижиганіемъ ляписа и припарками.

Войдя снова въ свою полковую семью, я въ свободное отъ службы время много читалъ, посѣщалъ театры и сталъ усиленно заниматься музыкой.

Иванъ Ивановичъ Зейфертъ, принимавшій дѣятельное участіе въ музыкальныхъ вечерахъ, въ домѣ моихъ родителей, предложилъ мнѣ бросить игру по слуху на флейтѣ, чеканѣ и фортепіано и заняться віолончелью.

Предложеніе его въ послѣдній годъ моего пребыванія въ академіи я съ благодарностью принялъ и сталъ упражняться на этомъ дивномъ инструментѣ.

Занявшись музыкой, по возвращеніи изъ похода, я могъ составить себѣ репертуаръ изъ доступныхъ мнѣ по техникѣ пьесъ и много игралъ съ тетушкой, графинею Анной Егоровной Сиверсъ, а затѣмъ сталъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ ансамбляхъ у Петра Карловича Альбрехтъ, В. И. Асташева и князя Александра Имеретинскаго.

Музыка доставляла мнѣ громадное удовольствіе, кромѣ того я очень любилъ Петра Карловича Альбрехтъ, дружилъ съ нимъ и проводилъ у него самые пріятные по воспоминаніямъ вечера.

Христіановичъ за это время женился, былъ правителемъ канцеляріи Трепова, у него собирались къ завтраку, но характеръ прежнихъ собраній измѣнился; хотя и въ новой обстановкѣ его симпатичный нравъ и выдающійся умъ привлекали многихъ интересныхъ людей, и за завтраками часто происходили занятные разговоры и разсказы.

Уланскимъ полкомъ командовалъ Евгеній Тимоѳеевичъ Крыловъ, онъ былъ человѣкъ выдающагося ума, образованія и благородства; его нельзя было не любить, и онъ пользовался уваженіемъ подчиненныхъ.

У него былъ одинъ только врагъ—это онъ самъ.

Къ характеристикѣ Крылова я вернусь, когда поведу разсказъ о Турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ.

Лѣтомъ 1864 года я былъ назначенъ на лагерный сборъ въ штабъ округа для исполненія обязанностей офицера генеральнаго штаба, но я предпочелъ воспользоваться своимъ 4-хъ мѣсячнымъ академическимъ отпускомъ и уѣхалъ съ отцомъ въ наше Нижегородское имѣніе, находящееся въ Княгининскомъ уѣздѣ, на р. Пьянѣ, при селѣ Игнатовѣ.

Въ деревнѣ батюшка только-что построилъ усадьбу на берегу

Большого Игнатовскаго озера въ полугорѣ, среди села, уступомъ ниже церкви.

Домъ былъ только-что отстроенъ изъ дубоваго лѣса, выштукатуренъ и окрашенъ. Оставалось достроить примыкающій къ нему флигель и кухню.

Непосредственно за озеромъ, тремя большими группами раскинулся чудный дубовый лѣсъ, вдоль теченія р. Пьяны, которая, крутясь и измѣняя свое русло,—оставила въ разныхъ мѣстахъ лѣса и пересѣкающихъ его поемныхъ луговъ, называемыхъ Старицами, или Старухами—озера и болота.

Озера эти необыкновенно красиво извиваются по лѣсу: гдѣ въ видѣ подковы, гдѣ въ видѣ французской буквы W, образуя тупики съ единственнымъ выходомъ.

Крестьянки, сбирая грибы и ягоды, иногда попадаютъ въ эти, по мѣстному называемые, горшки и долго не могутъ выбраться, перекликаясь съ товарками, пока ихъ кто-нибудь изъ знающихъ мѣстность не выведетъ на дорогу.

Поемные луга окаймлены лѣсомъ и болотами, съ растущими по нимъ тальникомъ и ёлошникомъ.

Въ эти непроходимыя трущобы иногда забѣгаютъ изъ-за Волги лоси отдѣльными экземплярами и живутъ тамъ все лѣто.

Дубы въ лѣсу достигаютъ громадныхъ размѣровъ, отъ одного до четырехъ охватовъ.

Рѣка Пьяна, притокъ Суры, вытекаетъ близъ впаденія Суры въ Волгу, течетъ, описывая фигуру груши и впадаетъ въ Суру въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своего истока. Во всемъ своемъ теченіи она вьется змѣйкой, сохраняя въ завиткахъ свое общее грушевидное очертаніе, такъ что завороты ея, мѣстами, пробѣжавши двѣ-три версты, почти что сходятся. Кое-гдѣ рѣка прорѣзаетъ остающуюся полоску земли и образуетъ острова, называемые: „кругами“, какъ напримѣръ: Мельничный кругъ, Дальній кругъ. Луговыя поляны, опоясанныя рѣкой, называются луками, какъ напр. Лука Волкъ удавился, Черторой, Яблонная, Черемуховая, Дубовая, Широкая съ подкурнымъ мысомъ.

По лугамъ и лукамъ Пьяна весной разливается и, удобряя почву, способствуетъ обильному урожаю травъ.

Однажды, на маневрахъ подъ Берлиномъ, я замѣтилъ среди извивовъ рѣки такія же поляны, при чемъ онѣ на картѣ также назывались луками. Я обратилъ на это вниманіе, состоявшаго при его высочествѣ флигель-адъютанта императора германскаго полковника Вильома, и онъ былъ очень удивленъ, узнавши славянское

происхожденіе этого наименованія, такъ же, какъ и тѣмъ, что ихъ провинція „Поммернъ" происходитъ отъ русскаго слова Поморы, или Поморяне.

Я съ братьями наслаждался необыкновенно живописною мѣстностью Нижегородскаго имѣнія, и мы любили плавать по рѣкѣ и озерамъ въ челнокахъ, называемыхъ по мѣстному ботниками. Это узкія лодочки, выдолбленныя изъ цѣльнаго отрубка дуба.

Чтобы въ нихъ не опрокинуться, надо имѣть сноровку, балансируя корпусомъ, держаться прямо и не дѣлать рѣзкихъ движеній.

Игнатовцы, живя вдоль озера, съ дѣтства научаются плавать, а бывали случаи, что люди изъ сосѣднихъ деревень, приходившіе сбирать ягоды, тонули, переплывая озеро въ ботникахъ.

Такъ, однажды, въ ботникъ сѣли четыре женщины, опрокинулись на рединѣ озера, и всѣ потонули.

Игнатовцы любятъ воду, нанимаются матросами на судахъ по Волгѣ и Каспію, многіе служатъ лоцманами, машинистами на пароходахъ и получаютъ хорошій заработокъ.

Въ жару мы повторяли купанье; въ непогоду я сидѣлъ дома и читалъ.

Разъ какъ-то я отправился въ лѣсъ съ Ильей пострѣлять утокъ на Старухѣ.

Озеро это, наибольшее изъ всѣхъ, въ четыре версты длины извивается по лѣсу въ видѣ буквы W и опоясываетъ высокій холмъ, называемый по своему виду „Оселкомъ".

Плывя въ ботникѣ по заворотамъ озера, мы не замѣтили, какъ надвинулась грозовая туча, и молнія, съ рѣзкими раскатами грома, стала хлестать по озеру. Подъ проливнымъ дождемъ, совершенно измокшіе, мы, напрягая силы, выплыли къ берегу на Зазерскій лугъ и черезъ большой лугъ добрались до села.

По принятому обычаю, въ большія грозы крестьяне съ домочадцами выходятъ на улицу и стоятъ подъ навѣсомъ воротъ.

Батюшка безпокоился и сидѣлъ на крыльцѣ. Почти промокшій до костей и все время сопровождаемый ударами грома и молніи, я, наконецъ, добрался до дому.

До той поры я совсѣмъ не боялся грозы, но послѣ этой прогулки не могу сказать, чтобы былъ совершенно равнодушенъ къ грозѣ, когда нахожусь въ полѣ.

Живописная мѣстность долины рѣки Пьяны и жизнь въ селѣ

приводили меня въ настроенiе и вызывали воспоминанiя далекаго прошлаго русской исторiи. Въ двадцати верстахъ отъ нашего имѣнiя, ниже по Пьянѣ, стоитъ базарное село Пожарки съ торгомъ, пожалованнымъ князю Дмитрiю Михайловичу Пожарскому царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. И до сихъ поръ, несмотря на сосѣдство города Сергача, базаръ продолжаетъ существовать въ Пожаркахъ. Вверхъ по рѣкѣ лежитъ село Пьянскiй перевозъ, гдѣ одержалъ побѣду надъ татарами нижегородскiй князь Дмитрiй тугой лукъ, но затѣмъ на радости изволилъ бражничать съ воинами, снова подвергся неожиданному нападенiю татаръ и погибъ вмѣстѣ съ опьянѣвшимъ своимъ отрядомъ.

Далѣе, въ тридцати верстахъ два села: Григорово и Вельдеманово. Григорово составляло съ Игнатовымъ въ былое время одну вотчину князей Долгорукихъ.

Въ Григоровѣ родился протопопъ Аввакумъ, непримиримѣйшiй врагъ патрiарха Никона, который происходилъ родомъ изъ сосѣдняго, лежавшаго въ семи верстахъ отъ Григорова, села Вельдеманова.

Среди Игнатовскихъ крестьянъ было нѣсколько очень старыхъ домохозяевъ, и въ ихъ числѣ нѣкто Самойловъ—столѣтнiй старецъ, вѣчно полупьяный, который молодымъ ходилъ въ шайкахъ Пугачева и отличался, несмотря на зажиточность, разгульнымъ нравомъ.

Однажды, возвращаясь съ Низовъ съ богатымъ заработкомъ, Самойловъ вообразилъ себя сѣятелемъ и, взойдя на Игнатовскiя поля, сталъ разсѣивать серебро изъ своей мошны.

Другой столѣтнiй старецъ Тюринъ—въ противоположность Самойлову весь вѣкъ велъ строгiй образъ жизни; постился, ходилъ на богомолье, посѣтилъ Кiевъ, Соловки и наставлялъ къ умѣренности своихъ односельчанъ, говоря: „не надо излишне навозить своего тѣла“. А это потому, что у насъ земля хотя и требуетъ навоза, но въ мѣру, если же слишкомъ унавозить ее,—хлѣбъ ложится.

Однако разгульный Самойловъ пережилъ Тюрина. Въ послѣднiй разъ я видѣлъ его пьянымъ, лежащимъ у нашего амбара.

Дядя Архипъ—церковный староста, славился, какъ кулачный боецъ.—„Архипъ идетъ на конъ, всѣ бойцы съ кона вонъ“. „У Архипа въ кулакѣ пудъ!“ говорили о немъ съ гордостью Игнатовцы.

Архипъ при самомъ добродушномъ выраженiи лица напоминалъ своимъ сложенiемъ и длиною рукъ—гориллу.

О немъ разсказывали, что дядя Архипъ не зналъ соперниковъ и рѣдкій боецъ выдерживалъ его удары.

Страдая ревматизмомъ въ лѣвой рукѣ, онъ, однажды, съ похмѣлья отсѣкъ себѣ лѣвую кисть и послѣ того жилъ еще два года и продолжалъ сторожить церковь.

Нашъ садовникъ дядя Троша и его супруга Харитина Степановна напоминали собою Филимона и Бавкиду. Дядя Троша страстно любилъ свое дѣло, и растенія изъ-подъ его рукъ необыкновенно развивались.

На смертномъ одрѣ онъ обратился къ женѣ и говоритъ; „должно быть, помираю, Харитина Степановна; вотъ и думаю, чѣмъ я буду на томъ свѣтѣ? Вѣрно, все тѣмъ же садовникомъ и буду я выхаживать райскія яблоки. Вотъ тебѣ дамъ яблочко, генералу дамъ, батюшкѣ отцу Михаилу дамъ и Вуколъ Петровичу дамъ, а Стручихѣ не дамъ, не дамъ, не дамъ!"

Стручиха была его прежняя помѣщица.

Харитина Степановна, бывшая дворовая дѣвушка, замѣчательно ходила за птицами и обращалась къ индѣйкамъ всегда по-французски: „Mesdames, mesdames, venez dîner", приглашала она ихъ, разсыпая кормъ.

Лѣтомъ старички въ хорошую погоду всегда кушали на рундучкѣ.

Харитина Степановна накрывала столикъ бѣлою скатертью и ставила обѣдъ или ужинъ. Дядя Троша любилъ выпивать, а старушка его сестра, жена Ивана Моисѣева, родители нашего слуги Ильи Ивановича,—приставала къ нему.

— Что ты пьешь, Трошка, стыдился бы въ твои годы.

— Никакъ, сестра, ты дура! отвѣчалъ дядя Троша,—молодъ былъ—не пей! старъ сталъ, тоже не пей! Да когда же пить?

Нашъ управляющій Сергѣй Ивановичъ Ѳедотовъ охотно разсказывалъ о быломъ. Отъ него я услышалъ о Пожаркахъ, Григоровѣ, Вельдемановѣ, о трактѣ, по которому двигались войска и везли продовольствія, когда Грозный Царь по Волгѣ плылъ подъ Казань.

Отъ него я услыхалъ названіе нашихъ озеръ и урочищъ: „Волкъ удавился", „Черторой", „Лебединое озеро", „Костыль", „Старуха", „Горшокъ", „Баиково болото". О всѣхъ сказывались преданія, всѣ они населялись и оживали въ воображеніи.

Въ давнее время, по разсказамъ Сергѣя Ивановича, жилъ у насъ въ селѣ знаменитый колдунъ „Чувай“, который въ страхѣ держалъ всю окрестность; умѣлъ килу (опухоль въ разныхъ частяхъ тѣла) напускать, глаза отводить, въ чащу лѣсную заводить; въ особенности его боялись и ублажали, когда онъ приходилъ на свадьбы.

Однажды Чувай явился на одну свадьбу незванный. Стали его угощать и ублажать, а онъ взялъ ковшъ и выплеснулъ брагу на полъ.

Зашумѣла вода изъ подполья, выступила изъ щелей, стала подыматься. Перепугались гости, вскочили на лавки, полѣзли на полати, а по водѣ играютъ рыбки, плотички, окуньки. Забыли гости страхъ, стали ловить рыбокъ.

Засмѣялся Чувай, и вода пропала.

Глядятъ люди и дивятся: парни держатъ дѣвокъ за косы, дѣвки парней за уши.

Иванъ Михайловичъ Фокинъ былъ замѣчательный пчеловодъ, онъ зналъ всѣ тайны жизни этихъ маленькихъ монархій въ липовыхъ колодахъ.

Пчелы его какъ бы слушались. Посреди его пчельника, расположеннаго полукругомъ рядами — стояла большая царь-колода. Фокинъ говорилъ, что она отъ его отца стоитъ на этомъ мѣстѣ. Колода была двойная, въ ней помѣщались два громадныхъ улья.

Фокинъ любилъ угощать меня свѣжимъ медомъ и медовою сытою и охотно разсказывалъ, „какъ пчела на себя, на людей и на Бога трудится“; какъ она „дѣтей водитъ, людей питаетъ, дары Богу приноситъ“.

По праздникамъ его хозяйка приглашала меня полакомиться пирогами съ разными начинками, блинами, коржиками, или кулагою.

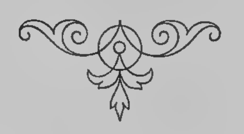
Въ избѣ ихъ была замѣчательная чистота, а въ переднемъ углу, подъ образами, всегда теплилась лампадочка.

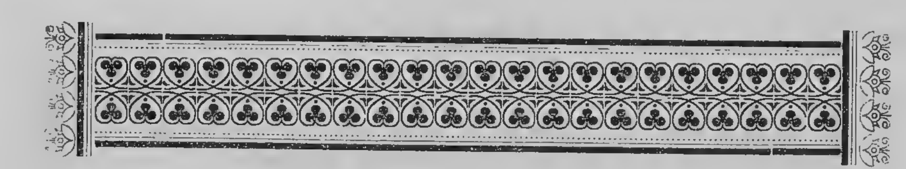
Разсказы стариковъ крестьянъ о быломъ и общеніе съ ними меня чрезвычайно увлекало и знакомило съ бытомъ и типами великорусскихъ людей.

Слушая ихъ, разговаривая съ ними и нашими бывшими дворовыми, я мысленно переносился въ старые годы и привязывался сердцемъ къ такимъ великорусскимъ типамъ, какъ дядя Архипъ,

Власъ, Сергѣй Ѳедотовъ, старикъ Тюринъ, дядя Троша, и во мнѣ еще больше закрѣплялась горячая любовь ко всему родному русскому, взлелѣянная въ корпусѣ, гдѣ традиціи прежнихъ лѣтъ хранились нами, какъ священные завѣты предковъ, и полюбилъ я Русь привольную, Русь могучую, Русь великую, и умилилась душа моя на Святую Русь.

Дмитрій Скалонъ.





Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг.[1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Силистрія построена на правомъ берегу Дуная и тянется на $1^{1}/_{2}$ версты вдоль берега этой рѣки; она окружена очень высокимъ и широкимъ землянымъ валомъ, прорѣзаннымъ большими круглыми бастіонами, гдѣ помѣщаются пушки, прикрытыя огромными турами. Эти бастіоны нисколько не фланкировали одинъ другого, но въ нихъ очень трудно было сдѣлать брешь, потому что, какъ я уже говорилъ много разъ, снаряды, углубляясь въ землю этихъ валовъ, скорѣе утрамбовывали ихъ вмѣсто того, чтобы разрушать.

Страшная глубина рвовъ дѣлала приступы трудными и опасными; валы имѣли около $3^{1}/_{2}$ верстъ въ окружности. Крѣпость не имѣла ни прикрытыхъ путей, ни гласиса, ни передовыхъ фортовъ. Это обычная манера турокъ, которые больше любятъ ретраншаменты, чѣмъ правильныя укрѣпленія. Какъ ретраншаменты они довольно хороши, и лучшій, пожалуй даже единственный, способъ для ихъ разрушенія—это подложить мину подъ бастіонъ и, такимъ образомъ, взорвать его; но такой способъ требуетъ много времени, и я вскорѣ убѣдился, что для взятія города можно обойтись и безъ этой трудной работы.

Вдоль Дуная, къ сторонѣ Туртукая, тянется равнина въ версту шириной, а невдалекѣ отъ нея около самаго города, выстроенъ прекрасный каменный магазинъ, расположенный за ретраншаментомъ, но такъ какъ онъ окруженъ валомъ, то изображаетъ что-то вродѣ передового форта. Городъ окруженъ возвышенностями, кото-

---

1) См. „Русская Старина“, октябрь 1908 г.

рыя перерѣзаютъ очень глубокіе овраги; спуски возвышенностей покрыты садами, виноградниками, фруктовыми деревьями, а потому эта мѣстность мало пригодна для дѣйствій кавалеріи.

Та часть города, гдѣ проходитъ Гирсовская дорога, очень низка и вся перерѣзана виноградниками и садами. Если бы турки выстроили на этой узкой равнинѣ хоть два редута, то имъ бы удалось остановить движеніе нашей флотиліи по Дунаю.

Въ городѣ было нѣсколько красивыхъ домовъ, выкрашенныхъ и богато отдѣланныхъ, по-турецки окруженныхъ садами, но большинство домовъ очень низенькіе и выстроенные изъ глины; улицы очень узкія и плохо вымощены; лавки маленькія и темныя; только красивыя мечети возвышались надъ городомъ. Внутри города, на берегу Дуная, сооружено что-то вродѣ замка, или, вѣрнѣе, каменная цитадель, которая едва-ли могла служить защитой при продолжительной оборонѣ, но, въ случаѣ удачнаго приступа, она можетъ быть убѣжищемъ на короткое время для паши и для части гарнизона, пока не состоится капитуляція.

Графъ Каменскій предупредительно заготовилъ около Гирсова много фашинъ и туровъ, привезенныхъ съ собой въ полковомъ обозѣ. Генералъ Шлиттеръ также приготовилъ ихъ достаточное количество въ Каларашѣ; у меня также не было недостатка въ матеріалахъ, чтобы начать осаду города. Я зналъ, что главная защита турецкихъ городовъ состоитъ въ бѣшеной вылазкѣ гарнизона, для чего прилегающая мѣстность, обсаженная деревьями и виноградниками, была очень удобна для стрѣлковъ, болѣе ловкихъ, чѣмъ наши. Чтобы помѣшать этимъ вылазкамъ, я приказалъ генералу Гартингу, вечеромъ, въ день осады, выстроить шесть редутовъ.

Гартингъ сказалъ мнѣ, что я слишкомъ тороплюсь; я отвѣтилъ ему на это, что не люблю терять даромъ время. Пять изъ этихъ редутовъ были выстроены такъ, что турки не замѣтили ихъ, но шестой, противъ отряда генерала Бутлова, намѣченный на равнинѣ, около нашего лѣваго фланга, не могъ быть оконченъ ни въ первую, ни во вторую ночь, такъ какъ турки, замѣтивъ насъ, стали обстрѣливать наши работы. Моя флотилія была собрана за островами, лежащими противъ нашего праваго фланга, а капитанъ-лейтенантъ Попандопуло оставался въ Галацѣ и командовалъ частью флотиліи, которая расположилась въ устьяхъ Дуная у Тульчи.

Флотиліей, отданной въ мое распоряженіе, командовалъ старый Акимовъ; онъ былъ слишкомъ медлителенъ, слишкомъ тяжелъ для меня и постоянно нуждался въ руководительствѣ и только

когда его наталкивали на что-нибудь, онъ дѣйствовалъ хорошо; однимъ изъ главныхъ его достоинствъ было, что онъ не боялся огня.

Въ ночь съ 23—24 дулъ благопріятный вѣтеръ, и я приказалъ двинуть часть флотиліи, подъ начальствомъ лейтенанта Тзенциловича, который нѣкоторое время спустя былъ убитъ. Это былъ единственный офицеръ Императорскаго флота, который изъ всѣхъ остальныхъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ, въ продолженіе этой войны, выказалъ много рѣшительности, воли, усердія и храбрости.

Турки, во время движенія этой флотиліи, ни разу не стрѣляли, и она совершенно спокойно подошла къ отряду генерала Крушева и преградила Дунай такимъ образомъ, что никакая помощь не могла подойти изъ Рущука.

Когда я потребовалъ сдачи города, то Эмикъ-Оглы, не давъ мнѣ положительнаго отвѣта, началъ стрѣлять изъ всѣхъ своихъ пушекъ противъ моихъ работъ и флотиліи.

Въ ночь съ 24 на 25 я приказалъ открыть траншейныя работы въ двухъ мѣстахъ: въ отрядѣ генерала Попандопуло, гдѣ была моя квартира (это была фальшивая позиція) и въ отрядѣ графа Строганова (настоящая позиція). Эти два пункта были лучшими для атаки.

Но намъ нужно было протянуть работы до валовъ города, гдѣ окружающее его кладбище съ каменными постройками сильно стѣсняло насъ, и мы подвергались опасности схватить тамъ какую-нибудь заразную болѣзнь.

24-го мы узнали, что графъ Николай Каменскій приступомъ взялъ Базарджикъ, и что знаменитый Пегливанъ попалъ въ число плѣнныхъ; мы также узнали, что генералъ Зассъ перешелъ Дунай въ Туртукаѣ. (Ниже увидятъ реляціи объ этихъ двухъ дѣлахъ).

Въ ту же ночь съ 24 на 25 храбрый и неутомимый Шлиттеръ построилъ на лѣвомъ берегу Дуная, противъ города, семь батарей, въ которыхъ онъ поставилъ одиннадцать пяти пудовыхъ мортиръ, четыре коронады и десять осадныхъ пушекъ большого калибра.

26-го я велѣлъ выстроить для фальшивой атаки батарею изъ десяти двѣнадцати фунтовыхъ пушекъ, и двѣ другія—изъ: пятнадцати двѣнадцати фунтовыхъ, четырехъ двадцати четырехъ фунтовыхъ и двухъ—для мортиръ, предназначенныхъ для настоящей атаки.

*

Въ ночь съ 27-го на 28-е я повелъ летучую сапу для дѣйствительной атаки.

28-го я выстроилъ двѣ батареи изъ двадцати четырехъ фунтовыхъ пушекъ и двѣ—изъ двѣнадцати фунтовыхъ въ 70 футахъ отъ городского вала.

Итакъ, въ общемъ, вмѣстѣ съ флотиліей, у меня было 78 артиллерійскихъ орудій большого калибра, готовыхъ начать бомбардировку.

Ни одна изъ моихъ работъ не была прекращена, и турки не сдѣлали ни одной вылазки.

Генералъ Гартунгъ помогалъ мнѣ съ усердіемъ, дѣятельностью и смѣлостью достойными величайшихъ похвалъ; ни онъ, ни другіе генералы не оставляли траншей.

24-го числа Эмикъ-Оглы послалъ мнѣ сказать, что онъ очень удивленъ, что я собираюсь его атаковать, такъ какъ онъ слишкомъ разсчитывалъ на свою дружбу со мной и гр. Каменскимъ и никогда не имѣлъ намѣренія даже выходить изъ города и мѣшать въ чемъ-нибудь нашимъ операціямъ на Шумлу; а что онъ никакъ не предполагалъ, что мы станемъ осаждать Силистрію, служитъ то, что онъ не собралъ въ городъ всѣхъ вооруженныхъ жителей изъ деревень и нестрѣлялъ по флотиліи, когда она проходила мимо ихъ и, въ концѣ концовъ, онъ просилъ меня отступить. Я ему далъ 10 часовъ для размышленія относительно сдачи, а по истеченіи этого срока я открылъ огонь изъ всѣхъ батарей, послѣдствіемъ чего въ 24 часа въ городѣ было 300 человѣкъ убитыхъ, взорванъ пороховой погребъ и снесена часть цитадели.

25-го графъ Сергѣй Каменскій, давшій мнѣ три недѣли для взятія Силистріи, на четвертый день осады уже объявилъ, что ему надоѣло ждать, и онъ завтра хочетъ попробовать приступъ. Мнѣ стоило необычайнаго труда уговорить его отказаться отъ этой безумной мысли. Я былъ увѣренъ, что не пройдетъ и недѣли, какъ городъ сдастся безъ потерь съ нашей стороны, тогда какъ я далеко не вѣрилъ успѣху приступа, который при благопріятныхъ условіяхъ стоилъ бы намъ три или четыре тысячи человѣкъ, а при неблагопріятныхъ шесть или семь тысячъ.

Но взятіе Базарджика затуманило его голову, и онъ торопился идти на Шумлу. Ничто не мѣшало ему начать этотъ штурмъ, такъ какъ ни онъ самъ, ни его 20.000 человѣкъ совсѣмъ не были мнѣ необходимы для взятія Силистріи, ибо у меня было достаточно и своихъ силъ. Его упрямство остаться у Силистріи мнѣ всегда казалось непонятнымъ, и оно имѣло большое вліяніе на остальную часть кампаніи.

Въ ночь съ 25-го на 26-е знаменитый разбойникъ Болгаріи Джауръ - Гассанъ [1]), другъ Эмика-Оглы, человѣкъ необычайной жестокости, но смѣлый и дѣятельный, не зная, что городъ уже окруженъ, подошелъ къ Силистріи съ 300-ми своихъ конныхъ товарищей и двумя пушками съ намѣреніемъ войти въ крѣпость. Онъ проскакалъ мимо авангарда Уварова, захватилъ казачій пикетъ, прошелъ около корпуса Левиса и напалъ на обозъ въ лагерѣ генерала Бахметева, гдѣ и произвелъ общій переполохъ. Была уже полночь и на дворѣ совершенная темнота; я былъ въ траншеяхъ и, услыхавъ очень живую перестрѣлку, продолжавшуюся цѣлый часъ, никакъ не могъ понять причину этого огня и думалъ, что вѣроятно наши люди по ошибкѣ стрѣляютъ одинъ въ другого.

Всѣ адъютанты и вѣстовые, которыхъ я разослалъ, заблудились въ темнотѣ и попадали въ ямы и рвы, окружавшіе Силистрію, такъ что я только уже днемъ узналъ, что Гассанъ прорвалъ нашу линію обложенія и вошелъ въ крѣпость.

Этотъ смѣлый разбойникъ, несмотря на то, что нашъ лагерь окружалъ городъ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, войти въ крѣпость; всѣ тропинки и дороги были ему прекрасно извѣстны, и онъ прорвалъ нашу цѣпь часовыхъ егерскаго и драгунскаго полковъ, разставленныхъ передъ лагеремъ и, потерявъ всего нѣсколько человѣкъ и двѣ повозки, не взирая на то, что многіе изъ его шайки ускакали обратно, все-таки прорвался въ Силистрію съ 60 или 80 головорѣзами.

Графъ Каменскій прислалъ мнѣ еще четыре баталіона изъ корпуса Левиса, которыми я усилилъ отряды Строганова и Хрущева. Кромѣ того, я взялъ два баталіона изъ отряда кн. Вяземскаго (которые графъ Каменскій замѣнилъ двумя баталіонами изъ корпуса Эссена) и три баталіона отъ Шлиттера съ лѣваго берега, чтобы подкрѣпить мой лѣвый флангъ.

Эти войска были мнѣ главнымъ образомъ полезны, не только для защиты противъ турокъ, но и для помощи другимъ полкамъ, заваленнымъ работой.

27-го мая Эмикъ-Оглы прислалъ ко мнѣ начальника своей артиллеріи Сатула-Оглы, разбойника съ свирѣпой физіономіей, но очень храбраго и хорошаго артиллериста, для веденія перегово-

---

[1]) Джауръ по-турецки значитъ «измѣнникъ». Такъ несправедливо мусульмане называли христіанъ. Собственная мать Гассана дала ему это имя послѣ того, какъ онъ, будучи еще очень молодымъ, однимъ ударомъ топора убилъ одного старика изъ деревни Арно-Кинъ около Разграда.

ровъ о сдачѣ крѣпости; онъ предложилъ мнѣ невозможныя условія, старался склонить меня на нихъ и, въ случаѣ отказа, угрожалъ мнѣ Пегливаномъ, который явится освобождать городъ. Я очень хладнокровно отвѣчалъ ему, что Пегливанъ уже здѣсь.— „Какъ?“ воскликнулъ онъ. „Да“, продолжалъ я, „и если вы хотите убѣдиться въ этомъ, идите за мной“. Я веду моего турка къ нашему генералъ-аншефу, въ палаткѣ котораго и находился только-что привезенный Пегливанъ. Я думаю, что голова Медузы не могла бы произвести на Сагула-Оглы болѣе ужаснаго впечатлѣнія, чѣмъ видъ Пегливана. Онъ сначала остановился, какъ вкопанный, и долго не могъ произнести ни слова; только потъ большими каплями струился по всему его тѣлу; затѣмъ онъ бросился къ ногамъ Пегливана и сталъ цѣловать край его одежды. Поднявшись, наконецъ онъ сказалъ: „Теперь уже ничего не остается и надо сговориться съ вами“. Онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Силистрію, а на другой день пріѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ депутатами отъ жителей.

Чтобы вести дѣла съ турками надо, быть одареннымъ прямо какимъ-то сверхъестественнымъ терпѣніемъ. Имъ надо прежде всего дать возможность высказать все некасающееся дѣла, а поэтому приходится съ ними вначалѣ долго говорить о самыхъ пустякахъ, иначе же они будутъ возвращаться каждыя четверть часа ко всякому вздору; затѣмъ нужно выкурить съ ними по крайней мѣрѣ 15—20 трубокъ и выпить столько же чашекъ кофе и только тогда уже возможно поднять разговоръ о дѣлѣ, но при этомъ они становятся такъ придирчивы и такъ мелочны, что изъ всякаго незначительнаго слова съ ними приходится спорить.

Понятно, что гр. Каменскій не обладалъ нужнымъ терпѣніемъ для веденія всѣхъ этихъ переговоровъ, и поэтому я былъ принужденъ взять это на себя. Мы просидѣли 15 часовъ для того, чтобы переговорить объ 11-ти вопросахъ. Черезъ каждые полчаса графъ присылалъ ко мнѣ спрашивать, не кончили ли мы? и когда я отвѣчалъ, что не кончили еще, и передавалъ ему требованія турокъ, онъ посылалъ мнѣ сказать: „соглашайтесь на все и кончайте“.

Передъ началомъ кампаніи онъ отдалъ секретное приказаніе всѣмъ генераламъ, не подписывать никакой капитуляціи безъ того, чтобы гарнизоны осажденныхъ городовъ не сдались бы военноплѣнными.

Въ Петербургѣ были очень недовольны, когда гарнизоны взятыхъ городовъ отправлялись въ армію Великаго Визиря, а уже намъ извѣстно, что лучшіе солдаты всей Турціи были въ Хотинѣ,

Бендерахъ, Аккерманѣ и Браиловѣ. Мы ихъ семь разъ брали въ плѣнъ, затѣмъ отпускали и оставили ихъ у себя только въ концѣ кампаніи, когда ихъ осталось уже очень немного.

Я уже говорилъ, что турецкіе жители сражались только для защиты своихъ очаговъ и рѣдко вступаютъ въ открытый бой. Брать ихъ съ собой и вести въ Россію вмѣстѣ съ ихъ семьями очень трудно; армія уменьшилась бы вслѣдствіе большого наряда въ конвой для нихъ, а страна разорилась бы на ихъ продовольствіе.

Сатулъ-Оглы объявилъ мнѣ, что ни Эмикъ-Оглы, ни войска, ни жители, ни за что не согласятся сдаться военно-плѣнными, и что лучше они будутъ ожидать штурма. Гр. Каменскій приказалъ мнѣ дать имъ позволеніе выйти. Я хотѣлъ задержать, по крайней мѣрѣ, солдатъ и офицеровъ, а это стоило бы намъ только лишнихъ дня два или три; но нашъ начальникъ былъ слишкомъ нетерпѣливъ, чтобы согласиться на это промедленіе. Онъ отпустилъ ихъ всѣхъ въ Болгарію и хотѣлъ было отнять отъ нихъ оружіе, но этого нельзя было сдѣлать, разъ уже имъ позволено возвращаться домой, такъ какъ своимъ оружіемъ они дорожатъ такъ же, какъ и своей жизнью. Это оружіе — ихъ собственность, ихъ роскошь, ихъ богатство.

Султанъ не снабжаетъ войска ни ружьями, ни саблями, ни пистолетами, а каждый долженъ имѣть все это свое.

Я уже говорилъ, что каждый турокъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, пріобрѣтаетъ себѣ саблю, стоющую не менѣе 50 или 100 дукатовъ, а иногда даже и дороже. Таковы же по взглядамъ были и силистрійскіе турки, и поэтому они бы скорѣе согласились защищаться на 20 дней дольше, чѣмъ рѣшились бы отдать свое оружіе.

Во время переговоровъ они у меня просили разрѣшить имъ взять съ собой 10.000 повозокъ, но я согласился только на 3.500, и изъ-за одного этого пункта мы проморили себя 10 часовъ. Наконецъ все было рѣшено, и наши переговоры окончились только ночью. На другой день, 30 мая, въ 2 часа дня у стѣнъ города произошло свиданіе мое съ Эмикомъ-Оглы. Вопросъ о капитуляціи былъ поднятъ только послѣ двухчасового разговора о походѣ, безчисленнаго уничтоженія этихъ вѣчныхъ трубокъ и неизбѣжнаго кофе, и тогда только онъ подписалъ всѣ условія договора.

Я ему подарилъ прекрасную шубу, часы и табакерку,—вещи, присланныя мнѣ для него гр. Каменскимъ; онъ же мнѣ далъ очень хорошую саблю, и мы разстались друзьями.

Въ 6 часовъ вечера генералъ Попандапуло съ своимъ Колыванскимъ полкомъ торжественно вошелъ въ городъ и занялъ всѣ ворота и два бастіона.

Въ Силистріи мы нашли 200 пушекъ и огромное количество пороху; турки сами не подозрѣвали, что они такъ богаты. Въ погребахъ нашлись цѣлыя бочки, о которыхъ вѣроятно Эмикъ-Оглы не имѣлъ никакого понятія. Въ тотъ же вечеръ въ городѣ устроили базаръ, который продолжался все время, какъ я оставался тамъ. Удивительно, что на этомъ рынкѣ не произошло ни одного столкновенія и ни одной ссоры, хотя здѣсь участвовали и офицеры, и солдаты, и русскіе, и турки, и евреи (сующіеся повсюду), и жители города. Но между всѣми этими людьми, такъ различными по національностямъ, религіи, нравамъ, обычаямъ, языку и профессіямъ, царствовала наилучшая гармонія. Турки—это положительно какая-то непостижимая нація, вся состоящая изъ контрастовъ; жестокіе на войнѣ, они лучшіе люди въ мірѣ, какъ только кончаются непріязненныя отношенія.

Моя палатка постоянно была полна турками, особенно часто ко мнѣ приходили Сатулъ-Джауръ и Эмикъ-Оглы, или же я заходилъ навѣстить ихъ.

Турецкія бани усиленно посѣщались русскими офицерами. Мы всѣ выразили удивленіе и похвалы Джауру-Гассану за его смѣлость, и онъ, казалось, былъ очень польщенъ этимъ.

Эмикъ-Оглы обратился ко мнѣ съ просьбой возвратить ему городъ по мирному соглашенію, а не отдавать султану; также онъ просилъ меня, что если мы возьмемъ Рущукъ, то отдать его Джауру-Гассану. Удивительно наивные правители!

Турки покупали у насъ и продавали намъ много лошадей; они также цѣнили нашихъ лошадей, какъ мы ихъ, и за большую русскую лошадь они платили все, что бы съ нихъ ни запросили.

Какъ было видно, взятіе Силистріи, гдѣ я потерялъ только 50 человѣкъ, не стоило мнѣ большого труда, но на войнѣ все счастье и удача военныхъ дѣйствій зависитъ только отъ случая [1]).

---

[1]) 1827 г. Въ прошломъ году я спасъ Валахію, а можетъ быть и армію смѣлой и самой блестящей во всей войнѣ операціей, но объ ней едва упомянули. Въ 1813 году я очень много способствовалъ одержанію побѣды подъ Лейпцигомъ въ четырехдневномъ кровопролитномъ сраженіи, гдѣ я потерялъ треть людей, бывшихъ у меня; но я едва былъ упомянутъ и очень мало награжденъ. Въ 1814 году приступъ Монмартра, не стоившій мнѣ ни потерь, ни труда, покрылъ меня славой, далъ мнѣ еще новый орденъ, и мое имя прогремѣло по всей Европѣ!

Взятіе Силистріи произвело въ Петербургѣ больше шуму, чѣмъ остальныя операціи этой войны. Крѣпость эта считалась неприступной съ тѣхъ поръ, какъ ее не удалось взять князю Багратіону и фельдмаршалу Румянцеву [1]).

Взятіе Базарджика также надѣлало много шуму. Такой счастливый и блестящій шагъ совсѣмъ отуманилъ гр. Каменскаго. Государь и военный министръ Барклай написали ему очень лестныя письма и послали орденъ св. Владиміра 1-й степени. Я же получилъ Александровскую ленту. Мои адъютанты, посланные въ Петербургъ съ реляціей о взятіи Силистріи и со знаменами [2]), получили ордена св. Владиміра, а одинъ изъ нихъ даже былъ произведенъ въ чинъ маіора; генералъ-маіоры получили Анну 1-й степени. Въ общемъ очень много офицеровъ были награждены орденами.

Я долженъ былъ быть благодаренъ гр. Каменскому за то, что онъ поручилъ мнѣ осаду Силистріи; этимъ внимательнымъ и деликатнымъ поступкомъ онъ доставилъ мнѣ всю славу взятія города, хотя онъ легко могъ бы принять ее на себя, тѣмъ болѣе, что онъ присутствовалъ тамъ самъ. Выразивъ ему свою благодарность, я предложилъ отправить меня вмѣстѣ съ 10.000 ч. въ Рущукъ, подъ начальство генерала Засса (который былъ моложе меня); этимъ усиленіемъ я могъ способствовать взятію города, чего одинъ Зассъ никакъ не могъ сдѣлать съ своимъ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ.

Боснякъ-Ага, защищающій этотъ городъ съ 22.000 ч. войскъ и вооруженныхъ жителей, былъ совершенно другой человѣкъ, нежели Эмикъ-Оглы.

Я уже сказалъ, что Гартингъ непремѣнно долженъ былъ находиться подъ начальствомъ генерала, который бы руководилъ инженерными операціями, а Зассъ, несмотря на всѣ свои качества хорошаго офицера, не особенно былъ свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, которое я изучалъ спеціально.

Графъ Каменскій хотѣлъ соблюсти при этомъ всѣ права моего стар-

---

[1]) Фельдмаршалъ Румянцевъ былъ даже отбитъ и перенесъ много опасностей, когда былъ вынужденъ быстро снять осаду.

[2]) У турокъ ихъ безчисленное количество, и они не придаютъ имъ особеннаго значенія; отряды въ 100 человѣкъ уже имѣютъ свой флагъ, а часто даже имъ владѣютъ и совсѣмъ маленькія части въ 10 человѣкъ. Я видѣлъ болѣе 150 флаговъ, выброшенныхъ изъ города на валы, но большая часть ихъ была разорвана или употреблена турками же на кушаки. Когда же я потребовалъ у нихъ эти флаги, то получилъ только 40 штукъ и то, какъ я узналъ послѣ, Эмикъ-Оглы, боясь, чтобы я не разсердился, приказалъ сдѣлать ночью 20 совершенно новыхъ флаговъ.

шинства, но я отвѣтилъ ему, что я нисколько не стою за свое старшинство, а только желаю быть полезнымъ и соглашаюсь служить подъ начальствомъ Засса, или командовать вспомогательнымъ корпусомъ для содѣйствія ему; наконецъ, я сказалъ ему, что я отвѣчаю за взятіе города въ три недѣли, если только онъ соберетъ у стѣнъ его 22.000 человѣкъ и всю осадную артиллерію; въ противномъ же случаѣ я его предупредилъ, что Зассъ, имѣя только свои войска, не можетъ взять города.

Графъ поблагодарилъ меня, но на сдѣланное мною ему предложеніе не согласился и сказалъ, что я ему нуженъ въ другомъ мѣстѣ, а что здѣсь долженъ былъ дѣйствовать Зассъ и одинъ взять Рущукъ, какъ я взялъ Силистрію. Однако, онъ не взялъ его, и гр. Каменскому впослѣдствіи пришлось очень раскаяться, что онъ не послѣдовалъ моимъ совѣтамъ, а три мѣсяца спустя я все-таки былъ назначенъ начальникомъ осады послѣ неудачнаго приступа, который онъ самъ произвелъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ при всѣхъ и сказалъ, что очень сожалѣетъ, что не согласился тогда на мое благородное предложеніе. Такимъ образомъ, онъ сообщилъ о немъ всей арміи, такъ какъ я не говорилъ объ этомъ никому.

1 іюня, графъ Каменскій вмѣстѣ съ корпусами: Эссена, Левиса и Раевскаго, двинулся къ Шумлѣ. Основываясь на томъ, что онъ говорилъ мнѣ раньше, я могъ предполагать, что онъ возьметъ и меня съ собой, но каково же было мое удивленіе, когда я получилъ приказаніе отправить въ Шумлу генераловъ Попандопуло и князя Вяземскаго съ Колыванскимъ и Воронежскимъ полками, пятью эскадронами Кинбурнскихъ драгунъ и пятью полками казаковъ Платова, а самому, со всѣми остальными полками, оставаться до тѣхъ поръ, пока всѣ турки не уйдутъ изъ Силистріи. У меня еще оставалось 8.000 человѣкъ, т. е. больше половины всего корпуса и вполнѣ достаточно для выполненія моей задачи. Казалось, графъ Каменскій опасался, какъ бы турки не прогнали меня изъ Силистріи, но онъ ихъ слишкомъ мало зналъ. Во-первыхъ, они всегда свято держатъ данное слово, а во-вторыхъ, разъ 50.000 русскихъ уже двигаются въ Болгаріи, какъ можно предполагать, что въ такое время Эмикъ-Оглы рискнулъ бы на такую безчестную измѣну, за которую онъ былъ бы очень скоро и очень строго наказанъ? Это была еще одна новая ошибка со стороны гр. Каменскаго. Я былъ бы болѣе полезенъ въ Рущукѣ, чѣмъ въ Шумлѣ, и онъ мнѣ говорилъ потомъ, что ему пришлось сожалѣть, что онъ не взялъ меня съ собой. Мои 8.000 человѣкъ не могли значительно усилить войска для наступленія на Шумлу. Но такъ какъ

все это случилось иначе, то я долженъ былъ слушаться и исполнять приказанія. Въ этихъ переговорахъ передъ Шумлой было потеряно 16 дней, и никакія похвалы и любезности, посылаемыя мнѣ изъ Бухареста, а также и личные визиты не могли успокоить меня въ потерѣ столь дорогого времени.

Наконецъ, 15-го іюня, я послалъ генералу Зассу Охотскій полкъ, 27-й егерскій, 12 двѣнадцати фунтовыхъ пушекъ, всю осадную артиллерію и флотилію, а самъ, получивъ съ большими затрудненіями отъ Валашскаго Дивана крестьянскія подводы, отправился вмѣстѣ съ Эмикъ-Оглы въ наиболѣе населенную часть Силистріи.

Передъ моимъ отъѣздомъ, Гирсовскій мостъ былъ перенесенъ къ Силистріи; я устроилъ въ этомъ городѣ госпиталь и нѣсколько магазиновъ и оставилъ тамъ гарнизономъ 3 резервныхъ баталіона и сотню казаковъ, для конвоированія тѣхъ послѣднихъ силистрійскихъ турокъ, которые ожидали своихъ повозокъ, собранныхъ только много времени спустя.

Такимъ образомъ, мнѣ выпало на долю не воевать, а сопровождать турокъ изъ Силистріи. Мое движеніе было очень медленно. Можно себѣ представить, сколько затрудненій причиняли мнѣ эти 2.000 челов. турокъ обоего пола и всевозможнаго возраста, а также и ихъ 3.000 повозокъ, изъ которыхъ почти половина поломались въ дорогѣ. Наконецъ [1]) 23-го іюня, я соединился съ графомъ Каменскимъ. Эмикъ-Оглы получилъ отъ него приказаніе собрать и привести съ собой всѣхъ жителей изъ принадлежащихъ ему селеній, а также изъ селеній Джаура Гассана [2]).

---

[1]) На половинѣ дороги съ нами произошло полу-комичное, полу-трагичное происшествіе. Жены Эмикъ-Оглы, путешествовавшія вмѣстѣ съ нимъ, ѣхали въ ящикахъ, выкрашенныхъ въ красную краску съ позолотой и поставленныхъ на колеса. (Турки называютъ это экипажемъ). Эти ящики, или вѣрнѣе сундуки, были герметически закрыты, и эти несчастныя женщины должны были терпѣть невыносимыя мученія отъ ужасной жары и недостатка воздуха. Повозки были запряжены, буйволами, также какъ и люди, страдавшими отъ жары. Какъ только эти животныя, по дорогѣ, встрѣчали воду, онѣ тотчасъ же мчались къ ней и ложились, тогда уже ничто не могло заставить ихъ двинуться. Проѣзжая мимо довольно большого озера, мы вдругъ увидали, какъ буйволы ринулись къ водѣ, увлекая за собой весь гаремъ. Начались отчаянные стоны, крики, но тѣмъ не менѣе ни одна изъ этихъ заключенныхъ не подумала выйти изъ своей тюрьмы (таковъ законъ ихъ страны, религіи и воспитанія). Въ такомъ положеніи онѣ оставались всю ночь, пока, наконецъ, голодъ не заставилъ буйволовъ на утро вылѣзти изъ озера. Многія изъ этихъ дамъ даже заболѣли отъ страха и жары.

[2]) Эти деревни были расположены въ одной изъ турецкихъ провинцій, которая считалась принадлежащей султану, и жители ихъ должны были повиноваться этимъ двумъ мятежникамъ.

Всѣхъ жителей явилось такое множество, что небольшое количество конвойныхъ солдатъ, которое было у меня, среди этой вооруженной турецкой толпы казались русскими плѣнниками, сопровождаемыми турками, а не наоборотъ. Такъ что, когда мы прибыли въ лагерь гр. Каменскаго, Эмикъ-Оглы, входя со мной къ нему въ палатку, сказалъ: „это не генералъ привелъ меня сюда, а я привелъ его". И онъ былъ правъ, потому что, если бы онъ захотѣлъ, онъ имѣлъ полную возможность увезти меня въ Константинополь. Я сейчасъ же отправилъ въ Шумлу всѣхъ турокъ, желавшихъ идти туда (новое заблужденіе гр. Каменскаго), а остальные послѣдовали за Эмикъ-Оглы въ Джумаю и Османъ-Базаръ на Балканы, за 30 и 60 верстъ отъ Шумлы, по Тырновской дорогѣ [1]). Эмикъ-Оглы возвратилъ мнѣ довольно аккуратно валашскія подводы, только сорокъ изъ нихъ были потеряны, а также не оказалось нѣсколькихъ погонщиковъ и быковъ. Мы никакъ не могли узнать, добровольно ли остались эти повозки у турокъ [2]), или онѣ были захвачены, такъ называемыми, разбойниками. Мы скоро увидимъ, что такое были эти разбойники. Сатулъ-Оглы съ своими артиллеристами былъ отправленъ въ Рущукъ водою. Я написалъ тогда генералу Зассу, чтобы онъ не пускалъ ихъ войти въ городъ, и если онъ не можетъ или не смѣетъ употребить въ дѣло силу, то придумалъ бы какой-нибудь благовидный предлогъ, который избавилъ бы его отъ этого нашествія. Но Зассъ не посмѣлъ ослушаться приказаній гр. Каменскаго, и потомъ ему самому, также какъ и графу, пришлось сожалѣть объ этомъ. Эти артиллеристы составили главную силу въ защитѣ Рущука.

---

[1]) Эмикъ-Оглы не хотѣлъ совсѣмъ ѣхать въ Шумлу, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ мнѣ сообщилъ, великій визирь былъ его личнымъ врагомъ и, разъ зимой онъ прислалъ къ Эмикъ-Оглы своего врача подъ предлогомъ вылѣчить его отъ болѣзни, но будто на самомъ дѣлѣ этотъ врачъ имѣлъ приказаніе отъ визиря отравить его, въ чемъ признался ему самъ врачъ. Все это вполнѣ правдоподобно. Онъ обѣщалъ мнѣ сообщать обо всемъ происходящемъ въ его странѣ и дѣйствительно сдержалъ свое слово. Какое управленіе! Какая армія! Безпрестанно является случай, заставляющій меня повторять все тѣ же слова.

[2]) Это очень возможно, такъ какъ имъ приходится переносить гораздо меньше притѣсненій отъ турокъ, нежели отъ бояръ и особенно отъ исправниковъ.

Взятіе Базарджика.

Теперь я перейду къ описанію всего происшедшаго въ Базарджикѣ, Шумлѣ и Варнѣ. Гр. Николай Каменскій отдалъ положительное приказаніе своему брату Сергѣю взять Базарджикъ 21 мая. Онъ назначилъ ему 32 баталіона, 35 эскадроновъ, 4 полка казаковъ и 84 пушки; въ общемъ это составило больше 20.000 человѣкъ; почти маленькая армія. Никогда фельдмаршалъ Румянцевъ не имѣлъ такой многочисленной арміи, соединенной на одномъ пунктѣ.

Отъ Карасу до Бетискина почти 30 верстъ, а отъ Бетискина до Базарджика болѣе 50. Этотъ городъ довольно большой и красивый; онъ построенъ въ долинѣ и окруженъ холмами. Какъ всѣ турецкіе города, онъ также окруженъ землянымъ валомъ со рвомъ. Не понимаю, какъ нерадѣніе и небрежность Пегливана могли дойти до такой степени, чтобы не исправить во многихъ мѣстахъ простреленные валы и не очистить рвовъ, вообще не глубокихъ и [1]) частью засыпанныхъ. По всей вѣроятности, Пегливанъ не предполагалъ здѣсь нападенія (чего, впрочемъ, онъ долженъ былъ ожидать) или онъ не хотѣлъ больше оставаться въ городѣ. Однако, если бы онъ велѣлъ углубить рвы подобно тому, какъ въ Рущукѣ и Силистріи (что было очень легко сдѣлать), а валы поднять, то городъ не былъ бы взятъ приступомъ, а можетъ не было бы и самаго приступа. Онъ не хотѣлъ проводить зиму въ Шумлѣ, такъ какъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ великимъ визиремъ и сомнѣвался въ возможности получить желаемый орденъ, на который онъ имѣлъ право по своимъ заслугамъ. Онъ избралъ себѣ мѣстожительство въ Базарджикѣ, имѣя съ собой около 6.000 человѣкъ. Большая часть этого войска состояла изъ разбойниковъ и негодяевъ, съ давнихъ поръ связанныхъ съ его судьбой и находившихся вмѣстѣ съ нимъ еще въ Измаилѣ. Въ городѣ не оставалось больше ни одного жителя. Базарджикъ, какъ это и видно, не былъ крѣпостью, а только скверной деревушкой, наскоро укрѣпленной; на его валахъ было только 18 плохихъ пушекъ разнаго калибра.

20-го мая гр. Сергѣй Каменскій, къ которому генералъ Марковъ съ своимъ корпусомъ присоединился наканунѣ, двинулся въ трехъ колоннахъ изъ Бетискина и къ утру, 21-го мая, былъ уже у города. Генералы Марковъ и Войновъ совѣтывали ему въ тотъ

---

[1]) Генералъ Новакъ увѣрялъ меня, что онъ переѣхалъ этотъ ровъ съ запряженными орудіями.

же вечеръ начать атаку, но онъ не согласился на это, надѣясь, что если онъ выставитъ передъ Пегливаномъ всѣ свои войска, то тотъ такъ испугается, что тотчасъ же покинетъ городъ. Вмѣсто того, чтобы окружить городъ, графъ С. Каменскій занялъ возвышенности въ трехъ верстахъ по Карасуйской дорогѣ, по которой онъ и прибылъ, развернулъ въ длиннѣйшую линію свою армію и маневрировалъ такимъ образомъ въ продолженіе двухъ часовъ, оставивъ совершенно свободными Шумлинскую, Варнскую и Разградскую дороги. Но къ его большому огорченію, Пегливанъ не удалился изъ города, а напротивъ даже выдвинулъ свою кавалерію, которая весь день и билась съ авангардомъ генерала Войнова. Вечеромъ, графъ Сергѣй, очень недовольный и опечаленный неосторожностью и упорствомъ Пегливана, все еще не рѣшался отдавать приказанія на завтрашній день. Между тѣмъ, Марковъ и Войновъ соединились, что давало возможность или помочь графу Сергѣю или же, если онъ не согласится на приступъ, то взять городъ самимъ.

22-го мая мы окружили городъ; Марковъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ, былъ посланъ на правый, и ему стоило не мало трудовъ провести свою артиллерію черезъ долины. Сначала онъ направился къ Варнской дорогѣ, гдѣ оставилъ батарею изъ 18 орудій, въ 480 саженяхъ отъ города. Потомъ онъ двинулся съ четырьмя баталіонами, подъ командой генерала Репнинскаго, правѣе, за Варнскую дорогу, чтобы ближе подойти къ Войнову, который, въ то же время, направляясь влѣво, находился между дорогами въ Харасанъ, Мангалы и Коварну.

Князь Долгорукій, слѣдовавшій за Марковымъ, двигался тоже вправо и остановился на Шумлинской дорогѣ. Графъ Сергѣй оставался съ отрядомъ генерала Цецирова на возвышенностяхъ по Харасанской дорогѣ; онъ былъ только спокойнымъ зрителемъ приступа и, не принимая въ немъ никакого участія, ограничился только, какъ Моисей, поднятіемъ рукъ къ небу, для моленія объ успѣхѣ другихъ.

Въ 2 часа пополудни городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Пегливанъ не только не вышелъ изъ города, но даже не пошевельнулся, въ своей комнатѣ, съ своего дивана.

Хотя турокъ и упрекаютъ вообще въ равнодушіи и лѣни, но апатичность, выказанная Пегливаномъ въ данномъ случаѣ, была уже слишкомъ черезмѣрна, также какъ и его покорность судьбѣ и вѣра въ предопредѣленіе. Правда, что въ это время онъ былъ боленъ, но съ другой стороны возможно, что увѣренный, что одно

его имя только можетъ наводить страхъ, воображалъ, что русскіе не осмѣлятся на нападеніе, а только ограничатся одной блокадой, или, если уже они рѣшатся на приступъ, то по своему обыкновенію начнутъ его только на разсвѣтѣ, а ночью онъ можетъ легко спастись. Поэтому, онъ приказалъ только стрѣлять въ четыре русскіе отряда, но огонь нашей артиллеріи былъ много сильнѣе его.

Князь Долгорукій, остановившись на Шумлинской дорогѣ, слишкомъ далеко выставилъ впередъ стрѣлковъ 32-го егерскаго полка; этотъ прекрасный полкъ, состоящій весь изъ старыхъ русскихъ солдатъ, никогда не видалъ огня и мечталъ отличиться. Онъ разсѣялся по кладбищу, а Ливонскій драгунскій полкъ поддержалъ его, и оба потеряли совершенно безполезно много людей.

Графъ Сергѣй, страшившійся Пегливана гораздо больше, чѣмъ тотъ его, не хотѣлъ и слышать о приступѣ. Онъ приказалъ Войнову не двигаться до тѣхъ поръ, пока не двинется Марковъ, а Маркову—не начинать движенія, пока онъ не дастъ ему приказанія, рѣшивъ, въ то же время, не давать совсѣмъ этого приказанія. Но Марковъ не сталъ его дожидаться; посовѣтовавшись еще разъ съ Войновымъ, они рѣшили разгромить городъ. Марковъ послалъ сказать Долгорукову, чтобъ тотъ атаковалъ, какъ только онъ самъ начнетъ атаку, а главное, чтобы онъ прекратилъ безполезную и безразсудную перестрѣлку, длившуюся уже очень долго.

Наша артиллерія разнесла всѣ валы, на которыхъ турки боялись показаться. Московскій гренадерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Шатилова, первый кинулся на нихъ; генералъ Репнинскій также двинулся съ своимъ Новгородскимъ полкомъ, храбро бросившимся на валы. Но турки тѣмъ не менѣе защищались противъ этихъ двухъ полковъ гораздо упорнѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ, что вынудило Репнинскаго выдвинуть свой резервъ, состоящій изъ Камчатскаго и Куринскаго полковъ. Войновъ имѣлъ передъ собой 3 редута: одинъ передъ правымъ флангомъ, на который гр. Сергѣй и велѣлъ направить сильный и совершенно безполезный огонь и два—передъ лѣвымъ, которые были снесены полковниками Сенъ-При, Бальмонтомъ и Воронцовымъ съ Нарвскимъ, 6-мъ и 11-мъ егерскими полками. Эти три полка ворвались въ городъ вмѣстѣ съ турками, выгнанными изъ редутовъ. Полковникъ Паскевичъ, находившійся въ резервѣ съ Витебскимъ полкомъ, видя, что редутъ уже разрушенъ, бросился бѣгомъ въ городъ и вошелъ

туда вмѣстѣ съ прочими полками, и городъ былъ взятъ послѣ страшной рѣзни на улицахъ [1]).

Тѣмъ ни менѣе, ни гр. Каменскій, ни Цецировъ, ни Долгорукій еще не двигались, и Марковъ разсерженный этой медлительностью, послалъ сказать Долгорукову, что если онъ не начнетъ атаки, то заставитъ смотрѣть на себя какъ на труса.

Долгорукій и былъ имъ въ дѣйствительности, но такъ какъ никто не хочетъ явно обладать этимъ качествомъ, то онъ наконецъ двинулся и вошелъ въ городъ съ Днѣпровскимъ, Тамбовскимъ и 28-мъ егерскимъ полками.

Неподвижный графъ Сергѣй одинъ оставался еще на своемъ мѣстѣ, окруживъ себя всѣми войсками Цецирова. Герой нашъ, все еще трепетавшій какъ за побѣду, такъ и за себя лично, все же разсчитывалъ обрѣсти лавры славы, хотя и находился вдалекѣ. Полковники: Гельфрейхъ—Фанагорійскаго полка, Радецкій—Козловскаго и даже генералы Колюбакинъ и Цецировъ просили его позволить имъ двинуться, но онъ ничего имъ не отвѣчалъ, покуда, наконецъ, гвардеецъ Палицынъ, предложилъ для спасенія отечества самому остаться охранять драгоцѣнную особу главнокомандующаго. Графъ принялъ это предложеніе и, оставивъ около себя этого храбреца, разрѣшилъ остальнымъ двинуться на городъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что будто они видѣли, какъ Козловскій, Смоленскій и Фанагорійскій полки вошли въ городъ церемоніальнымъ маршемъ. На самомъ же дѣлѣ они вошли туда, не

---

[1]) Молодой Корсаковъ, незаконный сынъ генерала-аншефа Александра Римскаго-Корсакова, офицеръ Семеновскаго полка и волонтеръ въ арміи, отличился ужаснымъ поступкомъ. Послѣ взятія города, въ которомъ онъ участвовалъ, онъ увидалъ нѣсколькихъ казаковъ, ведущихъ плѣнныхъ турокъ къ графу Каменскому; подскочивъ къ одному несчастному и ударомъ сабли отсѣкъ ему голову; тотчасъ послѣ этого, онъ отправился къ генералъ-аншефу и показывая ему окровавленную саблю, хвастался, что онъ одинъ изъ первыхъ взобрался на валы вмѣстѣ съ Московскимъ полкомъ. Офицеры этого полка, отличившіеся необычайной храбростью и честностью, возмущенные этой наглостью, рѣшили отомстить ему, предавъ гласности его некрасивый поступокъ. Во время нашего пребыванія въ Журжевѣ, этотъ самый Корсаковъ былъ битъ кнутомъ однимъ врачемъ—хирургомъ, изъ моей дивизіи, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки добылъ себѣ Георгіевскій крестъ за Базарджикъ, и я имѣлъ несчастье видѣть его ежедневно обѣдающимъ у генерала Кутузова, очень равнодушнаго ко всѣмъ этимъ вещамъ.

1827. Этотъ Корсаковъ былъ убитъ въ кампаніи 1812 года противъ французовъ.

встрѣтя никакого сопротивленія и потеряли нѣсколько человѣкъ только при столкновеніяхъ во время уличнаго грабежа.

Въ одной мечети попробовали было оказать нѣкоторое сопротивленіе, но четыре или пять залповъ заставили защитниковъ покинуть ее.

Городъ былъ взятъ; часть турецкой конницы подъ начальствомъ Гуссейна-Ага, пріемнаго сына Пегливана [1]), спаслась по Шумлинской дорогѣ; остальная же конница напрасно искала возможности спастись по другимъ дорогамъ.

Ольвіопольскіе гусары, Ливонскіе драгуны и всѣ казаки подъ командой генерала Ансельма и полковниковъ Дехтерева, Козловскаго, Рыкова, Гиснева и Андріанова, послѣ нѣкотораго преслѣдованія, догнали ихъ и очень многихъ перебили и только 500-мъ турецкимъ всадникамъ съ трудомъ удалось добраться до Шумлы и Козлуджи; остальная часть гарнизона была перебита и взята въ плѣнъ.

Между тѣмъ, нѣкоторые бѣглецы собрались въ домѣ Пегливана и рѣшили, вмѣстѣ съ его прислугой, вооружиться и защищаться до послѣдней возможности. Домъ его былъ окруженъ каменной стѣной, которая способствовала защитникамъ открыть довольно сильный огонь. Первыми противъ нихъ появились нѣсколько гренадеръ и солдатъ Куринскаго полка.

Поручикъ Московскаго полка Рихтеръ, очень храбрый и умный офицеръ, видя, что каменную стѣну не пробить пулями, приказалъ бросать съ крыши сосѣдняго дома картечь и гранаты, которыя, къ счастью, нашлись у него въ зарядномъ ящикѣ. Турки, испугавшись—сдались; тогда Рихтеръ вошелъ въ комнату Пегливана и засталъ его курящимъ трубку съ своимъ постояннымъ важнымъ видомъ и, такъ свойственной магометанамъ, покорностью. Въ домѣ были повсюду поставлены часовые, и поэтому ничего изъ вещей не было разграблено.

За то во всѣхъ остальныхъ частяхъ города происходилъ страшнѣйшій грабежъ, и добыча дѣйствительно была громадная. Кромѣ вещей, денегъ и оружія было вывезено три подводы, наполненныя золотомъ. Генерала Цецирова обвиняли въ томъ, что будто онъ первый наткнулся на золото, но ничего объ этомъ никому не доложилъ (это впрочемъ очень на него похоже).

---

[1]) Это тотъ самый Гуссейнъ-Ага, о которомъ я уже говорилъ въ журналѣ кампаніи 1807 года; онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Баттинскомъ сраженіи и затѣмъ умеръ въ Каменецѣ, въ Польшѣ.

Болѣе 3.000 турокъ погибло во время приступа и бѣгства конницы. Кромѣ Пегливана былъ также взятъ въ плѣнъ двухбунчужный Паша-Измаилъ [1]) и около 1.700 разбойниковъ; ихъ можно такъ называть, такъ какъ весь гарнизонъ состоялъ только изъ разныхъ воровскихъ шаекъ, которыя въ продолженіе 10 лѣтъ скитались по Болгаріи, опустошая ее. Было взято 34 знамени и 18 пушекъ. Наши потери заключались въ 700 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Московскій полкъ, отличившійся въ этомъ дѣлѣ, пострадалъ больше всѣхъ.

Этому поразительному успѣху мы исключительно обязаны Войнову и Маркову. Первый былъ всѣми любимъ и уважаемъ, второй же не внушалъ къ себѣ этихъ чувствъ, но надо отдать ему справедливость, что въ этомъ дѣлѣ онъ велъ себя превосходно. Графъ Сергѣй, все еще неувѣренный въ успѣхѣ, вошелъ въ городъ послѣднимъ, вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ гвардіи Палицынымъ и Орловскимъ полкомъ.

Взятіе этого, едва укрѣплённаго и плохо защищаемаго мѣстечка надѣлало много шума въ Россіи и въ Европѣ и заставило о себѣ говорить почти такъ же, какъ взятіе Измаила въ 1790 году; хотя, конечно, между этими двумя дѣйствіями не было ничего общаго.

Офицеры получили золотыя медали, а солдаты серебряныя. Фанагорійскій полкъ,—полкъ графа Сергѣя, въ награду за произведенный имъ штурмъ, какъ на парадѣ, получилъ Георгіевское знамя. Войновъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и вся армія радовалась его повышенію. Цециров и Долгорукій тоже были представлены къ производству, но, несмотря на свое старшинство, произведены не были, чему также обрадовалась армія. Но вмѣсто повышенія въ чинѣ имъ былъ пожалованъ орденъ Георгія 3-й степени.

---

[1]) Мы уже знаемъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Кюстенджи, въ 1809 году; его выпустили только вслѣдствіе его обѣщанія никогда не носить оружія. Теперь ему объ этомъ напомнили, объявивъ, чего онъ заслуживаетъ за свой поступокъ. Онъ отвѣчалъ, что съ нимъ могутъ дѣлать, что хотятъ, но что иначе онъ поступить не могъ, такъ какъ турки, не зная этихъ военныхъ законовъ, все равно убили бы его, если бы онъ отказался служить; а онъ предпочиталъ рискованное несчастье—неизбѣжному. Графъ Николай Каменскій простилъ его, и хорошо сдѣлалъ.

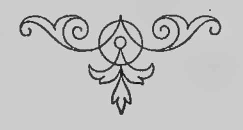
Этотъ паша былъ очень остроумный и веселый. Однажды встрѣтившись у графа Каменскаго, куда его отвели, съ молодой полькой, очень кокетливой и свободной, которая, обратившись къ нему, спросила, сколько у него женъ? Паша отвѣчалъ: «А у васъ, сударыня, сколько мужей?»

Полковники графъ Сенъ-При, графъ Воронцовъ, князь Хованскій, Мещериновъ, Башиловъ, Дехтеревъ и Гельфрейхъ — были произведены въ генералъ-маіоры. Генералъ Марковъ получилъ Александровскую ленту, а остальные генералы—ленты и кресты, а графъ Сергѣй Каменскій былъ сдѣланъ генералъ-аншефомъ.

Если бы графъ Сергѣй съумѣлъ бы воспользоваться этимъ успѣхомъ и тѣмъ ужасомъ, который всегда овладѣваетъ турками послѣ пораженія, и если бы онъ, въ день приступа на Базарджикъ, двинулся на Шумлу, то возможно, что великій визирь и бѣжалъ бы оттуда. У него самого еще не было собрано большихъ силъ, а про нашу армію онъ могъ думать, что она была тамъ вся; по крайней мѣрѣ такъ ему передавали бѣглецы изъ Базарджика.

Сообщ. Е. Каменскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).





По поводу статьи: „Воспоминанія К. П. Каблукова“.

Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ были напечатаны „Воспоминанія Каблукова“, писанныя мною съ его, Каблукова, словъ.

Въ заключительныхъ строкахъ этой статьи упомянуто о печальной судьбѣ Софіи Андреевны Гулакъ-Артемовской, сосланной въ Сибирь по громкому дѣлу съ Пастуховымъ.

По имѣющимся нынѣ у меня, изъ непосредственнаго источника, свѣдѣніямъ, не подлежащимъ сомнѣнію, Софія Андреевна Гулакъ-Артемовская, рожденная Бекетова, вдова тайнаго совѣтника, ничего общаго съ ссыльной Гулакъ-Артемовской, рожденной Рудневой, не имѣетъ.

Очевидно, что я былъ введенъ въ заблужденіе покойнымъ К. П. Каблуковымъ, такъ какъ я не имѣю чести быть знакомымъ лично съ С. А. Гулакъ-Артемовской, которой, считаю священнымъ долгомъ, принести мои глубочайшія, сердечныя извиненія въ моей невольной ошибкѣ, тѣмъ болѣе, что клеветать на нее въ печати я не имѣю никакихъ основаній.

Георгій Миллеръ.



Опечатка: въ сентябрской книгѣ (т. XXXIX) статья: «Къ біографіи М. Н. Муравьева»—на обертке и въ книгѣ, страница 550, напечатана подпись Сообщилъ А. Я. Бирюковъ, а слѣдуетъ читать Сообщилъ Я. А. Бирюковъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

1—3

Одинъ изъ японцевъ, участникъ самой ночной атаки, разсказывалъ: Русскій полкъ, занимавшій холмъ, былъ прекрасной частью, съ установленной репутаціей; онъ выказалъ много выдержки, не открывая огня, пока мы не подползли совсѣмъ близко. Это былъ полкъ Александра III.

По свидѣтельству англійскаго генерала Гамильтона, состоявшаго при японской арміи и указавшаго приведенную выше численность японцевъ,—эта сопка была занята „послѣ кровопролитнаго и отчаяннаго боя“ и что при этой атакѣ японцы потеряли убитыми 1.000 человѣкъ.

Съ своей стороны къ этому описанію мы можемъ прибавить, о чемъ по своей скромности забылъ упомянуть И. Побѣдоносцевъ, что за этотъ эпическій бой Новочеркасскій Императора Александра III полкъ не получилъ никакой боевой награды.

Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи. I—III ч. СПБ. 1907. Н. Епанчинъ.

Со временъ Мольтке, служившаго по найму у султана въ началѣ своей военной карьеры, отлично знавшаго Турцію и описавшаго войну 1829, не появлялось въ печати болѣе прекраснаго, обстоятельнаго, систематическаго и полнаго изложенія войны этой.

Авторъ пользовался многими цѣнными источниками, а также бумагами покойнаго редактора „Русской Старины“ Н. К. Шильдера, памяти котораго и посвященъ настоящій трудъ. Въ части I изложена подготовка къ походу и очеркъ похода 1828 года; въ части II изложена кампанія 1829 г. до перехода черезъ Балканы и III переходъ черезъ Балканы. Съ особымъ искусствомъ изложена политическая подготовка кампаніи и состояніе нашей арміи передъ войной, характеристика начальствующихъ лицъ. Также искусно ведется изложеніе военныхъ событій и приводятся соотвѣтствующіе выводы.

Въ концѣ книги изложены выводы автора и сравненіе войны 1829 г. съ войной 1877—78 гг. Въ заключеніе указаны особенности нашихъ войнъ на Балк. полуостровѣ, что будетъ крайне поучительно для войны будущаго на этомъ театрѣ войны.

Сочиненіе это удостоено Императорскою Академіею Наукъ Большой Уваровской преміи.

Мих. Соколовскій. Наша военная старина. 1908 г.

Книга эта въ интересныхъ очеркахъ излагаетъ въ популярной формѣ событія военной старины, при чемъ многія изъ нихъ поучительны и въ настоящее время.

Н. Фалѣевъ. Дуэли. Разсказы. Издалъ В. Березовскій. С.-Петербургъ. 1908 г. 575 стр. Ц. 3 руб.

Авторъ повѣствованія о 30 дуэляхъ не скрываетъ того, что его очерки—разсказы à thèse, и даже предупреждаетъ объ этомъ читателя. Беллетристическая форма выбрана имъ лишь какъ средство популяризаціи архивныхъ изслѣдованій, послужившихъ ему фабулой. Трудная задача придать литературную и удобочитаемую форму сухимъ дѣламъ разрѣшена, въ предѣлахъ возможнаго, удачно, хотя, надо сознаться, что прочесть подъ рядъ тридцать описаній одного и того же характера задача не легкая, несмотря на прекрасный языкъ, множество любопытныхъ бытовыхъ картинъ и умѣлую обработку подробностей. Впрочемъ, можетъ быть, этимъ только облегчается достиженіе цѣли автора, какъ публициста. Впечатлѣніе получается совершенно опредѣленное.

Издана книга очень хорошо.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1909 г.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. [illegible] Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, [illegible] Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. *По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ*, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**. Тип. «Надежда». Почтамтская, 13.

